

Данный текст представляет собой черновой вариант одной из глав книги «Как становятся профессорами: Сравнительное исследование академических карьер в пяти странах» (рабочее название) за авторством Екатерины Губы, Татьяны Зименковой, Марии Сафоновой, Михаила Соколова и Софьи Чуйкиной. Все авторы в равной мере внесли свой вклад в это исследование; слабые стороны конкретного текста, однако, целиком и полностью являются ответственностью Михаила Соколова.

Авторы будут благодарны за замечания и критику, отправленную по адресу msokolov@eu.spb.ru

РЫНКИ ТРУДА И КАРЬЕРНАЯ ДИНАМИКА В ТРЕХ РОССИЙСКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ МИРЬХ

Теоретическое обрамление: организация как коалиционная игра

Институциональная история российского академического мира

Российская империя: уроки «идола истоков»

Основные измерения академической политики

Господство бюрократических классификаций

Академическая идентичность и культуры подозрения

Советская история

Без Государя

Возвращение Левиафана

Сетевая история российской социологии

Исторический очерк

Сила русских сетей

Сетевая история петербургской социологии с некоторыми выводами

Культуры и обычаи социологических племен

Государственные университеты и карьеры в них

Институт РАН: курс выживания в мире бюрократической интриги

Рождение карго-университета и другие Вест-сайдские истории

Вместо заключения

Список источников

Когда мы сели писать эту книгу, то ставили перед собой две основные цели. С одной стороны, мы решили, что хотим описать устройство карьер в разных национальных социологиях, какими они видятся глазами взбирающегося по карьерной лестнице молодого ученого. С другой стороны, мы стремились понять, почему сама эта лестница устроена так, как устроена. Эти цели, в действительности, скорее дополняют, чем противоречат друг другу. Взгляд на рынок труда с обеих сторон позволяет не только

перечислить задачи, которые молодой ученый должен решать, но и рассказать, почему они возникают, и как подходить к их решению лучше всего. Наш полный ответ на вопросы «как» и «почему» будет дан в Заключение; в этой главе мы опишем основные паттерны российских академических карьер. Тем не менее, мы начнем здесь с изложения нашего общего видения конструкции академического мира, отчасти предваряющее Заключение.

Как читатель мог понять из предыдущих глав, в нашем понимании академический мир, прежде всего, – это совокупность групп и индивидов, пытающихся использовать институты высшего образования и науки для каких-то своих целей. Мы видим среди этих действующих лиц государство, пытающееся стимулировать экономический рост, создать приглядный международный фасад и, временами, обеспечить большее социальное равенство (Франция, Германия и Британия дают нам примеры всего этого). Мы встречаем среди них студентов, которые хотели бы специальность, по которой можно найти работу, приобщиться к эксклюзивному социальному кругу или просто прожить несколько лет на стипендию. Мы наблюдаем ученых, которые стремятся к соответствию своему идеалу «благой жизни» со всеми ее составляющими: экономической безопасностью, признанием другими их статуса морально и интеллектуально достойных субъектов, удовлетворением любопытства. Все эти люди хотят, чтобы академический мир работал определенным образом, и чтобы наш молодой ученый вписался именно в их сценарий. Их шансы добиваться желаемого определяются двумя характеристиками – ресурсами, которые они привносят и которые, при случае, могут изъять, и возможностью контролировать действия физически и социализационно удаленных других. Второй момент может быть менее понятен интуитивно, но не менее важен. Министр может хотеть, чтобы профессор заставил студентов учиться, а студенты заставили профессора учить. Он может угрожать забрать у первых стипендию, а у второго – зарплату. Но поскольку поставить в каждой аудитории по чиновнику невозможно, то ему приходится выдумывать более сложные и опосредованные методы контроля, которые, кроме того, не должны вызвать протестов у всех, кто наблюдает уже за самим министром. До определенной степени, эта задача выполнима, но продвижение контроля дальше какого-то уровня становится настолько сложным, затратным и чреватым конфликтами, что министр опускает руки. Власть, говорит нам Фуко, определяется возможностью наблюдать не менее, чем возможность угрожать; в своем роде, первая делает вторую избыточной.

Уникальность российского академического мира заключается в разнообразии условий, которые мы в нем наблюдаем. Прежде всего, это касается институциональных сред. Мы находим в нем государственные вузы, которые находятся под самым непосредственным влиянием Министерства образования и науки, с одной стороны, и студентов – с другой; Академия наук¹, наоборот, фактически изолирована от влияния со стороны студентов, и Министерство хочет от нее не совсем того же, что от вузов; исследовательские центры и университеты, расцветшие в рамках грантовой экономики, лишь слабо соприкасались со студентами и до какого-то момента вовсе не соприкасались с Минобрнауки (хотя в свое время и ощутили на себе хватку других государственных ведомств). Фактически, вернее было бы сказать – и мы будем придерживаться этого словоупотребления дальше – что мы имеем дело с разными мирами, в которых доминирующую роль играют разные группы; успешные карьеры в них, соответственно, также совершенно различны.

---

¹ В России, в отличие от других описанных нами случаев, прилагательное «академический» указывает на принадлежность к Академии наук, не к институтам высшего образования, как в случае с английским *academic*. Чтобы не создавать путаницу, здесь, как и в других главах, мы используем прилагательное «академический» (с маленькой буквы) в максимально широком значении, охватывающем всю сферу высшей учености, вне зависимости от институциональной базы. Но существительное «Академия» (с большой буквы) будет означать РАН.

В дополнение к предыдущему, внутри того, что мы прежде описывали как цельные «группы» (например, студентов или профессоров) выделяются разные культуры с совершенно разными доминирующими мотивами. Хотя между культурами и свойствами институционально-экономической базы наблюдается явное «избирательное сродство» - некоторые культуры, как мы увидим, располагают своих носителей к роли университетских профессоров, а некоторые – к роли охотников за контрактами - иногда носители культур выплескиваются за пределы органичной для них институциональной среды. Все это превращает российскую науку в целом, и социологию – в особенности – в естественную лабораторию, позволяющую изучать влияние самых разных комбинаций институтов и культур на академическое поведение.

Ниже мы проследим несколько основных направлений развития академических карьер социологов в трех перечисленных институциональных окружениях – в государственных вузах, институтах Академии наук и в разнородных негосударственных организациях, которые мы вместе объединили под названием Вест-сайд (см. далее). Перед тем, как обращаться к ним, однако, мы сделаем теоретическое отступление, которое описывает наш теоретический подход к карьерам как к процессам селекции на основании свойств, делающих индивида ценным для того или иного институционального или культурного окружения. В этой части мы рассмотрим найм как разновидность коалиционных игр, в которые индивиды и организации играют друг с другом. Кроме того, мы представим основных действующих лиц нашей драмы – с одной стороны, государственные ведомства и студентов с их устремлениями и мотивами, с другой – сети социологов, объединенные общностью политических культур.

В отличие от других глав, в этой, как увидит читатель, основным источником данных были результаты микроисторического исследования отдельной популяции ученых – социологов в Ленинграде-Петербурге в 1960-х – 2000х годах. Ниже, в выделенном цветом отступлении, приводятся описание проекта и аргументы, позволяющие нам считать петербургских коллег «российской социологией в миниатюре».

Значительная часть данных в этой главе взяты из одного исследовательского проекта, посвященного петербургским социологам, которое проводилось при участии трех авторов этой книги (Катерина Губа, Мария Сафонова, Михаил Соколов). Его замысел был навеян, с одной стороны, микроисториями, такими, как Монтайю (Ладюри, 2001[1976]) с другой – community studies, такими, как Янки-сити (Warner, 1963). Согласно замыслу проекта, в выборку должны были попасть все, кто так или иначе являлся частью профессионального сообщества петербургских социологов в 1985–2009 годы (основной этап полевого сбора информации развернулся осенью 2009 года). Очевидно, что это требование проблематично: нет никакого ясного и общепризнанного критерия по поводу того, кого можно считать социологом. Мы предполагали использовать самые широкие возможные определения, чтобы охватить всех, кто в той или иной форме заявил о своей идентификации с социологией и признании социологов своей референтной группой. В исходную выборку поэтому были включены все, кто:

(а) был на протяжении охваченного исследованием периода сотрудником хотя бы одной из примерно 20 городских организаций или подразделений организаций, в названии которых присутствовала «социология» (вузов, кафедр, институтов, фирм);

(б) публиковался в одном из городских или общенациональных профессиональных периодических изданий («Журнал социологии и социальной антропологии» (ЖССА), «Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев», «Вестник СПбГУ. Серия “Социология”», «Социологические исследования», «Социологический журнал») или в любом иноязычном издании, индексируемом в Web of Science в качестве социологического, и кто указал Ленинград/Петербург в качестве почтового адреса;

(в) состоял в одной из локальных профессиональных ассоциаций (Санкт-Петербургской Ассоциации Социологов, Русском социологическом обществе им. М.М. Ковалевского) с 1985 г.;

(г) принял участие в одном из примерно дюжины крупнейших городских и национальных социологических мероприятий в 1997-2009 годах (три всероссийских социологических конгресса, Сорокинские, Ковалевские и Голофастовские чтения, периодические мероприятия Европейского университета и ЦНСИ и т.д.).

Мы составили общий список, который, после устранения всех совпадений, включал 1280 индивидов. Эти индивиды драматически различались по тому, с какой частотой они попадали в разные списки. Чаще всего встречающиеся имена появлялись по 15–18 раз, но большая часть (точнее, 658) были зафиксированы лишь

однажды. Чтобы ограничить работу обозримым объемом, мы исключили этих людей, оставив только тех, кто имел хотя бы два появления. Таких оказалось 622 — даже меньше, чем мы ожидали (предварительная оценка была порядка 750–800 случаев). Именно эти шестьсот с небольшим человек, с точки зрения нашего исследования, и представляют собой петербургскую социологию.² Наше исследование опиралось на сочетание исторических, наукометрических и социологических методов. Мы провели:

1) Анализ документарных источников — *СИ*, материалов справочников «Кто есть кто», изданных СПАС и Обществом М.М. Ковалевского (Костюшев, 1999; Глотов, 2001; Ильина и др., 2003), персональных страниц на сайтах институтов и факультетов, программ конференций и семинаров, архивов РАН и СПбГУ и справочных изданий организаций.

2) Опрос, предназначенный для того, чтобы пополнить недостающую информацию об академических карьерах, собрать данные об интеллектуальных ориентациях, социальных сетях, источниках доходов, «пространствах внимания», системе авторитетов (в сентябре-октябре 2009 был опрошен 251 человек, удачно репрезентирующий большую совокупность по всем параметрам).

3) Неформализованные интервью с информантами, репрезентирующими типичные образцы карьер в разных сегментах сообщества. В 2009 было собрано 33 интервью, длившихся от 30 минут до 8,5 часов, затем, однако, их число постепенно выросло до примерно 60;

4) Наукометрический анализ: сплошной анализ цитирований в статьях петербургских авторов в городской периодике (ЖССА, «Телескоп», «Вестник СПбГУ») и двух общенациональных журналах с самыми большими тиражами — «Социологические исследования» и «Социологический журнал». Отдельно производился анализ цитирования петербургских авторов в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) и зарубежных индексах (SSCI).

Институциональные поверхности: академический найм как коалиционная игра

С точки зрения экономиста, любой рынок труда можно рассмотреть как процесс формирования коалиций. Индивиды формируют группы, которые производят товары и услуги, получают доходы, а затем делят их. То, что мы называем наймом, — есть присоединение к одной из таких групп. Действующие члены группы могут заблокировать доступ в нее, но не могут никого насильственно удержать в ней. С точки зрения группы, желанность индивида определяется двумя обстоятельствами: тем, насколько он увеличит прибыль этой групп, и тем, насколько велика доля, которую ему придется отдать при дележе. Чем больше связанная с его присоединением прибыль коалиции, и чем меньше требуемая им доля — тем более индивид привлекателен. Успешность карьеры ученого — в том приземленном смысле, которым мы решили ограничиться в этой книге — определяется своевременным приобретением двух категорий свойств. Первые свойства должны сделать его желанным членом всевозможных академических коалиции. Вторые должны позволить ему получить долю, соответствующую его вкладу в общее благо.³

Когда мы рассматриваем некоммерческие организации, прибыль перестает быть однозначно измеримой в денежных единицах. Как мы видели, американский департамент

² Как мы понимаем сейчас, в дизайне этого проекта было одно спорное место, о котором мы не догадывались. Мы не учитывали, что кто-то из проживающих в Петербурге социологов может находить аудиторию и черпать чувство принадлежности за счет связей с другими, нелокальными группами. Обычно это происходило с недавними мигрантами. Мы обнаружили в нашей выборке всего несколько человек, которые по нашим критериям должны были бы быть зачислены в категорию «московской» социологии, хотя жили они в Петербурге. Обратное также случалось — мы обнаружили несколько человек, которые принадлежали к петербургской, хотя жили в других городах (это часто были недавние докторанты факультета социологии СПбГУ). Вдумавшись, мы должны поразиться не тому, что такие случаи происходили, а тому, как редко они происходили (не более пяти человек среди наших 622). Подсчитай кто-то таким образом состав нью-йоркской социологии по критериям «выступления на конференциях в Нью-Йорке» и «публикации в журналах, базирующихся в Нью-Йорке» — и зачислена оказалась бы, пожалуй, половина всех американских социологов, причем пересечение с множеством физически живущих в Нью-Йорке было бы близким к случайному. В итоге, мы были вынуждены следовать изначально принятому стратегическому решению, хотя оно и накладывало ограничения, о которых мы не подозревали

³ Интеллектуальную карьеру также можно рассматривать в этих терминах и, с определенными оговорками, акторно-сетевая теория именно это и предлагает делать (напр. Callon, 1986). Мы, однако, ограничиваемся политэкономической стороной вопроса.

в хорошем университете рассматривает кандидатов, прежде всего, с точки зрения престижа, который они могут принести с собой, а британский – с точки зрения перемещения в рейтинге научных достижений, которое обеспечат его публикации. И то, и другое намечает какую-то перспективу финансовой прибыли, но лишь предельно отдаленную и опосредованную, и вряд ли коллеги, производящие отбор, ориентируются на них в первую очередь. Престиж и ощущение превосходства ценятся не только как средства для увеличения доходов; фактически, для большинства людей верным будет прямо противоположное. Кроме того, найм может изменять не только вознаграждения, но и повинности членов коалиций – количество и качество обязанностей, которые им приходится нести. Новый сотрудник везде рассматривается с точки зрения перераспределения непривлекательной работы, происходящей с его наймом, и потери или приобретения свободного времени, которое подразумевает изменение границ коллектива. Блага, которые расширение коалиции приносит, таким образом, разнообразны. Тем не менее, логика найма остается той же: возможность присоединения нового члена к коалиции рассматривается с точки зрения вероятного улучшения положения ее нынешних членов, и наоборот, возможность примкнуть к коалиции оценивается на фоне прибылей и издержек присоединения к другим коалициям.⁴

В одном отношении эта картина очень упрощена. То, что при таком изложении выглядит синхронным действием, эмпирически представляет собой серию событий. Вновь обращаясь к экономической стороне дела как легче всего эксплицируемой, в нашей схеме вначале происходит найм индивида на определенных условиях, затем – извлечение прибыли (например, набор на платные образовательные программы, в которых он задействован), затем – распределение этой прибыли. Частично последующее распределение определяется условиями контракта (размер зарплаты) или конституцией и обычаями университета (размер надбавок). Однако в большинстве случаев новый член коалиции получает также политические права в будущем влиять на принятие в коалицию следующих членов и исключение старых, а также на принципы распределения прибыли, переориентацию организации на иные ее источники и т.д.⁵ Это создает бесчисленные обратные связи, поскольку любое такое изменение логически предполагает изменение условий контрактов. Переориентация университета на новую экономическую нишу (онлайн образование, государственные заказы) повышает для нее ценность тех преподавателей, которые наиболее непосредственно вовлечены в производство релевантных для этой ниши услуг, и, тем самым, улучшают их переговорную позицию. История американского высшего образования, рассказанная главой ранее, – это история того, как группы академических космополитов подсадили ведущие университеты на иглу ресурсов, полностью контролируемых ими, и стали фактически правящей группой.

---

⁴ В несентиментальном понимании политической экономии академического мира, в акценте на утилитарной рациональности выбора и в отсылках к теории игр как к базовой интерпретативной конструкции наша книга, очевидно для осведомленного читателя, тяготеет к движению аналитических нарративов (Bates et al., 1998). Мы следуем, однако, самым мягким его формам, используя игры лишь как разновидность «повествовательного протокола», а не строгой математической модели (Laitin, 2006). Мы, соответственно, не предпринимали никаких попыток формализации.

⁵ Здесь можно задаться вопросом о том, почему политические механизмы коллегиального управления, предоставляющие власть сотрудникам, получают такое распространение. Частично их можно объяснить неопределенностью окружения, которое делает неизбежным постоянное, текущее пересобирание коалиции, единственной альтернативой которому было бы роспуск и новое учреждение организации с периодичностью примерно в одну неделю. Это, к слову сказать, именно то решение, в сторону которого указывает повсеместно ненавидимая неолиберальная идеология краткосрочных контрактов. Другое объяснение, которое будет дано в Заключение, предполагает, что, благодаря коллегиальности, организация в целом становится более ценным партнером по коалиции для внешнего институционального окружения.

Далее в этом теоретическом введении мы рассмотрим вначале академические рынки, которые определяют экономическую ценность тех или иных атрибутов индивидов, а затем – политические механизмы перераспределения прибылей.

Академические рынки труда можно разделить на две разновидности, или, скорее, два уровня – индивидуальные и институциональные. На первых сущностью, вступающей в коалицию, продавцом и одновременно товаром являются, как следует из их названия, индивиды, на вторых – организации.⁶ Извлечение прибыли организацией происходит на институциональных академических рынках. Во всех описанных нами академических мирах этот источник безусловно довлеет над остальными сегодня – хотя далее, в описании Вест-сайда, мы увидим пример организации, пытавшейся существовать за счет индивидуального финансирования, это является скорее аномалией по мировым меркам. Один из главных тезисов этой книги состоит в том, что индивидуальные карьеры в основном определяются тем, насколько удачно они вписываются в институциональные стратегии организации. Эти институциональные стратегии, в свою очередь, определяются условиями, в которых организация действует. Наконец, сами эти условия сводятся к мотивам, представлениям и ресурсам разных групп внутри и вне организации. Обычная академическая организация зависит от внешних финансовых доноров – кто-то должен приносить в нее средства, на которые живут профессора и администраторы. Этими «кем-то» бывают студенты, разные профильные и непрофильные государственные ведомства, частные филантропы, бизнес, заказывающий прикладные исследования, или научные фонды, поддерживающие фундаментальные исследования. Их готовность дать деньги конкретной организации определяется тем, насколько обращенная к ним поверхность этой организации соответствует их ожиданиям, поддерживает веру в то, что она стоит вложенных в нее средств. Противоположностью для вмешательства в целях оказания поддержки является вмешательство в целях предотвращения ущерба, который организация может нанести самой себе или внешнему миру. Социальные движения или действующие от имени общества в целом государства могут вторгнуться в академический мир, если предположат, что в нем происходит что-то настораживающее. Подобные вмешательства происходят сравнительно нечасто (хотя в российском случае мы находим их более-менее регулярно), однако именно их угроза обеспечивает такую вещь, как воспроизводство легитимных политических процедур. Ректор отдельно взятого университета не может своим приказом отменить собственную выборность и ввести наследственное правление, поскольку недовольные профессора взовут к внешней интервенции – и она не замедлит явиться. Более того, ректор вряд ли может де-юре отменить свою выборность даже с единодушного согласия всех нынешних преподавателей и студентов, хотя, как мы увидим дальше, это регулярно происходило де-факто.

Вообще говоря, работу институциональных рынков также можно рассмотреть как коалиционную игру, в которую организация играет с внешними агентами – студентами, приходящими в нее учиться, или министерством, которое выделяет ему деньги. Все они, большие и малые, также объединяют свои силы, чтобы достичь каких-то целей. Основная проблема в том, что если финансовые и, с некоторыми оговорками, репутационные

---

⁶ В некоторых точках противопоставление условно, как когда, например, университетский отдел развития пытается получить корпоративное финансирование под ставку конкретного профессора с тем, чтобы освободить соответствующие средства в общеуниверситетском бюджете и нанять на них другого профессора, а заодно снять «оверхед». В этом случае, товаром является индивид, а продавцом – организация. В другом случае, продавцом и товаром является группа, не имеющая стабильного институционального оформления (исследовательский коллектив, подающий заявку на коллективный грант), или институция, которая практически тождественна индивиду (журнал, чей штат состоит из главного редактора). Тем не менее, эти гибридные случаи являются лишь какой-то комбинацией из двух базовых.

прибыли, которые получает образовательная организация в результате привлечения нового сотрудника, еще подлежат более-менее точной оценке, то в большинстве случаев существует лишь очень туманные представления о том, чего она добивается вместе с внешними контрагентами, была ли реализована цель, и кто внес в нее какой вклад. Из области точно измеримых величин, подвластных эконометрическому анализу, мы переходим тут в область легитимационных мифов – как, например, когда широкие массы избирателей верят в то, что только демократически управляемый университет может служить светочем знания, и возмущаются ректорской узурпацией.

Возвращаясь к вопросу найма, выгодность условий, на которые может претендовать потенциальный сотрудник – и в плане заработной платы, и в плане политических прав – определяется его предполагаемым будущим вкладом в процветание организации и ее коллектива. Аналогично, его влияние на дела внутри, будет также частично определяться этим вкладом, поскольку он всегда может выйти из одной коалиции и присоединиться к другой. На этой возможности строится то, что Хиршман (Hirschman, 1970) называет «властью выхода» – возможность хлопнуть дверью и уйти. Одним из главных источников неопределенности для академических организаций являются неожиданные изменения во власти выхода ее сотрудников или потому, что изменяются индивидуальные котировки (профессор получает Нобелевскую премию), или потому, что в новых условиях атрибуты какой-то части сотрудников вдруг приобретают новую ценность (бум нанотехнологий, привлекающий финансирование на соответствующие факультеты).

Обычным инструментом внесения текущих корректив в условия членства в коалиции являются политические механизмы. Это создает второй основной источник внутренней власти, основанной на возможности участвовать в принятии решений – хотя механизмы используются для того, чтобы корректировать изменения, произошедшие в распределении власти выхода, у них есть собственная логика, иногда аннулирующая эту власть. Как мы говорили выше, во всяком случае, отчасти, власть голоса основана на широких условиях, на которых университет пользуется поддержкой каких-то внешних сил. Власть голоса и власть выхода могут драматически различаться – Нобелевский лауреат, составляющий большую часть публичной репутации университета и могущий поставить ректорат на колени одной угрозой уйти, – тем не менее, имеет всего один голос на выборах. Попытка официально дать ему больше – скажем, три – немедленно вызовет скандал национального масштаба.

То, что происходит на уровне отдельного ученого, имеет продолжение и на общеинституциональном уровне – условия труда, предполагаемые данной системой позиций, зависят от влияния различных групп. Власть профессорской олигархии, воплощающаяся в пожизненных контрактах, суверенитете кафедр и исключении из политических процедур всех, кроме обладателей высшего академического ранга (типичные примеры – Германия или Италия между 1945 и 1968), имеет одни политэкономические корни, ректорский абсолютизм – другие. Это будет основной темой Заключения, но здесь мы сделаем некоторые заметки на будущее.

Осуществление власти выхода ограничено тем, что вычисление вклада конкретного индивида в поддержание институциональной поверхности часто крайне затруднительно. Организация должна поддерживать множество внешних поверхностей, обращенных к разным аудиториям, которые хотят видеть и могут наблюдать разные вещи. Некоторые студенты хотят свидетельств того, что их чему-то учат, а другие к этому совершенно безразличны. В России, как и везде, этим группам свойственно концентрироваться в разных университетах и на разных специальностях внутри этих университетов, однако полностью изолировать одних от зрелищ, предназначенных другим, не представляется возможным, в особенности потому, что за тем, что им демонстрируется, считает также необходимым приглядывать государство. При этом, различные государственные органы

требуют, чтобы им показали сложносовместимые вещи. У российского вуза существуют экономически-фискальная поверхность (за поддержание которой непосредственно отвечает бухгалтерия), кадровая поверхность (отдел кадров), аккредитационная поверхности (учебная часть) и научная поверхность, за которую отвечает много кто сразу и никто в отдельности (хотя проректор по науке чуть больше других). Некоторые из них открыты для всех, другие закрыты для посторонних (например, свою налоговую отчетность университет может не представлять никому, кроме налоговых органов, в то время, как баллы поступивших он обязан предъявить всем). Поддержание любой поверхности требует некоторых усилий, причем чем значительнее эти усилия и чем более уникальны свойства, которые позволяют индивиду осуществлять их, тем больше его власть выхода.

Во многих случаях, необходимость поддерживать одну поверхность затрудняет поддержание другой, особенно когда они обращены к группам, которые хотели бы видеть разные вещи. Негосударственные Вест-сайдские университеты, как мы увидим дальше, испытывали значительную сложность, связанную с тем, что аккредитующие магистратуру органы хотели видеть в расписании одни вещи, а абитуриенты – совершенно другие.⁷ И даже там, где прямой конфликт запросов не имел места, все постоянно упиралось в то, что силы сотрудника, отданные на фабрикацию одной поверхности, оказывались отняты от поддержания другой. Более того, те способности и таланты, которые требовало каждое из направлений, не совпадали. Выбор конкретного человека во время конкурса означал обычно предпочтение запросов одной из групп влияния. Найм эксцентричного гения прекрасно вписывался в линию поддержания обращенной к широкой общественности (и министерства в той мере, в какой оно смотрело на университет глазами этой общественности) поверхности организации как ведущего научного центра, но рисковал закончиться очень плохо в случае, если эксцентричный гений забывал сдать вовремя учебно-методическую документацию (или проявлял нездоровый интерес к учащимся противоположного или, еще того хуже, своего пола). Найм *PhD* прекрасно вписывался в линию создания образа продвинутого интернационального университета, который желало видеть министерство, но, до недавнего времени, только снижал показатель по доле докторов и кандидатов наук, который требовал Рособрнадзор.⁸

Истории смены государственных идеологий, излагаемая в этой главе, есть, по сути, история смены поверхностей, которые государство заставляло организации создавать. Если после 1917 года организации должны были демонстрировать соответствие открытости пролетарским студентам и связи с реальной жизнью, то к 2014 году одним из основных свойств стала «международная видимость» или хотя бы перспективы ее достижения. И в том, и в другом случае система высшего образования должна была стать частью поверхности самого государства, обращенной к внешнему миру. Параллельно ей развивалась история смены техник контроля, которыми министерство располагало, чтобы убедиться, что поверхность соответствует «действительности».

---

⁷ По опыту в подобной организации, для абитуриентов одной из самых привлекательных сторон магистратуры была полная элективность курсов, а для Рособрнадзора она представляла собой вопиющий вызов Госстандарту. Обдумав возможность тотальной фальсификации и отказавшись от нее как от неоправданного риска, деканы некоторых факультетов нашли компромисс, приводя в соответствие каждому курсу, записанному в учебном плане, несколько курсов, которые читались в реальности, так, что хотя бы ограниченный выбор оставался. Решение было несовершенным, однако, поскольку названия читаемых курсов обычно не соответствовали названиям записанных в план, и существовал риск, что тщательная проверка обнаружит подлог, себестоимость составленной таким образом магистерской программы для организации существенно возрастала.

⁸ Не говоря уже о том, что одни органы терроризируют все организации, получающие иностранное финансирование, а другие – грозят отобрать российское финансирование у университетов, которые не в состоянии его привлекать; одни органы хотят, чтобы первокурсники-философы изучали «Пир», а вторые – чтобы среди них не велась пропаганда «гомосексуализма».

Здесь вновь возникает важная сюжетная линия, проследить которую удобнее всего на примере государственного аппарата. Любое считывание поверхности становится частью поверхности самого считывающего, обращенной к тому, что считывает уже его. Министерство надзирает за университетами, правительство – за министерством, а избиратели, посредством СМИ – за правительством. Наблюдающий поверхность других должен представлять себе, что произойдет с его собственной поверхностью в процессе этого наблюдения.

Большинство других финансовых доноров также распределяют средства, предполагая, что способ этого распределения что-то сообщает о них тем, перед кем им придется отчитываться.⁹ Фонд, раздающий гранты, нуждается в том, чтобы продемонстрировать произведенные на деньги этих грантов результаты, а заодно – доказывать чистоту процедуры отбора. Нечто подобное происходит и внутри организации – инстанция, принявшее решение, передает его на усмотрение вышестоящего, который передает его дальше. С момента первичного принятия надзирающим результатов работы надзираемого, они становятся одним звеном, нуждающимся в содействии друг друга в поддержании общей поверхности. Студент и преподаватель должны убеждать окружающий мир, что в аудитории происходит процесс обучения (Титаев, 2012), а профессора и ректор – убеждать попечителей, что преподавание в их университете является самым лучшим. Как и в любой системе такого рода, в этой возникает множество легитимационных ритуалов – конвенциональных жестов, которые не имеют никакого иного смысла, кроме того, что в них не принято сомневаться, чтобы не продемонстрировать собственную испорченность. Американская глава посвящена тому, как поддержание подобного ритуала структурировало академический рынок труда там, мы увидим множество примеров этого же ниже.

Пока мы ограничимся другим наблюдением, вытекающим из свойства организации как совокупности внутренних поверхностей. Доходы организации, возникающие в результате найма нового сотрудника, качественно неоднородны, и разные их части оказываются в руках разных членов группы. Доходы от его способности производить выдающуюся научную работу пожинает весь университет, в то время как штрафы за его неспособность справиться с учебной отчетностью ложатся на плечи непосредственного руководителя. Детали процедуры принятия решения становятся важны, когда оказывается, что у разных звеньев этой процедуры могут быть разные интересы, и мы увидим, как именно это обстоятельство становится важным при селекции черт, обеспечивающих беспроблемную карьеру.

В этой главе основной акцент делается на двух сторонах процесса формирования академических коалиций на рынках социологического труда в России. Во-первых, мы будем рассматривать, как способы извлечения доходов академическими организациями влияют на наборы свойств, на основании которых производится селекция их сотрудников, и на методы осуществления этой селекции. Во-вторых, мы увидим, как на эти свойства влияют существующие в данном институциональном окружении способы перераспределения прибыли. Мы увидим, в частности, как экономическая зависимость вузов от пропуска максимального потока маломотивированных студентов в сочетании с осуществлением селекции низшим звеном и формализованным государственным контролем обуславливают господство персональных сетей как механизма рекрутирования, девальвацию степеней и возникновение интеллектуального типа современного вузовского преподавателя с его академическим национализмом и акцентом

⁹ Особую роль в академической истории играют суверенные принципалы, которым *не* надо доказывать другим свою правоту – такие, как студенты, приносящие в университет собственные деньги, или частные покровители, жертвующие на именную профессию, или просвещенный диктатор, испытывающий интерес к возвышенному. Академические революции часто свершаются такими людьми. Мы вернемся к этой теме в Заключении.

на своей учительской роли. Мы увидим также, что иная экономическая база Академии наук, позволяющая одним членам коалиции увеличивать свою долю за счет устранения других, при существовании демократических процедур может обернуться затяжной гражданской войной и фактическим насильственным прерыванием карьер многих индивидов, не имевших достаточных политических ресурсов в данной микросистеме. И мы увидим еще большее разнообразие политэкономических режимов в случае организаций, причастных к грантовой экономике.

Перед тем, как двинуться в этом направлении, однако, нам надо будет в некоторых деталях рассказать о двух основных контрагентах академических институций в России – государственных органов и студентов. Их взаимодействие с университетами и академическими институтами также можно описать как процесс создания альянсов, и задача университета – обеспечить свою наибольшую привлекательность как партнера по подобному альянсу. Именно увеличение привлекательности, связанное с присутствием конкретного индивида, наделяет его властью выхода и в этом смысле стоит за успешностью его карьеры. Далее нам надо будет сказать несколько слов о том, как устроена сама популяция социологов, которую мы до сих пор неосмотрительно описывали как цельную группу.

Институциональная история российского академического мира

Российская империя: уроки «идола истоков»

Возможно, важнейшим отличием российского случая от всех описанных в этой книге является степень его зависимости от государственного бюрократического аппарата и интеграции с ним на уровне не только организационного подчинения, но организационной культуры. Болонья, Сорбонна, Оксфорд, Гейдельберг и Гарвард появились независимо от государств, на территории которых сейчас существуют, и многие из них возникли на столетия раньше этих государств. Со временем, они в той ли иной степени вросли в профильные государственные ведомства, но они не выросли из них, и даже во Франции университеты продолжали мыслить себя и мыслиться другими как автономные сущности, взаимодействующие с министерством на равных.

Первый Устав Московского университета 1755 года, слепо скопированный с западных статутов, нес на себе какой-то отпечаток традиционного европейского понимания университетских свобод, тем более, что государственного ведомства, которое могло бы за ним надзирать, просто не существовало. Но с того момента, когда возникло Министерство народного просвещения, все изменилось. В 1803-1804 годах, с Указом «Об устройстве училищ» и утверждением первого типового устава, пришло совершенно новое виденье роли учреждений высшего образования. До того Московский университет и Академия наук влачили существование где-то на обочине бюрократической системы.¹⁰ Но

---

¹⁰ Кажется, что в XVIII столетии Романовы после Петра не представляли себе точно, зачем им нужна Академия. Академикам время от времени поручалось множество разных задач, от обучения наследников до устройства фейерверков, при этом, иногда о них забывали на годы, предоставляя изыскивать себе средства к существованию самим (одним из испытанных средств была монополия на печать календарей; кроме того, академики были основными поставщиками гороскопов в столице (Пономарева, 1999)). Аналогично, исходный, 1755 года, Устав Московского университета также оставляет впечатление некоторой неуверенности в том, зачем университет нужен, помимо того, что он есть у «всех просвещенных народов». Наиболее конкретное место в Преамбуле сообщает о том, что задача университета состоит в вытеснении домашних учителей-иностранцев неизвестной благонадежности. В образовательной сфере, университет в значительной мере функционировал как лекторий общества «Знание», ничего подобного регулярным программам не существовало, и никаких формальных квалификаций он не присваивал, зато отвечал за издание городской газеты и цензуру. Кроме того, на русских профессоров были перенесены многочисленные права и привилегии их европейских собратьев, такие, как неподсудность светским властям, которые в российском контексте выглядели несколько эксцентрично.

теперь университет был встроен во властную вертикаль в качестве одного из этажей Министерства народного просвещения. Указом приходские училища отдавались под надзор директора уездных училищ, директор уездных училищ подчинялся директору губернских училищ (или гимназий), а этот, в свою очередь, подчинялся профессорам и ректору университета соответствующего округа. Ректор напрямую отчитывался перед попечителем округа, а тот – перед министром. Кандидатура, заполняющая каждую должность, подбиралась непосредственным руководителем и утверждалась вышестоящим уровнем. Принцип организации этой системы был чисто бюрократический с селекцией подчиненных вышестоящими и единоначальной линией отдачи приказов. Исключение составляли лишь выборы ректора и деканов на профессорских собраниях, кандидатуры которых затем утверждались попечителем соответствующего учебного округа (деканы) и министром народного просвещения (ректор). Выборы ректора профессорами были отменены следующим Уставом 1835 года. Хотя университет был вскоре избавлен от функций управления гимназиями, само его понимание как части министерства, а его служащих и учащихся – как чиновников, осталось.

С момента, когда государственные бюрократы на заре позапрошлого столетия обратили свой взор на образование, и до нынешнего дня, за исключением двух коротких интерлюдий, мы наблюдаем постоянное стремление встроить институты академического мира в государственный аппарат. В результате сама периодизация истории этого мира неизменно становится слепком периодизации истории российского государства. Этапы в ней – это этапы, на протяжении которых государство по-разному отвечало на вопрос о том, зачем ему нужны высшее образование и наука. Кроме того, на протяжении всех этапов интенсивность связи с государственным аппаратом придавала существованию ученых в России черты, которые отличают этот случай от всех остальных наших случаев.

Во-первых, основные течения собственно академической политики всегда были продолжением течений неакадемической политики, направивших государство в ту или иную сторону, и эта связь прослеживается отчетливее и более однозначно, чем в других главах. Если приход к власти неолибералов во Франции или Британии означал смену некоторых ориентиров, то в России колебания в политическом курсе оборачивались попытками полной реорганизации сектора. Во-вторых, статус части государственного аппарата означал более интенсивную, чем в других случаях, трансляцию общегосударственных организационных принципов в эту сферу. Мы уже видели это на примере выстраивания административной иерархии в сфере образования по принципу единоначалия, и еще увидим ни раз. В-третьих, статус «государственных людей» означал совершенно иное определение роли ученого и той идентичности, на которую тот мог претендовать. В продолжении этого параграфа, мы рассмотрим эти три следствия по отдельности.

Основные измерения академической политики

Несмотря на свою самобытность, российские академические учреждения были обязаны своим появлением тому, что Мейер и его ученики назвали бы давлением «мировой культуры» (Meyer and Schofer, 2005). Они создавались в соответствии с заимствованными западноевропейскими моделями и, по большей части, в результате целенаправленного подражания. За исключением раннесоветского периода, инновации в этой системе возникали скорее в результате неосознанных ошибок при копировании, чем в результате сознательного внесения модификаций.¹¹ Более того, академические организации во многом возникали в целях демонстрации соответствия

---

¹¹ Или иногда за счет возможности воплощать в России бюрократические фантазмы, которые не удавалось воплотить в Европе. Превращение университетов в элемент регулярного государства соответствовало умонастроению общеевропейского интеллектуального движения, но только в России смогло полностью воплотиться.

западноевропейским (затем – глобальным) стандартам государственной цивилизованности (Arnove, 1980). Хотя иногда к сугубо демонстрационным мотивам примешивались и даже вытесняли их на время иные соображения (например, технократические надежды обеспечить с помощью университетов экономический рост), затем все возвращалось на свои места.

В этом, как и в других отношениях, университетская политика являлась продолжением политики в других направлениях. Рискую тем, чем рискует любое историческое сверхобобщение, можно сказать, что в России – как и во многих полупериферийных странах – центральный политический кливидж проходит не по экономическим, а по геоэкономическим и геополитическим основаниям (Wallerstein, 1984). В России нет и не было либералов и нет консерваторов, есть западники и изоляционисты, с центральной позицией, занимаемой прагматичными антизападниками, верящими, что должны научиться у Запада всему лучшему, прежде чем повернуться к нему спиной (Greenfeld, 1990). Две последние позиции Клиффорд Гирц назвал «эссенциалистской» (в честь сохранения исконной сущности нации) и «эпохалистской» (в честь соответствия духу эпохи) разновидностями национализма (Geertz, 1963). Западники верят в моральное и техническое превосходство Запада и хотят стать его частью, пусть даже в подчиненном статусе. Эпохалисты верят в техническое, но не моральное превосходство, и хотят стать такими же, как Запад, но независимыми от него. Эссенциалисты не верят ни в техническое, ни в моральное превосходство, и надеются, что вскоре Запад станет их подчиненной частью, или распадется под грузом собственных пороков.

Поскольку сам по себе университет исходно был западным институтом, и большая часть транслируемых им знаний имеет то же происхождение, он является традиционным объектом нападков эссенциалистов и пристанищем западников. Эпохалисты занимают по отношению к нему двойственную позицию. В целом, они относятся к нему с недоверием, опасаясь, вполне справедливо, что вместе с полезным для утверждения национальной конкурентоспособности и престижа знанием по тем же каналам может проникнуть и пагубное низкопоклонство. Однако, поскольку Запад все равно служит для них основной моделью, они не сомневаются, что нуждаются в университете, воплощающем лучшие западные образцы. Исторически, именно они часто выступают инициаторами наиболее радикальных академических реформ, поскольку западники обычно скованы представлениями об академических свободах и не решаются приступить к делу с достаточной решительностью – мы увидим массу примеров этого, когда дойдем до постсоветского периода.¹²

Забегая немного вперед, надо сказать, что это политическое деление неизбежно получает продолжение на уровне всякой отдельной дисциплины. Спроецированное туда, оно дает два полюса – эпохалистов-изоляционистов, верящих, что российская наука уже превзошла мировую и что теперь мировая должна учиться у нас, и западников-ассимиляционистов, ощущающих, что она не только не догнала ее, но и никогда не догонит.¹³ Позиции в разных пространствах естественным образом притягиваются одна к

---

¹² Заходя на шаг дальше, можно сказать, что эпохалисты различаются силой своей политической воли. Эпохалисты сильной воли могут пережить кратковременное недоумение Запада относительно использования западных знаний или институтов в расчете на то, что их творческое преобразование может принести лучший результат, чем стандартное употребление. Эпохалисты слабой воли нуждаются в постоянном одобрении Запада и делают все так, как им кажется, это делается «там». Сильная воля эпохалистов из ранних Совнаркомов породила Академию наук, слабая воля времен медведевской модернизации – карго-институции типа «Сколково».

¹³ Здесь, как и в других случаях, блоковский «идол истоков» безошибочно подсказывает нам, где можно найти иконические прообразы всех последующих событий. Прототипом столкновения изоляционистов и ассимиляционистов можно считать борьбу Ломоносова, одного из первых русских в Академии, с

другой. Научные амбиции отдельных исследовательских коллективов тут оказываются спроецированы на общеполитический экран, а общеполитические симпатии – на дебаты внутри отдельной дисциплины. Группы ученых, по какой-то причине не признанные на Западе ищут поддержки среди тех, кому хочется услышать, что Запад так далеко оставлен нами позади, что сам не понимает своего поражения, а признанные чуть более ищут поддержки среди эпохалистов и либералов. Далее мы увидим, как эти эффекты отражаются в социологии.

Господство бюрократических классификаций

Мэри Дуглас в своей версии структуралистской теории показывает, что бюрократический разум мыслит коррелированными классификациями (Douglas, 1986). Он стремится упорядочить все, к чему прикоснется, подразделив это на части, изоморфные всем прочим. Так, все территориальные структуры бюрократического государства приводятся в соответствие друг другу и выстраиваются в древовидную иерархию – в примере выше, ранги учебных заведений приводились в соответствие с основными элементами административной структуры. В любимой структуралистами форме, это можно было бы записать так:

приход : школа :: уезд : училище :: губерния : гимназия :: округ : университет

Университеты, занимающие высшую ступень, утверждались в основных территориальных узлах бюрократической системы. Всего Указ признавал существование трех университетов (Москва, Вильно и Дерпт), предполагал немедленное создание еще трех (Санкт-Петербург, Харьков, Казань), а также еще нескольких в будущем (Киев, Великий Устюг¹⁴, Тобольск). По мере экспансии высшего образования, число округов, как и число университетов, росло.

Тот же Устав описывает типовую структуру университета, состоящего из 4 отделений (примерный аналог факультетов) и 28 кафедр, соответствующих ординарным профессорским позициям с 12 адъюнктами и неопределенным числом экстраординарных профессоров, которых университет мог нанимать на свои средства. Устав, соответственно, утверждал перечень легитимных областей знания. Как мы увидим далее на примере Академии наук, значительная часть политики науки вращается вокруг подобных классификаций и ячеек в них, к которым приписаны индивид или организации.

Наконец, еще одна классификация должна была структурировать академические карьеры. Уже прагматичный Ломоносов предлагал связать системы степеней с Табелью о рангах, добавляя к трем основным категориям служащих (армейской, гражданской и придворной) еще одну, академическую. Реализуясь этот проект, он гарантировал бы соответствующую рангу оплату труда ученого сословия и конвертацию признания научных заслуг в универсальную бюрократическую валюту «чина» (с соответствующим присвоением потомственного дворянства обладателям степеней магистра и доктора).

Он не застал реализации своего замысла, но в Уставе 1804 должности действительно были привязаны к ученым степеням, а те – к общеполитической системе чинов. Доктор считался принадлежащим к 8 рангу (коллежский асессор/майор), магистр – к 9,

---

«немцами». Борьба в целом не увенчалась успехом, но впервые в России обозначила архетип академического националиста, требующего отдавать предпочтение при найме «природным русским» и отказывающим иностранцам в праве писать русскую историю. В других отношениях, впрочем, Ломоносов действовал как законченный ассимиляционист.

¹⁴ Бюрократическая страсть к проецированию своих фантазмов на окружающий мир, разумеется, не всегда находит полное удовлетворение из-за внешних препятствий. С точки зрения систематизаторской гармонии, было бы желательно, наверное, чтобы в Прибалтике был один университет, но в той политической обстановки закрывать один из существующих было нецелесообразно. С другой стороны, до сих пор в Устюге есть только филиалы вологодских вузов.

кандидат – к 12, «действительный студент» – к 14, ординарный профессор – к 7 (надворный советник/подполковник), адъютант или экстраординарный профессор – к 8. До 1856 года любой ранг дает личное дворянство, а ранги начиная с 8 – потомственное. Исключением, при котором лицо без степени могло занять профессорскую кафедру, была «известность во всем научном мире».

Закрепленная указом значимость степеней привела к тому, что нам кажется сегодня неизбежным последствием этого: первый скандал, связанный с продажей двух юридических докторских степеней в Дерптском университете, разразился уже в 1816 году (Галай, 2010).¹⁵ Реакция на него проложила еще одну колею, по которой российской высшее образование следует до сих пор. «Положение об ученых степенях» 1819 года унифицировало номенклатуру степеней, соответствовавших номенклатуре факультетов, оговорило порядок их присвоения и предоставило право утверждать их Министерству народного просвещения, создав тем самым аналог современного ВАК. Единый Устав императорских университетов 1835 года также ограничил найм профессоров только теми, кто получил степень по профилю соответствующего факультета.

Академическая идентичность и культуры подозрения

Здесь мы встречаем третье следствие инкорпорации ученых в государственный аппарат – распространение на них общегосударственной «культуры подозрения», которая вступает в непримиримый конфликт с академическими идентичностями. Ученым, как и остальным людям (и, возможно, сильнее, чем большинству из этих остальных) хочется видеть себя окруженными почтением, обладателями непрерываемого интеллектуального и морального авторитета. В официальной идеологии академической профессии сам факт того, что кто-то предается ученым занятиям, выдает возвышенный характер, совмещающий творческое начало и бескорыстие, и, наоборот, эти занятия усиливает и без того присущие индивиду исключительные качества (о рождении этого комплекса представлений см. Sharin, 1995). В разных академических культурах, о которых пойдет речь далее, существуют вариации на тему этой базовой концепции, но ее ядро, которое мы назовем академической идентичностью, остается неизменным. Претензии ученых на многочисленные привилегии – включая, скажем, неприменимости к ним форм отчетности, которой обложены все прочие категории офисных работников, – обосновываются этой исключительностью.

В американской главе выше уже упоминались работы Гоффмана (Goffman, 1956; 1959), посвященные правилам создания и поддержания идентичностей в нашем обществе. Любая концепция себя, которую развивают индивид или группа, нуждается в подтверждении извне. Всякое социальное взаимодействие, помимо всего прочего, есть верификация идентичностей его участников, источник сигналов о том, кем они видят себя и друг друга. Гладко происходящее взаимодействие подразумевает, что стороны видят себя именно теми, кем их видят другие. Многие свидетельствуют о том, что подобная гладкость ценится людьми наравне с ценнейшими из прочих благ, которые соприкосновение с другими человеческими существами может дать.

Гладкость требует такта, и такта в отношении чужого такта. Такт подразумевает сдерживания со стороны А жестов, показывающих, что Б – не тот, кем он хотел бы считать себя сам, и хотел бы, чтобы А считал его. Такт в отношении такта –

---

¹⁵ Характерно, что до того, как задуманная Ломоносовым реформа претворяется в жизнь, степени практически не присваивались – ни настоящие, ни фальсифицированные. Право присваивать степень доктора медицины пожаловано Медицинской коллегии (1754), которая, однако, кажется, ни разу им не воспользовалась (Климов, 2008). Первая степень в Московском университете была присвоена только в 1794 году (по медицине). Поскольку никаких формальных правил, требующих «остепенности» от нанимаемых, еще не было, значение степеней как символов академических достижений для карьеры было минимальным, вполне заменяясь личными рекомендациями и наглядной демонстрацией научных опытов потенциальному покровителю.

предотвращение ситуаций, когда А мог бы испытать соблазн повести себя бестактно. Такт мешает А не дать Б денег в долг, поскольку это означало бы, что он считает его недостаточно надежным; такт в отношении такта заставляет Б даже не просить этих денег, чтобы не ставить А мучаться от собственной тактичности.

Этикет есть совокупность норм, направляющих такт в данном обществе. Про многие классы и целые цивилизации говорят, что они управлялись соображениями приличий в значительно большей степени, чем соображениями морали.¹⁶ Это, безусловно, верно в отношении академического мира. Он руководствуется сложными нормами этикета, выражающимися в том, сколько почтения и внимания должно быть уделено каждому. Мы много раз столкнемся со спонтанными проявлениями агрессии, имеющими место, когда кто-то получает недостаточно жестов признания, и особенно – если одновременно эти жесты достаются кому-то другому. Считающий себя звездой оратор, не получивший приглашения сделать пленарный доклад, или ведущий специалист в данной области, не встретивший ссылки на себя, или выступающий на секции конференции, обнаруживший, что часть аудитории, прослушавшей предыдущий доклад, выходит в начале его доклада – все они могут стать опасны. Как мы увидим дальше, некоторые академические культуры сознательно выбирают формы организации публичных событий, которые исключают, что чье-то самолюбие будет задето.

Нормы академического этикета, таким образом, организуют взаимодействия между индивидами и группами внутри академического мира. Однако они в той же мере руководят и взаимодействиями академического мира с неакадемическим. Ученые энергично требуют от окружающих подтверждения веры в свое интеллектуальное и моральное превосходство, и гневно реагируют, когда недосчитываются жестов почтения. Их конфликт с бюрократами неизбежно вытекает из того, что бюрократы отказывают им во всем этом, обращаясь лишь как с еще одними получателями казенных средств, к которым надо относиться с универсальной долей чиновничьей подозрительности. Для ученых это становится ударом по их академической идентичности, или – что то же самое – по профессиональному престижу.¹⁷

Проявления подозрения в отношении окружающих в принципе является архетипической формой бестактности. Подозрение есть самый непосредственный индикатор того, кем мы на самом деле считаем окружающих, или даже что именно неприглядного мы в них видим.¹⁸ Подавление подозрений – или, вернее, камуфлирование их подо что-то неоскорбительное (А, который на просьбу Б дать денег в долг, отговаривается их отсутствием) – есть одна из основных составляющих этикетной работы.

Каждый институт характеризуется тем, что в его рамках считается нормальными, допустимыми, неоскорбительными подозрениями. То, что продавец тщательно пересчитывает деньги, не оскорбляет покупателя. То, что друг тщательно пересчитывает возвращенный ему другом долг, может положить конец дружбе. В других главах читатель найдет массу примеров того, как ученые болезненно реагируют на все формы надзора, которые предполагают, что они могут бесчестно или безответственно расходовать общественные средства, воспринимая их как личное оскорбление. Большая часть этих

¹⁶ Например, Элиас заявил это про придворные общества (Элиас, 2002 [1969]), а Рут Бенедикт – про Японию (Benedict, 1989 [1946]).

¹⁷ Действительно, «престиж» синонимичен совокупности почтительных жестов, на которые индивид или группа могут рассчитывать – см. выше американскую главу о найме как этикете.

¹⁸ Мы говорим о подозрении обычно, если наше подозреваемое свойство в некотором роде нежелательно; слова «я подозреваю, что он честный человек», скорее всего, будут произнесены с иронией или самоиронией. Есть многочисленные пограничные случаи, в которых невозможно сказать, является какое-то предположение о свойстве другого «подозрением» в полной мере, например, если, помимо нелестных, предполагаются и некоторые исключительно лестные свойства. В обществе, не напуганном феминизмом, молодая женщина может немало польстить старцу, демонстративно принимая предосторожности от сексуального насилия с его стороны; наоборот, отказ от этих предосторожностей будет бестактен.

форм, однако, представляют собой не более, чем общее для бюрократических организаций ожидание, что всякий чиновник, оставленный без присмотра, использует любую возможность для извлечения личной выгоды из вверенных ему постов.

Общая погруженность российского академического мира в российский бюрократический мир отразилась в том, что ученым систематически отказывали в особом обращении. Если самая ранняя история еще содержит намеки на особое почтение со стороны высшей власти, то уже в следующие десятилетия от него не остается и следа. В записках Петра, касающихся устройства Академии, ученые выглядят трогательными, инфантильными и требующими особой заботы по причине неспособности в своем энтузиазме о себе позаботиться, но ни в коей мере не коррумпированными. Чтобы избежать их порчи местным населением, Петр предполагал поселить академиков в отдельное здание (что и было исполнено Екатериной уже после его смерти) и поставить над ними секретаря, обеспечивающего их жизненные потребности.¹⁹

Однако ко времени, когда вскрылась дерптская афера, а Магницкий расследовал злоупотребления в Казанском университете²⁰, доверие к академическим людям было окончательно подорвано. Теперь Министерство попробовало замкнуть все ключевые решения на себя. В Устав 1804 года были добавлены поправки, которые заменили выборность профессоров назначением, а присвоение степеней было приостановлено и несколько лет велась подготовка «Положения...» 1819 года, которое предусматривало, в частности, уголовные наказания за все мыслимые формы плагиата²¹. Кроме того, определение содержания экзаменов и, во все большей степени, учебных программ оказывалось в руках министерства. Аналогично, накапливающиеся циркуляры и поправки к Уставу 1804 года обязали студентов посещать занятия, ограничили выбор курсов и обязали профессоров читать лекции по утвержденному конспекту. Попечитель обзавелся целым штатом непосредственно подчиненных ему контролеров в университетских стенах. Наконец, даже визуально чиновники все больше требовали от студентов соответствия своим, не академическим, а военно-бюрократическим критериям, перенося на академическую сферу представления о выправке (Вишленкова и др., 2012). Университет окончательно приобрел сходство с департаментом, что, должно быть, радовало глаз попечителя.

Надо сказать, что вызванные дерптской аферой подозрения в отношении диссертационных комитетов были, пожалуй, незаслуженны. В России XIX столетия мы наблюдаем скорее дефляцию, чем инфляцию степеней. Сложность процедуры,

---

¹⁹ Петр в своем проекте Положения об Академии замечает, что «ученые люди, которые о произведении наук стараются, обычно мало думают на собственное свое содержание, того ради надобно есть, чтобы академии кураторы определены были, кои бы на оную смотрели», «дом академический потребностию удостачить, кормить в том же доме, дабы, ходя в трактиры... не научились их непотребных обычаев...» (цит. по Пономарева, 1999:6). В каком-то смысле, на протяжении XVIII столетия академики сами настойчиво вели бюрократов к мысли, что на их особый моральный облик ученых полагаться нельзя. Поставленный секретарем Шумахер окажется замешан во множестве скандалов. Самые живописные из написанных на него кляуз принадлежат перу М.В.Ломоносова. Тот обвинял Шумахера, в частности, в том, что он обзавелся егерем, который, под видом заготовления экспонатов для Кунсткамеры, снабжал личную кухню Шумахера дичью.

²⁰ В исторической памяти российских ученых «погром» Магницкого запомнится, прежде всего, как наступление религиозной и политической реакции. Хотя Магницкий, безусловно, был обскурантом, нельзя на этом основании считать, что обнаруженные им финансовые злоупотребления не были реальны. Это не помешало ему самому через несколько лет также быть отстраненным по обвинению в коррупции. Магницкий, кроме того, кажется, был первым, кто потребовал от вверенных его попечению университетских профессоров публиковаться.

²¹ Они проявили, при этом, значительное воображение, описав все преступления, входящие в комплекс «диссертации под ключ»: ответственность диссертантов предполагалось ввести «за списание с чужих сочинений» и экзаменаторов – «за исправление диссертации относительно смысла» и (или) «предоставление собственного сочинения для копирования испытуемым» (Климов, 2008).

включавшей многочасовой экзамен, была такова, что ее пришлось упростить в 1884 году из-за критической нехватки кадров с докторской степенью для занятия профессорских должностей.²² Гораздо реальнее была девальвация дипломов первых циклов, вытекавшая из проблем со студентами, близких и понятных нам сегодня. С одной стороны, университеты должны были обучать студентов, чтобы не навлекать на себя обвинений в бесцельном расходовании средств (Магницкий угрожал закрыть Казанский университет, обнаружив, как мало в действительности людей там учится). С другой стороны, они обязаны были научить набранных чему-то в соответствии с учрежденной Министерством программой, что было нетривиальной задачей, учитывая языковой барьер (большинство профессоров по-прежнему были немцами) и отсутствие систематического школьного образования. После того, как привилегии, обещанные выпускникам, и угроза закрыть путь к государственной службе тем, кто не отучился в университете, все-таки привели к наполнению аудиторий, положение профессоров осталось затруднительным. В студенческой массе обозначились две культуры. Одна из них, преимущественно дворянская, состояла из молодых людей, ориентированных на автоматическое получение чина и не интересующихся образованием. Если они видели в университете какую-то пользу, то только как в классовом фильтре. Поскольку их обучение сулило профессорам ощутимые выгоды (в воспоминаниях Костомарова (Костомаров, 1990 [1890]), обычной практикой было проживание студентов у профессоров на квартире, а также иные способы экономического симбиоза обучающихся и обучаемых), профессора обычно ограничивались невмешательством в студенческие дела в надежде на то, что учащиеся не будут вмешиваться в их дела.

Эта, очень узнаваемая сегодня, студенческая культура, которую Мартин Троу назвал «коллегиальной» (Trow, 1960) соседствовала с другой, которую он опознал бы как странную смесь «бунтарей» и «академиков». Ее представители были в основном разночинного происхождения, и сама она преобладала на естественнонаучных факультетах. В целом, несмотря на существование отдельных харизматичных и вольнодумных профессоров, завоевывавших сердца бунтарских студентов, таких, как Грановский, кажется, что во всяком случае до 1863 года и в значительной мере – после, типичной ситуацией была отчужденность между обеими студенческими культурами и профессорами. Коллегиальные студенты не интересовались профессорами вовсе, а радикалы презирали тех, кто пользовался возможностью облегчить себе жизнь, создавая видимость обучения коллегиялов перед глазами министерства. Тут вновь сложно не увидеть параллелей с сегодняшним днем.

Подводя черту под этим периодом, перед Первой мировой войной в России насчитывалось 63 государственных и 54 негосударственных высших учебных заведения; среди государственных имелось 10 университетов (среди негосударственных 18 относилось к категории «женских университетских курсов», правда, существенно меньших по размеру, чем университеты). В них училось примерно 127500 студентов и преподавало 4500 профессоров (это число выросло почти в 2 раза с 1900 года (Иванов, 1991)). Для довершения общей картины надо упомянуть продолжавшую существовать Академию наук, которая, однако, в численном отношении была крайне незначительной по сравнению с университетами и не демонстрировала сколько-нибудь заметной тенденции к экспансии (в 1725 году при учреждении в ней имелось 15 академиков, в 1825 – 22, в 1916 – 47), исполняя по большей части консультативно-образовательные функции при дворе. В 1917 году при ней существовал один-единственный институт, несколько музеев, лабораторий и обсерваторий, все вместе дававшие работу примерно 200 сотрудникам. Новое значение Академия получила лишь в годы Первой мировой войны, когда на ее базе

---

²² Так, всего с 1803 до 1863 годы было защищено 625 диссертаций, из них докторских – 160 (Иванов, 1994) – менее трех докторских диссертаций в год.

был создан КЕПС (Graham, 1967) – Комиссия по изучению естественных производительных сил России, который должен был мобилизовать научные ресурсы на службу военным задачам (во главе с Вернадским). В начале XX века впервые намечается переориентация государственной идеологии поддержка науки с презентационной на технократическую, однако последствия этого изменения станут ощутимы только в следующий период. Также в начале XX века возникает несколько негосударственных ассоциаций развития науки (Имени Христофора Леденцова), которые ориентировались на образцы возникающих в Западной Европе сетей негосударственных научных фондов и исследовательских институтов (типа Общества Кайзера Вильгельма), однако их развитие было прервано 1917 годом.²³

Советская история

Политика СССР в академической сфере формировалась под воздействием двух новых идеологий, которые становились то более, то менее влиятельны. Первая из них настаивала на выполнении того, что сегодня назвали бы «осуществлением социальной миссии университетов». Советская власть пыталась сделать высшее образование инструментом создания эгалитарного общества²⁴. Когда эта идеология усиливалась, принимались всевозможные меры, которые должны были сделать университеты доступными для всех социальных слоев. Первый пик ее влияния приходился непосредственно на годы, последовавшие за 1917. Один из первых декретов СНК запретил прием любых экзаменов. Дипломы не требовались при поступлении и не выдавались по окончании университета. Пролетарские студенты получали всевозможные льготы, в 1920-х годах началось массовое строительство общежитий, открывались рабфаки, а затем – подготовительные (в 1950-х), вечерние и заочные отделения, которые должны были облегчить получение высшего образования без отрыва от производства. Развились различные формы «аффирмативного действия» в пользу недостаточно представленных среди специалистов этнических групп, и, соответственно, против групп, имеющих слишком значительное представительство. Импульс в значительной мере ослаб во время сталинских контрреформ, однако в дальнейшем неоднократно возвращался в разных обликах. Антисемитская борьба с «однобоким национальным составом» 1970-х годов, видимо, была его последним воплощением.

Параллельно с этим, первые советские правительства делали попытки отстранить от управления университетом буржуазную профессуру, которую она совершенно обоснованно подозревала в отсутствии симпатий к себе. Воспользовавшись демократическим климатом 1917 года, университеты реализовали давнюю мечту о политической независимости от Министерства, введя выборность всех университетских администраторов. Избирательными правами, однако, обладали только преподаватели, а избранными могли быть старшие профессора. Первым институциональным нововведением Советской власти в образовательной сфере был декрет, отменивший ученые степени и звания и тем самым частично стерший границы между категориями

---

²³ Надо отметить в целом энергичное участие частного капитала. Уже Устав 1804 упоминает *endowed professorship* – кафедру естественных наук им. Демидова, ставшую частью Московского университета.

²⁴ Идеология не была совершенно новой, поскольку в предыдущий период уже существовала родственная ей по характеру использования высшего образования, но противоположная по знаку идеология поддержания классовой эксклюзивности. В целом, определения имущественных и сословных ограничений в условиях приема, встречавшиеся в уставах, были одним из двух или трех составляющих «университетского вопроса», больше всего волновавших современников. Уставы XIX века оговаривали число казеннокоштных студентов, которые могли получить образование за государственный счет и вводил прямые сословные запреты. На этом фоне, Устав Московского университета 1755 был уникальным по своей демократичности, допуская даже обучение крепостных, правда, на условиях которые делали это событие совершенно невероятным – помещик должен был обучить крепостного за свой счет и предоставить ему затем свободу. В целом, Министерство, безусловно стояло на стороне образования как классового фильтра.

обитателей академического мира.²⁵ Весь персонал университетов был поделен на два класса – профессоров (ведших курсы самостоятельно) и преподавателей (всех остальных). К 1919 году предполагалось провести обязательные всероссийские конкурсы на замещение преподавательских позиций, и в голосовании принимали участие на равных все работники университета, включая студентов и технический персонал. Кроме того, к управлению предполагалось привлечь представителей профильных предприятий. Права голоса в университетском самоуправлении были распределены сверхдемократически. Парадоксальным образом, главные последствия этого для университетской политики стали ощущаться уже после падения СССР.

Частью той же реформы была трансформация кафедр из индивидуальных профессорских позиций (каковыми они были в исходной германской модели) в подобие американских департаментов, а также регулярные конкурсы (вначале – каждые 10, затем – каждые 5 лет), отменившими пожизненные контракты. И то, и другое соответствовало представлениям о необходимости постоянного контроля над отдельными профессорами. Германская модель делала – и по-прежнему делает – профессора неприкосновенной фигурой, на которую никак нельзя было повлиять, прояви она неблагонадежность или снизь она производительность. С этим, конечно, нельзя было мириться. М.Н. Покровский, замнаркома просвещения, бывший основным автором этой реформы, также подготовил закрытие социально-научных и гуманитарных специализаций в старых университетах и открытие новых учебных заведений – Институты красной профессуры, Коммунистической академии и некоторых других. Гуманитарные специальности уцелели лишь кое-где в педагогических вузах и нескольких институтах Академии наук. Однако, судя по результатам конкурсов, ни тогда, ни десять лет спустя, при проведении второй их волны, в 1929 году, они не привели к сколько-нибудь значительной ротации: большинство штатных профессоров сохранили свои позиции (Козлова, 2001).

Вторая новая идеология была технократической.²⁶ Государство рассматривало высшее образование и науку как средство обеспечения запросов народного хозяйства и обороны, соответственно, они должны были существовать в самой тесной связи «с жизнью» или «практикой».²⁷ Понятие «академизм» в раннем СССР представляло собой

²⁵ Вряд ли Советская власть имела что-то против степеней и званий как таковых. Скорее, их отмена была частью упразднения всей системы чиновничьих классов (на которую монархия не могла решиться с начала XIX века (Шепелев, 1991)) и установлением прямого соответствия между окладом, привилегиями и должностью. Тем не менее, некая таблица соответствия бюрократических рангов, включающая преподавателей, должна была возникнуть еще в 1920-е годы для вычисления размеров заработной платы (предшественник ЕТС последних десятилетий).

²⁶ Опять же, она не была совсем новой. Поворот к технократической политике высшего образования был отчасти подготовлен уже предыдущим, досоветским периодом. В 1912 году правительство провозгласило поворот к поддержке естественнонаучного, инженерного и сельскохозяйственного образования и сдерживания экспансии образования классического, в особенности невероятно разросшегося правового (половина всех выпускников 1912 года получили диплом юриста (Иванов, 1991)). В 1900-е годы император лично блокировал проект создания новых университетов, мотивировав это необходимостью развития системы специализированных институтов. По всей видимости, это было общим умонастроением в верхах в то время.

²⁷ Новое Постановление о союзных министерствах 1968 года так описывало стоящие перед ведомством задачи: «развитие системы высшего и среднего специального образования в целях наиболее полного удовлетворения потребностей народного хозяйства страны в специалистах с высшим и средним специальным образованием; обеспечение подготовки в высших и средних специальных учебных заведениях высококвалифицированных специалистов, которые должны обладать глубокими теоретическими знаниями и практическими навыками по специальности, владеть марксистско-ленинской теорией и быть воспитанными в духе высокой коммунистической сознательности; выполнение заданий по подготовке специалистов с высшим и средним специальным образованием и других заданий, установленных государственным планом, обеспечение строгого соблюдения государственной дисциплины». Кроме того, Министерство отвечало за «улучшение жилищных и культурно-бытовых условий студентов, учащихся, аспирантов, научно-педагогических работников, рабочих и служащих высших и средних специальных

политическое обвинение, и никогда не было полностью реабилитировано. В первое время после 1917 года число университетов возросло (только в Петрограде и Москве их появилось по три, именовавшие себя по номерам – «Первый Петроградский» и т.д.), однако затем проявился противоположный импульс. В Украине университеты были закрыты полностью, в РСФСР сохранились, но в незначительном количестве. Факультеты были преобразованы в институты и переданы под шефство профильных предприятий, представители которых, должны были также заседать в предметных комиссиях. Многие из них при этом перешли на баланс профильных министерств. Естественные и филологические факультеты, относительно которых было непонятно, к какому ведомству их приписать, становились педагогическими институтами. В результате число вузов многократно возросло. Если в 1914 году в России насчитывалось 63 государственных вуза, то в 1917 их стало 152. К 1927 их число вновь сократилось до 80 за счет исчезновения части новых университетов, зато к 1931 году, пику дробления, выросло до 701, в основном за счет выделения факультетов в отдельные институты (Аврус, 2001: 53). Технократический импульс коснулся и содержания программ. Доля лекций сократилась, а практических занятий, наоборот, возросла. Учебные программы были сокращены до трех лет за счет казавшихся излишними для практической деятельности общеобразовательных дисциплин. В дальнейшем в своих внешних проявлениях технократический импульс ослаб, оставив после себя лишь ритуальные элементы вроде выездов на картошку. В одном отношении, однако, советское высшее образование оставалось жестко технократическим: оно строго увязывало выпуск по любой профессии с оценками потребности в специалистах по данному профилю, которые давались Госпланом.

Одновременно началась стремительная экспансия Академии наук – после недолгого периода колебаний (Graham, 1967), Советская власть отказалась от намерений упразднить ее вовсе и заменить какой-то другой организацией. Более того, Академия была привлечена к задачам индустриализации, получив в свое распоряжение ресурсы, о которых и не могла мечтать ранее. Количество академических институтов возрастает с 1 в 1917 году до 5 в 1925 и 53 в 1945, количество академиков за тот же период – с 47 до 142 (Келдыш, 1969). Сотрудники академии были освобождены от преподавания (Грэхэм утверждает, что это делалось в целях изоляции студенческой молодежи от их возможного вредного влияния – вплоть до Второй мировой войны большинство академиков оставались беспартийными) и могли полностью сосредоточиться на исследованиях. Единственными темными сторонами преобразований для них были, с одной стороны, появление конкурирующих Институтов красной профессуры, с другой – стремление обратить науку на службу народному хозяйству, выразившаяся в попытках осуществить слияние исследовательских и индустриальных учреждений. В целом, однако, Академия выиграла от произошедших изменений.

Следующее десятилетие было десятилетием контрреформ, в значительной мере отыгравших назад эксцессы и социально-инженеристского, и технократического идеологических импульсов. К 1929 году при институтах Академии наук открылись аспирантуры, а в 1934 году Постановление СНК «Об ученых степенях и званиях» вернуло кандидатские и докторские степени, назначив переаттестацию сотрудников на 1935 год.²⁸ Степени по техническим и естественным наукам присваивались университетами и

учебных заведений, предприятий, организаций и учреждений системы Министерства, обеспечение для них безопасных условий труда» (Совет Министров СССР, 1968). Тут нет ни слова о потребностях личности в саморазвитии и прочих гуманистических причудах.

²⁸ Еще раньше были восстановлены экзамены. Постановление 1932 года «Об учебных программах и режиме» заклеяло «пагубные педагогические эксперименты» и вузовское образование вернулось к знакомым нам формам. В это же время введенная Покровским всеобщая почасовая оплата была заменена фиксированными ставками – символический переход в категорию салиариата (см. Заключение).

академическими институтами (по процедуре, в общих чертах похожей на современную) и утверждались Всесоюзным комитетом по высшему техническому образованию или Наркомпросами союзных республик. Вторичность социальных и гуманитарных наук, не имевших прямого отношения к «практике», выразилось в том, что органа, способного утверждать присвоенные ими степени, в какой-то момент просто не существовало. Несколько неожиданно для современного читателя, эти сложности едва ли не в первую очередь испытала философия. Козлова (2001) описывает борьбу Ученого комитета, в ведении которого находилось большинство общественнонаучных и гуманитарных учебных заведений, за расширение круга учреждений, имеющих право присваивать степени, и образование аттестационного комитета, альтернативного комитету по высшему техническому образованию. К концу 1930-х годов проект создания двух параллельных систем – неидеологической естественнонаучной, обращенной к нуждам индустриализации, и идеологической общественнонаучной, подчиненной потребностям пропаганды и воспитания, окончательно провалился. Институты красной профессуры были упразднены, а их персонал частично перешел в ведение Академии, частично – вернулся в университеты. Степени повсеместно стали необходимым условием занятия академических позиций.

Ученые в Академии наук, однако, в 1930-е годы столкнулись с новыми проблемами, главной из которых было доминирование технических специалистов. Созданное тогда отделение технических наук росло с такой скоростью, что к концу Второй мировой войны оказалось самым многочисленным в Академии (Graham, 1967)²⁹ и пользовавшимся наибольшим политическим влиянием. Лишь Атомный проект в сочетании с падением Лысенко изменил положение сил: самоценность фундаментальных исследований в областях, далеких от народохозяйственной практики, была доказана раз и навсегда. Долгая битва за закрепление за Академией статуса Министерства фундаментальной науки, которую Капица (1998 [1935]) и другие начали еще в 1930-е годы, была окончательно выиграна в ходе реформ 1954-1961 годов: отделение технических наук расформировано, входившие в него институты – переданы профильным министерствам, одновременно, претензиям философов на руководство естественными наукам был дан публичный отпор, и их статус неидеологических де-факто узаконен. Возникшая тогда тройственная структура – университеты, подотчетные Министерству образования, Академия наук, имевшая статус самостоятельного министерства, и отраслевые институты, подчиненные соответствующим ведомствам – с небольшими изменениями пережила страну, в которой возникла.

В 1946 году сотрудникам академической сферы были подняты зарплаты в три раза, что превратило их в одну из самых обеспеченных профессиональных групп. В дальнейшем разрыв между ними и всеми остальным постепенно сокращался, но тогда те из них, кто не опасался ночного ареста, мог ощущать наступление Золотого века. В дополнение к этому, при Сталине советский академический изоляционизм достиг своего пика, первым вестником которого было публичное осуждение академика Лузина во второй половине 1930-х годов, главный пункт обвинения против которого состоял в том, что Лузин публиковал свои результаты в иноязычных журналах раньше, чем с ними могли ознакомиться советские ученые (Грэхэм и Кантор, 2011). Гринфельд в цитированной выше книге (Greenfeld, 1995) утверждает, что доминирование той или иной части западнического-эссенциалистического спектра в российской истории определяется внешнеполитическими успехами страны. Триумф, особенно военный, такой, как победа над Наполеоном, вселяет уверенность в собственном превосходстве и, соответственно, поворот спиной к Западу. Наоборот, крупное внешнеполитическое поражение – например,

---

²⁹ На 1 января 1945 года в нем состояло 33 члена, в следующих по численности отделениях биологических и физико-математических наук – 23 и 20, в то время, как в химическом и историко-философском – по 17.

Крымская или Японская война – ведет к кризису и подъему западников, которые постепенно передают инициативу авторитарным модернизаторам из числа эпохалистов. На фоне экономического кризиса Запада, и в особенности после победной Второй мировой войны, Советский Союз перешел в гринфельдовскую фазу торжествующей самодостаточности, в которой будет пребывать до 1960-х годов.

Как мы и можем ожидать от бюрократически сверхрационализованного общества, в результате сталинских контрреформ изоморфность организации образования СССР и других составляющих его государственного аппарата усилилась. Иерархия территориальных единиц имела прямое отображение в иерархии вузов. Территориальные единицы делились по уровням (союзные республики, автономные союзные республики, автономные области, области и т.д.), и, внутри уровней, по старшинству – экономическому, политическому и символическому значению. Номинально, все союзные республики были равны, но некоторые были значительно «равнее» других, и внимательный наблюдатель делал соответствующие выводы из того, что, например, глава Компартии Украины неизменно входил в Политбюро, а глава Компартии Молдавии – не входил ни разу. Вузы, в свою очередь, делились по рангам – университет или институт, с политехническими институтами, занимающими промежуточную позицию. Институты также были объединены в некоторое количество профилей – сельскохозяйственные, педагогические, медицинские, институты культуры и т.д.³⁰. Эти профили также образовывали порядок старшинства, основанного на том, в территориальном узле какого уровня был локализован спрос на специалистов данного профиля. Педагогический вуз обязан был иметь любой значимый административный центр (а сельскохозяйственный – любой центр с преимущественно сельскохозяйственной занятостью, то есть находящийся в самом низу иерархии). Консерватория могла располагаться только в крупном городе со значительным количеством концертных залов и театров. Институт, обслуживающий потребности внешнеполитического ведомства, мог быть только в единственном числе и только в одном городе – Москве. В результате этого упорядочения, старшинство территориального узла коррелировало с разнообразием профилей вузов, представленных в нем – чем больше профилей, тем выше статус. Оно также коррелировало с рангом. Университет, как по определению объединяющий факультеты разного профиля, занимал верхнюю строчку – конкуренцию ему могли составить только некоторые «старшие» институты, связанные с самыми привлекательными специальностями.

Вузы одинакового ранга и профиля образовывали порядки старшинства, признаваемые министерством. Преимущественно эти порядки были просто производны от статуса территорий, и вышестоящие организации продолжали соотноситься с нижестоящими как университеты с гимназиями или даже с приходскими училищами. Периодически на высших возлагали всевозможные функции по шефству за стоящими ниже и дальше от центра в бюрократической иерархии. Кроме того, вышестоящие организации неизменно были больше. Тем не менее, в этой изящной системе корреляций регулярно возникали явные аномалии. Руководство вузов в альянсе с руководством территории могли добиться того, что их учреждение оказывалось явно сильнее, чем предполагал статус территории. Изоморфизм двух иерархий угрожал разрушиться, что не могло оставить бюрократический ум спокойным. В этих условиях, инициативный ректор мог добиться того, чтобы в глазах министерства его педагогический институт заслужил превращения в университет (большинство университетов, возникших в СССР после 1930 года, прежде были педагогическими институтами), а затем занял не последнее место в порядке старшинства университетов. Косвенно, этот рост приводил и к повышению статуса территории, а заодно и увеличению числа баллов в личном политическом зачете

---

³⁰ В основном – сеть институтов культуры, но также некоторое число консерваторий, театральных училищ и т.д.

ее руководителя, поэтому истории того времени знают много партийных антрепренеров, инвестировавших большие усилия в развитие «своего» вуза.³¹

К 1951 году все столицы союзных республик имели университеты (Аврус, 2001: 59), затем их одна за другой приобрели автономные республики и области – конкуренция за статус внутри категории отражалась на стремлении утвердить себя через создание вуза высшего уровня. Рост числа университетов прекратился к 1975 году на уровне областных центров, когда их число составляло около 65. Всего в тот момент в СССР насчитывалось 856 вузов, поделенных на университеты (65), политехнические институты (62) и специализированные институты (729).

Общесекретарская иерархия имела прямую параллель в иерархии престижа, какой она воспринималась студентами. В целом, складывается ощущение, что в самом конце советской эпохи мотивация учащихся приобрела выраженный классовый характер. Они пытались использовать университет в целях, диаметрально противоположных тем, которые предполагались социально-инженеристской идеологией, и сходных с описанной в американской главе в связи с колледжами до Академической революции или в британской – в связи с «древнейшими» университетами до конца XIX века. Высшее образование превращалось в символ социальной привилегированности и в средство сетевого замыкания элиты. Судя по конкурсам, наибольшим спросом пользовались аристократические гуманитарные специальности вроде филологии, истории или искусств. Отчасти конкурс был связан с ограниченностью предложения – советская власть не хотела получить больше образованных по какой-то одной специальности людей, чем требовалось – но не в меньшей степени играл роль и джентльменский ореол культурного эскапизма, окружавший эти специальности. Статус вуза и специальности вместе определяли спрос на нее. Университеты воспринимались как безусловно элитарные учебные заведения, учившие примерно 10% студентов. Конкуренцию им могли составить только отдельные «старшие» институты – редкие, сконцентрированные в Москве и связанные с самыми привлекательными профессиональными нишами, типа МИДа или Театрального училища. Ни для кого не было секретом, что они играли роль социального фильтра, успешно ограничивавшего допуск в элиту. Хотя высшее образование было платным только в течение полутора десятилетий после 1940 года, существование разветвленной системы блато делало поступление в элитарный институт вопросом принадлежности к высшему классу.

К концу советской эпохи несовместимость основной мотивации получающих образование с идеологией, которой руководствовались ведомства, предоставлявшие его, стало очевидным. Министерство высшего образования под разными названиями³²

³¹ Это было сложно, поскольку при распределении ресурсов стоящие выше вузы имели большую поддержку, однако иногда на помощь приходил случай в лице, например, военных эвакуаций или высылки, которые привели к восходу многих периферийных университетов.

³² История бюрократической классификации ведомств, отвечающих за высшее образование в России, может считаться классикой жанра. Они постоянно тасовались между министерствами, отвечающими за образование, науку, технику, культуру и молодежь. Всесоюзный Комитет по делам высшей школы при СНК, существовавший в 1936-1946, был преобразован в Министерство высшего образования, которое затем (1959) стало Министерством высшего и среднего профессионального образования (1946-1990), с 1990 – просто Министерством образования РСФСР (за счет слияния с Министерством просвещения). В 1988-1991 существовал Государственный комитет по народному образованию, вошедший в сети Министерства и Государственный комитет СССР по профессионально-техническому образованию (функционировавший параллельно министерству). Кроме того, в 1953 оно успело несколько месяцев побыть частью Министерства культуры. Интересно, что во главе всех этих ведомств стояли обычно представители московских технических вузов, которые уже тогда рассматривались министерскими технократами как самые надежные союзники – министр Кафтанов (1938 – 1951) – ректор и выпускник МХТИ, Столетов – (1951-1954) выпускник и директор Московской сельскохозяйственной академии им Тимирязева, Елютин (1954-1986) – выпускник и ректор МИСиСа, Ягодин (1985-1988) – выпускник и директор МХТИ. С 1991 по 1996 годы вопросы высшего образования были выведены из ведения Министерства образования и переданы вначале

пыталось бороться с падением требовательности и коррупцией в вузах. К несчастью, другой рукой оно всячески поощряло преподавателей понижать образовательные стандарты. Рассматривая вузы как фабрики по производству специалистов, министерство считало любое отчисление свидетельством брака. Соответственно, вузы всячески подталкивались к тому, чтобы не отчислять уже принятых студентов, что часто подразумевало выдачу дипломов кому попало. Мы видели следствия этого выше на примере активности британской *QAA*; в России эффекты были теми же, за исключением масштаба.

Проблема девальвации касалась, однако, не только дипломов и оценок. В 1975-1976 годах имела место первая реформа Высшей аттестационной комиссии (ВАК), которой предшествовали грозные правительственные постановления, требовавшие «повысить требовательность» к защите диссертаций. Одновременно разворачивалась культурная кампания против девальвации ученых степеней – конец 1970-х годов ознаменовался выходом сразу нескольких сатирических фильмов со звездами российского кино в главных ролях, которые высмеивали защиту диссертаций по блату.³³ К несчастью, проблему они не решили.

Для довершения обзора требуется сказать несколько слов об Академии наук. Отделение сектора исследовательских организаций от сектора организаций высшего образования – общая черта большинства бюрократически рационализированных академических систем, которые вообще предпочитают разносить разные функции. Научный сектор рос параллельно сектору высшего образования и даже большими темпами. К 1975 году общее число занятых в сфере науки и научного обслуживания в СССР составило 4 млн. человек, из них более 1223400 – собственно научных сотрудников, в том числе 326800 кандидатов и 32300 докторов наук (Гвишиани, 1975). Руководство наукой осуществлял межведомственный Государственный комитет по науке и технике (Белановский, 1993). В «высшем научном учреждении», как именовали его официальные документы, т.е. в Академии наук, насчитывалось 41836 научных сотрудников, из которых 678 академиков, (в учреждениях, расположенных в РСФСР и подчиненных непосредственно Академии). Президиум Академии руководил сетью из 246 институтов. Существовало также 38 институтов при университетах. К началу Перестройки СССР обладал самой большой армией занятых в науке и разработках в мире (четверть всех ученых в мире), которая уже несколько десятилетий была поводом для насмешек из-за своей неэффективности в получении Нобелевских премий или международных патентов (социологический взгляд – Collins, 1975: 556-570).³⁴

Министерству науки, высшей школы и технической политики (1991-1993), затем Государственному комитету по высшему образованию (1993-1996). В 1992 году, кроме того, от прежнего ведомства отделены ВАК и Роспатент. В 1996 году Министерство образования преобразовано в Министерство общего и профессионального образования (за счет слияния с Государственным комитетом по высшему образованию), с 1999 – снова переименовано в Министерство образования, которому, кроме того, в 2000 году переданы функции Комитета по молодежной политике. Наука в 1993-2000 находилась в ведении Министерства науки и технологий РФ, в 2000-2004 – Министерства промышленности, науки и технологий РФ. Централизованное ведомство – знакомое нам Министерство образования и науки – появилось 9 марта 2004 года.

³³ Например, «Пена» с Анатолием Папановым, Роланом Быковым и Леонидом Куравлевым или «Добряки» с Георгием Бурковым.

³⁴ Что вполне осознавалось академическим руководством в СССР – необходимость сравняться в эффективности с наукой капиталистических стран было лейтмотивом всех попыток реформ Академии, начиная с 1950-х годов. Интересно, что, в отличие от отставания «развитого социализма» практически во всех других отношениях (кроме сервиса и бытового комфорта), эти обсуждались сравнительно открыто. В этой же области впервые официально восторжествовал глобалистский дискурс: «Важнейшая черта советской науки, продвигающей традиции российской науки, — тесная связь с мировой наукой, освоение ее достижений и одновременно внесение вкладов в ее развитие. Рациональное использование международной кооперации в области науки и техники, растущее международное сотрудничество — существенное условие роста НТП. Эти процессы диктуются усиливающейся интернационализацией науки и тем, что многие

Без Государя

События примерно двух десятилетий между 1989 и 2007 годами широко известны всем вероятным читателям этой книги. Мы ограничимся простым перечислением основных черт произошедшего.

Во-первых, исчезла система централизованного административного руководства академической сферой, согласовывавшей ее развитие с «потребностями народного хозяйства». Технократическая идеология потерпела временное поражение. В вузах, общий план, регулирующий производство специалистов в разных областях высшего образования, был упразднен. Бюджетные места, распределялись по инерции на инкрементальной основе – пропорции более-менее воспроизводились год от года, чтобы не оставлять преподавателей без работы (численность преподавателей была привязана к численности студентов). Основным аргументом при изменении пропорций на некоторое время стала «востребованность», измеряемая конкурсом на учебные специальности – отсутствие конкурса означало потерю бюджетных мест, а рост – возможность продовать расширение приема (разумеется, лоббистская энергия ректора также имела значение).³⁵ Негосударственные вузы и набор студентов на платное отделение, возникшие в этот период, регулировались минимально. Рост этого сектора в основном происходил за счет инициативы снизу, со стороны студентов и вузовских коллективов. Основным ограничителем на открытие специальностей были другие вузы и другие факультеты внутри того же вуза. В начале 2000-х годов ответственность по выдаче государственных лицензий и аккредитаций была переложена на Учебно-методические объединения (УМО), которые объединяли представителей вузов, уже имевших программы по какой-то специальности. Вузы делегировали своих представителей в Учебно-методический совет, собиравшийся в головном вузе и рассматривавший заявки на лицензирование специальностей. Ответ, естественно, часто бывал отрицательным, поскольку появление новых игроков на рынке сокращало долю старых. Представители вузов, уже входивших в УМО, могли добиться таким путем установления практической монополии на локальном рынке.

Централизованная административная инициатива в распределении ресурсов сохранилась только в пределах Академии наук, которая, однако, была теперь независима в принятии этих решений от других государственных ведомств. Фактически, в первый момент это привело к предоставлению сотрудникам полной независимости. Если в советской индустриальной Академии основной единицей был сектор, под руководством заведующего осуществляющий какой-то целостный проект, то в постсоветской появилась возможность для полностью автономной работы. В дисциплинах с преимущественно индивидуальным характером труда, это вскоре стало нормой. Лишь к концу 2000-х годов риторика ограничения «мелкотемья» и установления общегосударственных целей выпуска научной продукции отчасти вернулась. Наконец, возник негосударственный сектор академических организаций, практически не связанный с Министерством и Академией, который не регулировался вовсе. В целом, система государственного

проблемы приобрели глобальный характер... Важнейшее значение международных научных связей состоит и в том, что они оказывают все возрастающее влияние на политические отношения между государствами, содействуя обеспечению международной безопасности, созданию атмосферы доверия и взаимопонимания между народами» (Гвишиани, 1975).

³⁵ Степень поворота от прежнего технократизма не следует преувеличивать. Даже в 1990-е годы, подавая запросы в Министерство на выделение новых бюджетных мест, вузы запасались справками о востребованности специалистов данного профиля в регионе, которыми их снабжали службы занятости. Непохоже, однако, чтобы этим документам придавалось большое значение. Также сохранились рудименты социально-инженеристской политики в виде целевого приема студентов из неблагополучных регионов, например, с Крайнего Севера. Он, впрочем, был количественно крайне незначительным.

управления наукой переживает очевидный кризис идентичности: на месте ясного, хотя и несколько ограничивающего личную свободу легитимационного мифа науки-как-отрасли-народного-хозяйства не возникло никакого другого ответа на вопрос, зачем России ученые. Долгое время Министерство руководствовалось произвольной смесью из представлений о науке как средстве удовлетворения потребностей личности в познании, драйвере «модернизации» экономики и предмете национального престижа.

Вторым, параллельным процессом было сокращение финансирования научных учреждений. Пережитое всей бюджетной сферой, оно коснулось и академического сектора. В сочетании с появлением новых областей занятости, предъявлявших спрос на талант и инициативу, это привело к мощному оттоку кадров вначале – в политику, затем – в разные области предпринимательства. Отток коснулся, прежде всего, младшего (на начало Перестройки) поколения, так, что до сих пор на гистограмме, отображающей возрастной состав какой-то группы ученых, мы видим спад, начинающийся с поколения середины 1950-х годов; поколение 1960-х практически вымыто из науки, и только в поколении 1970-х, добравшемся до рынков труда с середины 90-х, в некоторых специальностях (например, социально-научных) начинается новый подъем. В рейтингах привлекательности профессий среди старших школьников наука стремительно опускается. Хотя сказать что-то об изменении ее общесоциального престижа трудно, это не та профессия, которая переживает бум.

По всей видимости, второе прямо вытекало из первого: исчезновение государственной инициативы в распределении ресурсов являлось прямым следствием падения платежеспособности государства. Дело было не столько в разочаровании постперестроечного поколения бюрократов в технократической идеологии как таковой, а в том, что им нужно было хоть как-то компенсировать невыполнение своей стороны социального контракта. Вузам и Академии была представлена возможность промышленять самим всеми способами, которые придут им в голову. Коллективы получили широкие права самоуправления, прежде существовавшие лишь на бумаге. Если номинально ультрадемократические выборы ректора советского вуза контролировались системой номенклатуры и бдительным оком горкома, то теперь не было ни горкома, ни номенклатуры. Реальная власть перешла в руки трудовых коллективов, а ректор в некоторой мере превратился в демократического политика, соревнующегося за голоса избирателей; то же самое, с известными оговорками, относилось к институтам РАН. Мы увидим дальше, какое направление это придало росту академической системы.

Наконец, третьим важнейшим процессом было исчезновение интернациональных барьеров, которое отразилось, с одной стороны, на приходе западных фондов и распространении схем международного финансирования исследований в России, с другой стороны – на возможности миграции. Несмотря на сеющие панику отчеты о сотнях тысяч навсегда покинувших Россию ученых, кажется, их реальное число было скромнее и вряд ли превышает 25 тысяч за все 90-е (Лахтин и Миндели, 2001 дают цифру в 14300 человек за 1992-1998 годы). Многие другие существовали за счет маятниковой миграции между Россией и «Западом». Более важным, чем потеря части кадров, следствием открытия границ была сегментация российской науки на национально- и интернационально-, или изоляционистки- и ассимиляционистски ориентированные группы, черпавшие доходы и стремившиеся к признанию по разные стороны языкового барьера. Эта граница носила менее зримый характер в области наиболее развитых в СССР «неидеологических» естественных наук (например, теоретическая физика или математика), специалисты в которых активно публиковались на иностранных языках и иногда ездили по миру еще до начала Перестройки. Для социальных и гуманитарных наук, однако, она приняла характер «Железного занавеса», разделившего две группы уже внутри страны, причем «западная» сторона оказалась финансово на порядок успешнее «восточной».

Роль, которую в «восточной» части играло государство, в «западной» играли частные зарубежные научные фонды, которые в странах своего происхождения могли оказывать лишь точечное воздействие на динамику науки – например, поддерживая какие-то неортодоксальные или политически важные проекты. В России, однако, на некоторое время они стали основным законодателем ее развития.³⁶ Благодаря им в стороне от «мэйнстрима» институционального развития возникали совершенно новые организационные формы – негосударственные исследовательские центры (в случае социологии – Центр независимых социологических исследований в Петербурге (ЦНСИ), Центр независимых социологических исследований и образования в Иркутске (ЦНСИО), Центр «Регион» в Ульяновске) или университеты (Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН, «Шанинка»)).

Количественные итоги перехода были таковы. РАН не сильно потеряла в абсолютной численности, сохранив на лето 2013 года 470 научных учреждений (не все они институты), примерно 55000 научных сотрудников, 531 академика и 769 членов-корреспондентов.³⁷ Университеты пережили бум, и число их преподавателей выросло с 1985 почти вдвое (Анопченко и др, 2013). Советские союз, руководствуясь своими представлениями о потребностях страны в специалистах, существенно сдерживал рост студенческой и, соответственно, преподавательской популяции (Meurer and Schofer, 2005). Теперь, вместе с ростом бюджетных мест и опережающим ростом «внебюджета» (примерно с 2006-2007 годов, число студентов, учащихся за свой счет, превысило число бюджетников), это ограничение пропало. Ведомственные институты лишились части сотрудников, но не слишком большой. Иными словами, численного сжатия науки не произошло, Россия сохранила, таким образом, самый массивный академический корпус в мире. Имело место, однако, очевидная потеря в международной позиции: по числу опубликованных работ, попавших в базу *Web of Science (WS)*, Россия опустилась с 4 места (после США, ФРГ и Франции) в 1983-1985 годах на 9 или 10 сегодня (пропустив вперед Японию, Китай, Австралию, Италию, Испанию и Нидерланды). Несмотря на то, что частично это изменение в порядке является измерительным артефактом³⁸, общая тенденция не вызывает сомнений. По мере того, как Министерство все больше инкорпорировало рейтинги и наукометрические показатели в качестве инструмента оценки, над университетами и над Академией начинали сгущаться тучи, но до середины 2000-х годов у государства не было ни ресурсов, ни легитимности для начала масштабных и заведомо непопулярных реформ.

Помимо количественных, разумеется, произошли и качественные изменения, которые можно охарактеризовать через введенное выше разделение всех форм внутриуниверситетской власти на «власть выхода», и «власть голоса». Оставляя институты, существовавшие в рамках «грантовой экономики», пока в стороне, и рассматривая только государственные учреждения, демократические изменения в академических организациях увеличили «власть голоса» коллективов их сотрудников, в особенности рядовых. Коллективы избирали ректоров и во многих университетах –

³⁶ В 2006 году Фонд Форда заказал одному из известных историков СССР, Стивену Коткину, провести оценку эффективности деятельности западных доноров, поддерживавших высшее образование и науку в России. Коткин написал острокритический отчет (Kotkin, 2006), в котором, в частности, оценил совокупные затраты только четырех американских фондов (Карнеги, МакАртур, Сорос, Форд) и только в 1996-2005 годах в 191 миллион долларов.

³⁷ После выборов декабря 2011 года

³⁸ *WS* включает неанглоязычные издания малопредсказуемым образом, опираясь, помимо формальных параметров (регулярность выпуска, английские абстракты, цитирования в изданиях, уже включенных в базу) на решения жюри экспертов, критерии которых никогда не озвучивался. В начале 1980-х годов туда сразу попало несколько десятков русскоязычных журналов (включая «Социологические исследования»), что и привело, отчасти, к повышению показателей.

деканов. Даже там, где деканы не избирались прямо, они избирались ученым советом университета, который состоял из представителей факультетов. Случаи, когда кандидаты, поддержанные коллективом факультета, проваливались на ученом совете университета, были крайне редки, даже когда ректор был энергично против кандидатуры. Та же история происходила на уровне кафедр, и то же самое – в Академии наук: хотя директора институтов, номинально, избирались отделениями Академии, лишь в исключительных случаях отделения поддерживали не тех, кого на предварительном обсуждении поддерживали коллективы.

Отказ от жесткого государственного регулирования приема и появление возможности финансирования вузов благодаря плате за обучение наделил студентов «властью выхода», которой они не имели прежде. Примерный масштаб их влияния можно оценить благодаря Мониторингу экономики образования Высшей школы экономики, который отражал свойства основных доходных и расходных статей вузов. В 2006 году – накануне начала правительственных реформ, существенно изменивших институциональный ландшафт, – были опрошены руководители примерно 600 вузов. В таблице ниже (Табл. 1) приведены средние показатели для отдельных статей бюджетов по типам вузов.

Таблица 1. Основные источники пополнения вузовских бюджетов, по типам вузов³⁹

	Техниче ские	Сельхоз	Транспор т и связь	Экономи ка, право	Медицин а	Педагоги ческие	Универси тет	Культура	Прочие	СРЕДНЕ Е
бюджет	41,77	62,08	38,90	10,20	45,46	33,59	35,40	65,41	14,42	38,58
платное высшее	32,07	18,54	30,58	70,94	33,55	51,01	42,45	18,01	58,72	39,54
дообразование	5,98	4,24	6,61	10,12	8,86	6,61	6,85	2,58	6,24	6,46
подготовительные	3,04	2,97	5,19	3,10	6,69	1,73	3,58	3,04	2,05	3,49
исследования	8,47	5,15	7,13	3,10	1,99	2,39	4,61	1,09	4,12	4,23
производство	0,70	2,22	2,23	0,39	2,80	0,59	1,09	1,37	0,43	1,31
аренда	3,45	2,01	1,53	0,53	1,10	0,70	1,41	1,50	1,42	1,52
спонсоры	1,50	1,69	1,36	0,80	1,90	2,16	0,44	0,78	0,02	1,18
прочие	1,51	1,94	1,33	1,09	1,07	1,14	2,09	5,52	0,16	1,76
N – число вузов в выборке	67	23	26	224	29	47	25	51	9	501

В совокупности, более 88% доходов поступает от образовательных услуг в той или иной форме – или через государственные ассигнования, или в виде прямой платы за обучение. Видно, что при этом для разных типов преобладают разные формы в зависимости от их популярности среди студентов – от социально-экономических и правовых вузов, где на один государственный рубль приходится семь частных, до сельскохозяйственных и институтов культуры, в которых на три государственных рубля приходится один частный.

При этой схеме финансирования, привлечение максимума студентов было основной задачей вуза. Студенты приносили деньги прямо, если они были платниками. Они приносили их косвенно, если поступали на бюджетные места. Даже если принять их на бюджетные места не было возможности, поскольку контрольные цифры этого не позволяли, то возросший конкурс позволял торговаться об открытии новых бюджетных мест в следующие годы. Кроме того, неудачливые абитуриенты все равно оставляли сколько-то средств в карманах преподавателей через подготовительные курсы. Студенты продолжали платить, оказавшись внутри вуза, особенно если были не особенно прилежными учениками. Студентам в политической структуре университета принадлежала разве что номинальная «власть голоса», но огромная «власть выхода».

³⁹ Воспроизведена таблица из (Соколов и Волохонский, 2013)

Знали они или нет, студенты были действительным хозяевами постсоветского вуза. Обычной историей в собранных нами интервью была такая:

[Ректор университета] взял курс на решение тяжелых проблем с общежитиями. Весь университет несколько лет жил на голодном пайке, но теперь этих проблем нет, и конкурс у нас везде приличный. (муж., 1950-х г.р., д.н., завкафедрой, Ист-сайт)

Сложно сказать, ради чего еще ректор мог принять легитимное решение затянуть пояса при наличии доходов, которые можно было проесть.

Чего хотели от высшего образования студенты? И, двигаясь к тому, чтобы представить основных героев этой главы, чего хотели студенты-социологи? Консервативные критики обычно представляют современных учащихся как совершенно отупленных массовой культурой и ЕГЭ, готовых получать любое высшее образование «ради корочки». Более тщательное изучение студенческих предпочтений, однако, показывает, что, хотя студенты, готовые учиться ради любой «корочки», и правда существуют, они никак не являются большинством. Для большинства студентов совершенно не все равно, в каком университете учиться, как и на какой специальности. Лучше знакомые с ними наблюдатели отмечают, однако, что основные решения принимаются ими на основании соображений престижа вуза или специальности, не на основании каких-либо осознанных личных интересов.

Сейчас из-за ЕГЭ отменили факультетские вступительные экзамены для борьбы с коррупцией. Я не считаю, что это правильно. [Наш университет] – один из четырех вузов, которые сохранили право проводить профильные испытания, и я лично рад, что мы их провели. У нас нет таких проблем, как у экономистов в СПбГУ, к которым поступает много незаинтересованных людей. То есть, они поступают, потому что это престижно, потому что они талантливые ребята и хорошо учились в школе – но они на самом деле не хотят быть экономистами! (муж., 1950-х г.р., завкафедрой, Ист-сайт)⁴⁰

Иерархия университетов, существующая в умах абитуриентов, судя по всему остается слепком с территориально-административной иерархии, заложенной в российское высшее образование еще на стадии его роста. В высшей страте мы по-прежнему наблюдаем университеты, расположенные в Москве и, в меньшей степени, в Петербурге, старые и большие – то есть, те, которые занимают центральные узлы в образовательной системе. «Классический университет» по-прежнему считается принадлежащим к высшему рангу. Но из-за того, что на волне массовых конвертаций в «классические» превратилась масса вузов (обычно бывших педагогических) в небольших городках и из-за присутствия в них непопулярных естественнонаучных факультетов, средние показатели цены или средний балл на экзаменах для этой категории невысоки. Популярность бывших ранее институтами профильных университетов⁴¹ определяется популярностью соответствующей группы профессий – социально-научные наверху, сельскохозяйственные или педагогические внизу.

⁴⁰ Более формальные доказательства можно найти в статье (Соколов и др., 2014)

⁴¹ «Закон об образовании» 1992 года ввел вместо схемы «университет – политехнический институт – институт» новую трехчастную схему «университет – академия – институт», построенную, впрочем, на том же принципе – университету соответствует большее разнообразие специальностей. В результате, за счет открытия популярных экономики и права, возникли такие необычные вузы, как «университет растительных полимеров».

Примечание: статистические иллюстрации. Ниже приводятся данные исследования, проведенного Тамарой Ковалевой (НИУ-ВШЭ) в сотрудничестве с одним из авторов (Михаилом Соколовым). Источником данных была статистика, собранная порталом «Российское образование»⁴². Информация собиралась в июле-августе 2010 года с сайтов соответствующих университетов, что объясняет многочисленные лакуны. Тем не менее, общее покрытие значительно: всего в базе присутствует какая-то информация о 492 государственных вузах (из 653, которые в том году зафиксировал Росстат, негосударственные вузы исключались из рассмотрения) и 12452 программах бакалавриата. Мы взяли цену программы и средний балл ЕГЭ в 2010 году в качестве зависимой переменной и рассчитали влияние (а) размера города (данные Всероссийской переписи 2010 года), (б) размера вуза (численность преподавателей); (в) возраста университета; (г) академическая сила (бралась доля докторов наук среди преподавателей и, независимо, позиция в рейтинге научной производительности ВШЭ, основанная на статистике публикаций в индексах цитирования и грантов российских фондов). Таблица 2 дает регрессионные коэффициенты для цены.

Таблица 2. Факторы, определяющие стоимость образовательных программ в вузах (результаты регрессионного анализа)

	Цена года образования (<i>B</i> линейной регрессии в рублях)
(А) Константа (базовый уровень)	65406
(Б) Характеристики города	
Москва	28543***
Петербург	23427***
Более млн. жителей	4750*
Более 500 тыс.	140
Более 250 тыс.	-367
Менее 250 тыс.	0
(В) Тип университета	
Классический университет	-3822
(Поли)технический	-3981
Педагогический	-10245*
Сельскохозяйственный	-13060**
Медицинский	9897*
Социально-экономический	11983*
Гуманитарный	1642
Прочее	0
(Г) Размер (число преподавателей)	6**
(Д) Год основания	-10
(Е) Доля докторов наук, %	-74
R2 = 0.45	* значит $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$

Эта таблица может быть прочитана следующим образом: чтобы предсказать, какова будет стоимость средних учебных программ в данном вузе, необходимо взять базовый уровень в 65406 рублей (переменная А), затем прибавить к ней значение переменной Б (скажем, 28543 рубля, если дело происходит в Москве), затем – значение переменной В (скажем, 9897 рублей, если вуз медицинский), затем – переменной Г (прибавить по 6 рублей за каждого работающего преподавателя – скажем, 1200, если преподавателей 200), затем – переменной Д (отнять по 10 рублей за каждый год, прошедший с основания, например, 900, если вузу 90 лет), и переменной Е (отнять по 74 рубля за каждый процент докторов наук – 1480, если их 20%). Итого, наша ожидаемая цена вуза будет 102666 рублей. Только размеру города, размеру вуза и его типу, впрочем, соответствует высокий уровень значимости. Коэффициенты практически идентичны для результатов ЕГЭ, за единственным исключением – доля докторов наук, как и положение в рейтинге ВШЭ, альтернативная мера научной успешности, дают там слабый, но значимый, положительный коэффициент. Есть некоторые намеки на то, что в России есть два образовательных рынка – для богатых и для умных –

⁴² Доступно по ссылке: <http://www.edu.ru/abitur/act.61/index.php> (доступ осуществлен 28 августа 2014).

живущие по немного отличным правилам.

Отметим, что для нестоличных вузов значимой переменной будет также уровень жизни в регионе – каждый рубль в средней заработной плате будет повышать стоимость образовательных услуг примерно на одну копейку, для баллов ЕГЭ средняя зарплата в регионе, неожиданно, станет значимой отрицательно – возможно, следствие усиленной миграции в столицы из более обеспеченных областей, в которых больше домохозяйств могут позволить себе обучение в другом месте.

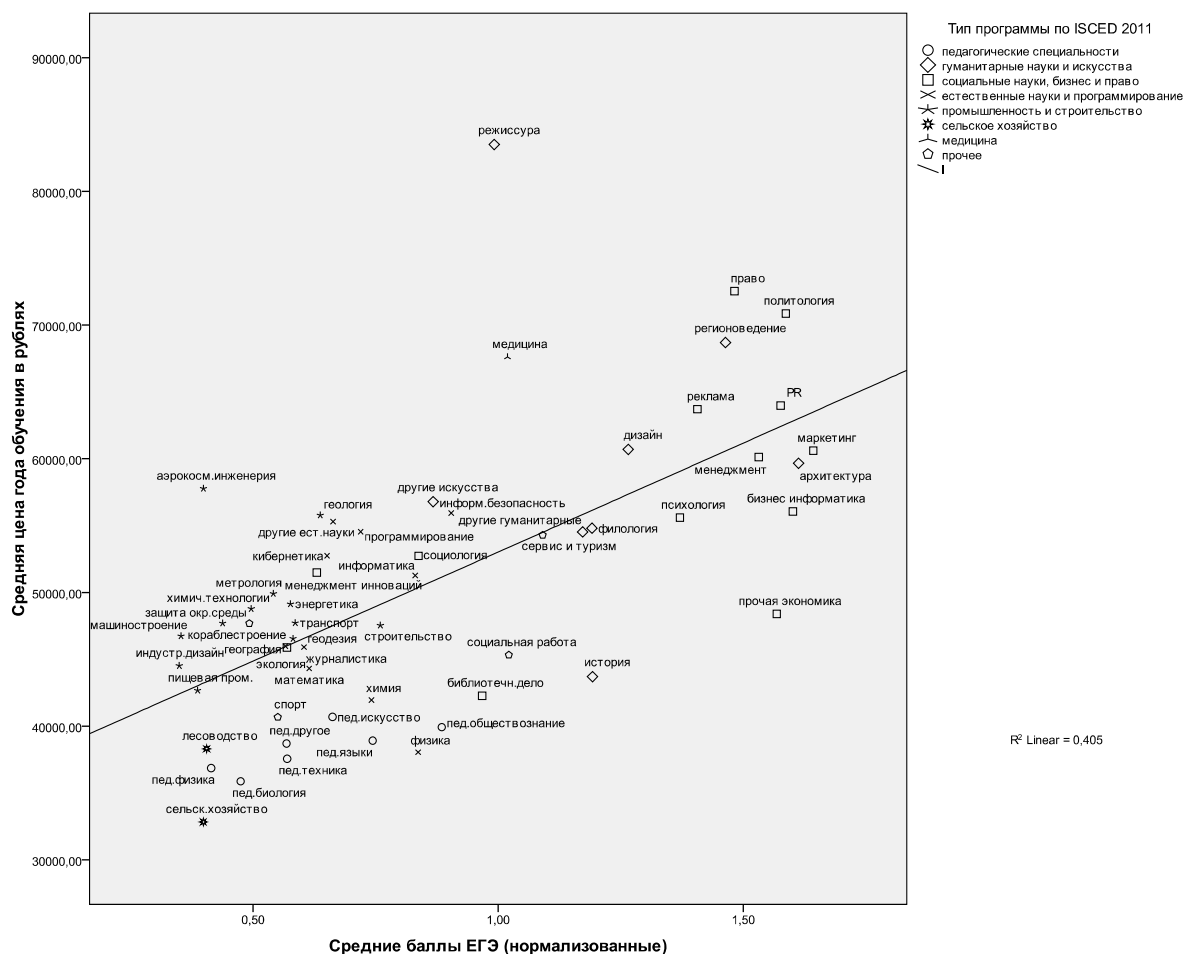
Список самых популярных факультетов, в сущности, повторяет список самых привлекательных профессий, каким он видится большинству респондентов, опровергая представления о том, что для большинства абитуриентов все равно, чему учиться. Так, в октябре 2006 и октябре 2009 годов ВЦИОМ задавал своим респондентам вопрос «Какие профессии Вы считаете в настоящее время наиболее престижными?» (закрытый вопрос, не более 3 вариантов ответа).⁴³ Пять безусловных лидеров образовали следующий список:

- Юрист, адвокат, прокурор (2006 – 28%, 2009 – 20%);
- Экономист, финансист (2006 – 20%, 2009 – 12%);
- Врач (2006 – 11%, 2009 – 12%);
- Предприниматель, бизнесмен (2006 – 10%, 2009 – 7%);
- Программист (2006 – 6%, 2009 – 7%).

Другие опросы с немного измененными формулировками вопросов («Кем бы вы хотели видеть вашего сына/дочь», «Какие специальности наиболее востребованы в обществе») дают похожие списки за исключением того, что в них иногда появляются также архитектура и строительство или артистические профессии. Все, что мы знаем о спросе на высшее образование, показывает, что выбор высшего учебного заведения определяется стремлением приобрести максимально престижную профессию. На рисунке ниже (Рис. 1) суммируются данные о связи минимальном балле ЕГЭ поступившего на бюджетное отделение абитуриента и средней цены 61 типа программ, демонстрируя лидерство примерно тех же специальностей, какие назывались выше: экономических, права, медицины, архитектуры и дизайна. Среди технических специальностей явное лидерство удерживает программирование. Несмотря на некоторые расхождения, вкусы студентов, поступающих за баллы ЕГЭ, и студентов, поступающих за плату, не особенно отличаются друг от друга (корреляция Пирсона составляет 0.636).

Рисунок 1. Связь селективности приема и средней цены года обучения

⁴³ См. «Рейтинг престижных и доходных профессий»: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=12540> (доступ осуществлен 29 августа 2014).

Все остальные вузы и все остальные факультеты в той или иной мере являются субститутами для популярных факультетов и популярных профессий. Для наших дальнейших изысканий важно то своеобразное положение, которое занимает социология, оказывающаяся одной из самых дешевых (второй снизу после библиотечного дела) и неселективных (второй снизу после менеджмента инноваций) социальных наук. Простое объяснение состоит в ее массовости.

Социология является самой массовой из социальных наук. В нашей выборке обнаружилось 483 программы по ней, против 472 сельскохозяйственных, 226 медицинских и 94 политологических. Секрет в том, что, при демократической университетской политике, непопулярную специальность было крайне затруднительно закрыть, и даже если не закрыть ее было невозможно, что-то должно было заменить ее, чтобы не производить массовых увольнений. Коллектив обладал рычагами для того, чтобы защитить себя. Возникновение социологии было следствием невозможности полностью закрыть другие кафедры – научного коммунизма или исторического материализма. Относительное преобладание спроса над предложением означало низкую цену – опять же, в демократическом университете факультету нельзя было отказать в открытии бюджетных мест (см. далее), но поскольку спрос на них был низок, то и цена была минимальной.

Социология в поле социальных наук оказалась тем же, чем технические специальности являются для пространства факультетов в целом. На графике она находится в опасном соседстве с энергетикой, машиностроением, программированием и транспортом. То, что можно было назвать «социологическим сообществом» – сеть старых

советских социологов, – было слабым игроком и не могло воспрепятствовать росту числа программ через УМО, даже если возникло бы такое желание, тем более, что вначале «сообщество» увидело в этом развитии свой триумф. Это обстоятельство, наравне с общей неясностью образа социолога в массовом восприятии и кажущимся родством с другими социальными науками, сделали социологию их доступным заменителем. Этому особенно помогало то, что для поступления на социологию надо было сдавать тот же набор обязательных экзаменов, что и на экономику. Введение ЕГЭ далее способствовало закреплению за социологией функции заменителя экономики для бедных и академически неуспешных (Соколов и др., 2014).

Последнее замечание, которое надо сделать про студентов, таково. Выше мы уже ссылались на классическую типологию Трой (1960). Трой разделил студентов на четыре группы на основании пересечения двух признаков (Табл. 3). Первый касается доминирующих мотивов и противопоставляет ориентированных на нормальную профессиональную карьеру (отучиться, чтобы пойти работать), и не ориентированных. Студенты также различаются по доверию и лояльности своему университету и академическим институтам в целом: одни им доверяют, другие – нет. Это дает нам два измерения. Пересечение желания сделать профессиональную карьеру и доверие университету как институту высшего образования дает нам «профессионала». Желание сделать нормальную карьеру, но скептицизм по поводу инструментальности высшего образования дают нам коллегальную субкультуру. Карьера домохозяйки, как квазипрофессиональная занятость, попадает в эту категорию. Как раз эта категория студентов учится «для корочки», университетский диплом для них – чистая формальность, а мотивы образования – чисто классовые, соответственно, они предпочитают тратить на него минимум времени. Сочетание отрицания стандартной карьеры и инструментальности университета дают нам бунтаря – исчезающе-редкий тип в сегодняшней России. Наконец, лояльность университету в отсутствие ориентации на нормальную карьеру дают нам «академика» – типаж, к которому принадлежат все авторы этой книги, да и, по всей видимости, ты, дорогой читатель.

Таблица 3. Типология студенческих культур Мартина Трой

	Доверие академическим институтам (+)	Нет доверия академическим институтам (-)
Ориентация на нормальную карьеру (+)	Профессионалы	Коллегиалы
Нет ориентации на нормальную карьеру (-)	Академики	Нонконформисты

Важной особенностью положения вуза или специальности в иерархии – которая особенно проявилась с введением ЕГЭ⁴⁴ – было неравномерное распространение

⁴⁴ Степень коррумпированности ЕГЭ и его способность выделять наиболее пригодных для дальнейшего обучения студентов является поводом для ожесточенных дебатов. У нас нет какого-то решительного мнения по этому поводу. Тем не менее, из данных, которых приводятся дальше, следует, что, в целом, он все-таки обладает способностью сортировать студентов на основании их профессиональной мотивации, если не способностей. Мы подозреваем, что, во всяком случае, в привлекательных «классовых» студентах специальности, он делает это лучше, чем непосредственно предшествовавшая ей система приема. Бывший замдекана, ответственный за поступления на очень престижный факультет очень престижного вуза, оценил действовавшую еще в 2007 году систему так: *«В настоящее время поступить сюда с улицы никаких шансов. На факультете училась [медийная звезда], сын [губернатора], сын [известного актера]. Моя*

студенческих культур на разных ее уровнях. Студенты, которые занимали высшие строчки, стремились использовать вузы не так, как те, кто занимал нижние. Один из авторов участвовал в исследовании⁴⁵, в ходе которого учащимся четырех петербургских экономических факультетов задавался стандартный набор вопросов о причинах выборах специальности и факультета, учебной и внеучебной активности, планах на будущее и т.д. На графике наподобие Рисунка 1 эти факультеты располагались на почти ровной прямой, различаясь по цене и селективности в три раза. Задачей было выяснить, происходит ли, по мере движения сверху вниз, изменение в удельном весе разных студенческих культур. Мы обнаружили, что иерархия престижности является удивительно общепризнанной, хотя у тех, кто стоит в ней ниже, и есть рационализации своего выбора (студент Высшей школы экономики (ВШЭ) оценит СПбГУ как «слишком пафосный» для себя – но не будет отрицать, что он стоит выше). Престижность университета, в общем, отождествляется с качеством образования и его сложностью, а также с перспективами на рынке труда. Характерным образом, на верхнем конце спектра мы находим ориентацию студентов на самостоятельный поиск работы на открытом рынке, внизу – очень частым мотивом окажется ожидание, что рабочее место будет предоставлено семьей (отцом). Вверху родители участвуют только в помощи с определением самой лучшей профессиональной программы. В отсутствие иной определенности (сильная мотивация), выбор университета и специальности делается по принципу «лучшего из доступного» – самый желанный факультет и самый желанный университет для других. Это приводит в лучшие университеты массы талантливых, но не находящих себя людей, поступивших из спортивного интереса, собственного или родителей. Особенно от этого страдает, видимо, СПбГУ, в котором оказывается масса способных, но незаинтересованных студентов, и расцветает культурная жизнь, принимающая даже несколько божественный характер – например, появляются литературный и кино-клубы.

По мере продвижения сверху вниз, объем заданий для самостоятельной работы становится все меньше, лекции превращаются в запись ответов на экзаменационные вопросы, а преподаватели приходят на лекции пьяными. Самым ценным свойством в них становится «веселость» и умение шутить, в то время как наверху предпочтение отдается способности ясно объяснять материал. Ниже какой-то черты, возможность покупки экзаменов за деньги перестает удивлять. Границы студенческих культур, видимо, во многом проходят между факультетами и университетами, а не внутри. Лишь во ВШЭ и СПбГУ мы находим некоторое субкультурное разнообразие, однако ниже с трудом можно обнаружить какие-то вариации.

Если учесть, что экономика является одной из доминирующих профессий, то можно предположить, что это значит для специальностей-субститутов. На них поступают преимущественно те, кто не справился с финансовыми и интеллектуальными требованиями вышестоящих специальностей. Примерно то же соотношение, которое выше мы наблюдали между программами разных университетов по одной специальности, повторяется здесь на примере разных специальностей внутри одного университета. По сравнению с экономикой, социология в поле каждого отдельного вуза стоит ближе к полюсу нетрезвых преподавателей и низовой коррупции.

стратегия была брать сколько-то, 5-6, самых умных на каждый курс, чтобы минимально создать среду. Но по умолчанию, остальные поступают вне конкурса. В списке поступающих вне конкурса есть доля ректора и доля декана. Ректору выгодны слабые деканы, потому что они позволяют ему увеличить свою долю. Сила или слабость декана – это отчасти личная слабость, отчасти вопрос того, сколько денег приносит факультет, отчасти вопрос зависимости от услуг ректора в прошлом, взаимных обязательств. Это всегда торговля, переговоры, декана вызывают в кабинет ректора, и они решают» (муж, 50-е г.р., д.н., проф.).

⁴⁵ Основным исследователем была Тамара Ковалева (НИУ-ВШЭ), сбор данных проводился в Петербурге в 2013 году.

В качестве заключительного замечания и перехода к одной из следующих частей, надо отметить, что положение вуза в иерархии и доминирующая студенческая мотивация влекут за собой важные, хотя и не во всем однозначные, последствия с точки зрения его привлекательности для преподавателей:

В: Если ли разница между преподаванием в *X* и *Y*?

О: Огромная. Потому что в *X* поступают образованные, интеллигентные дети. Они знают разницу между методами и методологией. Они понимают, что такое исследовательская программа. В *Y* – быдло. Те, кого больше никуда не взяли. Те, кто набрал минимальные 30 баллов. Я не справляюсь с ними в аудитории. Редко-редко попадаются вменяемые студенты.... Казалось бы, группа маленькая, 5 человек, почти индивидуальное обучение, но здесь меня поток понимает гораздо лучше, чем там эти 5 человек. Я себя здесь как преподаватель чувствую лучше. Но зато в *Y* я читаю тот предмет, который ближе к моим научным интересам... И еще в *Y* я могу себе позволить быть свободнее, отойти от программы. Здесь я ограничен программой. Здесь постоянный контроль. Я не могу здесь отменить лекцию – это нужно будет долго согласовывать с деканатом. И перед студентами мне будет неудобно.

В: Какого рода здесь ограничения? Если Вы не хотите читать Дюркгейма, а хотите Парсонса – можете ли вы не читать Дюркгейма?

О: Ну, понимаете ли как, здесь образованные студенты. Я не могу делать все что я хочу. Есть еще контроль с их стороны (муж., 1970-х г.р., к.н., доцент, Ист-сайд).

Возвращение Левиафана

Условной датой, когда порядок, сложившийся за 15 первых лет существования РФ, стал изменяться, мы можем считать 2005-2006 годы. Государство ощутило себя достаточно богатым, чтобы начать использовать пряник, и достаточно легитимным, чтобы не побояться применить кнут. В целом, на волне успехов государственная идеология качнулась от униженного западничества к оптимистично-торжествующему эпохализму. Целью теперь было воспользоваться вновь приобретенными ресурсами, чтобы выиграть у Запада в его же политико-экономической игре. Наука была релевантна с этой точки зрения в двух качествах – как источник экономического роста и военной мощи и как символ национального престижа, наподобие большого спорта.

Запад также участвовал в этом состязании в двух ролях. С одной стороны, он был главным соперником. С другой стороны, именно его признания собственного превосходства Россия больше всего желала добиться.⁴⁶ Непосредственным противником для эпохалистских реформ, однако, был внутренний, не внешний враг – советский академический истэблшмент, который для реформаторов был и культурно, и политически чуждым. Наука являлась областью с одной из наиболее медленных ротаций элит. В Академии, как и в ректоратах многих университетов заседали люди, которые заняли кресла еще при советской власти. По сравнению с тем, какими мечтали видеть себя представители эпохалистской бюрократии, они в мешковатых долгополых костюмах являлись антропологическим контрастом.

К несчастью, прямо использовать новоприобретенные рычаги влияния государства – возможность лишить финансирования – против этой группы не представлялось возможным, поскольку традиционные каналы централизованного распределения средств

---

⁴⁶ Поэтому, например, подававшиеся многими энтузиастами предложения создать собственный глобальный рейтинг университетов, в котором Россия заняла бы первые места, Министерство не заинтересовали.

и контроля качества также находились в ее руках. К середине 2000-х годов таких каналов было три: ВАК, который одобрял состоявшиеся на местах защиты; УМО, которое лицензировало учебные программы, утверждало содержание учебных курсов и присваивало гриф «рекомендовано» учебным пособиям; и РГНФ и РФФИ – два основных российских фонда, распределявшие государственные гранты на исследования. Помимо них, существовало некоторое количество федеральных и региональных программ поддержки науки, которые, однако, функционировали в основном по тому же принципу.

С точки зрения чиновников, все они контролировались академическим истеблишментом. Выборы экспертов в ВАК и фонды проводились из «представителей ведущих российских научных школ», что практически принимало формы рассылки приглашений по закрытому списку организаций – в основном «главных» университетов и академических институтов.⁴⁷ От делегированных организацией ожидалось, что они будут лоббировать ее интересы (правил, запрещающих для самих экспертов участие в конкурсе или рецензирование ими заявок из собственного университета, не было). В общем и целом, предполагать, что они выступят катализаторами радикальных реформ, не приходилось.

Еще более проблематичным был случай УМО, в котором представители тех же научных школ должны были, в составе руководящего Учебно-методического совета, совместно (а) утверждать образовательные стандарты; (б) одобрять открытие новых программ по данному профилю и (в) рекомендовать учебные пособия. Типичное положение об УМО включало в себя пункты вроде следующего:

1.1. Председатель УМС по социологии, социальной антропологии и организации работы с молодежью и его Президиума является деканом социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова⁴⁸.

Главный университет был, по сути дела, назначен управлять развитием дисциплины – легко усмотреть в этом прямое продолжение представления об университетах как о приводных ремнях образовательной системы, заложенное еще в первом типовом уставе. Из социологического примера известно, как использовался этот пост. Занимавший его долгие годы В.И. Добреньков был соавтором значительной части наиболее растиражированных учебников, а его семья владела издательством, публикующим эти учебники. Кроме того, возможность аккредитовать или не аккредитовать программу, или поставить гриф «одобрено» на учебное пособие широко использовалось им для создания сети политической поддержки, в которую была включена большая часть региональных вузов. В ситуации политического кризиса на своем факультете, с которым Добреньков столкнулся в 2007-2008 годах, он широко использовал эту сеть. Тогда против Добренькова выступила группа профессионально- и академически ориентированных студентов и окормлявших ее западных преподавателей, которые также мобилизовали сочувствовавших со стороны (см. Журавлев, 2012; Соколов? 2007). Обвинения касались как невысоких стандартов преподавания (вообще говоря, неизбежных, исходя из того, какова была мотивация студентов, которых факультету в основном приходилось учить), так и всевозможных личных прегрешений декана. В частности, оппозиционеры упрекали его в том, что приносящие ему такой доход учебники содержат плагиат.

В ответ Добреньков активировал связи с региональными факультетами, украсив сайт десятками писем в свою поддержку. При этом, он широко использовал созданную по сути

---

⁴⁷ Словами одного из экспертов РГНФ: «*Меня вызвал [декан факультета] и сказал заполнить анкету. Они посмотрели – доктор, профессор, есть монографии – пойдет*» (муж., 1960-е г.р., д.н., профессор, Ист-сайд).

⁴⁸ Характерно, что, помимо Учебно-методического совета, существовал Научно-методический совет, который отвечал за программы по социологии для непрофильных специальностей. Никто из знакомых с Россией не удивится, узнав, что его по должности возглавлял декан факультета социологии СПбГУ.

на базе УМО Российскую социологическую ассоциацию (РоСА). Как проводилось рекрутирование в нее, показывает такой фрагмент из интервью:

О: ...Я вхожу в УМО Владимир [Ивановича] Добренькова...

В: А как вы попали в УМО?

О: А, лицензировал специальность, я там ходил везде, кланчил, чтобы нам подписали, ну вот, и там заметили, сказали, слушай приезжай – позаседаем, ну я и приехал.

В: А как члену УМО вам приходилось выполнять какие-нибудь обязанности или это так просто?

О: Нет, голосование. Ну, голосовать, какое-то заключение мы писали... а так – нет. (муж., 1950-х г.р., д.н., завкафедрой, Ист-сайт)

В дальнейшем, Добреньков инициировал создание еще одной ассоциации с угрожающей для его либеральных критиков аббревиатурой Союз Социологов России. Хотя ничто в его ранней эволюции не предвещало этого, под атаками западников-ассимиляционистов он постепенно вырос в стойкого изоляциониста.

Основной целью наступления правительства на эту систему было заменить олигархический коллегиальный контроль – который неизбежно предполагал привлечение академических боссов – на типично-бюрократический, в котором его осуществляли бы на основании формальных правил государственные чиновники, вписанные в вертикаль власти. Использование этих правил было неизбежным следствием распространения бюрократической «культуры подозрения». Эта культура, прежде всего, стремится найти какие-то признаки, которые позволят чиновнику проникнуть сквозь завесу эзотеричности, скрывающую действия ученых. Помимо того, чтобы сделать деятельность ученых прозрачной для чиновника, однако, они должны сделать и деятельность самого чиновника прозрачной для следующего чиновника в цепочке. Благодаря обычной бюрократической алхимии, эти признаки неизбежно принимают характер каких-то формальных показателей, доступных для широкого обозрения и восстанавливаемых при последующей инспекции. Цель введения показателей заключалась в том, чтобы сократить дискрецию отдельного бюрократа, обеспечив ему взамен безопасность – возможность рационализировать свое поведение и полностью переложить на других ответственность за принятое решение.

В том, какие типы формальных показателей в итоге утвердились, основную роль сыграл эпохалистский романтизм. Конечной целью введения показателей признавалось приближение подотчетных организации к «международным стандартам». Международные стандарты – расплывчатая вещь, но с публикации первого Шанхайского рейтинга вузов в 2003 году и рейтинга *THE-QS* в 2004 для Министерства критерии оценки значительно прояснились. Университеты должны были быть пригодными для попадания в них – и потому, что это попадание означало «международное признание» в чистом виде, и потому, что формальные библиометрические критерии, используемые во всех трех основных рейтингах, соответствовали идеалу «формального критерия, независимого от коррумпированной российской академической элиты» (то же самое касалось части репутационных опросов в *QS*). Рейтинг, кроме того, запускал механизм конкуренции между университетами, в которую новое поколение чиновников верило. С точки зрения существующей институциональной структуры, однако, в использовании университетских рейтингов как инструмента был один существенный пробел. Они не покрывали Академию наук, и, наоборот, ресурсы, переданные Академии, тем самым отнимались от задачи обеспечения подъема университетов. Было бы упрощением сказать, что именно это обстоятельство подготовило финальное падение РАН, но, вероятно, оно ускорило процесс.⁴⁹

⁴⁹ С 1992 года, времен первого постсоветского министра образования и науки Бориса Салтыкова, основным курсом был перенос заботы партии и правительства на развитие университетов, а также исследовательских

В этом движении министерство нашло парадоксального союзника. В то время, как в общеполитических вопросах в последнее десятилетие основной раскол проходил между авторитарными модернизаторами – эпохалистами и западниками-либералами, с эссенциалистами-консерваторами, в основном поддерживающими модернизаторов, то здесь как раз западники и модернизаторы оказались на одной стороне баррикад. Министерство признавало превосходство – в том числе, моральное – западной науки, что вполне соответствовало ассимиляционистским воззрениям либералов. Инициативы построить систему оценки, независимую от существующего истэблшмента, и в особенности от Академии, исходили из среды либеральных радикалов, таких, как биологи Северинов и Гельфанд или экономисты Гуриев и Сонин, которые также вполне снисходительно относились к использованию индексов цитирования, особенно международных. Легитимность действий Министерства в значительной мере подкреплялась благодаря поддержке этих людей, в других отношениях находящихся в решительной оппозиции к режиму.

Идеологические устремления чиновников и их представления о том, что и как можно контролировать, задали основные направления реформ. Первой из тенденций здесь надо считать восхождение Рособнадзора, который должен был осуществлять контроль над качеством образования, тем самым заместив прежнюю систему УМО и поглотив ВАК. Вначале функции Рособнадзора были скромнее – он всего лишь должен был обеспечивать текущий контроль над соответствием учебного процесса нормам, установленным УМО.⁵⁰ В 2009-2011 годах, однако, произошло решительное наступление. В соответствии с новыми постановлениями, аккредитация производилась одновременно для всех специальностей по магистратуре в данном вузе, что ликвидировало роль профильных УМО. Кроме того, с 2011 года утверждение Госстандарта перешло в руки чиновников, которые теперь лишь по собственному усмотрению привлекали экспертов и могли учитывать, но могли и не учитывать рекомендации УМО.

Российским социологам кажется, возможно, несколько эгоцентрично, что именно события в их дисциплине в значительной мере подготовили падение УМО. Добреньков, особенно после связанных с плагиатом скандалов, был тем одиозным примером, на который всегда могло сослаться Министерство, объясняя необходимость реформ. Фактически, изменение правил произошло в момент, когда Добреньков и его сеть конкурировали с сетью Высшей школы экономики за внедрение стандартов третьего поколения (см. далее, также Чернова и Шпаковская, 2011). Сети в значительной мере были собраны по политическому признаку – консервативно-изоляционистский МГУ и

центров и технопарков при них. Полуофициальной линией является предоставление РАН своей судьбе при постепенном сокращении финансирования и закрытии институтов по мере достижения их персоналом пенсионного возраста или передачи более эффективных институтов в распоряжение университетов. То, что начиналось как идеалистическое следование американской модели, получило новый импульс с пришествием рейтингов. Надо отметить, что накануне финальной схватки руководство РАН явно переоценило собственную устойчивость и недооценило решимость Министерства. В 2012-2013 годах Академия по требованию Министерства провела внеочередное самообследование с целью оценки эффективности своих институтов. По его итогам, только один из них был признан неэффективным и подлежащим реформированию. После такого плевок в лицо Министерство перешло к решительным действиям.

⁵⁰ Этот текущий контроль в основном принимал форму проверок (а) состояния программ учебных курсов, (б) формальных квалификаций («остепененность», полнота занятости) персонала, (в) комплектации библиотек; (г) оценки технических параметров помещений. Внедрение этих требований в значительной мере изменили направления расходов вузов. В исследовании, на которое мы уже ссылались выше, выяснилось, что в среднем 7,14% расходов центральных бюджетов вузов в 2006 году были связаны с комплектацией библиотек и собственным книгоизданием (эти две вещи были объединены в одном пункте анкеты). Требования к комплектации библиотек также вызвали вопросы в связи с необъяснимым покровительством «Кногофонду», которое оказывал Рособнадзор, однако, если какая-то коррупция и имела место, она точно не была связана с дисциплинарным истэблшментом.

либерально-ассимиляционистская ВШЭ, и отстаиваемые ими Госстандарты носили явный отпечаток этих пристрастий. Министерство стало на сторону ВШЭ, что было воспринято как победа либералов. Того, что в итоге контроль перешел в руки чиновников, и либеральность стандарта стала полностью залогом преобладания соответствующих настроений в Министерстве, никто не заметил. Как и все фавориты, Высшая школа экономики не предусматривала возможность потери милости.

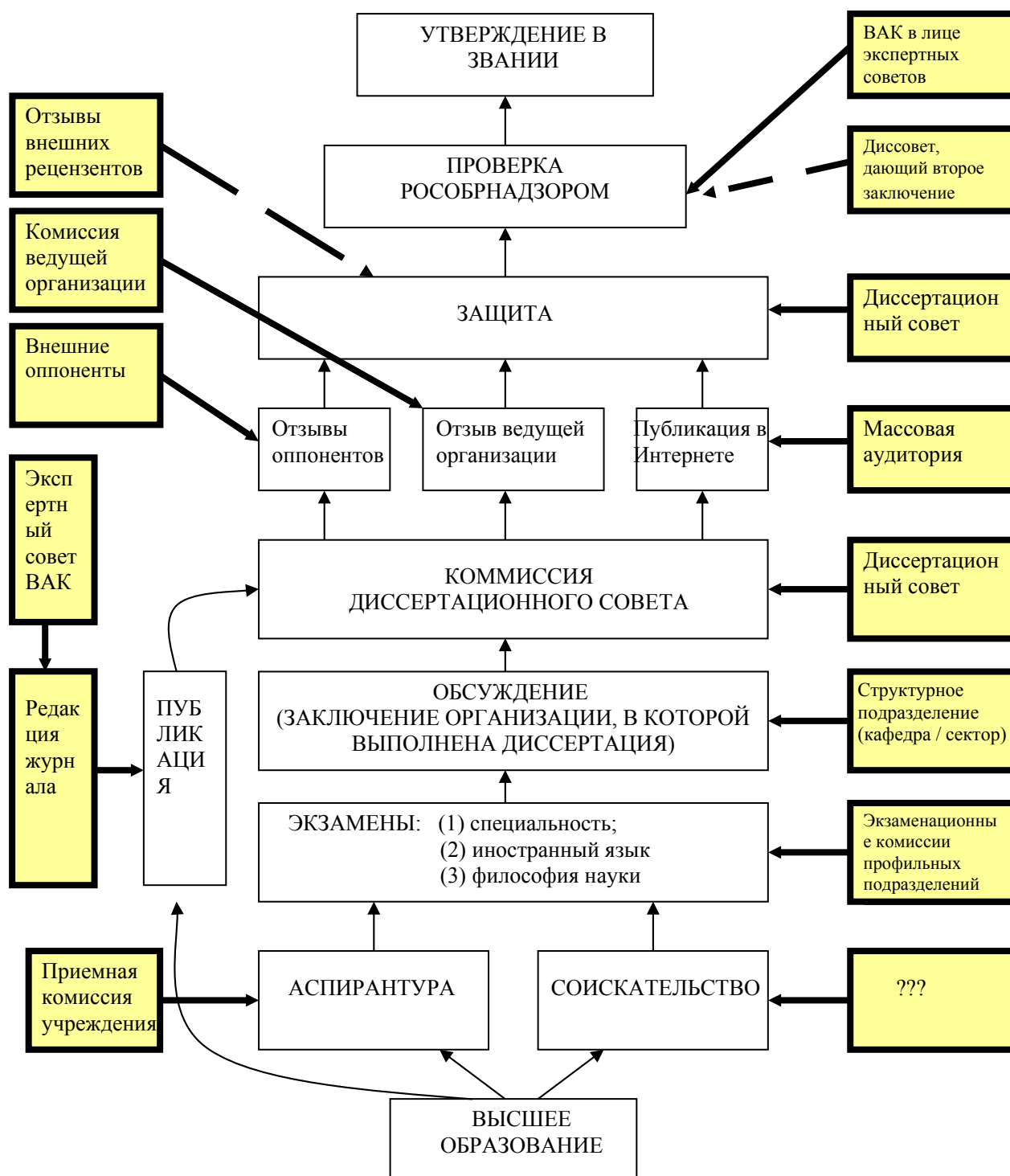
Помимо фактического упразднения УМО, Министерство подчинило Рособнадзору ВАК. Постепенный процесс этого бюрократического перемещения сопровождался усложнением диссертационного комплекса. Главной целью усложнения было придумать формальную процедуру, которая позволила бы отсечь в процессе проверки индивида от социальной сети взаимопомощи, в которую он, весьма возможно, был встроен.⁵¹ Там, где без коллегиального контроля нельзя было обойтись вовсе, необходимо было вовлечь в него максимум индивидов, не принадлежащих к этой сети, и гарантировать, что их действия будут происходить на глазах у еще большего числа индивидов. Из действий Министерства мы можем понять, как выглядит геометрия академического патронажа глазами бюрократа. Наибольшие опасения вызывают семейные связи и отношения научного руководства, на следующем уровне подозрений стоят сотрудники одной организации. Соответственно, первый и вторые вовсе исключаются из принятия решений, а третьи могут участвовать в нем только наравне с другими. Правила составлены таким образом, что в процессе защиты принимают участие представители как минимум четырех организаций, а также ВАК, удаленная в силу столичного расположения от большинства локальных сетей, и редакции журналов. Редакциям в этой системе приписывалось особенно большое значение, поскольку результаты их выборов, предположительно, хорошо видны окружающим.⁵² С требованиями обязательных журнальных публикаций, значительная часть контроля вообще переносится на редакции, и в последние годы именно им уделялось наибольшее внимание – ВАК постоянно пересматривала свой список рекомендованных журналов, а затем перешла к проверкам соблюдения ими процедур работы.⁵³ Рисунок ниже (Рис. 2) отражает систему в том виде, в каком она существовала на начало 2011 года.

Рисунок 2. Процесс защиты диссертации на 2013 год. Незакрашенные блоки соответствуют фазам процесса, стрелки – переходам между ними. Желтые блоки – это органы, осуществляющие мониторинг, двойная стрелка указывает на контролируемую ими фазу, прерывистая – на необязательные связи.

⁵¹ Хотя эти два слова редко идут рука в об руку в силу нагруженности одного позитивными коннотациями, а другого – негативными, коррупция представляет собой разновидность кооперации. Соответственно, антикоррупционный институциональный дизайн следует Аксельроду (Axelrod, 1984), прочитанному наоборот, в разрушении кооперации – анонимизации, стремлению к превращению любого взаимодействия в разовое и т.д. (Соколов, 2009).

⁵² Параллельно распространялись требования обязательной публикации вначале автореферата (в 2010 году), а затем – полного текста в Интернете (с 2014 года).

⁵³ Осенью 2013 года редакции получили внезапное требование предъявить анонимные рецензии, которые они должны были скопить за годы работы. В то же время, ВАК внезапно задним числом ввела требование к монографиям, представляемым при соискании докторской степени: теперь они должны были быть выпущены тиражом не менее 500 экземпляров. Академическое книгоиздание в России в целом состоит из трех сегментов – коммерческой индустрии студенческих учебников, небольшого числа интеллектуальных издательств, печатающих для читающей публики, в основном некоммерческих и требующих дотаций, и полностью убыточного университетского книгоиздания, целиком функционирующего для удовлетворения потребностей диссертационного комплекса. Большая часть таких издательств вообще не имеет сети распространения, просто складывая книги в подвалах. Повышение минимального тиража книги требовала существенных дотаций со стороны университета (вспомним о 7% затрат, связанных с книгоизданием), соответственно, сокращая число защит.

Помимо повышения роли Рособrnadzора, инициативы Министерства распространились еще в четырех направлениях – на замену старой системы индивидуального грантового финансирования, создание национальных процедур ранжирования университетов, изменение политических структур академических институтов и использование усложненной системы степеней для регулирования карьерного роста. Вместо РГНФ и РФФИ, которые воспринимались как коррумпированные⁵⁴, и в любом случае, распределяющие слишком маленькие деньги,

⁵⁴ Мнения информантов о прозрачности конкурсов РГНФ и РФФИ разнились. Крупный научный администратор уверенно высказал следующее мнение: «РГНФ вообще имеет такую одиозную репутацию, и едва ли не прямым текстом говорится, что все возможно при определенных откатах... до неприличия»

чтобы достичь с их помощью большого прорыва, государство внедрило несколько программ распределения ограниченного числа крупных грантов. Очевидным преимуществом крупных грантов было то, что кандидатуры экспертов по ним могли быть подобраны самими чиновниками из числа тех, чьи научные заслуги они считали себя в состоянии оценить (Нобелевские лауреаты) или тех, кому лично они доверяли. Конкурс мегагрантов был типичным образцом этой новой практики – несколько десятков крупных блоков финансирования, по определению распределяемых между интернационально известными учеными.⁵⁵

Вторым направлением было выстраивание формальных процедур ранжирования университетов. Постановление о создании государственного рейтинга университетов было принято еще в 2006 году, однако первые попытки двигаться в этом направлении основывались на традиционной вузовской статистике, которая собиралась еще с советских времен.⁵⁶ Постепенно, однако, к ним стали примешиваться новые индикаторы. Основным источником если не буквы, то духа этих индикаторов были международные рейтинги, особенно суммирующий максимум показателей рейтинг «Таймс» (*Times Higher Education*). В результате к 2012 году, когда был опубликован список эффективных вузов, запустивший процесс слияний и поглощений вузов неэффективных, эта система приобрела такой вид, в общем, показывающий, чего государство хотело от университетов:

(1) Показатели финансового благополучия и инициативы – доля привлеченных средств (которую требовалось указать в институциональной заявке на мегагранты), средняя зарплата преподавателя (там же), доходы на одного преподавателя (использовались в качестве одного из пяти параметров в «Мониторинге эффективности вузов...» 2012 года), наличие фонда целевого капитала (параметр в «Дорожных картах», которые требовались для участия в программе «5/100»);

(2) Научные показатели – доля расходов на НИОКР в бюджете в пересчете на одного преподавателя (фигурировали в «Мониторинге...» 2012 года), количество публикаций в международных и национальном индексе цитирования (заявки на мегагранты, «Дорожные карты» программы «5/100»), доля средств, полученных по иностранным грантам⁵⁷ («Дорожные карты...»);

(3) Кадровая интернационализация – количество иностранных студентов («Мониторинг...») и преподавателей («Дорожные карты»), стажеров, совместных программ или программ обменов («Дорожные карты», заявки на мегагранты);

(4) Инфраструктура – комплектация библиотек (особенно важная для аккредитационных требований), площадь лабораторий (многократно осмеянная деталь «Мониторинга...» 2012 года)

много и часто об этом говорится» (муж., 1950-е г.р., к.н., н.с., Олд-центр). Надо отметить, однако, что в целом преобладало значительно более благожелательное восприятие.

⁵⁵ Среди критериев на конкурсе мегагрантов 2010 года преобладали такие, как «*The leading scientist's aggregate impact-factor in 2006-2010 as of December 2010 estimated on the basis of the 2009 JCR Science Edition*», что почти по определению исключало ученых с преимущественно внутрисоссийской репутацией.

⁵⁶ Например, такие, как число и доля докторов и кандидатов наук, в т.ч. занятых на полную ставку, показатели результативности аспирантуры (доля кандидатов, защищенных в четыре года после поступления – заметим попутно, что этот показатель было очень сильным стимулом к девальвации степени.) или число книг в библиотеке.

⁵⁷ Триумфальное шествие научного ассимиляционизма в России иногда особенно причудливо сочеталось с нарастанием паранойи по поводу «оранжевой революции». Введение требования привлекать иностранные деньги последовали за кампанией по выдавливанию западных фондов из России, стартовавшей в 2003 году, что явным образом затруднило работу университетов. Еще более затрудняли ее инициативы на местах вроде введения в СПбГУ в 2009 году «экспортной комиссии», требовавшей согласования с Первым отделом любого текста, отправленного заграничному корреспонденту – включая, естественно, заявки на гранты и статьи. Впрочем, инициатива, насколько известно авторам, была полностью проигнорирована сотрудниками университета, а администрация, видимо, взвесив все возможные последствия для публикационного рейтинга, предпочла забыть о ней.

(5) Селективность – средний или минимальный балл ЕГЭ для программ данного образовательного учреждения («Мониторинг...»)

(6) Кадровая лояльность и обновление – доля работающих на полную ставку кандидатов и докторов наук (аккредитационные требования), доля молодых докторов (до 40 лет) и кандидатов (до 35 лет) – встречающиеся в разных документах призывы к кадровому обновлению.

Формальные показатели должны были на основании легко собираемой и надежной статистики продемонстрировать, насколько университет соответствует образу финансово инициативного и благополучного, интернационального и исследовательского. Те, кто преуспевал по этим критериям, мог рассчитывать на получение львиной доли возросшего государственного финансирования. Со своим пониманием науки как разновидности олимпийских игр Министерство делало ставку на возвращение нескольких сильных центров, способных обеспечить высокую строчку в медальном зачете. Апофеозом этой логики была программа «5/100», подготавливавшая вхождение пятерки российских вузов в первую сотню непоименованного рейтинга. К несчастью для подавляющего большинства ректоров, шансы их университета преуспеть во многом определялись их местом в территориально-административной иерархии и привлекательностью профиля для студентов, приносящих деньги (Соколов, 2013). Хотя Министерство предполагало, что поощряет успешный менеджмент⁵⁸, оно фактически воспроизводило уже сложившуюся иерархию.

Аналогичной процедуре оценки подверглись и институты РАН. Весной 2010 года состоялась кампания проверки эффективности институтов Академии, причем в списке параметров, утвержденных Министерством (Минобрнауки, 2009), кроме неизбежных публикационных показателей (статьи и ссылки в *Web of Science* и Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)), особенно выделялись требования указать долю сотрудников младше 39 лет (пункт 4.1) и долю площадей, не сданных в аренду (пункт 5.1).

Основным противником государства в проведении этой реформы были сами трудовые коллективы. До тех пор, пока ректор был их демократически избираемым слугой, нельзя было ожидать от него, что он пренебрежет их интересам в угоду интересам государственной политики. В изобилии были примеры того, как деньги, выделяемые вузам на исследования, или раздавались сотрудникам владивших жалкое существование вузовских институтов, или распределялись пропорционально основным зарплатам под видом «коллективных грантов» в ходе примерно такой процедуры (которая, надо сказать, была очень прогрессивной по меркам большинства вузов):

Средства НИР ...распределяла их экспертная комиссия. Конкурс по сути делился на две части. В первой части каждая кафедра подавала свой проект, который представлял собой сборную солянку из планов ее сотрудников. Так расходилось 95% финансирования – чистый собес, пропорционально числу ставок. Поскольку ставок много, то денег выходило мало. Остальные 5% – свободная конкуренция. Подавали смешанные группы, включая мою группу. Но это тоже получалась солянка, сейчас не знаю, как отчитываться. В общем, на 1% конкурс – свободная конкуренция. Для этой части [замдекана по науке] ... и это был реальный конкурс. (муж., 1960-х г.р., д.н., профессор, Ист-сайд)

Отмена выборности ректоров и введение внешнего попечительского совета была одним из основных условий вхождения вузов в программу «5/100». Еще раньше выборность была отменена в «университетах федерального значения» – МГУ и СПбГУ, и существенно ограничена в других. Выборность руководства РАН оказалось основным

⁵⁸ Это выражалось, например, в том, что неуспешные вузы вливались в успешные в надежде, что в руках ректоров последних из тех, наконец, выйдет толк.

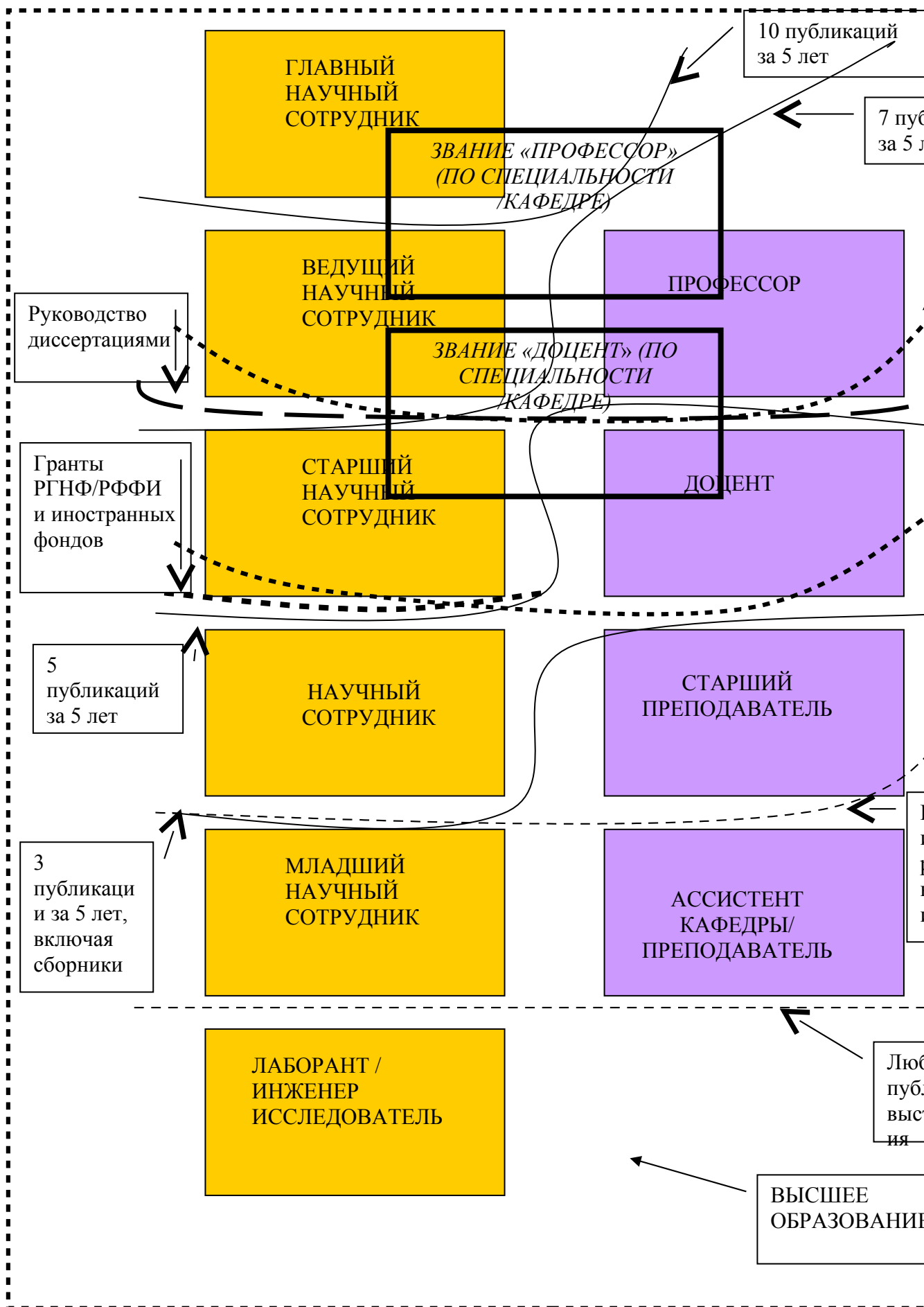
пунктом наступления на нее. Еще в 2004 году министр Фурсенко в интервью правительственным «Известиям» озвучил позицию следующим образом:

Академия наук является государственным учреждением и финансируется из бюджета <...>. Если академия хочет жить за счет бюджета и пользоваться государственным имуществом, она должна контролироваться государством. И государство должно иметь право спросить, насколько эффективно происходит управление его собственностью. Сейчас министерство совместно с Академией наук разрабатывает систему индикаторов эффективности работы в науке. Что касается обязательств государства перед наукой, то ее финансирование будет поднято с 46,2 млрд руб. в 2004 году до 110 млрд руб. в 2008-м. Ставится задача – в 2008 году довести государственные расходы на одного научного сотрудника до 750 тыс. руб. в год, то есть в 5 раз выше, чем сейчас (Лесков, 2004).

Финансовые обязательства не были выполнены до самого исчезновения РАН в ее прежней форме. Выборность, впрочем, также была упразднена не полностью – компромиссное постановление декабря 2007 года оговаривало, что Президент страны утверждает избранного академиком кандидата. Оно не просуществовало, однако, и семи лет. Новая версия, появившаяся в 2013 году, вернула академиком право выбирать себе Президента – но лишила их каких-либо возможностей управлять наукой.

Наконец, государственные органы всячески поощряли академические организации во введении формальных требований к занимающим какие-либо должности, и это, возможно, было единственным направлением, в котором направления реформ совпадали с внутренними тенденциями развития большинства институтов. Результатом стала система порогов, которые должен был преодолеть каждый, занимающий одну из преподавательских или исследовательских должностей (Рис. 3). Так, например, и от профессора, и от ведущего научного сотрудника ожидалось наличие докторской степени. Пороги были общими для всех институтов, принадлежавших к Академии; каждый университет устанавливал их для себя, и на данной схеме отражена практика высшего слоя вузов, которой, кроме того, не всегда следовали строго. Поскольку этот рисунок отражает карьерные горизонты большинства российских ученых, мы еще не раз вернемся к нему в будущем.

Рисунок 3. Система формальных требований к занимающим должности в академических организациях в 2010 году

Описанная выше политика контроля в основном отвечала двум большим темам государственной идеологии – утверждению интернациональной мягкой власти и технократическому контролю над эффективностью развития науки во благо национальной экономики. Эти темы полностью вытеснили прежний либеральный гуманизм, что немедленно почувствовал на себе сектор высшего образования. Конкурс больше не был основным аргументом при открытии новой программы или расширении существующей.⁵⁹ С 2006 года бюджетные места на социально-научных и гуманитарных специальностях сокращались несколько раз при сохранявшейся или даже возросшей поддержке специальностей технических. Для социологии, к рассмотрению истории которой мы переходим сейчас, это имело самые ощутимые последствия.

Сетевая история российской социологии

Исторический очерк⁶⁰

Стандартное изложение истории советской/российской социологии (Фирсов, 2012; Ядов, 1998; Голосенко и Козловский, 1995) делит таковую на два периода: до и после сталинского правления, в течение которого само слово оказалось под запретом. Первый из этих периодов не будет интересовать нас здесь. «Социологический ренессанс» 1950-х – 1960-х годов был следствием нескольких импульсов, в которых несложно разглядеть отражение уже знакомой нам презентистской и технократической академических идеологий. Одним из факторов, открывших ему дорогу, было нарастающее желание поддерживать международный фасад. СССР включился в долгую борьбу за паритет со странами НАТО, воспринимая любую область потенциального сравнения как одно из полей боя в Холодной войне. Международные социологические конгрессы, на которых делегаты из стран третьего мира остались бы один на один с идеологами капитализма, а отсутствие советских представителей могло трактоваться как отставание в области социальных наук, вызывало в этом контексте вполне объяснимую озабоченность.⁶¹ Поэтому ассоциация, которая могла бы представлять советскую социологию, была создана в 1958 году, и во главе ее встал академик Францев⁶², что узаконило использование полулегально уже несколько лет витающего в воздухе слова. С этого момента в СССР

⁵⁹ Социально-инженеристские темы также звучат в политике российского высшего образования, хотя и слабее. Тем не менее, одной из основных тем введения ЕГЭ провозглашалось сокращение разрыва между социальными шансами выпускников из более и менее привилегированных регионов.

⁶⁰ Более подробное изложение можно найти в статье в «Экономической социологии» (Соколов, 2011), сокращенной версией которой является данный параграф.

⁶¹ Собранные в книгах Москвичева (1997) и Батыгина (1999) документы демонстрируют, что именно этот аргумент был основной рационализацией для формирования первых делегаций. Движимым мотивом академиков-философов, которые в них входили, их коллеги, впрочем, часто называют не столько тревогу за имидж государства рабочих, сколько тягу к академическому туризму. Зарубежные поездки уже превратились к тому времени в один из основных символов классового статуса в СССР, и приглашение принять участие в мероприятиях в Льеже (1953), Амстердаме (1956) и Милане (1959) никак нельзя было упустить. Советская социологическая ассоциация (ССА) была обязана своим появлением действовавшему тогда требованию Международной социологической ассоциации (МСА), чтобы каждая страна была представлена коллективным органом. Устав ССА отражал это положение вещей: из шести заявленных в нем основных целей три были прямо связаны с интернациональными контактами: «информация членов Ассоциации о социологических исследованиях в СССР и за рубежом» (пункт «б»), «развитие научных связей советских ученых... с зарубежными учеными... в интересах развития марксистской социологии и распространения ее влияния» (пункт «г») и «содействие развитию книгообмена и библиографической информации между советскими и зарубежными учеными» (пункт «е»).

⁶² Характерна их роль в институционализации социологии – самой важной кузницей кадров для московской социологии был МГИМО (Францев, Осипов, Семенов, Бестужев-Лада, Замошкин, Араб-Оглы), пристанищами жертв «разгрома» Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) в 1971 году – Институт международных проблем рабочего движения (Гордон, Яницкий) и издававшийся в Праге журнал «Проблемы мира и социализма» (Грушин), бывшие созданием этой же самой сети МГИМО.

была социология, хотя бы и синонимичная на первых порах с истматом. Тем же самым, международным, фактором была обусловлена и необходимость в сборе информации о новейших развитиях «буржуазной» и «мелкобуржуазной» идеологии, которым занимались специалисты в области их критики, сконцентрированные на философских факультетах и в московском Институте философии АН. Хотели советские обществоведы, или нет, они вынуждены были доказывать себе и другим, что СССР располагает чем-то сопоставимым с западной эмпирической социальной наукой, просто игнорировать содержание которой было уже невозможно.

Другим импульсом была технократическая фантазия о социальном планировании, которая логически вытекала из образа СССР как регулярного и рационально построенного государства. В уравнениях планов экономического развития оставалось множество неизвестных, связанных, например, с потребительским спросом, а их исполнение сталкивалось со множеством проблем «социального» происхождения (текучесть кадров, преступность, нестабильность семей, низость мотивации, невозможность успешной пропагандистской обработки населения и т.д.) Именно желание подойти к их решению рационально – как того требовал основной легитимационный миф советского государства – создавало нишу, которую должна была заполнить какая-то разновидность социальных исследований. При этом, давление «мирового общества» исходило не только снаружи, от опасений за то, что отсутствие СССР на мировой социологической сцене будет истолковано как признак слабости внешними наблюдателями. Но и внутри существовали опасения по поводу того, что прогресс Запада в области «социальных технологий» (словосочетания тогда не существовало, но сама идея была хорошо знакома) выведет его вперед в области, которая была для СССР основной его Я-концепции. Это обеспечивало некоторую долю не иссякающего интереса к социологии со стороны тех, кто был причастен к управлению советским обществом, еще более естественного, учитывая общий сциентистский дух эпохи. Помимо всего этого, сверхуспешная институционализация социологии в СССР⁶³ многим была обязана тем, что, как и в любой аморфной бюрократии с неясными критериями оценки деятельности, возможности продвижения в ней обеспечивались, прежде всего, инициацией громкой кампании, которая ритуально воплощала соответствие провозглашаемым политическим ориентирам. Начиная с какого-то момента, введение нового элемента рационализации управления было одним из лучших, и это способствовало появлению бесчисленных лабораторий на предприятиях, а также в горкомах и райкомах.

Особенности институционализации советской социологии определялись этими исходными данными. Она началась с постепенной реабилитации понятия «социология» как родового (в 1950-е годы) и создания социологической ассоциации (1958), а продолжилась учреждением множества заводских лабораторий и академического института (1970). Ее первый цикл завершился началом выпуска постоянного журнала (1974), по времени последовавшим уже за первым крупным разгромом социологического движения (Фирсов, 2012), ориентированного на рациональную реконструкцию СССР.

Более высоколобая, предназначенная на экспорт и ведавшая интеллектуальным импортом версия социологии была локализована в институтах Академии наук, отпочковавшихся от Института философии, и, в меньшей степени, на философских факультетах университетов. Более практическая, для внутреннего потребления, базировалась в многочисленных лабораториях при предприятиях, в партийных и комсомольских обкомах, военных частях, даже театральные общества. Институты

⁶³ Советские социологи, оглядываясь на историю своей дисциплины, предпочитают видеть в ней, прежде всего, выпавшие на ее долю страдания. Хотя дискомфорт их положения, несомненно, сравнение истории институционализации социологии в СССР с таковым в пяти остальных странах в некоторых отношениях является примером исключительно благополучия. За дюжину лет ССА стала второй по размеру социологической ассоциацией в мире.

Академии смотрели на все прочие несколько свысока, а те испытывали возмущение их снобизмом, которое легко воскрешается в интервью даже двадцать пять лет спустя:

[Институт социально-экономических проблем] был при Академии наук, и люди, работавшие там, они считали, что делают академическую социологию и смотрели на всех сверху вниз. Но академизм во многом заключался в том, что вот такие вот реальные данные они редко трогали. Это были в основном рассуждения. (муж., 1950-х г.р., к.н., доцент, Вест-сайд)

Тем не менее, академическая и прикладная части дисциплины были союзниками перед лицом общей угрозы, и каждая из них остро нуждалась в легитимности, которую могла дать другая – одна обеспечивала «научность», другая – «востребованность». Угроза неизбежно вытекала из того факта, что они переплетались с широким либерально-реформистским течением, которое, как водится, приобрело оттенок западничества. Это переплетение неизбежно приводило их в конфликт с еще одним идеологическим импульсом – охранительно-эссенциалистским национализмом. В некотором роде, этот конфликт был заложен в самой природе социологии, и не только в силу ее западного происхождения. Спрос на любых специалистов по проблемам определяется ощущаемой настоятельностью этих проблем; соответственно, социологи всегда являются основной заинтересованной стороной в конструировании проблем социальных. Это приводит их к неизбежному противоречию с защитниками существующего социального порядка.⁶⁴

Наступившую после завершения первого цикла эпоху собственные историки советской социологии назовут «эпохой серости». Тем не менее, к тому времени советские социологи стали вторым по численности дисциплинарным сообществом в мире, превосходя на тот момент (как и до сих пор) все европейские страны. Застой 1970-х – начала 1980-х годов завершился инициативами Андропова и Черненко, которые вроде бы запустили второй цикл институционализации, включающий в себя начало подготовки социологов на уровне первого цикла университетского образования (1984 год) и создание Всесоюзного центра изучения общественного мнения (1986 год) – две цели, за достижение которых социологи к тому моменту боролись уже более двадцати лет.

Этот, второй, цикл плавно перетек в третий, который развертывался уже в новых, перестроечных и, затем, постсоветских условиях. Как мы видели выше, технократический контроль ослаб, и университеты получили возможность начать набор, ориентируясь на спрос со стороны абитуриентов, а не на представления Госплана о потребности в специалистах разного профиля в течение следующих пятилеток. При этом, исчезновение политического заказа на услуги подразделений научного коммунизма и исторического материализма создало в университетах внутренние резервы для удовлетворения спроса на преподавателей в области всех остальных социальных наук. Бывшие немезиды социологии из числа научных коммунистов начинали преподавать по учебникам, написанным их вчерашними жертвами. Это привело к началу массового социологического образования, о характере спроса на которое мы уже говорили выше.

Перестройка принесла и еще несколько изменений. Во-первых, период размягчения бюрократических классификаций позволил создать несколько новых институтов внутри Академии наук (прежде всего – Институт социологии (ИС РАН) и Институт социально-политических исследований (ИСПИ РАН), размежевавшиеся по политическому признаку, а также примкнувший к первому из них – ленинградский филиал ИС РАН, который в следующем десятилетии станет СИ РАН, Социологическим институтом) – мы увидим далее, почему в другое время подобное было маловероятным. Во-вторых, она привела к возникновению негосударственного сектора, на протяжении 1990-х годов в основном

⁶⁴ За исключением случаев, в которых проблема отождествляется с попытками изменения этого порядка (в России соответствующая субдисциплина называется «социология безопасности»). Попыток использовать социологию подобным образом, однако, немного, и, как правило, они полностью неуспешны.

существовавшего на западные гранты в статусе НКО. Эти НКО будут иметь две уже упоминавшиеся формы – конфедерации независимых исследователей, вместе составляющих центры (главным из них долгие годы был ЦНСИ в Петербурге), и несколько лучше интегрированные, но также достаточно рыхлые университеты (ЕУСПб и МВШСЭН). Их соседство с бюджетными вузами станет важным для нашей истории в дальнейшем. Кроме того, появились программы обменов и стажировок, ориентированные в том числе на Россию (наиболее активным была Германская служба академических обменов (DAAD)), которые позволяли заниматься чем-то вроде отхожего промысла. В-третьих, лаборатории научной организации труда и другие подразделения на предприятиях практически исчезли, как и исследовательские центры при партийных органах (вместе с самими этими органами). Зато, в-четвертых, активно рос коммерческий сектор – рядом с людьми, считавшими себя академическими учеными, появились те, кто делал прикладные исследования по заказу коммерческих фирм или госконтрактам. Советские социологи устремились в эту нишу, которая, тем более, вполне соответствовала их представлениям о себе как о консультантах, руководящих «реальной жизнью», однако через некоторое время их существенно потеснили в ней люди, считавшие себя «поллстерами» или маркетологами и не соотносившие себя с социологическим миром.⁶⁵ Практика рыночных исследований не нуждалась в академическом обрамлении. Удельный вес каждого из рынков менялся со временем – грантовая экономика сжималась после 2003 года в связи с уходом фондов и увеличением зарплат в других секторах, прикладные исследования теряли значение в связи с тем, что ими занимались люди, более не считающие себя социологами, а преподавание, наоборот, росло.

Мы увидим через некоторое время, как выглядела популяция социологов, возникающая в результате этого процесса. Перед тем, как перейти к ней, однако, мы сделаем несколько наблюдений относительно одной важной особенности механизмов, приводящих российскую социологию в движение.

Сила русских сетей

В одной из самых растиражированных цитат в истории социальных наук, Токвилль констатировал, что везде, где во Франции наблюдатель обнаруживает политику правительства, а в Британии – инициативу аристократа, в Америке он встретит добровольную ассоциацию. Оказавшись в России, он безусловно обнаружил бы, что ту же роль здесь будет играть дружеская сеть. Токвилль имел в виду всевозможные филантропические инициативы, но – как показывают даже наши пять глав – его наблюдения легко обобщить на любые иные совместные предприятия.

Науку в целом можно рассматривать как серию коллективных действий. Издание журнала, проведение конференции, открытие факультета, осуществление всяких исследований силами более, чем одного человека, или присуждение премии требует организованного участия многих людей. Рынок труда, вообще говоря, также является коллективным действием. Много людей участвует в том, чтобы вакансия получила заполнение, а претендент на нее – работу. Любое коллективное действие – должно осуществляться с помощью какого-то механизма координации. Оливер Уильямсон (Williamson, 1981) классифицировал эти механизмы на бюрократические, сетевые и рыночные в зависимости от того, какова степень стабильности связи между задействованными в них индивидами. В бюрократии участники взаимодействия определены на основании формальных правил. На рынке они образуют пары *ad hoc* на основании процедуры, описываемой труднопереводимым английским словом *matching*.

⁶⁵ Тем не менее, Россия выделяется на фоне остальных наших четырех случаев тем, что имена руководителей крупнейших опросных машин вообще известны университетским преподавателям социологии (ср. с германским или американским случаем), а некоторые из них продолжают идентифицировать себя и идентифицироваться другими как социологи (прежде всего, сотрудники «Левада-центра», но также ФОМ и ВЦИОМ).

Сеть занимает промежуточное положение, при котором участники выбираются из ограниченного, но не очерченного на основании каких-то жестких критериев пула знакомых. Каково бы ни было взаимодействие, мы найдем эти три возможности координировать его.

Возьмем конференции. Оргкомитет может назначить докладчиков и обязать студентов явиться (многие факультетские конференции собираются по приказу декана, который назначает завкафедрами руководителями секций, а те обязывают своих подчиненных сделать доклады и привести послушать их снятых для этих целей с лекций студентов). С другой стороны, оргкомитет может разослать по своим знакомым *open call* – «открытый зов» - и пассивно ждать, что кто-то откликнется на него, а затем забронировать зал и надеяться, что программа привлечет кого-нибудь еще в качестве бескорыстного слушателя. Как обычно, компромиссный⁶⁶ вариант состоит в том, чтобы воспользоваться силой сетей и позаботиться о том, чтобы пригласить хотя бы часть докладчиков, а также – если организаторы серьезно относятся к происходящему – сделать несколько звонков, для того чтобы собрать аудиторию.

Аналогично, журнал может быть учрежден при организации и возглавляться деканом, который поручает завкафедрам его разделы, наполняемые усилиями преподавателей и нуждающихся в публикациях аспирантов; такой журнал может быть не особенно заинтересован в посторонних авторах. Редакция может полностью полагаться на само тек приходящих в нее рукописей. Наконец, он может собираться усилиями главного редактора и его помощников, которые активно занимаются расширением круга контактов, стараясь привлечь заинтересовавших их авторов и отделаться от энергичных, но не подходящих. В том же духе, редактор может заботиться о продвижении своего издания, раздавая копии знакомым (и стараясь завести больше знакомых, чтобы раздать больше копий), а может полагаться на почтовую службу и инициативу читателей.

Первый, бюрократический, вариант координации во многих отношениях является самым слабым. Существуют задачи, с которыми бюрократия не справляется вовсе, и главной из них является пополнение собственных рядов: всякая современная бюрократия нуждается в кадровом пополнении из-за своих пределов.⁶⁷ Кроме того, хотя конференции и журналы, собранные бюрократическими методами, могут достичь пределов административной эффективности в поддержании видимости протекания интеллектуальной жизни,⁶⁸ они оставляют горькое послевкусие у тех, кто в них участвует.

Я по глупости пару раз получал приглашения, ходил выступал [на таких конференциях]. Первый день выступают представители власти, Смольного, консулы из посольств. Хороший такой день, насыщенный, науки никакой, пленарный доклад декана, ректора, ещё чего-нибудь. А во второй день секции. Значит, сидят только докладчики. Каждый докладчик сделал доклад – уходит. Последним

⁶⁶ Существует критика тенденции считать сети лежащими точно посередине между рынком и бюрократией (Powell, 1990). Мы, однако, оставим ее в стороне.

⁶⁷ Многие традиционные патримониальные бюрократии допускали и даже предписывали наследование позиций, таким образом, возлагая на чиновников задачу биологического производства своего пополнения. Еще большее их число, однако, видело в этом прямую угрозу способности организации выполнять свои основные функции, и передавали чиновничьи должности людям, заведомо не могущим иметь наследников – евнухам или клирикам (Eisenstadt, 1956). СССР, который мыслил себя как единую бюрократию, закономерно с разных сторон подступался к тому, чтобы решить и эту задачу, в частности, через механизм послевузовского распределения и подшефных учебных заведений до младшей школы включительно. Даже в нем, однако, механизм никогда не был отлажен слишком хорошо, возможно, потому что большинству людей казалось, что, будучи доведен до работоспособного состояния, он станет уж слишком похож на «дивный новый мир».

⁶⁸ Редактор бюрократического «Вестника» какого-либо университета может уверенно обещать нетерпеливому автору выход его статьи уже через две недели – мгновенье по сравнению с годами, которые уходят на публикацию в «рыночном» журнале с его ситом из редакторов и анонимных рецензентов.

читает председатель, ведущий, потом всё. Это никому ничего не интересно, банальные вещи рассказывают, никто не рассчитывает, что там можно что-нибудь обсуждать. Обсуждений никаких нет, потому что надо много докладов пропустить, но зато потом выходит сборник тезисов про что-нибудь. Им очень важно – тезисы, им надо этим отчитываться. (муж., 1940-х г.р. н.с., Вест-сайд)

Бюрократическими методами можно обеспечить физическое присутствие аудитории и выход журнала, но нельзя обеспечить интерес слушателей и наличие читателей. По умолчанию часто подразумевается, что в этих условиях никто не слушает и не читает; оратор или автор с минимальным самомнением, соответственно, старательно избегают попадания в этот коммуникативный формат. Поскольку поддержание видимости, однако, является самостоятельной ценностью, события такого рода продолжают происходить, и мы еще не раз встретим их далее.

Два другие способа координации, сеть и рынок, однако, не поддаются однозначной сортировке в терминах лучше-хуже.⁶⁹ Сетевой журнал не обязательно хуже, чем рыночный, и превращение сетевого издания в рыночное влечет за собой ощутимые изменения в содержании, которые часто воспринимаются с двойственными чувствами (о жанровой эволюции ведущих журналов при их превращении в рыночные см. Губа, 2013). В некоторых отношениях, рыночный механизм в чистом виде не считается работоспособным даже в тех национальных академиях, где он в целом имеет самое широкое распространение. Американская социологическая ассоциация не полагается на *open calls* при поиске пленарных докладчиков на свою ежегодную конференцию, хотя, гипотетически, могла бы.⁷⁰ Тем не менее, в общем и целом, мы можем расположить каждый академический мир где-то на шкале между полюсами чисто сетевого и чисто рыночного способа координации в соответствии с тем, какой из них преобладает. Одной из главных тем Заключения к этой книге будет то, почему в некоторых, но не во всех, национальных академических мирах происходит постепенный переход от первого ко второму.

Координация, которую мы обнаруживаем в российской академической истории, является в подавляющем большинстве случаев сетевой.⁷¹ Так, например, вне зависимости

---

⁶⁹ Энтузиазм социологов по поводу сетей привел к тому, что вопрос о природе “network failures” (Schrank, Whitford, 2011) и о том, почему не все управляется сетевыми механизмами, был поставлен лишь недавно.

⁷⁰ Александр Кондаков предположил в личной коммуникации, что, отчасти, это происходит, поскольку имена пленарных докладчиков включаются в сам исходный анонс конференции и служат ее рекламой. Нет причин, однако, почему организаторы конференции не могли бы объявить пред-анонс с просьбой к кандидатам на пленар заявить о себе. Иногда, в качестве компромиссной меры, номинации производятся секциями ассоциаций, но никогда – самим номинируемым.

⁷¹ Это доминирование сетей также можно проследить с самой зари российского академического мира. Основанная Петром новая Академия наук рекрутировала свои кадры в основном из Германии и Голландии, пользуясь сетями уже действующих академиков – первые из которых были лично рекомендованы Императору его учеными корреспондентами. На протяжении первого столетия своего существования, Академия была преимущественно немецкой этнической нишей. Позиции в ней передавались из рук в руки внутри нескольких семейных и дружеских сетей экспатов. Лейбниц рекомендовал Петру пригласить в Академию Иоганна Бернулли, который отклонил предложение, но отправил одного из своих сыновей (Николая), который обеспечил приглашение другого (Даниила), а тот пригласил из Базеля своего друга Эйлера, задержавшегося в Петербурге после смерти первого и отбытия второго. Удивительно для людей, воспитанных на вере в преимущество открытых конкурсов, практика сетевого отбора воспринималась не только как более простая в исполнении, но и как обладающая несомненными внутренними преимуществами, а «открытый рынок» оценивался лишь как несовершенный субститут. Устав 1804 года следующим образом предписывает проводить процедуру конкурсного отбора: «§60. Когда место Профессора сделается праздно, то каждый Профессор того Отделения, к которому он принадлежит, не ранее, как спустя месяц, представляет Ректору имя Кандидата, коего почитает достойным занять оное<...> § 61. Совет на рассмотрение сочинений и на собрание сведений о нравственности Кандидата определяет довольно время; по прошествии оного, Ректор назначает чрезвычайное Собрание для выбора».

от того, ассимиляционистским или изоляционистским лагерем он издавался, российский социологический журнал имел общий набор черт. Прежде всего, он имел тенденцию быть творением одного несменяемого редактора и рассматриваться как его собственность. Как правило, журнал переходит в новые руки лишь со смертью или полной неработоспособностью его создателя. Редактор искал рукописи и единолично принимал решения об их публикации. Существование рецензирования по большей части лишь имитировалось для сохранения позиций в списке ВАК или привлечения грантовых средств.⁷² Даже там, где рецензенты действительно писали рецензии на статьи, а авторы действительно получали их, все считали возможным полностью игнорировать высказанные замечания; редактору ничего не стоило решить опубликовать статью, которая получила два резко отрицательных отзыва. Произвол редактора обычно ограничивался только влиянием руководителя организации, которая несла большую часть расходов по изданию.

На примере журналов мы можем увидеть часть причин, по которым сети были столь важны. Поскольку каждая транзакция между автором и редакцией имеет тенденцию затягиваться, обе стороны стремятся сократить их число. Так, редакция часто берет на себя труд привести текст в соответствие с тем, что рассматривается ей как стилистический стандарт академического письма, даже не согласовав с автором результаты, и авторам свойственно воспринимать это с благодарностью. Аналогично, редакция стремится заранее сократить число предстоящих транзакций, взаимодействуя только с известными ей авторами, которых она заведомо сможет опубликовать. Это политика часто открыто артикулируется, как и мотивировка узостью «своего круга», причем как в ассимиляционистской, так и в изоляционистской части социологии. Представитель наиболее ассимиляционистской институции следующим образом мотивировала предупреждения против *open calls*:

...и в сборник, и на конференции я собираю по своим сетям сразу же. Вот сейчас мы делаем сборник по городу и, да, я составила себе список, кто занимается городом, кого бы я хотела там видеть, от кого можно знать, ты знаешь, что ждать, да, примерно. Но при этом посылаю и по большой сети. Но это всегда очень так, вот, мы разослали так информацию об этом сборнике, и мне посыпались очень странные, очень странные письма, очень... Молодой человек пишет: «Я хочу написать статью про запахи». Нет, запахи в городе – это отлично. Но дальше он пишет: «Вы знаете, я никогда не писал научных статей, Вы не могли бы мне рассказать, что должно быть в статье?» <...> То есть вот, широкая сеть – она не всегда работает, и надо вылавливать. Всё равно мы примерно все друг друга знаем <...> Всё равно мы ездим на конференции, какое-то время, когда я была помоложе, ездили на все эти Школы, выпивали и знаем, кто есть кто. И всё равно личная сеть более эффективна (жен., 1960-х г.р., Вест-сайд).

Помимо удобства редактора, личная сеть во многих отношениях более удобна и для автора. Приглашение опубликоваться гарантирует, что текст будет опубликован в ограниченные сроки, и снижает риск моральных издержек. Резкая критика или полное

Применительно к XIX веку, институционально-экономическая гипотеза, говорящая, что в отдаленной огромными дистанциями от европейского академического мира стране, этому способу не было альтернативы, кажется вполне убедительной. В дальнейшем, однако, сети сохранялись как механизм даже тогда, когда альтернатива появится.

⁷² В дневниках наблюдения можно найти массу записей типа «Я застал [редактора] на кафедре, где он инструктировал какого-то молодого человека, как написать самому на себя рецензию на статью в [журнал]. Рецензию должен был подписать [научный руководитель], но тот перепоручил это аспиранту, который, собственно, и был автором статьи»

отвержение статьи воспринимаются как драматический удар по идентичности, оскорбление, еще более тяжелое, поскольку может быть нанесено из-за угла анонимности и не допускать никакого возмездия. В академическом мире, столь чувствительном к соображениям престижа и сохранения лица, сколь российский, мы не удивимся, увидев, что возникновение таких ситуаций стремятся избежать любой ценой.

Аналогично обстоит дело с организациями, претендующими на репрезентацию «сообщества». Как и журналы ассоциации создаются обычно на базе конкретного учреждения, которое несет значительную часть финансовых расходов (бухгалтер, оргтехника, помещение), и часто практически неотличима от «материнской» организации. Это состояние неизбежно вытекает из того, что сумму, которую удается собрать в виде членских взносов, никогда не хватает на покрытие текущих расходов. Кроме того, она часто неотделима от личной сети своего президента, который может не меняться десятилетиями. Поскольку президент лично участвует в проведении большей части мероприятий и поддерживает жизнь в ассоциации по собственной инициативе, он считается обладающим известным моральным правом собственности на нее. В предельном случае, ассоциация превращается в простой придаток к его личной социальной сети, а список ее мероприятий становится неотличим от списка его личных исследовательских или публикационных проектов. Дальше мы увидим, что, в силу этого сетевого акцента, ассоциации имеют явную политическую окраску, и, в целом, их оживление приходится на периоды эскалации политических конфликтов, внутри дисциплины или вне. Так, конфликт вокруг факультета социологии МГУ был катализатором, приведшим к возникновению уже упоминавшегося Союза социологов России.⁷³

То же самое касается каналов рекрутирования в советские и теперь постсоветские академические учреждения, которое было и остается практически исключительно сетевым. Читатель может убедиться в этом сам, в порядке опыта попробовав найти примеры обратного. Так, в сборнике шестнадцати интервью, изданном Г.С. Батыгиным (1999), упоминается примерно 60-70 эпизодов получения социологической позиции, из них только один произошел по собственной инициативе нанимаемого, который ранее не был знаком с кем-то, действующим от имени института-нанимателя. Во всех остальных случаях те, кто контролировал заполнение вакансии (как правило, руководитель подразделения) делал личное приглашение. Иногда в деле участвовал посредник, временами не очень знакомый обеим сторонам, который сводил их вместе. Какова бы ни была последовательность на этой фазе, по неписанным, но никогда не нарушаемым правилам, руководитель решал, кто пройдет по конкурсу в его подразделение.⁷⁴

Аналогично, несмотря на то, что действующий сегодня Трудовой кодекс допускает найм на академические позиции (преподаватель, научный сотрудник) только по открытому конкурсу⁷⁵, в нескольких десятках взятых нами биографических интервью

---

⁷³ Где-то на границе социологического мира находятся поллстерские ассоциации, значительно более энергичные в том, что касается самоорганизации и попыток контроля доступа к рынку, мы, однако, в значительной мере оставляем все, связанное с ними, за рамками рассмотрения.

⁷⁴ Фактически, конкурс часто превращался в полную условность: возникновение института обычно начиналось с поручения директору-организатору (которого утверждало отделение РАН), набравшему заведующих отделениями, в свою очередь – набравших заведующих секторами, в свою очередь, набравшими подчиненных. По завершении этого процесса проводились выборы, результат которых, однако, был предсказуем. Иногда таким образом в новую структуру целиком мигрировало какое-то подразделение из другого института (например, кафедра научного коммунизма ЛГУ, которая всплыла в том же составе в 1991 году на факультете социологии как «кафедра социального развития человека и общества»).

⁷⁵ Исключение составляет заключение трудового договора на срок до одного года, не допускающего, однако, возможности продления. В реальности последнее правило часто нарушается, и заключается несколько договоров подряд; более существенно, однако, то, что даже когда видимость соответствия букве правила

какие-либо события, связанные с этим конкурсом, не упоминались ни разу. Даже весьма критично настроенные к академическому порядку в России индивиды, в целом, вполне снисходительно отзываются об этой практике как о привычном и, в целом, небольшом зле:

О: Поэтому, если по конкурсу, то конкурс, как всё в этой стране – это чистая формальность. Конкурс объявляют тогда, когда известно под кого объявить. Конкурс объявляют под человека.

В: Были случаи, когда было, скажем, два претендента?

О: Да. Было. Но проходил тот, под которого объявлялся конкурс. Если люди умные, приходили и говорили, допустим, условно: “NN, вот у вас объявлен конкурс. У вас есть человек, или мне бы тоже хотелось к вам”. “Ну вообще-то у нас есть человек”. “Всё, извините”. Это ещё умный человек. Если глупый, то он подаст заявление, но он не попадёт <...>. Но это общее... это не вина, не беда данного института. Это так принято. Везде. Это и вузовская система, и академическая. Давно сложилась. Давно. Эту липу гонят давно.

В: А что будет, если кандидат, который придёт со стороны будет гораздо сильнее? Насколько это проницаемо для конкурсного отбора?

О: Понимаете, в чём дело. Ведь объявляется конкурс с учётом конкретного человека. Допустим, объявляется конкурс старшего научного сотрудника. Придёт доктор наук. Ему скажут: “Ну простите, нам нужен кандидат. У нас нет денег для доктора наук, у нас деньги для кандидата наук”. Мы не можем. Либо скажут ему, когда изберут кандидата, будут обосновывать: “У нас же ставка кандидата, у нас же нет докторской ставки, мы же объявляли под кандидата” (муж., 1930-х г.р., д.н., Олд-центр).

В: А вот... допустим, есть два кандидата, которые вместе выходят на выборы. Один совершенно сторонний, но у него гораздо более впечатляющий послужной список. Ну скажем, если доцентская должность, один кандидат, второй доктор. Доктор с монографией, публикациями...

О: Но чужой.

В: Но чужой, да. Его не хотят. Что будет?

О: Ситуативно. Я думаю, что это ситуативно, зависит от многого. На уровне интуиции <...> у меня нет никаких данных, естественно. Просто я даже не слышал о таких [случаях]... Проиграет, конечно, чужой. <...> Или, если доктор им нужен, они разведут, предоставят возможность пойти на другую кафедру, а если не нужен, то гвоздей не будет, или забивать некому или ещё что-нибудь случится. Ну, отчасти я понимаю [это], потому что [кафедра] – это микроколлектив, который не предполагает то, что называется, периода испытательного срока. (муж., 1950-х г.р., д.н., проф., Ист-сайд)

Наконец, подобным же образом выглядит распределение исследовательских грантов:

То, что касается западных разнообразных фондов, то ...на мой взгляд произошла некоторым образом приватизация этих всех каналов. Она двусторонняя, с одной стороны, люди Запада предпочитают иметь дело со знакомыми людьми, теми, кто все эти годы мелькал там и заработал себе имя <...>. С другой стороны, само сокращение этого рынка понятно заставляет тех людей,

---

соблюдается, практика его исполнения неизменно превращается в прямо противоположное его духу.

которые стоят у этого крана соответственно теснее смыкать плечи... А то, что касается ситуации с местными, например, с региональными правительствами, то здесь ситуация почти та же самая. Существуют люди, как бы проверенные, которые борозды не портят, которые как бы год из года осваивают вот эти вот не очень большие деньги. (муж., 1950-х г.р., к.н., н.с., Олд-центр)

Основным мотивом, упоминаемым в интервью, как мы видели, было использование сетевого механизма как средства снижения неопределенности, предохранения заказчика от недобросовестного исполнителя контракта, работодателя, от непредсказуемости работника, редактора, от риска получить слишком мало хороших текстов или слишком много плохих. За повсеместным распространением сетей, однако, проступает и нечто иное.

Каждый взрослый обитатель академического мира прямо и косвенно участвует в распределении гораздо большего количества средств, чем он может присвоить себе сам. Он участвует в выборах кандидатов на позиции, сидит в комитете, раздающем гранты, играет какие-то роли в диссертационном или журнальном комплексе, позволяющем претендовать на работу другим, и так далее, и тому подобное. Вообще говоря, он может полностью монетизировать свои решения, позволяя покупать их по каждому из этих вопросов тому, кто предложит наибольшую цену. Этот механизм называется в современном русском языке «откатом», и формальные методы оценки, так отравляющие жизнь ученым, есть прямое отражение желания как-то предотвратить его использование.⁷⁶ Возможно, однако, и менее прямолинейное обращение к нему – не для прямого обогащения, а для открытия морального кредита, создания сети обязательств, привязывающих других к себе. Печальная особенность такой сети состоит в том, что возникающее обязательство тем больше, чем меньше шансов было бы у получателя блага стать его обладателем на основе чистых заслуг. Высокомерный молодой гений может не испытать никакой благодарности к декану, который правдами и неправдами обеспечит его профессурой; посредственность сохранит признательность на всю жизнь. В некотором смысле, любое благо, распределяемое на анонимных рыночных и меритократических началах, есть растрачивание кредита, который иначе мог бы быть накоплен всеми вовлеченными в его распределение.⁷⁷

Так или иначе, в смысле организации российский академический мир является совершенно законченно сетевым, и это имеет последствия и для истории социологии, и для индивидуальной судьбы в нем. Из веберовских класса, статуса и партии доминирующей формой стратификации в нем, безусловно, является партия как форма добровольной, основанной на взаимопомощи ассоциации. Эти партии приобретают форму многопоколенных академических семей, во главе которых стоит кто-то (или сразу несколько) из отцов-основателей. Пересказ сетевой истории петербургской социологии, на которую уже делалось много ссылок в этом тексте, может быть тут хорошей иллюстрацией и дать материал для некоторых дополнительных обобщений.⁷⁸

Сетевая история петербургской социологии с некоторыми выводами

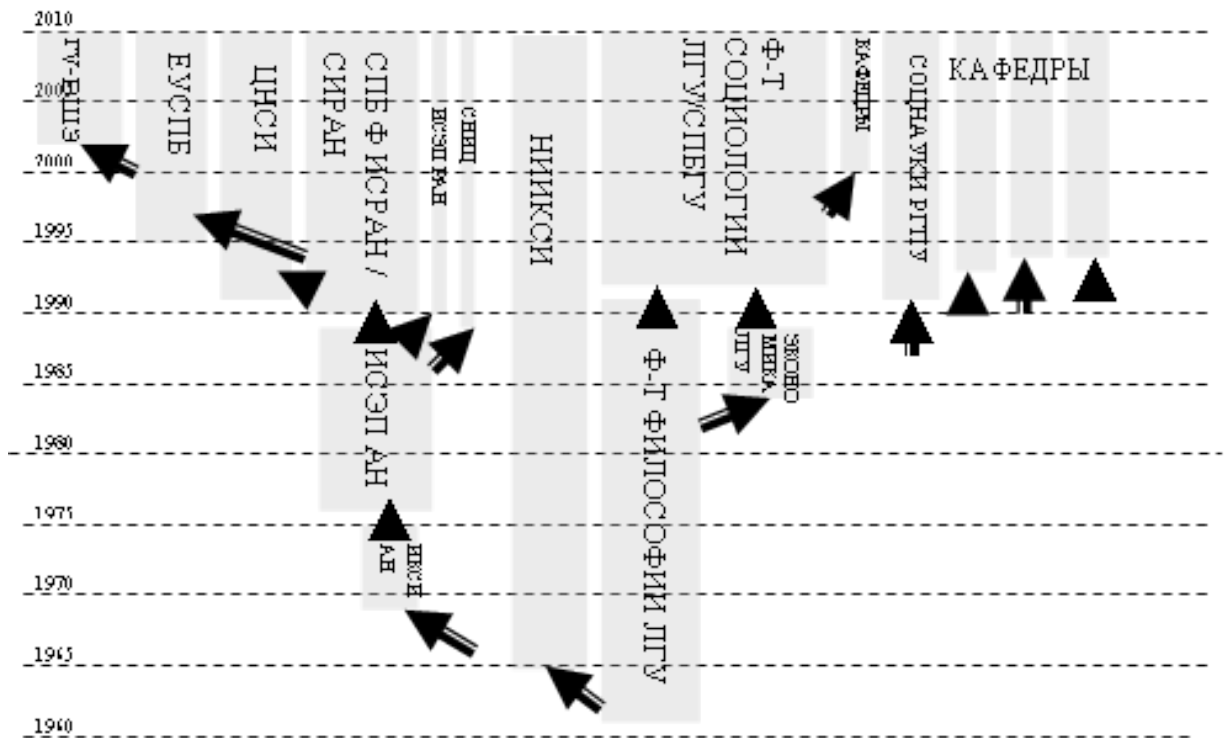
Историю петербургской социологии можно представить как процесс роста и ветвления одной большой сети. Именно в таком виде, навеянном Дарвином, она представлена на рисунке ниже (Рис. 3), разумеется, в крайне упрощенной форме.

⁷⁶ В свою очередь, эти методы, естественно, задевают чувства ученых, не привыкших, чтобы в них подозревали недобросовестность.

⁷⁷ Характерно, что группа, рассуждающая таким образом, стремится искусственно добавить сетевое начало в любой процесс координации. Во времена, когда электронные рассылки еще были новостью, приходящие по ним материалы на большинстве российских кафедр не вывешивались на досках объявлений, а распечатывались и лично раздавались деканом тем, чью признательность себе он хотел обеспечить.

⁷⁸ Это лишь краткое изложение, читатель может найти значительно более полное изложение в статье «Сетевая структура и идентичности в локальном сообществе социологов» (Сафонова, 2012).

Рисунок 3. Рост петербургской социологической сети.

Социология в Петербурге начинается с кружка аспирантов философского факультета примерно 1928-1930 годов рождения. Ядро кружка составляли В.А. Ядов и А.Г. Здравомыслов, учившиеся одновременно со своим главным соперником в течение последующих десятилетий – В.Я. Ельмеевым (руководителем диссертаций Ядова и Ельмеева был В.П. Тугаринов). Одновременно с ними, факультет заканчивала Г.М. Андреева, главный популяризатор американской социальной психологии в России. Чуть позже на факультет пришел работать защитившийся в Педагогическом институте имени Герцена И.С. Кон, еще один ретранслятор западной социальной науки, от которого, по собственным словам В.А. Ядова, тот впервые получил идею заняться социологией. Несколько позже в аспирантуру поступил попавший в политическую опалу Б.М. Фирсов⁷⁹, работавший уже под руководством Ядова. Одновременно с ним учился будущий первый декан факультета социологии СПбГУ А.О. Бороноев. Несколько позже в ту же сеть был втянут Фирсовым уже защитивший докторскую диссертацию по истории (по обследованиям рабочего класса '20-х годов) О.И. Шкаратан – и костяк первого поколения ленинградской школы социологии сложился.

⁷⁹ Для нашей дальнейшей истории будет важно, что для аспирантов и сотрудников философского факультета ЛГУ было обычным делом совмещать работу там с комсомольской или партийной занятостью. Для одних университет был частью партийной карьеры, для других – партийные структуры являлись возможным трудоустройством после университета. Ядов и Здравомыслов были инструкторами райкомов комсомола. Первое знакомство Ядова с Фирсовым, по воспоминаниям последнего, также произошло по этой линии, когда Фирсов подыскивал (разумеется, по сетям) новые кадры для Василеостровского райкома комсомола («Я не знал его до того, как приехал звать на работу. Рассказали коллеги в Василеостровском райкоме комсомола, что есть молодой, энергичный – аппаратные каналы, в общем,» – Б. Фирсов, личное сообщение автору). Фирсов, в свои 30 лет руководивший «главным» Дзержинским райкомом Ленинграда (на территории которого располагался Смольный), стоял на тот момент как минимум на два ранга выше в партийной иерархии. После падения, подробно описанного в его воспоминаниях, он мог рассчитывать на помощь людей, прежде поддержанных им (Фирсов, 2012).

Поклонник Бурдые мог бы с внутренним удовлетворением отметить раскол внутри этого ядра между Ядовым-Здравомысловым-Коном, происходящим из семейств советской аристократии, и Ельмеевым, выросшим в мордовской деревне, а также всеми их сетевыми отпрысками. Декан философского факультета В.П. Рожин явно покровительствовал первой группе в ее стремлении обратиться от марксистской схоластики к изучению реальной жизни; с 1960 по 1962 год на факультете начала функционировать лаборатория, которая послужила инструментом активного рекрутирования студентов и аспирантов, причем не только с философского факультета. В 1965 году лаборатория волилась в созданный неутомимым организатором Б.Г. Ананьевым университетский НИИ комплексных социальных исследований (НИИКСИ).⁸⁰ Ядовский клан, однако, не задержался там надолго – в 1967-1968 году на страницах «Вестника ЛГУ» вспыхнула полемика с Ельмеевым, которая привела к тому, что ядовские почти в полном составе покинули ЛГУ и перешли под крышу Академии наук, сделавшись филиалом московского Института конкретных социальных исследований, – Ядов воспользовался покровительством либерально настроенного директора Института А.М. Румянцева. Оставшиеся в НИИКСИ составили несколько секторов, которые пребывают там до сих пор (социологии молодежи, социальной психологии, юридической психологии). Ельмеев некоторую время был директором НИИКСИ, однако затем из-за обострившихся отношений на философском факультете, к которому НИИКСИ тяготел, покинул пост и переместил свою и своего семейства активность на экономический факультет.

В ходе очередной кампании по оптимизации структуры Академии наук в 1975 году Ленинградские сектора ИКСИ были переданы вновь созданному Институту социально-экономических проблем (ИСЭП). Годы в ИСЭПе редко вспоминались ядовскими с особой теплотой, тем не менее, для роста сети они были исключительно успешны: ядовские размножились без числа, подготовив следующий, перестроечный этап экспансии. Помимо низового рекрутирования, в институт мигрировал целый ряд небольших семей, как правило, по какой-то причине потерявших свою главу. В частности – группа отбывшего в Москву А.Г. Харчева, до того руководившего исследованиями семьи на кафедре философии АН (С.И. Голод, В.Б. Голофаст, А.А. Клецин) и команда А.Г. Здравомыслова, возглавлявшего кафедры в Высшей партийной школе (Б.З. Докторов, Н.В. Часова). Кроме того, в институт перешел из НИИКСИ почти в полном составе сектор В.Р. Полозова, как с горечью вспоминали бывшие коллеги, перекупленный за счет более высоких зарплат. К несчастью для ядовской сети, вскоре покровительственно относившейся к ним директор-организатор Черкасов был смещен, и его сменил осторожный И.И. Сигов, которого беспокоили, во-первых, прямые связи ядовской семьи в обкоме, во-вторых – истории с диссидентским душком, в которых были задействованы ее младшие члены (А.Н. Алексеев, В.Б. Голофаст, В.М. Воронков).

Воспользовавшись политическим проколом, допущенным Фирсовым в аппаратных играх, Сигов избавился и от него, и от Ядова. Фирсов осел в Институте этнографии, Ядов – в Институте истории естествознания и техники, Андреева, Здравомыслов, Кон и Шкаратан еще раньше в вечном центростремительном движении российских интеллектуалов переехали в Москву. Провинившиеся младшие члены сети были исключены отовсюду, откуда можно было (Алексеев, 2001), причем в кампании против них деятельное участие принял не забывший былого Ельмеев. Остальные были рассеяны по другим подразделениям ИСЭПа. Казалось, что с ядовскими покончено. И тут началась Перестройка.

---

⁸⁰ Было бы нечестно сводить социологию в НИИКСИ к одной лаборатории Ядова; там существовала, например, лаборатория юридических исследований, созданная под покровительством проректора-юриста Керимова, сотрудники которой были пионерами советской криминологии.

В течение следующих нескольких лет роли переменялись – преследователи превратились в преследуемых. Жертвы политических кампаний (Алексеев, Фирсов, Ядов, Голофаст) были на очередном собрании Северо-Западного отделения Советской социологической ассоциации подавляющим большинством голосов избраны в бюро; Ельмеев вместе с внезапно ставшими немногочисленными сторонниками в знак протеста приостановил свое членство в ней. В разгар событий, Ядов переехал в Москву, но уже в качестве директора профильного Института социологии АН, и оттуда смог возродить ленинградский филиал во главе с Фирсовым, который вывел из разваливающегося ИСЭПа всех, кого пожелал. Ельмеев потерпел поражение и в том, что долгое время вынашиваемое детище – программы первого цикла высшего образования по прикладной социологии, открытые на экономическом факультете ЛГУ в 1984 году, – вышли из-под его контроля. В 1989 году был создан факультет социологии, в возникновении которого ключевые роли играли члены его сети, выкованной в ЛГУ. Часть из пришедших была аспирантами Ельмеева, многие из которых теряли позиции в партийном аппарате (В.Г. Долгов, А.Н. Сошнев). Другие были старыми друзьями и единомышленниками (А.А. Галактионов). Ядов, однако, использовал контакты в обкоме для того, чтобы предотвратить переход социологического образования в ЛГУ в руки своего архиврага (эта история с позиций проигравшей стороны рассказана в «Истории становления» (Ельмеев и др., 2003)). Во главе факультета встала рекомендованная обкомом компромиссная фигура – А.О. Бороноев.

Факультет в результате превратился в совместное предприятие двух семейств: пришедшей непосредственно с экономического факультета ельмеевской и успешно отпочковавшейся от нее в свое время и мигрировавшей с философского факультета бороноевской. Бороноевская семья базировалась, прежде всего, на упраздненном отделении научного коммунизма (В.Д. Виноградов, В.В. Козловский, Н.Г. Скворцов), но также простиралась на НИИКСИ (директором которого Бороноев был в 1987-1993 годах, и откуда явились вскоре скончавшийся Ю.Н. Емельянов, создатель кафедры культурной антропологии и этнической социологии, и А.И. Куропятник). Факультетский политический фольклор утверждал, что Ельмеев никогда в полной мере не смирился с поражением, и в 2000 году, на очередных выборах декана, его семейство поддержало конкурента Бороноева – Скворцова, несмотря на то, что тот был существенно дальше от Ельмеева и в сетевом, и в личном смысле. Так или иначе, Бороноев был со всеми мыслимыми почестями смещен, а Скворцов правил с 2000 по 2010 год, когда перешел на позицию первого проректора университета, откуда вернулся в 2012 году. Последовавшие за его уходом выборы обнаружили глубокий раскол на факультете. Ни один из двух основных конкурентов – Козловский и Куропятник – дважды подряд не смог набрать большинство голосов, и следующие годы факультет управлялся временно исполняющим обязанности, В.И. Дудиной, в сетевом смысле бывшей самой младшей из ельмеевского семейства, которую оба лагеря были согласны рассматривать как компромиссную фигуру.

Рост и ельмеевской, и бороноевской сети в последние 20 лет преимущественно происходил внутри одной организационной оболочки – факультета социологии СПбГУ.⁸¹ Напротив, ядовско-здоровомысловско-фирсовская сеть постоянно делилась, создавая все новые оболочки. Еще в процессе распада ИСЭПа из нее выделилась группа людей, ориентированных на проведение прикладных (тогда еще никто не использовал термина «маркетинговых») исследований; к ним примкнули несколько родственных душ, оставшихся в бывшем НИИКСИ (В.С. Гороховский, Р.С. Могилевский). Вместе они

⁸¹ Уход Д.П. Гавры, поддерживавшего Скворцова и не получившего кафедры, с несколькими компаньонами на факультет журналистики, уход В.И. Мининой в Высшую школу менеджмента, а также активность Козловского в рамках Республиканского гуманитарного института произошли в пределах СПбГУ. Многие профессора совмещали работу на факультете с внешним наймом, однако в считанных случаях кто-то из них решался покинуть «Большой университет» навсегда (см. далее).

создали Социологический научно-исследовательский центр (СНИЦ) – первую маркетинговую фирму тогда еще в Ленинграде. СНИЦ и территориально, и в сетевом плане тяготел к Ленинградскому, затем Петербургскому филиалу Института социологии (они находились в одном здании, и несколько сотрудников обычно совмещали позиции). СНИЦ почти немедленно вступил в череду сетевых делений – вначале откололся Горохов, затем – Могилевский, создавший филиал гэллаповской франшизы. Впоследствии «Геллап СПб» разделился еще несколько раз, в ходе которых от него обособлялись все новые фирмы, создаваемые недавними выпускниками социологических факультетов (большинство из них уносило с собой клиентские базы). В конце концов, компания могилевского воплотилась в «Агентстве социальной информации» (АСИ), в которой помимо интервьюеров работали он сам и его жена и которую он передал сыну. Наконец, в 2002 году из СНИЦ ушел С.А. Исаев, создавший форму «Мегаполис» вместе с сотрудником филиала института АН Т.З. Протасенко. «Агентство социальной информации», «Мегаполис» и отчасти СНИЦ по-прежнему безусловно доминируют на небольшом рынке локальных госконтрактных исследований и исследований общественного мнения.⁸²

Кроме того, сеть успешно колонизировала один из университетов, на котором работала знакомая Ядова еще со времен учебы в ЛГУ С.Н. Иконникова. Институт культуры (впоследствии – Университет культуры и искусств) в целом оказался гораздо более комфортным для ядовской сети, чем «Большой университет», который ее члены были вынуждены вместе или по отдельности покинуть. Кафедра социологии под руководством Иконниковой стала вторым местом работы для многих сотрудников СИ РАН а также основным поставщиком кадров для него. К несчастью для ядовской группы, пополнение, которое можно было получить из этого источника, было относительно немногочисленным, и СИ РАН испытывал голод, который так и не мог насытить.

Это, однако, было еще только началом ветвления. В недрах петербургского филиала академического института существовала группа «золотой молодежи», которая, наконец, пережила запоздалое социологическое обращение, изучая политические движения и гражданское общество в эпоху перестройки. Она была первой и до сего момента единственной, получившей действительно международное продолжение благодаря сплетению с сетью западных советологов второго поколения, бывших бунтующих студентов '60-х, критически настроенных по отношению к капитализму и силящихся понять, что же все-таки пошло не так с социализмом (Мэри Маколи, Стивен Коткин, Теодор Шанин и др.). Благодаря падению «железного занавеса», эти люди получили возможность окунуться в советские реалии так, как они не могли надеяться сделать это прежде. Большинство из них напоминали советских социологов первого поколения в активистском понимании своей миссии – они с радостью включились в преобразование того, что прежде изучали. Для западных фондов, планировавших развернуть свою деятельность в России, они были самыми естественными посредниками в соприкосновении с местной реальностью; для молодых обществоведов здесь они оказались проводниками в западный академический мир.⁸³

---

⁸² Так, из 19 тендеров на проведение социологических исследований в 2006-2007 годах 8 выиграл «Мегаполис», 7 выиграл АСИ, 3 – СНИЦ (меньших), 1 – СПбГУ. Надо иметь в виду, однако, что отсутствие других претендентов на этом рынке могло объясняться не только монополизацией, но и его относительной непривлекательностью: в общей сложности эти конкурсы принесли победителями 12 млн. 58 тысяч рублей – около 484000 долларов в ценах того времени.

⁸³ В воспоминаниях одного из героев этого абзаца: *«И вот Х сидела со мной и правила мои статьи. Раз за разом. У меня слезы на глазах, смотрю, куда бы убежать, забиться и умереть – а она словно не понимает, и говорит: “Ничего, ничего, давай еще раз!”* (жен., 1950-е г.р., к.н., Вест-сайд). Стоит отметить, что эти люди успешно достигли цели, которых не достигли пока многомиллионные стимулирующие фонды Высшей школы экономики (см. далее) – вывели на международную орбиту нескольких авторов, которые с тех пор на

Совместными усилиями эта сеть дала следующие всходы в виде нескольких институций совершенно нового типа. Первой из них был Центр независимых социологических исследований (поскольку лейтмотивом существования ядовской сети было противостояние государству, термин «независимый» в их устах был синонимом «негосударственного»), возглавленный В.М. Воронковым. Первой идеей Воронкова было создание преимущественно маркетинговой фирмы, однако успешное сотрудничество с германскими партнерами быстро переориентировало его на проведение «качественных исследований» за счет западного грантового финансирования. В 1995-2005 годах Центр был исключительно успешен в рекрутировании разочарованных выпускников факультета социологии СПбГУ. Отчасти он выигрывал благодаря возможности вербовать сотрудников в проекты с зарплатами, превосходящими зарплаты их профессоров⁸⁴, отчасти – благодаря тому, что он предлагал информацию о грантах и стажировках, которые можно было получить самостоятельно, отчасти – потому, что он транслировал навыки, нужные для того, чтобы воспользоваться этими возможностями (сотрудники центра постоянно учились друг у друга и у старших коллег всяким премудростям академической жизни), отчасти – поскольку он транслировал максимально необременительную разновидность профессиональной идеологии, существенно выигрывающую перед тем, что могли предложить другие центры. Все это вместе делало его опасным соперником для «Большого факультета». До тех пор, пока ЦНСИ в середине 2000-х годов не начал погружаться в экономическую пучину, он выигрывал в соревновании за умы и сердца молодых социологов.

Вторым, и более крупным ответвлением ядовской сети был аспирантский Европейский университет, созданием которого неутомимый Борис⁸⁵ Фирсов занялся буквально через несколько лет после того, как в его руках возник филиал Института социологии РАН – в 1992 году. Университет был более сложным проектом в смысле гетерогенности сетей, которые необходимо мобилизовать, для того чтобы обеспечить преподавателями все пять его факультетов.⁸⁶ Он был шедевром Фирсова как – если это возможно сказать с глубочайшим почтением – паука, стягивающего сотканную за десятилетия академическую сеть. Основным источником факультета политических наук и социологии (ПНиС) был сектор социологии общественных движений, который перекочевал в ЕУ почти в полном составе (Владимир Гельман, Елена Здравомыслова, Анна Темкина и Александр Эткин, а в первом составе также Александр Дука и Владимир Костюшев).⁸⁷ Любопытно, однако, что на последней фазе именно наиболее близкий Фирсову факультет политических наук и социологии полностью вышел из-под его контроля. Решающим при утверждении декана-организатора, судя по воспоминаниям участников событий, был голос иностранных советчиков, которые предложили двух тридцатилетних друзей, заканчивающих диссертации в Кембридже и Беркли, участников шанинских школ – Вадима Волкова и Олега Хархордина.⁸⁸

ней удержались.

⁸⁴ Такие проекты случались совсем не так часто, и в 1990-е годы для сотрудников ЦНСИ было гораздо более обычным делом работать, вовсе ничего за это не получая. Тем не менее, эти иррегулярные шальные заработки были гораздо важнее для их мироощущения, чем регулярное безденежье.

⁸⁵ Как мы увидим чуть дальше, разные зоны нашей сети исповедуют разные этикетные нормы касательно личных обращений, и птицы, поющие на тех ветвях эволюционного дерева, до которого мы сейчас добрались, не знают отчеств. Говоря о Вест-сайдских персонажах, не будем использовать их и мы.

⁸⁶ Изначально факультетов должно было быть даже шесть, включая право и страноведение, но исключая историю искусств. Рассказ автора о его произведении можно встретить здесь (Калачева и Федорова, 2006).

⁸⁷ А впоследствии также непосредственный автор сих строк.

⁸⁸ Планом Фирсова, по его собственному признанию автору, было привлечение кого-то из непосредственно следующего поколения ядовской сети (Докторов или Голофаст). Деканами-организаторами остальных факультетов были ученые значительно более зрелого возраста, лично Фирсову хорошо известные.

По причинам, которые мы рассмотрим дальше, ПНиС, в отличие от всех остальных факультетов социологии, не стремился к росту, и, кроме того, на нем действовали привезенные выпускниками Кембриджа и Беркли предубеждения против инбридинга. Его выпускники вынуждены были искать работу за его пределами. К несчастью для них, он успешно прививал своим слушателям веру в то, что является единственным факультетом в России, на котором стоит работать.⁸⁹ Кроме того, в любом случае, другие факультеты имели предубеждение в пользу, не против своих выпускников, так что выпускников ПНиС не особенно ждали. В итоге, найти академическую работу им было трудно. Выходом было создание новых институциональных колоний. Одной из них был ЦНСИ (в действительности, некоторые вначале попадали в ЦНСИ, а затем на ПНиС, но в эпоху экспансии случалось и обратное). Другой – петербургский филиал Высшей школы экономики, пригласившей в 2003 году Вадима Волкова возглавить факультет социологии. В общей сложности, колонизация ВШЭ послужила трудоустройству примерно 20 выпускников социологов, плюс некоторого количества политологов. В отличие от ЕУ, ВШЭ быстро росла и не брезговала собственными выпускниками, в результате не породив на протяжении первого десятилетия своего существования аналогичного перепроизводства. Наконец, уже в 2011 году появился факультет сравнительной политологии в местном филиале Академии народного хозяйства и госслужбы (РАНХиГС), созданный примерно по такой же модели, что и факультет в «Вышке» – прогрессивный московский ректор, желающий перестроить провинциальный филиал и призывающий на помощь босса с хорошими связями в Вест-сайте. Однако, поскольку на этом факультете работал лишь один социолог, мы оставляем его на полях нашего повествования.

Возвращаясь ненадолго к СИ РАН, надо сказать, что продолжение его истории было печальным. Университет культуры был сравнительно слабым источником пополнения; кроме того, Институт раздирали конфликты, разделившие вроде бы давно сросшиеся ответвления сети. Сектора, в которых работали старые ядовские сотрудники, ощущали себя ядром организации, и после ухода Фирсова оказались в оппозиции к новому директору, С.И. Голоду, который был выходцем из другой, харчевской семьи. Голод опирался на коалицию из нескольких групп аутсайдеров, в частности, сектор А.В. Дуки, в свое время притянутого к группе, изучавшей социальные движения. В 2002 году в ходе регулярных перевыборов директора Голод был смещен, а его место занял А.В. Тихонов, кандидат ядовской семьи. Тихонов, однако, некоторое время спустя внезапно перебрался в Москву, и его место заняла избранная отделением АН И.И. Елисеева, прежде никак не связанная ни с одной из социологических сетей. Ее история в чем-то повторила историю Голода – она оказалась в оппозиции к остаткам ядовских, но действовала значительно решительнее и избавилась от ключевых фигур в противоположном лагере, пользуясь требованиями к аттестации. Мы рассмотрим в деталях эту историю, когда дойдем до описания карьер в Академии. За конфликтность этого мира стояли другие причины, помимо сетевых, но общая принадлежность к сети могла ограничить их влияние. В ее отсутствие, структурные факторы выходили на поверхность.⁹⁰

Развитие других кафедр и подразделений в государственных вузах было, в сущности, ростом более ранних ответвлений той же исходящей из корня на факультете философии ЛГУ сети. Советские преподаватели философии, потерявшие работу из-за Перестройки, вынуждены были переквалифицироваться. В это время на них выходили их однокурсники, поднявшиеся выше по административной лестнице и искавшие

⁸⁹ Во всяком случае, они верили, что образ жизни его преподавателя – единственный, на который стоит соглашаться. Учитывая, что доцент на ПНиС в конце 1990-х годов получал порядка 700 долларов за 4 лекционных часа в неделю, а доцент «Большого факультета» – порядка 50 за 12-16 часов – эти запросы нельзя было назвать скромными.

⁹⁰ Обе эти эпопеи глазами члена ядовского семейства описаны здесь (Алексеев, 2001).

помощников для осуществления своих инициатив, и делали предложения, от которых было невозможно отказаться. В некоторых городских вузах уже были социологические подразделения или группы – например, Педагогический университет имени Герцена (ЛГПИ, РГПУ), где существовала кафедра, возглавляемая пламенным коммунистом А.В. Воронцовым, участвовавшим в осуждении Алексеева и прочих членов ядовской сети.⁹¹ Чаще, однако, они создавались на пустом месте из местных кафедр философии. Большинство из них, однако, могли не сохранить никаких связей ни с одной из больших сетей, и восстанавливали их уже позднее, в поисках академической респектабельности.⁹²

Эта и все подобные этой научно-мафиозные⁹³ истории приводят нас к нескольким обобщениям по поводу непростых отношений между сетями и формальными организациями. Во-первых, мы видим, что в петербургской (и не только петербургской) социологии организации возникают как оболочки для того или иного ответвления сети. Развитие организации происходит снизу-вверх и, фактически, выглядит как серия идущих сверху вниз приглашений.⁹⁴ Административный вес в этой системе безошибочно произведен от того, сколько и каких людей индивид может созвать под свои знамена; тех, про кого известно, что достаточно им топнуть, чтобы на пустом месте собралась армия, часто получают приглашение так и поступить. С другой стороны, только те, кто временами получает такие приглашения, оказываются окружены людьми, ожидающими, что те их позовут (см. ниже), и в этом смысле восхождение в класс административных боссов обычно предполагает постепенный подъем за счет роста числа тех, кто ожидает от индивида приглашения. Это приводит нас к «во-вторых» – один из источников кризиса в сетевых организациях может стать кризис наследования: в то время, как первый директор обладает никем не отрицаемой легитимностью⁹⁵, его наследник вынужден постоянно подтверждать свой мандат. Как уже говорилось выше, распространение демократических процедур, обеспечивающих контроль большинства сотрудников над принятием ключевых решений, делают нового руководителя в значительной мере зависимым от коллектива. Исключения составляют ситуации, когда сам этот коллектив состоит из нескольких оппонировавших друг другу семейств; тут директор, лавируя между ними, может добиться известной автономии. Ценой становится постоянный конфликт, много лет раздирающий СИ РАН.

В-третьих, неизбежным следствием этого положения вещей является то, что сети привыкают смотреть на организации как на свою собственность. Лояльность сети в целом

---

⁹¹ Надо отметить, однако, Воронцов – очень необычно для постсоветского социолога – четко отличал свои политические пристрастия от научных. Члены ядовской сети, пользовавшиеся его профессиональным уважением, получали от него поддержку и успешно сотрудничали с РГПУ, хотя ядро кафедры составляли люди сходных советски-консервативных взглядов.

⁹² Разумеется, это лишь самое краткое пунктирное изложение, в котором многие малые ветви нашего большого дерева вовсе не появляются – взять, например, Институт истории естествознания и техники АН, давший приют Ядову во время его изгнания, где с 1960-х годов существовал сектор, занимавшийся исследованиями науки во главе с С.А. Кугелем (ныне возглавляемый Н.А. Ащеуловой). Кажется, однако, что все самые крупные ветви так или иначе представлены.

⁹³ Любопытно, с какой скоростью язык криминальной хроники был адаптирован для описания взаимоотношений в подобных семьях даже теми, кто вообще-то не был склонен к народному красноречию. В позапрошлом десятилетии авторы – как, вероятно, и более зрелая часть читателей – нередко могли услышать, как говорящие спонтанно используют обороты вроде «это было, когда сначала ельмеевские мочили ядовских, а затем – наоборот», или «не лезь в это, это разборка давыдовских между собой».

⁹⁴ Этому никогда не мешало то, что, теоретически, все академические должности должны были заполняться по открытому конкурсу. Будущий директор получал статус директора-организатора, а после того, как штат был укомплектован, проводились выборы – однако требовались какие-то катастрофические события, чтобы лично набранные и приглашенные им люди не проголосовали за него.

⁹⁵ Обычным делом является говорить о любой организации как о чьей-то, и этим кем-то всегда является ее первый директор. «Центр Воронкова» являлся устойчивым обозначением; такие наименования, однако, никогда не передаются по наследству.

ставится выше лояльности организации – сеть обеспечивает индивида возможностями найти новую работу, моральной поддержкой при преодолении очередного институционального барьера и аудиторией для его выступлений или статей.⁹⁶ Один из постоянных лейтмотивов в интервью – роль старших коллег в сети, задающих ориентир, на который надо равняться, поддерживают индивида при отправке первой заявки или статьи, и помогают пережить непростые времена.

О: Да, это был мой первый индивидуальный проект <...>. Коллеги активно писали заявки, коллеги активно участвовали в различных исследованиях, ездили на конференции, и мне тоже нужно было что-то делать. Коллеги показывали мне, если хотите, определенную высокую планку, которой нужно было соответствовать. Чтобы соответствовать, ты должен был что-то писать, что-то делать. [Когда я писал заявку] N, например, очень серьезно мне помогал. Фактически помог в разработке инструментария по данному проекту.

В: То есть они не отпускали вас, так сказать, в открытое море?

О: Нет, нет, нет, нет, нет. Такого никогда не было. Была попытка максимально меня включить в работу. Есть исследование – значит, включаем. Нужно было не только научить человека, но и финансово ему помочь, что они, собственно говоря, и старались делать по максимуму. (муж., 1970-х г.р., к.н., доцент, Ист-сайд)

Сохранение членства в сети оказывается значительно важнее сохранения рабочего места и потому, что организации оказываются более эфемерными, и потому, что потеряв индивид одну работу, сеть всегда поможет ему с другой. Сеть контролирует нечто большее, чем отдельную организацию: она контролирует экономическую нишу. Сеть концентрирует навыки, аккумулирует связи и оказывает моральную поддержку тем, кто принадлежит к ней; наоборот, она может активно скрывать информацию или пытаться атаковать тех, кто проникает на ее территорию.⁹⁷

В этих условиях, одна из латентных причин конфликта директора академической организации с коллективом состоит в том, что директор вольно или невольно должен представлять интересы организации, не сети. Там, где существуют какие-то внешние критерии эффективности, директор должен обеспечивать соответствие этим критериям. Если организация оценивается по количеству опубликованных статей, директор должен проследить за тем, чтобы сотрудники публиковались, а те, кто отказываются публиковаться, как положено, – были заменены на новых, готовых это делать. Если есть ресурсы, которые можно проесть сегодня, а можно инвестировать в развитие организации завтра, директор гораздо более предрасположен думать о завтра, чем коллектив. Здесь его ситуация оказывается двойственной – с одной стороны, он обязан своим статусом административного босса возможности мобилизовать людей, т.е. чтобы сохранить руководящее положение в сети, надо заботиться о ней. С другой стороны, сохранение руководящей позиции требует от него идти против их воли. Административный талант в значительной мере заключается в способности найти компромисс.

Самые существенные для нашей истории сети часто простираются за пределы дисциплины или даже академического мира в целом. Советские социологи первого поколения были многим обязаны патронажу со стороны философов и партийных идеологов (Иовчук, Францев, Румянцев), занимавших несравненно более высокие посты,

⁹⁶ Для части академических семейств, эта практика превратилась фактически в нормативное предписание. Глава одного из крупных семейств наставлял всех, кого семейство усыновляло и удочеряло: «Мы пишем для узкого круга коллег-единомышленников».

⁹⁷ Вест-сайдская версия этой истории: иностранные коллеги, заинтересованные в сотрудничестве с русскими социологами, активно изолируются первой группой, с которой они вошли во взаимодействие, от встреч со всеми прочими русскими социологами.

чем они, в советской иерархии (Соколов, 2011), и, по большому счету, могли считаться младшими ответвлениями их сети. Имея такую поддержку сравнительно рано в профессиональной биографии, сплоченная группа могла получить доступ ко всем ключевым ресурсам в обход существующего академического истеблишмента. В истории петербургской социологии мы находим две такие группы. Первой было ядро «ленинградской школы», сложившееся на философском факультете ЛГУ в поздних 1950-х годах.⁹⁸ Второй группой было ядро факультета ПНиС, в основном сложившееся в Ленинградском филиале Института социологии (прежде всего – в секторе социологии общественных движений) около 1990 года, а также несколько примкнувших к ним выпускников экономического факультета (Вадим Волков, Олег Хархордин). Хотя Борис Фирсов, принадлежавший к первой группе, покровительствовал второй, он был лишь одним из ее старших партнеров. В дальнейшем развитии событий еще большую роль сыграли их студенческие друзья по экономическому факультету, среди которых выделялся будущий министр финансов Алексей Кудрин. Именно он уже в следующем веке обеспечит основное политическое прикрытие и экономическую поддержку Европейскому университету.

Даже на нашей ограниченной выборке примеров ясно, что оказывающие наибольшее влияние на прогресс дисциплины сплоченные группы могут возникнуть лишь в небольшом сегменте элитарных учреждений, которые функционируют как «кузницы элиты» – имея в виду не только академическую, но и социетальную элиту. Россия мало отличается в этом смысле от Франции или Британии (и гораздо сильнее – от Германии и США). Группа, учившаяся в ЛГУ, уже была представлена выше. В МГУ на философии на одном курсе учились Б.А. Грушин и Ю.А. Левада, немного раньше или позже – Н.И. Лапин, В.В. Колбановский (который успел поучиться и в СПбГУ, и в МГУ) и Н.Ф. Наумова. На экономике – В.Н. Шубкин и Т.И. Заславская. Из МГИМО выпустились Э.А. Араб-Оглы, И.В. Бестужев-Лада, Ю.А. Замошкин, Г.В. Осипов и В.И. Семенов. В стороне от них, но все равно где-то рядом, были Л.А. Гордон и О.И. Шкаратан (соответственно, истфаки МГУ и ЛГУ) и Кон (истфак ЛГПИ имени Герцена, он, однако, поступил на работу на философию в ЛГУ, где работал одновременно с Ядовым, Здравомысловым, Ельмеевым и Фирсовым). Сильно отклоняются от остальных только образовательные траектории будущей уральской группы: М.Н. Руткевич закончил физфак в Киеве, Л.Н. Коган – философию в Свердловском университете; никто из них, тем не менее, разумеется, не учился в Карагандинском пединституте.

Сами составляющие их индивиды обычно имеют аристократическое происхождение⁹⁹ (да и кого еще мы можем ожидать встретить в элитарных учебных заведениях?), которое дополнительно обеспечивает их избытком связей за пределами академического мира и тем самым притоком ресурсов.¹⁰⁰ Родители первого поколения

⁹⁸ Вообще говоря, другой такой группой можно считать выпускников философского факультета, принадлежавших к коммунистически-консервативному крылу.

⁹⁹ На факультете политических наук и социологии ЕУСПб – сетевом сердце Вест-сайда – семеро из десяти постоянных преподавателей середины 2000-х годов родились в семье академических ученых рангом завлабораторией и выше.

¹⁰⁰ Нельзя, естественно, уравнивать происхождение и широту круга общения. Личные склонности играют свою роль, хотя высокое происхождение и социальный капитал очевидно связаны друг с другом. Одна из проблем организаций вроде Европейского университета состоит в том, что они создают гомогенную группу, практически изолированную от окружения и вынужденную взаимодействовать с ним через посредство лучше связанных руководителей (Сафонова, 2010); в этом отношении, иногородние аспиранты ЕУСПб не так уж отличны от «гастарбайтеров», зависимых от своего бригадира. Те внешние контакты, которые они налаживают за время учебы, все равно происходят в близкой социальной среде и не предусматривают возможности их использования во многих критических ситуациях. Выпускники Европейского имеют очень мало шансов быть дружными по студенческим временам с министром или иметь знакомства в региональной администрации, которые могли бы пригодиться, если внезапно нагрянувшие пожарные очередной раз

советских социологов в непропорционально большой доле принадлежали к советской нетехнической интеллигенции – философы или психологи (отцы Заславской, Колбановского, Левады, Руткевича, Ядова), учителя литературы (Шубкин и Здравомыслов) чиновники и партийные работники (Араб-Оглы, отцы Семенова, Наумовой), врачи (Коган, отец Шляпентоха), музыканты или преподаватели музыки (Рывкина, мать Шляпентоха). Некоторым исключением являются только Лапин и Шкаратан (отцы обоих – строители), Гордон (отец – инженер, мать – биолог) и Осипов (рабочий-сцепщик, ставший, однако, Героем Соцтруда и впоследствии также преподавателем высшей школы). Не менее 80% родителей индивидов, попавших в эту выборку должны были получить высшее образование – впечатляющая гомогенность для страны, в которой на 147 миллионов населения (Согласно Первой всесоюзной переписи 1926 года) приходилось всего 521 тысяча специалистов, из них – 233 тысячи с высшим образованием (менее 0,2%).

В рамках другого исследования, мы создали небольшую выборку в 117 человек, представлявших, по нашей оценке, социологический истеблишмент (Рис. 4)¹⁰¹. Из 99 ее членов, о чьем образовании у нас есть сведения, 26 закончили МГУ (14 – философский факультет) и 15 ЛГУ (7, кроме того, получили там впоследствии второе высшее образование). Все прочие вузы дали не более 2-х человек за единственным исключением ЛГПИ, который в разные годы окончили И.С. Кон, С.И. Голод, А.Б. Гофман и В.В. Костюшев. Дальнейшая траектория нашей элиты еще более однородна. Из 63 человек, о чьем обучении в аспирантуре мы что-то знаем (еще о двух людях известно, что они в ней не учились), 11 поступили в нее в МГУ (из них 9 – на философский факультет), 9 – в ЛГУ (из них 6 – на философской факультет), 13 – в Институт социологии АН (или ИКСИ и ИСИ), 6 – в Институт философии АН. Итого, на два факультета и два института приходится в общей сложности 62% задокументированных случаев обучения в

опечатают помещение перед выборами.

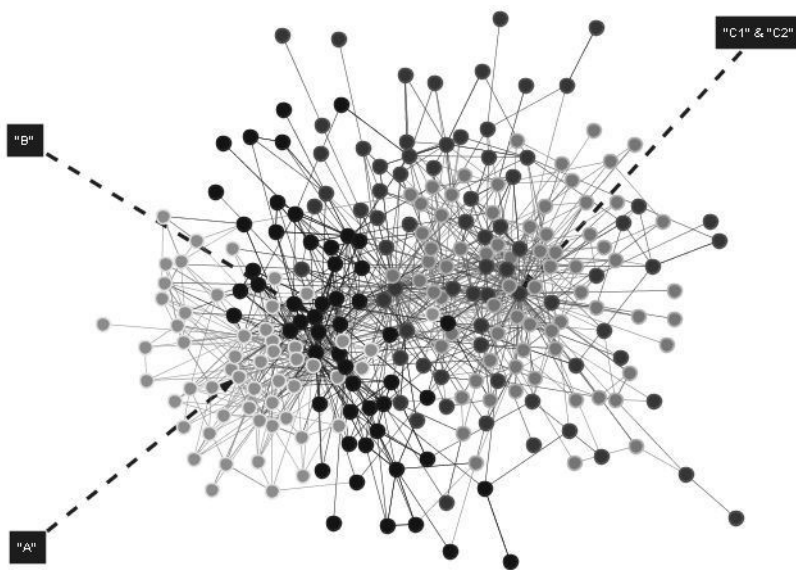
¹⁰¹ Мы использовали для создания этого рисунка несколько десятков списков атрибутов, которые ассоциируются с элитарными позициями (подробно описано в Кнорре и Соколов, 2013): членство в редколлегиях журналов, оргкомитетах конгрессов, правлениях ассоциаций, коллегиальных органов типа УМС и НМС, а также руководство разными типами организаций и различные формы *publicity*, такие, как показатели цитирований, наличие персональной страницы в Википедии или появление в топе новостей Яндекса.

аспирантуре.¹⁰² По ограниченности маршрутов, которыми ведут тропы славы в России, она напоминает Францию.

Необходимо сделать важную оговорку прежде, чем мы двинемся дальше. Выше мы говорили о «семьях» или сетях как о дискретных целых. Они, разумеется, не являются таковыми. Сеть – это не агент с очерченным контуром. Она перетекает в другие сети, и нельзя сказать, на ком она начинается или заканчивается. В сетевом отношении, наши семьи не изолированы друг от друга, хотя контакты между ними и истончены. Рисунок 4 показывает сеть, какой мы застали ее во время нашего обследования 2009 года.

Рисунок 4. Структура сети петербургских социологов (раскраска по структурно-эквивалентным группам)

¹⁰² В заключении надо перечислить те организации, в которых мы застаем истеблишмент сегодня (или в которых его представители базировались в момент смерти). Следующий список дает распределение по организациям, в которых работают не менее трех человек из нашего списка (необходимо напомнить, что некоторые из них сотрудничают в двух, а то и в трех институциях): ИС РАН – 29, НИУ-ВШЭ – 15, СПбГУ (все – факультет социологии) – 8, ИСПИ РАН – 8, Российский государственный социальный университет (РГСУ) – 6, СИРАН – 5, МВШСЭН – 4, МГУ (все – социологический факультет) – 4, МГИМО – 3, РАНХиГС – 3, «Левада-центр» – 3, ЕУСПб – 3. Головной Институт социологии РАН сохраняет лидерство, особенно впечатляющее, если мы учитываем отпочковавшиеся от него в разные моменты ИСПИ РАН и СИ РАН; Высшая школа экономики, однако, сделала впечатляющий рывок, заняв вторую строчку.

Отметим попутно, что история географической мобильности нашего истеблишмента – это история внутренней утечки мозгов и субнационального колониализма в России. Таблица 4 отображает местоположение нашей элиты в нескольких точках их биографии.

Таблица 4. Географическая мобильность социологического истеблишмента

Населенный пункт рождения	Город получения высшего образования	Город обучения в аспирантуре	Город проживания в 2013 или в момент смерти
Москва	17 (23%)	42 (43%)	41 (66%)
Ленинград/ Петербург	8 (11%)	22 (22%)	14 (23%)
Остальная Россия	19 (16%)	48 (66%)	34 (35%)
Наличие данных	73 (100%)	98 (100%)	62 (100%)
Доминирование столичных городов, в которых изначально была сконцентрирована интеллигенция, ощущается уже в исходном распределении мест рождения нашей элиты, однако на последнем этапе преимущество Москвы становится подавляющим; только Петербург, кажется, может на некоторое время устоять перед этим всеобщим центростремительным движением. Движение в столицу является, кроме того, необратимым. Из всех, кто получил высшее образование в Москве, лишь один человек продолжил карьеру за ее пределами (В.Н. Ярская). Интересно, что группе, получившей образование за пределами Москвы и Ленинграда, свойственна достаточно высокая межрегиональная мобильность и в дальнейшем.	82 (70%)	8 (13%)	16 (14%)

Технические замечания. Мы попросили респондентов опроса 2009 года назвать «1-5 коллег из числа петербургских социологов», которые (1) в наибольшей степени помогли развитию его научной карьеры; (2) в течение последних 5 лет работали с ним в ходе исследовательских проектов; (3) предлагали ему занять преподавательскую, исследовательскую или административную позицию в какой-либо социологической организации; (4) предлагали ему подготовить статью для готовящегося сборника или опубликовать статью в социологическом журнале; (5) приглашали его на какое-либо публичное социологическое мероприятие (конференцию, семинар, школу, круглый стол и т. д.) (6) были приглашены им на какое-либо публичное социологическое мероприятие.¹⁰³ В общей сложности, мы получили список из 351 имени, которые составили при визуализации представленную сеть.

Алгоритм регулярной эквивалентности (*CONCOR*) выделяет группы, максимально сходные по своим социальным связям; в нашем случае это значит замкнутые на одни и те же центральные фигуры. Эти группы, идентифицированные по сугубо формальным основаниям, в точности те, которые мы могли бы ожидать встретить на основании нашего исторического экскурса. В центре самого левого и самого светлого сегмента сети (*A*) находятся тогдашний директор ЦНСИ Виктор Воронков и преподаватели ПНиСа – Даниил Александров (в дальнейшем – декан факультета социологии ВШЭ), Вадим Волков, Елена Здравомыслова, Анна Темкина и Олег Хархордин. В центрах следующего, если идти слева направо, самого темного (*B*), находятся лидеры старой ленинградской школы первого поколения Б.М. Фирсов, В.А. Ядов и люди чуть младше них С.И. Голод, Я.И. Гишинский и другие. Следующие две сети как бы вложены одна в другую (в отличие от прочих, они слабо изолированы друг от друга) – *C1&C2*. В их центрах находятся, соответственно, А.О. Бороноев, В.Я. Ельмеев и В.Д. Виноградов – главы подразделений «Большого факультета» первого поколения, и В.В. Козловский и Н.Г. Скворцов – главы, пришедшей им на смену генерации.

Чтобы избежать буквенных аббревиатур, мы присвоили им названия, навеянные Чикагской школой, благодаря которой вырелась идея всего этого исследования – Вест-сайд (зоны *A*), Ист-сайд (зоны *C1* и *C2*) и Олд-Центр (Зона *B*).¹⁰⁴ После всего сказанного, читатель не найдет ничего удивительного в том, что три наши группы базируются в разных организациях – от исключительно Вест-сайдских ЦНСИ и ЕУСПб через Олд-центровские СИ РАН и кафедру СПбГУКИ к Ист-сайдскому «Большому факультету» и находящимися дальше на условный «Восток» кафедрами и факультетами. Несмотря на то, что ни один из сетевых вопросов не касался напрямую того, с кем респонденты в настоящее время работали в одной организации, ответы безошибочно размещали сотрудников одной организации рядом. Хотя сети явно не изолированы друг от друга полностью, контакты между ними ограничены, что в особенности заметно в случае с Вест- и Ист-сайдами.¹⁰⁵ Численно, из наших 350 человек Вест-сайд и Олд-центр составляли примерно по одной пятой – порядка 70 человек каждый. Ист-сайд был больше, чем они оба вместе взятые, и охватывал порядка 210 человек.

¹⁰³ Подробное описание процедуры и результатов можно найти в других публикациях (Сафонова, 2010; 2012), отсюда же извлечены иллюстрации.

¹⁰⁴ Самая первая картография опиралась на разные версии многомерного статистического анализа, которые, помимо первого измерения, противопоставляющего Восток и Запад, механически вводила второе, противопоставляющее им обоим то, что в действительности было расположенной между ними сетевой зоной. Так возник Норд-сайд, фигурирующий в наших первых публикациях (Соколов, 2010b). В следующем поколении он был переименован в «Зону перехода» (*Zone in Transition*), что передавало промежуточное положение (Соколов, 2012), но не характер динамики этого сегмента: он определенно не находится в стадии превращения из одного в другое. Мы обдумывали совсем чикагское обозначение – Даун-таун, но по понятным всем носителям русского языка причинам, воздержались от его употребления.

¹⁰⁵ На момент, который отражает эта карта, единственным объединяющим их предприятием была совместная англоязычная магистерская программа СПбГУ и Университета Билефельда, значительная часть преподавателей и администраторов которой была из Вест-сайда. С тех пор связи между ассимиляционистским крылом преподавателей СПбГУ и Вест-сайдом значительно усилились.

В целом, изучение сети показывает нам, что, как и можно ожидать от академического мира, работающего от сети, петербургскую социологию приводят в действие несколько десятков человек. Сами они занимают некоторое количество позиций, делают сколько-то докладов и пишут сколько-то статей, но их роль гораздо больше этого – они дают возможность сделать то же самое непропорционально большому числу людей. Если мы проанализируем сведения о 850 личных приглашениях, содержащиеся в анкетах (см. техническую информацию выше), то обнаружим, что, вопреки правилу Парето («20% исполнителей приносят 80% результата»), 80% приглашений приходится всего на 43 человека, т.е. 7%.

Результаты сами по себе не являются неожиданностью. «Наибольшее влияние на карьеру», по ощущениям респондента, оказывали главы больших академических семейств, боссы, стоявшие во главе нескольких институций. Приглашение на работу в течение последних пяти лет частично пересекается с предыдущим списком (мы обнаруживаем значительную корреляцию между этими сетями (Сафонова, 2012)), но в нем первые строчки занимают главы ныне действующих институций, такие, как декан «Большого факультета» Н.Г. Скворцов, глава нескольких подразделений в филиале Высшей школы экономики Даниил Александров (опрос проводился осень 2009 года, когда Школа находилась в высшей точке своей экспансии), директор (до 2003 года) Социологического института А.В. Тихонов, энергичные заведующими кафедрами А.В. Воронцов, С.Н. Иконикова и Р.А. Костин, а также создававший в момент проведения опроса Институт проблем правоприменения Вадим Волков. Половина из 337 приглашений опубликоваться приходится всего на 8 человек, которые были редакторами городских журналов или завкафедрами, наладившими выпуск сборников.¹⁰⁶ Распределение приглашений на выступления чуть менее централизовано – здесь половина из 342 приглашений приходится на 13 человек, или связанных с большими институциональными конференциями и сериями семинаров, или просто руководителей, которые пользуются удобным случаем, чтобы заманить кого-то на сборище в своей организации.

Несмотря на то, что в списках лидеров в сетях приглашений разного типа мы находим очевидную тенденцию концентрировать ресурсы в одних руках и сравнительно низкий уровень специализации. При этом, корреляций между сетями ограничена, что показывает редкость всесторонней зависимости от одного-единственного патрона (Сафонова, 2012).¹⁰⁷ Скорее, каждая из больших семей имеет некоторое разделение труда между своими лидерами. Любопытно, что ни один из наиболее активных рекрутеров, раздающих приглашения поступить на работу, не лидировал в числе названных как повлиявшие на карьеру. По всей видимости, далеко не каждое приглашение считается «влиятием», но лишь обладающее некоторой степенью судьбоносности – как правило, то первое личное приглашение занять социологическую позицию, которое закрепляет сетевое членство, тем самым определяя всю дальнейшую траекторию индивида. Руководители организации, приглашающие взрослых сотрудников, не могут надеяться на то, этим оставят на их судьбе достаточно глубокий отпечаток. Возвращаясь к теме противоречия между ролями организационного и сетевого лидера, изучение списков показывает, что рекрутирование может производить не формальный руководитель организации, а один из старших сотрудников, обладающий большим сетевым потенциалом – так, рекрутированием в «Вышку» занимался Даниил Александров, хотя

---

¹⁰⁶ Интересно, что среди них не было университетских вестников, редакторы которых, похоже, вовсе не играют роли в наполнении их содержанием, а ждут, когда завкафедрами просто пришлют своих аспирантов. Здесь координация подходит ближе всего к тому, чтобы из сетевой преобразоваться во что-то наподобие индустриальной.

¹⁰⁷ Та же тенденция на федеральном уровне зафиксирована в другой статье (Кнорре и Соколов, 2013).

номинально главой факультета в тот момент являлись другие люди. О расхождении ранга административной должности и сетевой центральности мы еще упомянем ниже.

Отметим, кроме того, что сетевая зависимость от кого-то не подразумевает – вопреки тому, о чем говорит антиутопический фольклор – выражение благодарности через расточение символов интеллектуального признания. Популярный оратор В.И. Ильин, не отправивший ни одного приглашения выступить на конференции или семинаре, сам получил в три раза больше приглашений, чем А.О. Бороноев, отправивший десятки, а в списке цитируемых фигур безусловно доминировали Олд-центровские фигуры, которые были далеки от сетевой активности (И.А. Голосенко, А.Н. Алексеев, Б.З. Докторов).¹⁰⁸ Патронаж не гарантирует свидетельств признания; с другой стороны, признание может быть не является необходимым условием, чтобы кому-то покровительствовать.

Это приводит нас к еще одному призыву к бдительности. Неверно говорить о сети отношений, как если бы это строительным материалом для нее были отношения единственного типа. В действительности, сети построены из множества отношений разной модальности. При само первом приближении, мы можем выделить две модальности. Некоторые сети представляют собой информированность – взаимную или обоюдную осведомленность о свойствах друг друга.¹⁰⁹ Другие предполагают некоторые объемы морального кредита – доверие, расположенность к генерализованному обмену, ожидание и готовность проявлять альтруистическую заботу. Как и в любом социальном мире, подавляющее большинство связей внутренне тяготеют к первому полюсу. Есть не так много людей, которым мы специально доверяем или о которых лично мы готовы заботиться. Было бы неверно, однако, предполагать, что любое отношение находится где-то в спектре между ними. Скорее, имеют место два измерения, и очень детальное знание чужих свойств и возможностей не сопровождается никакой межличностной близостью. Так или иначе, академическое взаимодействие предполагает постоянное накопление осведомленности друг о друге, и претендующий на положение академического босса не должен упускать ни одной возможности собрать побольше полезных сведений о других:

Ну то есть как-то общались, обсуждали темы научные. Как я теперь понимаю, NN там некое тестирование проводил меня... <...> Мне казалось, что мы просто за науку говорим, а он как бы видимо проверял по своим критериям профпригодность, как ему представлялось (муж., 1950-х г.р., к.н., н.с., Олд-центр).

С точки зрения симметрии объяснения, было бы соблазнительно описать рост сети как еще одну коалиционную игру, и с некоторой точки зрения она и является таковой. К несчастью, неопределенность границ и внутренняя гетерогенность составляющих сеть отношений затрудняет ее отождествление с цельным агентом, обладающим единым разумом и волей. Она контролирует некоторые ресурсы, но каждый ее член в отдельности лишь с какой-то вероятностью имеет доступ к ним.¹¹⁰ Я предполагаю, что получу

¹⁰⁸ См. более подробное описание (Губа и Семенов, 2010).

¹⁰⁹ Обычное теоретическое обращение с сетями предполагает, что они симметричны, но это далеко не всегда так. Представление о ком-то, кто нас не знает, тоже является разновидностью сетевого отношения, хотя и асимметричного и предельно слабого. Новое качество, как всегда, появляется вместе с *double contingency* – когда помимо представлений об А, существующих в голове Б, есть также представления А о представлениях Б о нем, и представления А о представлениях Б о представлениях А, и так далее.

¹¹⁰ Вспомним, что экономическая власть в академическом мире устроена так, что каждый, стоящий наверху, контролирует множество ресурсов, которые не может получить в собственность. Инвестирование этих ресурсов в поддержание сетей позволяет, однако, получить к ним доступ обходным путем. Вообще, отношение к ресурсам в сетевом академическом мире больше всего похоже на отношение к разным областям знаний в жизненном мире индивида у Шюца (Schutz, 1946) – какие-то находятся на расстоянии вытянутой руки, и до них всегда можно дотянуться, какие-то – строго за пределами понимания, но третьи могут быть достигнуты при некотором усилии. Напряжение сети – есть аналог этого усилия, а «хорошо информированный гражданин» – аналог сетевого брокера.

приглашение на конференцию, которую организует студент моего студента, и что могу взять на себя смелость пригласить туда еще несколько человек, даже не спросив его согласия, однако не могу быть полностью в этом уверен. Тем не менее, для сетевого мира естественно стремиться всячески увеличивать ресурсы в руках любого из членов сети, как экономические, так и символические, поскольку все остальные ощущают, что обладают преимущественным доступом к ним.¹¹¹ Я способствую продвижению тех, с кем связан, поскольку предполагаю, что могу получить долю во многих их прибылях; я хвалю их, поскольку верю, что делю с ними их славу.

Несмотря на аморфную природу сети, разные ее фрагменты обладают отчетливо различным характером – тем, что мы ранее назвали «академической культурой» – и, прежде, чем двигаться дальше, мы должны сказать несколько слов о культурах, сосуществующих в российской социологии.

Культуры и обычаи социологических племен

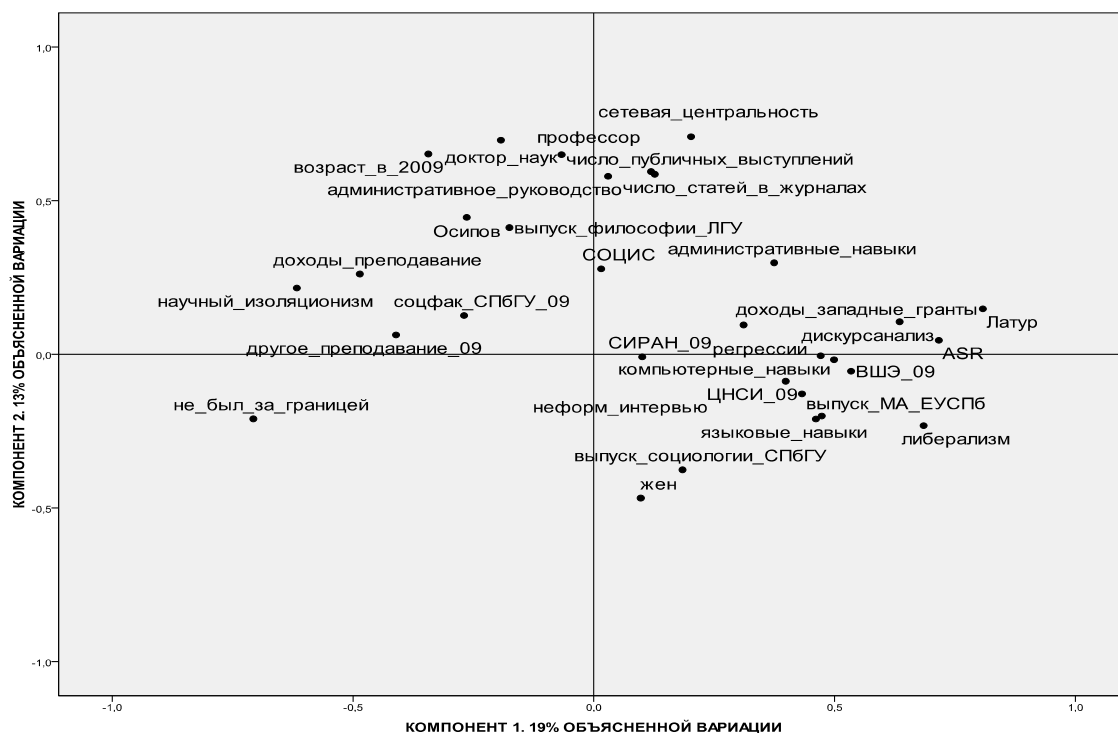
Здесь и там по предыдущим параграфам были разбросаны упоминания о том, что отделяет сети друг от друга, помимо самого факта обособленности. Они занимают разные экономические ниши, они придерживаются разных политических взглядов, они состоят в разных ассоциациях и посещают разные конференции. Все это вместе мы можем описать как различия в их «культурах». В следующем параграфе мы попробуем добавить еще несколько черт к портретам этих культур и увязать их в единое целое, а затем высказать несколько догадок о том, какие черты этих культур первичны с точки зрения роста сети.

Рисунок 5 иллюстрирует с помощью непараметрического факторного анализа, связи между некоторыми основными характеристиками разных групп петербургских социологов, какими они предстали перед нами по результатам анкетирования в 2009 году.

---

¹¹¹ Разные академические миры различаются по тому, насколько эти ожидания артикулируются в виде эксплицитных прав. Где-то существует продуманная и проговоренная система обязательств, в особенности касающаяся обязательств патронов перед клиентами и клиентов перед патронами, которые известны всем. Где-то они вовсе не артикулированы, их понимание разными индивидами существенно различается, и они не обладают особой легитимностью, подкрепляясь скорее угрозами санкций от самой пострадавшей стороны и ее сети, чем со стороны третьих лиц.

Рисунок 5. Основные атрибуты петербургских социологов¹¹²

Измерение 1 противопоставляет две группы, которые выше были названы Ист- и Вест-сайдом (правда, на этом рисунке «Ист» оказался слева, а «Вест» – справа). С одной стороны мы находим тех, кто в 2009 году работал на соцфаке СПбГУ или в другом государственном образовательном учреждении, получал значительную часть своих доходов от преподавания, никогда не был за границей с академическими целями и объявил себя политическим консерватором и научным изоляционистом (см. Техническое примечание ниже), а также признал факт чтения работ старших советских социологов, таких, как Г.В. Осипов и Ж.Т. Тощенко, и традиционной русскоязычной социологической периодики («Социологические исследования», «Общественные науки и современность»). На другом полюсе оказались читатели Бруно Латура, Норберта Элиаса, Мишеля Фуко и других относительно современных западных теоретиков, их также характеризует использование дискурсивного анализа и прочих качественных методов, регрессий, чтение «Американского социологического обозрения» и «прогрессивной» периодики вроде «Неприкосновенного запаса» или «Экономической социологии», политический либерализм и научный ассимиляционизм, а заодно языковые и компьютерные навыки. Те, кто обладает всеми этими атрибутами, с большой вероятностью работали в филиале Высшей школы экономики или ЦНСИ и получили магистерскую степень в ЕУСПб.

Техническое замечание. Шкалы. Мы включили в анкету два блока вопросов, которые должны были зафиксировать общие культурно-политические и более частные научно-политические взгляды. В таблицах ниже приводятся наименования пунктов с нагрузками по первому (и, в каждом случае, единственному) фактору:

Таблица 5. Шкала либерализма – консерватизма	Пункт шкалы	Нагрузка
	Модель либеральной рыночной экономики в целом не подходит для России	.666
	Я поддерживаю легализацию однополых браков	-.727
	Я поддерживаю отмену моратория на смертную казнь (восстановление	.676

¹¹² Использовался анализ основных компонент с Варимакс-ротацией на базе тетракорической корреляции.

смертной казни)	
Россия поступила правильно, применив силу для сдерживания Грузии летом 2008 года, несмотря на негативную реакцию западного мира	.738
Распад СССР был геополитической катастрофой, которую тогдашнее руководство страны должно было предотвратить любой ценой	.776
По моему мнению, либеральные демократии стран Запада – тот тип политической системы, к которому России надо стремиться	-.774
Русской культуре принадлежит особая роль в становлении российской государственности, и государство должно специально заботиться о ее сохранении	.656

Фактор объяснил 49.6% вариации. Аналогичные расчеты для ассимиляционизма-изоляционизма дали еще лучшую шкалу.

Таблица 6.

Утверждение	Нагрузка
Российским социологам следует стремиться к сохранению и развитию национальной социологической традиции	0.807
Российская социология отстала от западной на десятилетия, и мы должны сейчас учиться у западных коллег	-0.623
Западные теории многого не объясняют в российской жизни; нужно работать с собственными теоретическими моделями	0.654
Для российских социологов сейчас более важно читать англоязычные (франко-, германо-), чем русскоязычные книги и журналы	-0.699
Проводя исследования, социологи должны прежде всего думать об интересах своей страны и своего государства	0.701

Фактор объяснил 51.7% вариации.

Второе измерение противопоставляет обладателей старших и младших в возрастном и в карьерном смысле. Наверху оказываются старшие, мужчины, доктора наук, руководители, выпускники факультета философии ЛГУ, профессора и занимающие центральное положение в социальных сетях (т.е. выдавшие наибольшее количество приглашений), опубликовавшие больше всего статей и сделавшие больше всего выступлений за десятилетие, предшествующее нашему исследованию. Кроме того, в том же направлении сдвинуто чтение мейнстримной периодики («Социс»). Внизу – младшие, женщины, выпускники СПбГУ и ЕУСПб, а также обладатели компьютерных навыков. Между группой Вест-сайдских характеристик и низким статусом, и группой Ист-сайдских и высоким есть явная корреляция. В следующих частях мы приложим все усилия к тому, чтобы это изображение обрело смысл.

Очевидным образом, Вест-сайд и Ист-сайд занимают полярные позиции по шкале культурно-политического либерализма. В одном из них мы найдем людей, которые хотели бы вручить *Pussy Riot* орден «За заслуги перед Отечеством» первой степени, с другой – тех, кто хотел бы скормить их акулам.¹¹³ Материалы интервью дают нам массу примеров отчуждения от профессионального взаимодействия по идеологическим причинам:

В: То есть в принципе, есть журналы, куда бы ты не отдал статью, если бы попросили?

¹¹³ Артикулированные взгляды имеют однозначные биографические корреляты. Вест-сайдские респонденты существенно чаще, чем Ист-сайдские, сообщали, что живут в незарегистрированном партнерстве (значимо на уровне 0.5 даже при контроле по возрасту). Вероятность Ист-сайдской женщины иметь детей к 30 годам превышает таковую для Вест-сайдской примерно в 2 раза.

О: В «Социс» бы не отдал. Я его не люблю с давних времён, он сильно идеологизированный. В '90-е годы он был агрессивно идеологизирован, так националистически-коммунистически, такой журнал был. Там печатали... там кого только не печатали, от Хасбулатова до не знаю, чего. Там очень много плохих статей... В идеологических журналах нелиберального направления не стал бы (муж., 1940-х г.р., н.с., Вест-сайд).

В других Вест-сайдских интервью появление портретов или цитат из Путина и Медведева на первых страницах однозначно упоминалось как черта, исключаящая, что эти страницы будут перевернуты.

В мире, в котором академические идентичности неотделимы от политических, с этой оппозицией тесно связана другая – академический ассимиляционизм и изоляционизм, или то, что один из авторов в другом тексте назвал «провинциальной» и «туземной» наукой (Соколов и Титаев, 2013). Первая построена на вере в превосходство «мировой» или «западной» науки над российской, вторая – наоборот.¹¹⁴ Соответствующие темы регулярно всплывали сами собой в интервью, когда членам разных сетей надо было провести воображаемые границы:

Вот сейчас я готовлю книгу [про Ковалевского]. Вот соответственно я Ковалевского и читаю. Если Ковалевского знаете, это примерно 20-25 томов. Вот я потихоньку эти работы выбираю и читаю. Чего-то сокращаешь, лишнее там и так далее <...>. Можно сказать, друг Дюркгейма и многих французских социологов. Мы иногда читаем говорим Дюркгейм, Дюркгейм, а Ковалевского забываем, немножко неприлично. Опять же это наша психология идти на поводу все время. Наша культура вторична вообще-то вся российская [теперешняя], и это проявляется в науке, особенно в социологии нашей... а меня раздражает иногда. (муж., 1930-х г.р., д.н., доцент, Ист-сайд)

Сейчас немало статей, мне кажется, или они уходят очень в теорию, особенно любят слово «идентификация», «толерантность» и т.д., и т.д. Это все взято из зарубежной социологии и, так сказать, пристегивается к нам, я вижу по многим моментам, вопросам – пристегивается, чтобы показать, так сказать, вот причастность к мировой социологии. А далеко не все можно, я вот в этом уверен, далеко не все можно к нам использовать. Конечно, лучшие образцы, естественно, надо использовать, но это надо с умом. (муж., 1930-х г.р., к.н., Ист-сайд)

О: Хотя опять же, наверное, вас интересует вопрос об уровне развития социологии?

В: Ну, да.

О: Обычно это всегда ставят. Тут, на мой взгляд, ситуация тоже непростая. Потому что если исходить из широко принятых в мире критериев, мы, конечно, отстаем. По всяким индексам, там. И люди хуже языки знают. Ну, по ряду параметров мы не совсем вписываемся в ту систему научных координат, которая существует в странах, где наиболее развита социология. Но возникает вопрос, может быть, это не так уж и плохо.

В: (Пауза 2 сек.) Почему это может быть не плохо?

---

¹¹⁴ Корреляция между шкалами Ассимиляционизма-Изоляционизма и Либерализма-Консерватизма в нашем исследовании составила порядка 0.687. Интересны случаи людей, которые по каким-то причинам отклоняются от «нормальной» комбинации, например, совмещающая веру в превосходство западной социологии с националистическими или имперскими установками. Общее наблюдение состоит в том, что такие взгляды обычно принадлежат сильным, но изолированным индивидам – типичным одиноким волкам.

О: Понимаете, у них своя система координат, у нас своя система координат. Они-то не стараются изменить свою под нашу. Если оценивать содержательно нашу социологию, то, наверное, не настолько уж все плохо (муж., 1960-х г.р., д.н., профессор, Ист-сайд)

Это предпочтение превращается в целый стиль академической жизни. С одной стороны, мы находим тех, кто черпает статус и уверенность в своем соответствии идеалам профессии в имитации организационных и поведенческих форм «западной» науки и в культивации форм причастности к ней. Эта имитация и культивация (своего рода, симпатическая и контагиозная социальная магия по Фрейзеру) относятся как к содержательным, так и внешним формам (Podolny, 2005). Внешний вид, оформление сносок и интонации имитируются так же, как и теоретические подходы или методы (возможно, даже в большей степени, чем все это), а знакомства со звездами мировой науки культивируются ради ощущения близости к ней, а не ради каких-то прямых карьерных или интеллектуальных выигрышей. Противоположный полюс не имеет столь же ясной референтной группы, и в большинстве случаев воспроизводит черты советской академической традиции – ссылки по ГОСТу, преподавание в традициях советской школы в костюме, галстук и интонациями учителя, зачитывающего диктант. Ассимиляционистский полюс не считал нужным оправдывать свое отличие от фона, которое ощущалось им как знак «продвинутости», но для изоляционистского полюса его положение было проблемой; именно поэтому он был более рефлексивным. Изобретение «русской социологической традиции», начавшееся еще около 1990 года, было основным ответом на вызов, брошенный Вест-сайдом. Совершенно по Геллнеру (Gellner, 1983), группа интеллектуалов обнаружила, что, будучи неконкурентными на глобальном рынке, можно остаться таковыми на национальном, если каким-то образом узаконить систему интеллектуального протекционизма. Поскольку легитимность этого хода оставалась под вопросом, возникла необходимость найти интеллектуальное обоснование. Реанимация русских дореволюционных социологов стала ответом на вызов.¹¹⁵ Имя Сорокина (в высшей степени удачной фигуры: русского, признанного на Западе, но при этом обличавшего этот Запад за цивилизационное разложение) в данный момент носит примерно десяток социологических конференций, чтений, медалей и премий; соответственно, его имя категорически не рекомендуется произносить, если вы хотите быть принятыми в Вест-сайте.

Связано и частично совпадает с этим другое различие. Разные сети ориентировались на разные классовые референтные группы. Вест-сайд чувствовал себя, в конечном счете, разновидностью богемы, Ист-сайд – разновидностью государевых людей.¹¹⁶ Ни в чем это различие не проявлялось с такой очевидностью, как в мужском гардеробе. Ист-сайд, особенно его старшее поколение, носил традиционную мужскую одежду (ассортимент сети магазинов *Diplomat* может дать достаточное представление). На любой конференции вы найдете на первых рядах мужчин в долгополых серых или синих костюмах с расширенными плечами, синих или белых рубашках и в красных или синих галстуках; ботинки и ремни всегда черные. Не зная, кто здесь, собравшихся легко можно принять за муниципальных депутатов или руководящих работников ЖКХ. Ничего подобного нельзя вообразить в Вест-сайте. Столы в комнате, где проходит Вест-сайдский семинар, будут

¹¹⁵ Петербургским социологом, процитированным наибольшим количеством петербургских авторов в нашей выборке, оказался историк русской дореволюционной социологии И.А. Голосенко (Губа и Семенов, 2010). Главным отличием «консервативного» проекта Госстандарта МГУ от «либерального» ВШЭ было отсутствие во втором истории российской социологии.

¹¹⁶ Это различие особенно видно из ответов на вопросы о том, кем стали бы информанты, если бы не оказались социологами. Типичный Ист-сайдский вариант будет звучать, например, так: «Когда я думал о той сфере, которой я буду заниматься в 11-ом классе, мне почему-то казалось предпочтительным либо ... государственное служение, бюрократическое <...>, либо вот что-то связанное с изучением общественных процессов и явлений» (муж., 1970-е г.р., к.н., Доцент, Ист-сайд).

обязательно расставлены по кругу, и статусные посетители рассядутся не на первые ряды, а ближе к выходу, чтобы при случае убежать. Костюмов и галстуков будет мало, а долгополых или блестящих не окажется точно, зато в изобилии будут представлены многослойные комбинации из футболок, лонгсливов и разноцветных джемперов. Самым частым материалом для пиджака – который сам по себе будет нечастым явлением – окажется твид или вельвет. Наконец, сами цвета одежды будут другими – вместо традиционных холодных мужских, теплые и землистые. На любом сборище Вест-сайдских преподавателей можно будет застать людей, одни из которых станут имитировать стереотипных профессоров из голливудских фильмов, другие – эффективных менеджеров, а третьи будут походить на скандинавских клошаров.¹¹⁷

Можно ли выделить во всех этих отличиях какие-то более общие темы? Попытки свести культуру к общему знаменателю или списку общих тем находятся под заслуженным подозрением со времен падения конфигурационализма, и, тем не менее, «культурная теория» (*culture theory*) Мэри Дуглас предлагает нам слишком соблазнительный подход к построению типологии, чтобы от него отказаться (Douglas, 1996). Дуглас говорит, что культуры отличаются по двум признакам – нетерпимости к нарушению классификационного порядка и жесткости, с которой очерчиваются групповые границы. Некоторые культуры – Дуглас называет их *high-grid* – натаивают на том, чтобы, например, каждой категории людей и каждому занятию соответствовал свой гардероб. Костюм, в котором мужчина идет вечером в оперу, должен отличаться от того, в котором он является днем на работу, и оба они – от одежды, которую он надевает в выходные. Все они, кроме того, должны отличаться от того, что носил бы на его месте человек другого возраста и другого класса. Смещение категорий воспринимается ими как скандальное, неуместное, даже разрушительное. Этой упорядоченности противостоят *low-grid* культуры, терпимо относящиеся к тому, что все носят постоянно примерно одно и то же – унисекс, униэйдж, уникласс.

Второе различие касается значения, которое приписывается созданию и поддержанию солидарности. Некоторые группы стремятся использовать одежду – как и все остальное – для подчеркивания единства. Из всего они делают униформу, ношение которой подтверждает, что носящий ее является членом некой общности. Это не обязательно означает, что индивиды одеты одинаково, но они отличаются предсказуемым, упорядоченным образом. Эта упорядоченность может заключаться в ношении одежды в строгом соответствии со своим положением в структуре – как, например, различаются своей униформой рода войск и военнослужащие, имеющие разные звания в них. Это – типичное решение *high-grid, high-group* культуры. Решение *low-grid, high-group* культуры другое. Оно не допускает выстраивания различий внутри, но требует поддержания культурной дистанции от окружения. Это «отсутствие отличий» не обязательно подразумевает одинаковость. Вместо нее может иметь место строгое следование специфическому коду, допускающему, однако, бесконечно много вариаций (как, например, когда юноша в ярко красных зауженных джинсах и зеленом растянутом джемпере и юноша в зеленых зауженных джинсах и красном растянутом джемпере с первого взгляда определяют, что они одной культурной крови). Наконец, *low-grid, low group* допускают, даже приветствуют отличия, которые никак не вписываются в общий паттерн. Вместо подчеркивания членства в категории, мы обнаруживаем подчеркивание своей личности.¹¹⁸

---

¹¹⁷ Говард Беккер (Becker, 1986) высмеивает профессоров, носящих твидовый пиджак, попивающих портвейн и курящих трубку. В России, однако, за счет общего повышения классовых котировок при пересечении границы с востока на запад, этот образ имеет шанс показаться небезвкусным.

¹¹⁸ Очевидно слабым местом в этой схеме было отсутствие правдоподобных кандидатов на ячейку *high-grid, low-group*. Дуглас сама признавала эту сложность.

Гардероб вполне разбивает наши сети на разные классы в классификации – с одной стороны, *high-grid*, *high-group* мир Ист-сайда с официальными костюмами, очерчивающими систему статусов.¹¹⁹ С другой стороны – очевидно *low-grid* Вест-сайда с преобладанием недифференцированного гардероба. В нем мы, однако, находим две культуры – *high-* и *low-group* – ту, которая подчеркивает принадлежность индивида к группе, и ту, которая подчеркивает отличие, способность одеться уникальным образом. Первая более распространена на нижних этажах его иерархии, вторая – на высших; первую лучше было изучать в ЕУСПб, вторую – в ЦНСИ. Если раздеть профессоров ЕУСПб и сложить их одежду в центре комнаты, то для студентов не составит никакого труда определить, какая вещь – до нижнего белья включительно – чья. Это произойдет не потому, что студенты часто видят нижнее белье преподавателей, а потому, что они могут спроецировать ярковыраженный индивидуальный стиль и за пределы непосредственного знания. Подобное упражнение было бы крайне затруднительно произвести с галстуками Ист-сайдских профессоров. С другой стороны, одежда самих этих студентов обнаруживает значительно больше стилистического однообразия, воспроизводя элементы интернациональной молодежной академической моды – царства джинсов, клетчатых рубашек, футболок и джемперов.

Эти различия простираются и в области менее поверхностные, чем область гардероба. Даже небольшая Ист-сайдская программа конференции будет содержать множество иерархически упорядоченных слотов – доклады на открытии, пленарные доклады, секционные доклады, выступления и т.д. Сами конференции также будут образовывать иерархию – всемирные, международные, региональные, межвузовские. В Ист-сайдских учреждениях медленно приживались одиночные доклады – по сути, в созданных этой сетью учреждениях до 2012 года не проходило ни одного регулярного семинара. Наоборот, в Вест-сайте плохо приживались масштабные конференции. Вест-сайдские публичные события значительно проще по своему устройству. Они состоят или из одиночных докладов (семинары), или из серий равных по длительности выступлений (конференции). Даже крупнейшее городское Вест-сайдское мероприятие – Выставка достижений научного хозяйства в ЕУСПб – имеет только один или два слота для пленарных докладов, и оргкомитет регулярно сталкивался с невозможностью наполнить зал во время них (в Ист-сайте все наоборот). Граница проходит между приглашенными и не приглашенными, но идея выстроить иерархию среди самих приглашенных вызывает стихийное отторжение.¹²⁰ При этом, внутри Вест-сайда сохраняются различия – *low-group* культура предпочитает соло больших ученых, *high-group* – эгалитарные хэппенинги.

Наконец, устройство карьер внутри каждой из культур отражает тот же набор предпочтений. *High-grid*, *high-group* культура порождает карьеры, организованные более-менее по образу и подобию классической государственной службы. Стадии в этой карьере должны образовывать лестницу постоянных должностей, со ступени на ступень которой индивиды переходят при условии выполнения ими каких-то заранее известных минимальных требований. *Low-grid*, *low-group* культура отдает предпочтение проектам,

¹¹⁹ На любой большой Ист-сайдской конференции, первые ряды безошибочно займут профессора в костюмах, за ними усядутся доценты в джемперах с треугольными вырезами и в галстуках, а еще дальше расположатся аспиранты в рубахах навыпуск и другой легкомысленной одежде.

¹²⁰ Во время заседания оргкомитета одной крупной – по меркам Вест-сайда – конференции прозвучал такой обмен аргументами (запись из полевого дневника): «А: надо решить, стоит ли проводить пленарные заседания? Они только конструируют статусы. [Наш институт] не должен играть в эти академические игры. Те, кто конструирует статусы, нам не нужны. В: выступающий на пленарном докладе послужит показателем статуса конференции. Едут на пленарный доклад. Мне это тоже не нравится, но для донора лучше, если будет известный ученый. С: давайте оставим пленар, но идею перевернем с ног на голову – пригласим на пленарное заседание двух аспирантов». Результатом стал компромисс между второй и третьей точками зрения – один из пленарных докладов прочитал *PhD*-студент, второй – известный в русском Вест-сайте западный ученый.

имеющим ограниченный срок исполнения, и не обязательно гарантирующим успех; образцовой моделью карьеры является сфера каких-то рискованных бизнес-предприятий, наподобие пиратских рейдов. *Low-grid, high-group* занимает в этом отношении противоречивое положение. С одной стороны, она ценит стабильность и постоянство, и предпочла бы жить на фиксированную плату, независимую от текущих достижений и колебаний конъюнктуры. С другой стороны, она имеет сильный анти-иерархический компонент, который делает модель госслужбы с ее стратификацией и подчинением младших старшим неприемлемым.

Общая культура каждого из основных ответвлений нашей сети характеризуется преобладанием той или иной экономической схемы в качестве модальной. Самой распространенной формой экономического существования в Ист-сайте, или мире университетской науки, является выполнение служебных по своей сути преподавательских обязанностей. Выполнение этих обязанностей измеряется прочитанными часами лекций и числом поставленных оценок. Как мы увидим дальше, до определенной ступени карьерный рост представляется университетскому преподавателю последовательностью ясных шагов, и любая аномалия, которая угрожает разрушить этот порядок – например, успех, вызванный явным ранним проявлением таланта – вызывает отторжение:

В: Можно ли сказать, что люди, которых вы назвали “старой гвардией” на вашем факультете, враждебны любой карьере, построенной на интеллектуальной репутации?

О: Нет, абсолютно нет. Они начинают возражать, когда ты поднимаешь волну, которая и их как-то затрагивает, дестабилизируешь ситуацию. Индексы цитирования, все эти новые штучки. Изменяющие *status quo*. Особенно если они считают, что что-то приходит к тебе раньше времени, не по заслугам. Все свое время. Вовремя монографию, вовремя статью в “Социсе”. Все должно происходить ритмично, постепенно. Когда кто-то вырывается вперед, это вызывает восхищение. Но если он при этом поднимает волну, то реакция становится негативной. Все надо выслужить. (муж., 1960-х г.р., профессор, д.н. Ист-сайт)

Лишь достаточно высоко – на уровне выборов заведующих кафедрой – в эту последовательность вмешивается предпринимательский компонент – а на уровне декана он неизбежно становится преобладающим. Тем не менее, хотя успешный академический администратор здесь неизбежно должен быть предпринимателем, культура стремится как-то нормализовать этот факт, интегрировав развитие предпринимательских способностей в естественную последовательность карьерного роста. По умолчанию предполагается, что широкие интеллектуальные обобщения или административные инициативы – удел старших профессоров.

Вест-сайт не знает линейного карьерного роста в смысле, знакомом двум другим нашим мирам за отсутствием универсальной системы четко определенных рангов. Статусная система в нем значительно менее определена формально (что особенно подчеркивает поведенческая идиома, приглашающая всех называть друг друга по имени и допускающая быстрый переход на «ты»). Отсутствие эксплицитной системы рангов не отменяет существования стратификации. Эта стратификация, однако, имеет классовый, а не ранговый характер, используя термины Гоффмана (Goffman, 1951, см. также Заключение). Она противопоставляет друг другу не четко разграниченные социальные категории (доцент или профессор), а аморфные страты, в отношении которых невозможно сказать, ни где точно проходят их нижняя и верхняя границы, ни чем именно они отличаются друг от друга. Очевидно, что классовая академическая стратификация имеет экономическое измерение: некоторые могут обеспечить себя постоянным притоком

проектов, за счет которых в состоянии прокормиться, а некоторые – нет, и вынуждены предлагать свои услуги третьим, которые могут создать предприятие, позволяющее им нанимать рабочую силу. Создание предприятий предполагает обладание известным статусом, но этот статус измеряется не каким-то постоянным и предсказуемым набором атрибутов, а тем, что соответствует требованиям момента – контактами с конкретными донорами или представителями фондов, публикациями в нужных областях и т.д.

В этом отношении в Вест-сайте мы вновь встречаем две культуры, одна из которых приветствует классовую иерархию, а другая предпочла бы обойтись без иерархии вообще, и преследует любые проявления «конструирования статуса». Первая – процветающая, прежде всего, в ЕУСПб – прославляет героического предпринимателя, который получает и демонстрирует другим доказательства своего успеха, и беспощадна к неудачникам, неопубликовавшимся или не нашедшим средств к существованию. Она терпима к наличию неравенства в собственной среде и с удовольствием воспринимает всевозможные рейтинги, особенно если они сулят разновидность спортивного состязания. Профессора из британской главы могли бы узнать себя в ее представителях.

Вторая культура – оплотом которой был ЦНСИ – отвергает все это и видит себя как коммуноединомышленников, что-то вроде артели кустарей, торгующих результатами своего промысла. Она протестует против опубликования любых фактов, демонстрирующих различия в их успешности; она согласна воспринимать любое неравенство лишь как временное и случайное, сложение грантовых звезд на небе. Как показывает пример Вест-сайда, различия между этими культурами не влекут за собой обязательного разрыва отношений между их представителями. Поскольку члены низших классов получают работу в основном за счет членов высших, а те подтверждают свое членство в высшем классе иницируя проекты, осуществляемые силами низших, тут вряд ли возможна изоляция – лишь некоторое отчуждение. Поэтому было бы, возможно, корректнее назвать их «классовыми субкультурами». Так или иначе, они создают определенную дистанцию между обитателями Вест-сайда.

Читатель мог заметить, что мы до сих пор обходили вниманием ту часть сети, которую называли Олд-центром. Отчасти это связано с признанием того, что наше понимание ее ограничено. Нам кажется, что, во многих отношениях, она была подобием нынешнего Вест-сайда примерно тридцатилетней давности. Она также делилась на амбициозных и приветствующих конкуренцию лидеров и более коммунитарных сторонников; она также, в отличие от конкурирующей сетей, жила за счет серий предприятий (хоздоговорные исследования, контракты с масс-медиа), она также была либеральной и ассимиляционистской на уровне своего времени, и она также гордилась своей неконвенциональностью в одежде и манерах по сравнению с бюрократами.¹²¹ Современный Ист-сайд считает себя частью государственного аппарата и гордится любым доказательством того, что чиновники готовы прислушиваться к нему.¹²² Советские социологи ядовской семьи также видели в наставлении бюрократов свою основную задачу, но при этом они никогда не рассматривали себя как их подобие; их звездными часами были периоды, когда бюрократы оказывались вынуждены признать их

¹²¹ Наконец, прямые контакты с богемой поддерживались и ценились советскими социологами. Творческие союзы и ассоциации были среди их любимых партнеров при проведении хоздоговорных исследований, и, возможно, ни одно из проведенных в Ленинграде исследований не оставило за собой такой длинный шлейф позитивных воспоминаний, как «Зритель в театре», заказанный Театральным обществом (Алексеев и др. 1981).

¹²² Участник национальных социологических конгрессов может обнаружить, что гвоздем программы пленарных заседаний традиционно становится выступление политика второй-третьей величины. Самым обсуждаемым докладом на конгрессе в Уфе 2012 года стал пленарный доклад президента республики, произнесшего подобающие случаю вежливые слова (чтобы ничто не отвлекло аудиторию, организаторы даже прервали регистрацию на время его выступления). В последующих репликах и разговорах на кофевейках это событие оценивалось как свидетельство бесспорного успеха конгресса.

превосходство (Максимов, 2010). Со временем, однако, петербургская часть сети осталась без своих лидеров, в основном отбывших в Москву, зато обрели разновидность службы, идеально подходившей к их представлениям о «правильной» жизни. Они мало продвинулись по этой службе, они сохранили эгалитарное безразличие к одежде, и были вполне довольны тем, что писали для все более узкого круга единомышленников, самоустранившись из «крысиной гонки».

Начиная эту книгу, мы твердо решили не уделять специального внимания интеллектуальной стороне академических карьер. Эта книга – о социологах, а не о социологии. Тем не менее, в случае с академическими культурами в российской социологии, требуется сделать одно короткое отступление, касающееся содержания. Мы видели одну ось, по которой разные сети противопоставлены друг другу – выбор «мировой науки» или «национальной традиции» в качестве основной референтной группы. Параллельно ему проходит еще одно – между «наукой как» и «наукой что». Противопоставление «знания как» и «знания что» восходит к Гилберту Райлу (Ryle, 1971 [1946]). В одном случае, мы имеем дело с совокупностью рецептурных предписаний, указывающих на ту или иную последовательность действий как приводящую к определенному результату. В другом случае, мы имеем дело с абстрактной системой пропозиций, которая не связана ни с каким конкретным практическим использованием. Примером «знания, как» может быть знание того, как готовить борщ, «знания, что» – об устройстве Солнечной системы. «Знание, как» часто бывает неартикулированным, а когда оно вербализуется, то органичным воплощением для него оказываются такие речевые жанры, как инструкция, рецепт, предупреждение («осторожно, злая собака») или проповедь.¹²³ Для той части сети, которую мы назвали Ист-сайдом, социология была прежде всего совокупностью «знаний, как». Они стремились наставлять – в идеале, правителей, ближе к горизонту достижимого – хотя бы своих студентов. Соответственно, их выступления стихийно приобретали контуры классической проповеди (речение – толкование – поучение) и были адресованы отсутствующим властям предрежающим; они были посвящены «проблемам» или «вызовам» и завершались практическими рекомендациями.¹²⁴ Типичная Ист-сайдская диссертация могла бы назваться «Миграция как угроза национальной безопасности России» и представлять собой компиляцию данных, подтверждающих этот тезис, включая опрос, показывающий, что значительная часть избирателей согласна с автором. Фактически, именно так выглядит *правильная* диссертация с Ист-сайдской точки зрения.

Напротив, Вест-сайт хотел бы видеть в социологии «знание, что». Если для Ист-сайда социолог был прежде всего наставником, то для Вест-сайда он был чужаком или аутсайдером, наделенным наблюдательностью маргиналом; если скрытым адресатом Ист-сайдского текста всегда была властная фигура, принимающая решения, то Вест-сайдского – кто угодно, но не она.¹²⁵ Если Ист-сайт гордился полезностью. Вест-сайт –

---

¹²³ Мы сознательно оставляем в стороне вопросы о том, может ли одна из этих форм знания быть, в последнюю руку, редуцирована к другой, как они ставятся в философии и психологии, а также более близкие социологам рассуждения о возможности свободного от практических интересов знания в самой социологии. Нас интересует сейчас только то, что есть знание, которое прилагает значительные усилия к тому, чтобы выглядеть свободным от интересов и практической полезности, и знание, которое агрессивно настаивает на том, чтобы за ним признали таковую полезность.

¹²⁴ Самый популярный Ист-сайдский вопрос, который обычно вгоняет вест-сайдского оратора в ступор – это просьба сформулировать личное отношение к изучаемой проблеме и дать хоть какие-никакие практические рекомендации. Непосредственный автор этих строк однажды услышал его после доклада, излагавшего основные соображения из данного параграфа. Он должен признать, что, при попытке ответить, потерпел полнейшее фиаско.

¹²⁵ Это не значит, что Ист-сайт всегда занимал политически конформистскую позицию. Фактически, в 1990-е годы прямо противоположное было верно. Но его критика была направлена на то, чтобы образумить государственных лидеров, не на то, чтобы мобилизовать выступление против них. Людей, считающих себя

оригинальностью и логической законченностью замысла (валюта, имевшая в Ист-сайте ограниченное хождение). Его идеалом было выстроить модель, которая позволила бы посмотреть на какую-то ситуацию глазами каждого из агентов, не отдавая приоритет одному из них или отдавая приоритет тому, у кого было меньше всего возможностей выразить себя. В некотором виде Ист-сайт предлагал нарисовать социологу план общества, а Вест-сайт – карту. План показывает, как пройти из точки, в которой мы находимся в данный момент, в другую точку, в которую мы желали бы попасть; он бесполезен, если желаемый пункт назначения другой, и он плохо составлен, если на нем появляется слишком много деталей, отвлекающих от нахождения правильного маршрута. Напротив, карта должна быть одинаково полезной для перемещения в любом направлении по отображаемой территории. Пространство карты изотропно, плана – анизотропно. Карта с необходимостью отображает какие-то строго фиксированные свойства покрываемой ей территории, игнорируя все прочие (например, рельеф, если нарисованы изобаты), план – любые, которые позволяют найти дорогу («повернуть за вывеской молочника»).

Эти два видения задают совершенно разные представления об иерархии научных достижений. «Социология, как» ценит текст тем больше, чем более общей является та проблема, для которой он предлагает решение; ведущий социолог по определению должен заниматься проблемами вроде глобальной безопасности или геоэкономического неравенства и консультировать национальные правительства или ООН. «Социология, что», наоборот, ценит изобретение новых теоретических словарей, которые могут быть применены в самых разных повседневных ситуациях, явно предпочитая микросоциологические; ее целевой аудиторией будут аспиранты элитарных университетов, не политические боссы. Героем одной будет Ульрих Бек, другой – Гарфинкель.

В каких-то своих версиях эти две социологии могут приобрести поверхностное сходство, которое скрывает, однако, более глубокие различия. *Low-grid, high-group* культура Вест-сайда, определяющая своих представителей как прежде всего независимых от бюрократии творческих людей, в конечном счете привела к появлению экстатически-гедонистической версии социологии, основной миссией которой считается «получение удовольствия» самим исследователем. Поскольку с наибольшим удовольствием ее представители – как и большинство людей – копаются в себе, они неизменно делали себя основным предметом изучения. В случаях, когда конъюнктура грантового рынка это позволяла, их жизненные обстоятельства становились основным объектом исследования – как когда беременная женщина переключалась на тематику материнства или врачебной власти. В случае, когда это было невозможно, они во имя методологической рефлексивности производили текст за текстом, описывающие их переживания в поле, и успевали в итоге написать о себе гораздо больше, чем о самом поле.¹²⁶ В том, что касается безусловного предпочтения точки зрения одного агента, такая версия исследования напоминает нам Ист-сайт. Написанные таким образом тексты – это также планы, а не карты. Однако здесь отсутствует идентификация с властными инстанциями, и сама ориентация является не аскетически-деятельной, а созерцательно-экстатической в терминах Вебера. Мы склонны поэтому идентифицировать ее с предельным развитием феноменологических тем в «социологии-что», а не мазохистских – в «социологии-как».

Читатель, добравшийся до этого места, должен чувствовать, что его оставили один на один с целым ворохом оппозиций, и, вероятно, задается вопросом о том, какие из

бунтарями, и попадающих в участок после политических митингов, мы с большей вероятностью застанем в Вест-сайте.

¹²⁶ Типичным для этого умонастроения было создать программу социологического практикума для первокурсников, основной целью которого провозглашалось развитие «рефлексивности» и где от студента требовалось взять одно интервью, а затем несколько недель анализировать свои переживания в ходе взаимодействия с информантом (пример невымышленный).

культурных черт – ассимиляционизм и изоляционизм, либерализм или консервативный национализм, ориентация на чиновника или на художника как на ролевую модель, *high*-или *low-grid* культура, ориентация на карьерную модель службы или предприятия. «социология-как» или «социология-что» – первичны, а какие следуют из них. Мы должны признать, что у нас нет окончательного ответа на этот вопрос. Внутренне, мы склонны считать, что между ними имеют место отношения «избирательного сродства», а не жесткой причинно-следственной связи. Некоторые культурные черты лучше сочетаются друг с другом, чем прочие. Хотя индивиды могут пережить дискомфорт, связанный с этим несопадением, они предпочитают это не делать. В индивидуальной биографии, разные черты могут появиться первыми, и послужить как бы ниткой, на которую нанизываются все остальные. Кто-то начинает с представлений о «благой жизни» ученого, находит экономическую нишу, которая позволяет эту жизнь вести, и постепенно приобретает взгляды своего окружения, а кто-то движется в обратном направлении.¹²⁷

Тем не менее, можно сделать несколько осторожных предположений о типичных последовательностях, которые проливают свет также на другой вопрос: на каких основаниях происходило добавление к сети нового узла? Кого она принимала, и кто соглашался примкнуть к ней?

На основании как интервью, так и количественных данных, складывается впечатление, что фундаментом для образования сетей является общая культурно-политическая ориентация. Самые значительные конфликты, рвущие сеть на части, происходили по политическим мотивам – конфликт Ядова и Ельмеева 1960-х годов, Ядова и Осипова рубежа 1980-х и 1990-х, или конфликт, начатый событиями вокруг *OD-group* в 2007-2008 годы. Даже там, где непосредственный толчок к столкновению давали личная неприязнь или амбиции, они быстро переходили в плоскость политических, поскольку, видимо, только так стороны могли мобилизовать значительную поддержку. Политика скрепляет и рвет социальные сети в России.¹²⁸ Формальный статистический анализ, который привел нас к этим выводам, подробно описан в одной из более ранних статей (Соколов, 2010b).

Вернувшись к нему еще раз в процессе работы над этой книгой, мы проделали следующие шаги. Мы использовали многомерное шкалирование геодезических дистанций в нашей сети для того, чтобы зафиксировать позиции индивидов по центральной оси – на шкале Восток-Запад (двумерное решение сократило стресс до незначительных 0.1). Эта позиция была далее использована как зависимая переменная, положительные значения соответствуют «Восточности». В качестве независимых мы использовали (вводя их в разных порядках возможного хронологического появления в биографии):

---

¹²⁷ После всего сказанного выше, может показаться неожиданным, что в чем-то разные части нашей сети оказываются не так уж непохожи. Мы задали вопрос о том, насколько приятными или неприятными наши группы считают различные занятия, и получили практически идентичные ответы, не считая тривиальных – в Вест-сайте оказалось большее число тех, кто любит брать неформализованные интервью, в Центре – максимум людей, которые любят использовать статистику и не любят интервью, Ист-сайт отдает предпочтение преподаванию. При этом, сама иерархия любимых занятий остается практически идентичной, с «читать книги» наверху, и «организацией семинаров и конференций» внизу. При этом, несмотря на то, что ответы респондентов были очень точны фактически (мы сравнили ответы на вопросы о, например, опыте руководства академическими подразделениями и данные *CV*, и не нашли расхождений), обнаружились лишь очень слабые корреляции между тем, что индивиды называют своим любимым занятием, и тем, что они фактически делают. Лишь минимальная зависимость связывает любовь к написанию статей с их фактическим количеством (0.175), и вовсе никакой связи нет между пристрастием к выступлениям на публике и числом выступлений.

¹²⁸ Вероятно, это обстоятельство также является одной из причин, по которым сети вообще так важны в России. То, что социология была областью высокого политического риска в СССР, добавляло неопределенности в условия контракта, а неопределенность, если верить гуру институциональной экономики, должна была стимулировать обращение к сетевому механизму.

- (1) Год рождения
  - (2) Пол (женский – 1, мужской – 0)
  - (3) Совокупное образование родителей в годах
  - (4) Знание иностранных языков после школы
  - (5) Окончание магистерской программы ЕУСПб, факультетов философии и социологии СПбГУ – трех основных кузниц кадров в нашей популяции
  - (6) Положение на шкале либерализма
  - (7) Положение на шкале академического ассимиляционизма
  - (8) Доходы от преподавания в 2008 году, превышающие 50% (близко к медианному значению)
  - (9) Доходы от иностранных грантов в 2008 году, превышающие 10%
  - (10) Чтение современной западной литературы (фактор Латура)
  - (11) Чтение советских социологов (фактор Осипова)
  - (12) Чтение «прогрессивных» журналов (фактор *AJS*)
  - (13) Чтение советских дисциплинарных журналов (фактор «Социс»)
- Результатом стала последовательность моделей, отраженная в Таблице 6.¹²⁹

Таблица 6. Коэффициенты для регрессионных моделей, объясняющих положение в сети (значимые на уровне ,05 и выше выделены)

	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4		Модель 5		Модель 6	
	Бета	p-value	Бета	p-value	Бета	p-value	Бета	p-value	Бета	p-value	Бета	p-value
Год рождения	-,155	,025	-,064	,390	,016	,813	,014	,833	,048	,457	,060	,342
Пол (женский)	-,014	,833	,010	,879	,025	,672	,002	,977	,020	,717	,004	,941
Совокупное образование родителей (лет)	-,114	,084	-,116	,066	-,035	,548	-,096	,085	-,050	,355	-,019	,723
Иностранные языки после школы	-,042	,536	-,054	,407	-,109	,064	-,038	,510	-,079	,153	-,051	,340
Магистерская программа ЕУСПб			-,303	,000	-,176	,003	-,248	,000	-,183	,001	-,100	,070
Факультет социологии СПбГУ			,031	,642	,081	,181	,045	,443	,076	,178	,054	,339
Факультет философии ЛГУ			,063	,324	,030	,599	,063	,266	,040	,467	,016	,756
Шкала либерализма (+) - консерватизма (-)					-,349	,000			-,257	,001	-,192	,009
Шкала ассимиляционизма (+) - изоляционизма (-)					-,153	,045			-,065	,365	,022	,755
Доходы преподавание							,343	,000	,273	,000	,232	,000
Доходы_западные_гранты							-,252	,000	-,174	,002	-,088	,115
Чтение совр. западной теории (Латур)											-,280	,001
Чтение советской социологии (Осипов)											,251	,001
Журналы прогрессивного кластера (<i>AJS</i>)											,012	,874
Традиционная дисциплинарная											-,057	,400

¹²⁹ Сложности этого анализа состоят в том, что (а) узлы в сети по определению не-независимы; вопрос о том, может ли таковым считаться позиция на нашей шкале отчасти является философским; (б) наше число случаев достаточно для 13 независимых переменных лишь при самых либеральных критериях. Так или иначе, однако, мы используем регрессию для иллюстративных целей. Пошаговая регрессия приводит к модели с R^2 равным ,441 и тем же набором четырех значимых переменных с практически теми же коэффициентами.

периодика (СОЦИС)												
R Square		,057		,147		,316		,421		,413		,471
df2		246		243		241		237		239		235

Предлагаемая нами интерпретация этой таблицы такова: мы видим на ней прямые корреляты членства в сети. Мы стремились вводить независимые переменные во всех возможных порядках их хронологического появления (не все модели отражены в целях экономии места) – скажем, индивид мог вначале приобрести политические взгляды, а затем определиться с рыночной нишей, но возможен был и обратный вариант. В целом, мы видим, что политические взгляды, чтение Восточной или Западной литературы и рыночная ниша (вернее, преподавание, т.к. грантовая экономика теряет значимость при контроле по другим переменным) являются вполне самостоятельными прямыми коррелятами членства в сети. Напротив, возраст, обучение в магистратуре ЕУСПб и ассимиляционизм связаны с ними только косвенно – возраст – через место обучения (ЕУСПб), ЕУСПб – через чтение современной западной литературы (и пренебрежение советской классикой), наконец, ассимиляционизм – через либерализм. Это не дает нам ответа о том, что здесь является причиной, а что – следствием.

Мы остановились на следующей интерпретации собранных данных, которая, надо признать, основана на изрядной доле интуиции. Включение в сеть требует, с одной стороны, ощущаемой общности с членами этой сети в культурно-политических ориентациях, с другой – общности во вкусе по части социологической прозы. В конечном счете, предпочтение одних и тех же социологических жанров и предпочтение одних и тех же новостных каналов определяло, куда индивид согласится быть втянутым и кто захочет притянуть его.

ЕУСПб, похоже, был образовательной площадкой, которая культивировала и транслировала Вест-сайдские вкусовые предпочтения, но его окончание само по себе еще не было билетом в Вест-сайд, если необходимый вкус не был привит. Аналогично, получение грантов еще не было условием принятия, однако, поскольку владение западной литературой требовалось для написания заявок, эти переменные демонстрируют косвенную корреляцию. Чем определялся выбор Европейского университета или грантовой экономики, мы можем сказать лишь с очень большим трудом, но, кажется, культурно-политический либерализм и тут был основной переменной из включенных в анализ. Наоборот, познания в советской социологии были для Вест-сайда существенно менее инструментальны, чем для ориентированных на национальную карьеру коллег из Ист-сайда или Олд-центра. Они не были условием включения, скорее, наоборот. Наконец, если доступ к западным грантам можно было получить без прямого содействия или контроля со стороны сети, то получить доступ к преподавательским позициям – нельзя, и поэтому только принадлежащие к ней входили в число получающих доходы от преподавания.

В заключении сделаем еще один комментарий о классовой принадлежности. Хотя она легко отсеялась как прямой предиктор принадлежности к одному из сегментов сети, примеры очень однородных в классовом отношении групп, сыгравших ключевую роль в истории петербургской социологии, заставили нас попытаться проверить, могла ли принадлежность к социальному слою сыграть роль на одном из ранних этапов карьеры. Мы классифицировали всех респондентов на тех, у кого хотя бы один из родителей имел академическую занятость (научный сотрудник в исследовательском институте или преподаватель в вузе, включая завлабораторией геологической экспедиции, но не включая инженерно-технических сотрудников НИИ вроде главного энергетика в институте). Затем мы определили тех, кто происходил из семей руководителей, считая таковым руководство подразделением любого размера (сюда включались варианты ответов завкафедрой,

замруководителя крупной организации, старший офицер, главный бухгалтер, главный инженер крупного предприятия, начальник цеха, главврач, председатель профкома, дирижер, завуч, главный редактор). В нашей выборке обнаружилось 27% академических детей, и 41% – детей руководителей, что, в принципе, демонстрирует как значительную наследуемость академических профессий, так и их сравнительно высокий социальный статус. В Вест-сайте мы обнаруживаем 42% академических детей, в то время, как во всей остальной популяции – 22%. Это, однако, известной мере оказывается результатом генерационного эффекта – экспансия академических профессий в позднем СССР давала о себе знать, хотя при контроле по возрасту корреляция между «западностью» и происхождением из академической семьи остается значимой на уровне 0.05. Есть ограниченные основания полагать, что разные зоны в нашей сети имеют классовые привязки¹³⁰

Пока, в довершение обзора скажем, что коммуникация между дальше всего разросшимися друг от друга фрагментами сети постоянно натывается на массу мелких сбоев, которые одна сторона трактует как проявление отсталости другой, а та – как свидетельство неуважения (впрочем, несомненно присутствующего) первой. Самым характерным примером можно считать построение всех деловых коммуникаций Вест-сайда вокруг электронной почты, а Ист-сайда – вокруг телефона и факса. Крупный Ист-сайдский ученый за присланное по почте объявление отчитывал одного из авторов, когда тот заведовал Вест-сайдским семинаром, в следующих выражениях:

Я не пойду на семинар, если нет приглашения. Если только прочитал в Интернете – не пойду никогда, даже если тема интересная. Есть же правила поведения! (муж., 1930-х г.р., д.н., профессор, Ист-сайд)

Надо добавить, что Вест-сайдский организатор может в этой ситуации воздерживаться от личных приглашений, чтобы не быть заподозренным в моральном давлении на аудиторию.

Даже следование совершенно безобидным на первый взгляд конвенциям может быть воспринято другой стороной как выражение неполноценности. Вест-сайдский аспирант, прослушавший установочные лекции Ист-сайдского профессора, будет снабжать обычную манеру преподносить материал в наиболее удобной для конспектирования форме уничижительными комментариями вроде «представляешь, она всю лекцию называла его «Т. Парсонс»! Создается полное ощущение, что она вообще не знает, как его зовут!» Со временем, впрочем, эти различия становятся менее разительными, чем раньше. Надо добавить, что, в результате прямого заимствования с локального «Веста», или в результате общего давления «мировой культуры», внешне «Ист» становится все больше похожим на него, хотя отличия все еще различимы невооруженным глазом.¹³¹

Техническое замечание. Исследование локального сообщества и проблемы выборки. В какой мере выводы нашего петербургского исследования могут быть распространены за пределы Петербурга? *Community study* неизбежно содержит претензию на то, что данная популяция может считаться «иконической метафорой» (Brown, 1977) какой-то большей совокупности – Янки-сити как Америка в миниатюре. Критика таких обобщений понятна, но нам представляется, что, во всяком случае, в тенденции, все, что мы видим в Петербурге, наблюдается и в других регионах и на национальном уровне в целом. Отличия скорее касаются того, что в Петербурге различия между полярными группами и образами жизни почти карикатурно преувеличены. То, что в городе, в

¹³⁰ Забегая немного вперед, вопреки ожиданию, мы не находим прямого влияния происхождения на, например, скорость защиты и иные меры успешности. В качестве завершения обзора, кажется, что женщины и низшие академические классы придерживаются более либеральных взглядов, даже при контроле по возрасту.

¹³¹ Применительно к пантеону классиков в статьях петербургских авторов, это зафиксировало исследование Катерины Губы (2012).

котором есть лишь одна социологическая кафедра, выглядит как небольшой холодок между либеральным молодым доцентом, съездившим на иностранную стажировку, и славянофильским старшим профессором, отдавшим 20 лет кафедре научного коммунизма в этом же университете, когда он еще был педагогическим институтом, в Петербурге превращается в бездонную пропасть. Тем не менее, тенденции остаются теми же. Частично подтверждение этого может быть извлечено из другого исследования (см. выше и Кнорре и Соколов, 2013) – анализа карьерных траекторий национального социологического истеблишмента (Рисунок 6).

Рисунок 6. Карта атрибутов социологического истеблишмента

На рисунке есть несколько отчетливо выделяемых зон. Городскому Вест-сайду соответствует скопление точек внизу и справа, где оказывается исполнение роли в организации конференции «Пути России» и руководство НКО (основная институциональная форма организаций, существующих в рамках «грантовой экономики»), а также появление в новостях Яндекса, наличие страницы в Википедии, участие в руководящих органах Европейской социологической ассоциации и публикации в англоязычных изданиях, входящих в базу *Web of Science*. Профессиональный здравый смысл услужливо подсказывает, что группе обладателей этим атрибутом соответствует четко определенная организационная база – МВШСЭН, ЕУСПб, западное крыло ВШЭ, «Левада-центр» и ЦНСИ. Бросается в глаза то, что именно эта группа, постоянно нуждающаяся во внешних, исходящих из-за пределов национального академического мира источниках финансирования и легитимности, наиболее заметна как в международных периодических изданиях, так и в российских средствах массовой информации.

Сверху и справа располагается группа признаков, обладатели которых в данный момент связаны прежде всего с Российским государственным социальным университетом (РГСУ): Союз Социологов России, «Журнал социальной политики и социологии» и руководство секциями на первом, февральском, из двух Четвертых социологических конгрессов 2012 года. Интересна незначительность соприкосновений с группой признаков, ассоциирующихся с МГУ (см. далее).¹³²

Остальные точки образуют одно облако, имеющее два полюса. Ядром первого из них являются составы или получатели наград РОС и участники организации Конгресса 2012 года в Уфе (а также руководство секциями Конгресса 2008 года, проходившего преимущественно на базе ВШЭ и ИС РАН). К ним же тяготеет Сообщество Профессиональных Социологов, «Мир России» и «Социологический журнал». Добавляя к интерпретации долю обыденного знания, можно заключить, что, институционально этот кластер представляет собой восточное крыло Высшей

¹³² Первый Четвертый социологический конгресс 2012 года был, судя по всему, в гораздо большей степени успешен РГСУ, чем МГУ. Согласно отчету организаторов, из 60 круглых столов и секций на базе РГСУ прошло 25, немногим менее половины, в то время как в МГУ – только 6 (еще 21 прошли в ИСПИ и ИС РАН).

Школы Экономики и Институт социологии РАН.

Ядро второго полюса образуют структуры, связанные с социологическим факультетом МГУ и личной сетью его декана, В.И. Добренкова: Учебный и Научный методические советы, журнал «Социология», Российская социологическая ассоциация, Сорокинские медали и Конгресс 2012 года в Москве. К ним же тяготеют журнал «Социология медицины», и, в несколько меньшей степени, «Социологические исследования», а также участие в организации Конгресса 2000 года в Петербурге. По всей видимости, институционально этот кластер отчасти опирается на Институт социально-политических исследований АН, хотя с ним одновременно связан и один из предыдущих, выше ассоциированный с РГСУ.

В принципе, спектр остается совершенно узнаваемыми, хотя мы видим, что в Москве самое мощное скопление точек находится в центре (объединяет часть того, что мы назвали бы Олд-центром и Ист-сайдом в Петербурге), от которого отделена новая и более радикальная восточная группа; в Петербурге, возможно, мы уже наблюдаем последствия этого.

Государственные университеты и карьеры в них

Государственные университеты являются основной экономической базой современной российской социологической профессии. Следующая таблица (Табл. 7) отражает распределение респондентов в нашей общегородской выборке по источникам дохода.

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Какое место в структуре Ваших доходов в течение прошлого (2008) года занимали следующие источники?» (проценты по строкам)

ИСТОЧНИК ДОХОДА	Более 75 %	50- 75 %	25- 50%	10- 25%	Менее 10 %	0 %
1.Зарплата преподавателя/администратора вуза	42.6	10.2	10.7	7.4	8.2	20.9
2.Зарплата научного сотрудника/ администратора исследовательского института/лаборатории	5.7	6.5	8.2	8.2	10.2	61.2
3.Исследовательские гранты зарубежных фондов, совместные исследования с западными коллегами	5.0	2.5	7.5	7.5	10.5	66.9
4.Исследовательские гранты российских фондов	0.4	0.8	9.5	12.8	16.5	59.9
5.Маркетинговые исследования по заказу коммерческих фирм	1.2	0.8	2.1	3.3	2.9	89.7
6.Прикладные исследования по заказу государственных структур, госконтракты	0.0	1.2	5.7	7.0	13.1	73.0
7.Прикладные исследования по заказу некоммерческих организаций	0.0	0.4	2.1	1.7	5.8	90.1

8. Гонорары от издательств, редакций	0.0	0.0	1.6	0.8	20.2	77.4
9. Стипендии, полученные от российских вузов	0	0	0.4	2.5	2.9	94.2
10. Стипендии западных вузов или фондов	1.6	1.2	2.1	2.5	4.1	88.5
11. Деньги из источников, не связанных с занятием социологией	5.8	5.8	7.9	8.3	13.3	58.8

Мы видим, что диверсификация типов доходов сравнительно низка: 78.1% процент опрошенных в 2008 году черпали более половины средств к существованию из какого-то одного профессионального источника (еще 11.6% указали «источники, не связанные с социологией», которые могут быть, а могут и не быть множественными). Для 51.8% этим основным источником служит преподавание и администрирование в образовательных учреждениях, и, учитывая, что негосударственные вузы были представлены только малочисленным ЕУСПб, можно заключить, что более половины преимущественно зависели от вузов государственных. Среди этих людей были как обитатели Ист-сайда (более-менее поголовно), так и те, кто принадлежал к Вест-сайду (за счет ВШЭ и Смольного института) и Олд-центру (за счет Университета культуры). Кроме того, мы зафиксировали, что доля доходов из этого источника ощутимо возросла.¹³³

В этом разделе мы рассмотрим контекст, в котором существуют государственные вузы, и попробуем разобраться с тем, как индивидуальные академические карьеры определяются соображениями аккумуляции ресурсов, делающих индивида ценными для сети и для организации в этом контексте. Перед этим нам надо сделать одну запоздалую оговорку. Подобная выигрышная комбинация обычно не уникальна, даже когда мы говорим об одном-единственном институциональном окружении и понимаем карьеру, прежде всего, в связи с движением в сторону экономического преуспевания. Обитатель нашего Ист-сайда может предпочесть постепенный рост по лестнице преподавательских должностей в одном институте или поставить на возможность преподавать во множестве мест сразу. Он может делать преимущественно административную карьеру, или как продолжение общеакадемической (став профессором, продолжить путь в завкафедрой и деканы), или как альтернативу ей (скажем, из доцентов – в замдеканы и затем проректора).¹³⁴

¹³³ Мы спрашивали также о доходах наших респондентов пять лет назад, и, вполне ожидаемо, обнаружили, что главным изменением, произошедшим за последние пять лет, был рост образовательного сектора. В 2004 году доля тех, кто черпал из него более половины доходов, составляла 43.9%, сегодня – на 8 процентов больше (различие, значимое на уровне 0.05). Интересным, однако, является не столько увеличение этого, сколько стабильность всех остальных показателей – так, несмотря на общеизвестный упадок грантовой экономики, число тех, кто опирался, прежде всего, на доходы от нее сократилось лишь статистически незначимо (с 13 до 10.3%). Отчасти это произошло, поскольку им удавалось амортизировать потери от сжатия сектора за счет персонального карьерного развития. Как мы увидим далее, однако, более значимо было другое – нежелание переходить культурный барьер, который делал правила поведения на других рынках непонятными и, в значительной мере, неприемлемыми.

¹³⁴ Заметим, что, теоретически, открыты и иные пути. Наш герой может сосредоточиться на проведении каких-то внешних по отношению к кругу регулярных преподавательских обязанностей проектов, которые приносят дополнительные средства, и в итоге извлекать из них доходы, многократно превышающие его регулярную заработную плату. Факультет или кафедра социологии «главного» университета в небольшом городе обычно были основными поставщиками исследовательских услуг на локальном рынке, и даже в большом городе и в условиях конкуренции со стороны специализированных центров, крупный вуз всегда мог получить свою долю госконтрактов и коммерческих заказов, часто с помощью своих устроенных в соответствующих структурах выпускников. Кроме того, преподаватель может писать или переводить учебники и получать за это гонорары – занятие, которое вознаграждалось лучше, чем можно было бы подумать. Тем не менее, хотя такие возможности и существовали, лишь считанные единицы пользовались

Каким бы ни был путь, однако, распределение должностей, приносящих основной доход более, чем половине петербургских социологов (более, чем 2/3, если мы добавим сюда сотрудников государственных исследовательских институтов), осуществляется через серию электоральных процедур, которые мы в нашей терминологии можем описать как формирование коалиций. Типовая последовательность этих процедур следует образцу, уже знакомому нам по другим странам: вначале следует «обсуждение» кандидатуры сотрудника членами подразделения, в котором он должен работать, завершающееся тайным голосованием, затем – утверждение одним или несколькими вышестоящими коллегиальными органами (кафедра, ученый совет факультета, ученый совет университета). Аналогичная процедура имеет место с администраторами – вначале обсуждение в подразделении, которым он должен был руководить (завкафедрой – на кафедре, декана – на факультете), затем происходит, собственно, избрание коллегиальным вышестоящим органом (завкафедрой – Ученым советом факультета, декана – Ученым советом университета¹³⁵). Ректор избирается конференцией, представляющей трудовой коллектив. Чтобы пройти утверждение, кандидатура должна, таким образом, добавлять что-то к прибыли целой серии коалиций, каждая из которых имеет право вето.

Это возможно двумя путями: или кандидатура прямо увеличивает выигрыш каждой из этих коалиций, или выигравшая коалиция обязуется перераспределить часть своего выигрыша в пользу других. Подобное перераспределение может осуществляться как в денежном исчислении (ученый совет университета поддерживает кадровое усиление приносящего наибольшую прибыль факультета при условии, что тот увеличит отчисления от этой прибыли, поступающие в центральный бюджет), так и в виде неформальных обязательств. Университетская политика представляет собой сложную систему таких взаимных кредитов.¹³⁶ Одна из причин воспроизводства истэблшмента в любой крупной

ими. Надо отметить, впрочем, что, например, рыночные и прикладные исследования были лишь второстепенным источником доходов и для всех остальных разновидностей социологии.

¹³⁵ На волне демократизации 1990-х годов, избрание деканов во многих университетах было передоверено факультетам, однако в дальнейшем в большинстве вузов эти права были возвращены общеуниверситетскому коллегиальному органу.

¹³⁶ Существуют и более сложные примеры компромиссов: *«Компромисс <...> это когда ставки на кафедре одного босса занимают люди другого. Моя собственная история была такая – ставку под меня сделали на [кафедре], на которую я страшно не хотел, с пониманием, что я со временем перейду на [другую кафедру], [заведующий которой] меня хотел, а я хотел к нему, но у него не было ставки – а ставка останется там, где ее открыли. [Заведующий первой кафедры] охарактеризовал сделку словами “Продали мальчика!” Сплошь и рядом поэтому люди оказываются не на кафедрах, соответствующих их профилю»* (муж, 1960-х г.р., д.н., проф., *Ист-сайд*) Здесь коалиции А и Б, утверждающие назначение конкретного человека, принадлежащего к сети А, создаются за счет принятия решения, позволяющего увеличить будущие сетевые валентности Б. Другая вариация на ту же тему – когда А предлагает Б заполнить одно из мест в его подразделении, поскольку у него нет сейчас кандидата, в котором А заинтересован так же, как Б заинтересован в протееже, которому подыскивает место.

организации заключается в том, что остальные члены истеблишмента предпочитают иметь дело с людьми, помнящими, кто кому что должен.

Как кандидатура преподавателя или администратора способствует увеличению выигрыша коалиции? В соответствии со всем сказанным выше, она делает это тремя разными путями. С одной стороны, она укрепляет сеть, к которой этот индивид принадлежит. С другой стороны, новый сотрудник может способствовать личному продвижению сотрудников той же кафедры или того же факультета – например, через участие в диссертационном комплексе. Наконец, он увеличивает прибыль формальной организации и/или каких-то подразделений в ней.

Прибыль, в случае с академическим миром, может принимать разные формы. Выполнение миссии университета, какой ее видит данная преподавательская культура, также, безусловно, является прибылью. В 1990-е годы – формативный период постсоветских университетов, – однако, преобладали другие мотивы.¹³⁷ Поставленные на край голодной смерти люди хотели, прежде всего, денег. В логике работы постсоветского университета при этом появлялись резоны, неведомые его западным аналогам. Гордон Уинстон выводит специфику экономического поведения университетов из их статуса НКО, обозначающего, что они не могут распределять прибыль через механизм акционирования (Winston, 1999). Профессор и сотрудник ректората получают фиксированную зарплату, одобренную попечителем, говорит Уинстон. Все неиспользованные таким способом средства могут быть направлены на развитие института. Фактически, однако, российские вузы открыли для себя много механизмов распределения прибыли, в особенности таких, которые связаны со средствами, поступающими от студентов – а они, как мы видели, для подавляющего большинства университетов составляли свыше 75% (и порядка 90%, если считать подготовительные курсы и допобразование). Во-первых, деньги, принесенные «платниками», делились между бюджетом университета и бюджетом факультета, и часть, поступившая на факультет, распределялась в виде надбавок. Во-вторых, существовало множество сопутствующих благ, таких, как подготовительные курсы или торговля самопальными методическими пособиями, доходы от которой преподаватель мог беспрепятственно положить себе в карман. В-третьих, существовали всевозможные коррупционные платежи – плата за вступительные экзамены (которые распределялись между ректоратом и факультетом – «ректорский» и «деканский» списки), текущая плата за сдачу зачетов и экзаменов,¹³⁸ торговля готовыми дипломами (чаще, видимо, происходившая на уровне

---

¹³⁷ Общим местом в теории организации является то, что соображения сведения бюджета – в силу своей однозначности и в силу неотвратимости скорых негативных последствий пренебрежения ими – легко берут в нормальном бюрократическом процессе верх над любыми другими.

¹³⁸ В разной мере легальная – от вполне «белых» дополнительных консультаций с завалившими сдачу экзамена студентами до совершенно «черных» прямых платежей, которые, впрочем, видимо, приносили лишь относительно небольшую часть преподавательских доходов в Петербурге во второй половине 2000-х годов. Рискую навлечь на себя недовольство наших и без того рассерженных информантов, мы поинтересовались существованием у них каких-то нелегальных источников финансирования. Ответы не совпали с вест-сайдским стереотипом относительно тотальной коррупции, предположительно, царящей в Ист-сайте. Фактически, лишь двое из 99 человек, черпающих более 75% доходов из преподавания, сообщили, что эта доля составляет более трех четвертей их выручки, один – что она дает от четверти до половины, и еще девятеро – что она приносит им менее 10% доходов. Разумеется, несмотря на наши старания, этот вопрос остался очень сензитивным, и мы не можем быть уверены в ответах; 52 человека (из 251, 20%) в той или иной форме уклонились от ответа (пропуск, отказ отвечать, «не знаю»), однако их было меньше среднего среди университетских преподавателей. Из трех преподавателей, которые указали на наличие «черных» доходов, двое учили в вузах в самом низу образовательной иерархии, одна находилась в декретном отпуске и зарабатывала как фрилансер.

ректората). Общим для этих способов является экономия на масштабе – чем больше студентов, тем выгоднее для отдельного преподавателя. Хотя поголовье преподавателей повсеместно жестко привязывалось к поголовью студентов, существовало множество способов сэкономить на трудозатратах, когда студентов было много – от увеличения рынка для своих методических пособий до возможностей прочитать одну лекцию большой аудитории, проведя ее по бумагам как много лекций для маленьких.

Задача максимизации доходов от студенческого потока фактически разбивалась на несколько подзадач. Во-первых, можно было пытаться увеличить этот поток, стремясь сделать себя максимально привлекательными для абитуриентов. В этом отношении университет был сильно ограничен своим предзаданным положением в территориально-административной иерархии, однако мог манипулировать другими переменными, в частности, открывать новые программы по привлекательным специальностям и выбивать под них бюджетные места. Здесь, однако, интересы разных подразделений находились в сильном конфликте, поскольку непосредственно выигрывал тот факультет – или даже та кафедра¹³⁹ – к которой эти места были приписаны. Как мы увидим дальше, шансы индивида как администратора были связаны, прежде всего, с тем, насколько он был успешен в решении этих вопросов в пользу своей электоральной базы. Во-вторых, требовалось удержать уже принятых абитуриентов. В-третьих, надо было обеспечить перераспределение прибыли в свою пользу.

Мы вернемся к внутриуниверситетской и междууниверситетской дистрибутивной политике, когда будем говорить об административных карьерах, поскольку участие в ней ограничивается руководителями от завкафедрой и выше. Здесь мы сделаем только одно общее замечание о распределении прибылей между двумя основными категориями университетского персонала – преподавателями и администрацией. Прибыли повсеместно разделялись на те, права на которые имели коллективы, и те, права на которые имел ректорат. Кажется, что деньгами от студентов в основном распоряжались коллективы. Ректорат мог располагать только нелегальными доходами от централизованной продажи дипломов и деньгами, заплаченными в качестве взяток за поступление по «ректорскому списку» или через общеуниверситетские олимпиады. Гораздо более существенным источником полулегальных доходов, впрочем, было распоряжение университетской собственностью и заключение хозяйственных договоров. Ректорат, кроме того, набирал сотрудников своего аппарата и мог, в известных пределах, платить им зарплаты, превосходящие зарплаты преподавателей (ППС). В результате центральные аппараты многих университетов превращались в семейные предприятия ректоров. В разразившемся в 2013 году скандале вокруг Российского государственного социального университета – примечательном с точки зрения этой книги, потому что в нем была задействована семья одного из главных отечественных социологических боссов, – было обнаружено, что (1) университет много лет возглавлял В.И. Жуков, в 2010 году перешедший на пост почетного президента; (2) пост ректора от него приняла его родная дочь, Лидия; (3) муж Лидии и (4) жена Жукова занимали проректорские посты, наконец, (5) вторая дочь Жукова, Галина занимала пост руководителя управления молодежной политики. Обе дочери Жукова закончили РГСУ и защитились там же (Галина стала самым молодым в России доктором наук в 26 лет). Детали истории стали известны потому, что группа энтузиастов обнаружила массивный плагиат в их диссертациях. На российском фоне, эта история выглядит скорее правилом, чем исключением.¹⁴⁰ В целом, однако, похоже,

¹³⁹ Вернее было бы сказать, что источником прибыли являются не студенты, а часы, которые эти студенты проводят в аудитории. Студенты не приписаны к кафедрам с той же степенью эксклюзивности, с какой они приписаны к факультетам, но кафедры, тем не менее, конкурируют за курсы, которые одной и той же студенческой аудитории можно прочитать.

¹⁴⁰ Иногда аналогичные события принимали еще более драматический, совершенно шекспировский поворот. В 2009 году состоялось покушение на ректора Полярной Академии в Петербурге Кермен

сотрудники огромного административного аппарата вовсе не были экономической элитой, существующей за счет обнищавших преподавателей; сверхдоходы были сконцентрированы только на верхних этажах этой системы.¹⁴¹

Что определяет баланс власти между преподавателем и администратором в университете? Исходя из наших соображений о природе организаций как коалиций (March, 1962), мы проверили следующую из нашей модели гипотезу о влиянии источников средств в бюджете на характеристики внутреннего политического режима (подробно изложено в Соколов и Волохонский, 2013). Респондентам – в основном, высокопоставленным сотрудникам ректоратов – задавался вопрос о влиянии разных групп (учредителей, ректора, ученых советов университета и факультетов, деканов, завкафедрами и др.) в основных областях университетской политики. Прежде всего, многомерный анализ обнаружил одно центральное измерение вариации, противопоставляющее ректоров всем остальным внутренним группам – ученым советам, деканам и завкафедрами. Анализируя факторы, которые приводят к тяготению вуза к коллегиальности или монополизации власти, мы обнаруживаем, что факторами, значимо увеличивающими коллегиальность, являются (а) размер, (б) доля средств от бюджетных ассигнований (и наоборот, доходы от платных студентов войдут в регрессию с обратным знаком), а также (в) доходы от исследований.

		Коллегиальность (β линейной регрессии)
Размер		0.124**
Тип:	классический университет	0.094*
Возраст		0.140**
Доля	средств, полученных от	0.153**

Басангову, которое, как оказалось впоследствии, было инсценировкой. На следующий день были задержаны первый проректор Лукин и начальник транспортного отдела Жавронков, а также его сын, работавший шофером ректора. Лукин был мужем предыдущего ректора, Азургет Шаукенбаевой. По версии Басанговой, причиной покушения было то, что она обнаружила злоупотребления в общежитии, комендантом которого была жена Жавронкова, и за которые отвечал Лукин. Шаукенбаева, в свою очередь, обвинила Басангову, которую сама продвинула из преподавателей своей кафедры, в попытке расчистить путь в проректора для своего гражданского мужа. В других случаях, криминальные истории с участием ректоров заканчивались еще более печально. В 2012 году был застрелен руководивший Государственным университетом сервиса и экономики (ГУСЭ) Викторов и ранена его жена, работавшая там же проректором по международным связям.

¹⁴¹ В 2010 году данные о Фонде оплаты труда проректора по направлению Высшей школы менеджмента (ВШМ) и геологии СПбГУ были неосмотрительно вывешены на сайте университета. Всего расписание охватывало 196 штатных позиций, исключая принадлежащих к профессорско-преподавательскому составу (т.е. деканов, замдеканов и зафкафедрой), но включая всех, от советников до плотников и уборщиков. Число преподавателей обоих факультетов составляло 140 человек, соответственно, численность вспомогательного аппарата была на 40% выше, чем основного. Зарплата проректора с базовыми надбавками («объект национального достояния») составляла 80625 рублей в месяц, четырех советников – по 24825, шести помощников проректора, директоров программ магистратуры и бакалавриата, сорока трех начальников служб и отделов – по 19125, семи заместителей начальников – по 17250, двадцати двух ведущих и главных специалистов (по кадрам, программному обеспечению, библиографов) – по 11232, пятидесяти одного рядового инженера и менеджера – по 9750, и еще 68 человек (водители, слесари, библиотекари, бухгалтеры, гардеробщики, уборщики, системные администраторы) – меньше, с минимумом в 6495. При этом, судя по отчету (Бойко, 2011) средняя начисленная зарплата в ВШМ составляла в том году 119000 рублей в месяц. Хотя начисленная зарплата включала гранты и доходы от иных разновидностей академического предпринимательства преподавателей, но могла не включать премии или бонусы административного персонала, тотального превосходства администраторов над профессорами мы явно не наблюдаем.

бюджетного обучения
Доля средств, полученных от НИР, 0.124**
(R2 = 0.13)

Размер вполне объясним: чем крупнее организация, тем, неизбежно, выше автономия промежуточных уровней в системе управления. Возраст и тип, однако, указывают в ином направлении – хиршмановской лояльности. При статистическом анализе мы видим, как вузы делятся на новые, коммерческие и социально-экономические, в которых большинство сотрудников преподает на почасовой основе как совместители, и старые университеты, в которых эти же преподаватели работают на полную ставку и с трудовой книжкой. Старшие вузы, относящиеся к «главному» типу классического университета, стоят выше в системе престижа. Для их преподавателей они являются постоянной базой, опираясь на которую они могут искать работу за их пределами (см. ниже о рынке труда). Соответственно, поскольку позиция в них воспринимается как более долговременная, их сотрудники предпочитают отстаивать свои права в них, опираясь на голос, не на выход, и неся все издержки участия. Данные о демократизирующем влиянии доходов по НИР показывают, что даже небольшое вливание финансовых средств из других источников способно ограничить власть ректората. Приносящий грант профессор обладает большей властью выхода, чем не приносящий. Во-первых, уйдя, он нанесет больший ущерб бюджету. Во-вторых, он символически важен, поскольку в глазах министерства наличие грантов показывает, что вуз может соответствовать международному презентабельному образцу «исследовательского университета». Хотя давление со стороны Министерства в 2006 году было меньше, чем сегодня, статистический анализ уже на том этапе фиксирует значимое влияние грантового финансирования на политический климат. Наконец, уже тогда имеющие бюджетных студентов работали под большим государственным контролем, и вынуждены были предъявлять более высокие требования к дисциплине своего персонала. Эти требования приходилось подкреплять более высокой зарплатой.

Далее мы рассмотрим, как решение о найме, росте, или избрании на административную должность принимается стадия за стадией, от одной инстанции к другой, чтобы увидеть, какими свойствами должен обладать успешный кандидат. В неформальном разделении труда, заполнение освободившейся ставки фактически считается ответственностью и инициативой непосредственного руководителя, завкафедрой или завсектором, пусть даже формально, после того, как организация создана, он не играет в этом никакой роли. В соответствии с нормами, действующими со времен Покровского, университет объявляет открытый конкурс. Министерство всегда следило за его открытостью, хотя в разные периоды с разным пристрастием. В 1990-е годы объявление, распечатанное на машинке и повешенное в коридоре или вышедшее в университетском вестнике, когда конкурс уже закончился, считалось достаточным. Сегодня необходимым считается заблаговременная публикация на сайте. В связи с последними веяниями, вероятно появление всероссийского банка академических вакансий.¹⁴² После того, как кандидаты прислали необходимые документы, их кандидатуры обсуждаются кафедрой, тайно голосующей за них; затем решение передается на высшие уровни. В 1990-х финальное решение в основном принималось ученым советом факультета, а в 2000-х оно постепенно переместилось на уровень ученого совета университета. В некоторых вузах до сих пор действуют уставы, согласно которым доценты выбираются на уровне факультета, а профессора – на уровне университета.

---

¹⁴² Он был анонсирован в президентском послании 2013 года. Минобрнауки вряд ли устоит перед соблазном возглавить это движение.

Мы видели, однако, что факт открытости конкурса единодушно воспринимается как «формальность». Ситуация с «обсуждениями кандидатур на кафедре» сложнее. Известны случаи, когда коллективы говорили заведующему «нет», и, более того, хотя их члены редко делают приглашения сами, они часто брали на себя инициативу и советовали завкафедрой обратить на кого-то внимание:

Мы в аспирантуре учились с преподавательницей с этой кафедры, и она порекомендовала меня заведующему кафедрой, и я пришла на собеседование, и меня взяли (жен., 1970-х г.р., к.н., доцент, Ист-сайд)

В целом, противостояния заведующего и коллектива кафедры обычно удается избежать по нескольким причинам. Во-первых, поскольку в большинстве случаев сами коллективы формируются на основании социальных сетей их руководителей, отношения в них соответствуют нормам академического патронажа, освященного моделями *high-grid*, *high-group* культуры. Большинство людей в Ист-сайте наслаждаются мыслью о том, что стали частью семьи, возглавляемой отцом-заведующим (или – довольно часто – матерью-заведующей), и избегают нарушать эту картину гармонии в собственных глазах и в глазах окружающих. Во-вторых, увлечение игрой академических престолов требует особых навыков и ресурсов, аккумуляция которых отнимает время и вообще привлекательна далеко не для всякого, и поэтому большинство преподавателей вполне довольны, когда могут обойтись без того, чтобы забивать всем этим себе голову. В-третьих, руководитель всякого уровня должен учитывать возможность того, что недовольство им выльется в поддержку альтернативного кандидата на выборах. Случаи, когда один из преподавателей выставляется против своего заведующего, редки, и обычно воспринимаются как скандал. Если остальные преподаватели довольны существующим положением, это может быть полным крахом для незадачливого претендента:

Выставился *X* на заведование кафедрой вместе с *Y* [бывший научный руководитель и покровитель *X*]. Никому не говорил. Это была такая скрытная молниеносная операция, мне очень не нравилось. Никто её не знал. И *Y* ещё раз избрали, а *X* никто не воспринимает всерьез. Ну, это личностное, кафедра все-таки микроколлектив. (муж., 1950-х г.р., д.н., профессор, Ист-сайд)

Однако теоретическая возможность другого исхода не исключена. Падение прошлого декана «Большого факультета» А.О. Бороноева была событием из этой области: даже будучи вполне успешным руководителем, обеспечивая рост факультета и избегая открытых конфликтов, он проиграл выборы.

О чем должен думать завкафедрой или завсектором, делая приглашение? Во-первых, он должен привлечь сотрудника, который справится с возложенной на него работой и не навлечет неприятностей на собственную голову и на голову ближайших коллег. Во-вторых, завкафедрой, как член какой-то сети, должен выполнить обязательства перед ней. В-третьих, он должен соответствовать формальным требованиям, принятым Министерством или данной организацией – что практически значит соответствие критериям «остепененности». В-четвертых, в той мере, в какой его кандидатура утверждается какими-то внешними инстанциями, он должен соответствовать и целям этих инстанций, даже если для самого руководителя первого уровня они представляют собой что-то далекое и абстрактное. В-пятых, его присутствие не должно создать проблем внутри подразделения, в которое он влился. В-шестых, если у руководителя есть какие-то собственные проекты, кандидат должен вписываться в них. Мы рассмотрим далее эти пункты по очереди.

Мы помним, что факультет в основном живет за счет студентов, и основная обязанность завкафедрой состоит именно в обеспечении учебного процесса. Сбой на этом уровне, в отличие от сбоя в любой другой области, будет его прямой ответственностью.

Непосредственная работа преподавателя состоит в том, чтобы читать лекции, вести семинары и производить сопутствующую документацию – оценки в ведомостях, росписи в зачетках, учебно-методические комплексы и все тому подобное. Чтобы справиться с ней, прежде всего, кандидат должен быть достаточно дисциплинирован, для того чтобы провести положенные часы в аудитории со студентами.¹⁴³ Кроме того, он должен появиться там вовремя, трезвым, и не сделать ничего такого, что, будучи снятым на мобильный телефон и выложенным в сеть, привлечет чье-то внимание.¹⁴⁴ Наконец, во все время работы он не должен попасть в достаточно громкий скандал, чтобы декан на следующий день обнаружил у своих дверей группу телевизионщиков.¹⁴⁵

Привлечь дополнительных абитуриентов в бакалавриат для среднего преподавателя – непосильная задача. Популярный профессор может набрать студентов на свой спецкурс, оставив часть часов коллегам, и, если на кафедре базируется магистерская, то, теоретически, привлечь сколько-то кандидатов на нее из других вузов. Но для большинства факультетов магистранты являются хоть и приятным (часы за них учитываются в нагрузке в двойном объеме), но лишь дополнением к бакалаврам. В этом смысле, от профессоров не ожидается, что они увеличат прием за счет своей харизмы. Гораздо важнее, чтобы преподаватель не сократил численность тех студентов, которые уже набраны – и потому, что те приносят деньги, и потому, что сокращение может сопровождаться всевозможными эксцессами, типа судебных исков. Потерять студентов можно двумя прямо противоположными путями в зависимости от того, что это за студенты. Профессионально мотивированные студенты могут уйти, если их учат мало и плохо, коллегиальные – если их учат много и хорошо.

В технократическом университете вроде советского, программы высшего образования всегда привязаны к какой-то будущей специальности. Мы знаем, что по отношению к этой специальности студент может занимать несколько позиций. Он может прийти получать знания, необходимые, чтобы по ней работать, и критически рассматривать свое обучение с точки зрения того, насколько преподаваемые курсы позволят ему быть в ней успешным. Российским преподавателям социологии этот типаж, однако, известен преимущественно по книгам. Для тех же, кто не пережил обращения в

---

¹⁴³ Сказать, сколько в среднем в России проводит в аудитории часов преподаватель каждого уровня, довольно затруднительно. Закон об образовании ограничивает преподавательскую нагрузку на одну ставку 36 часами в неделю, или примерно 1500 часами в год. Эта нагрузка делится на собственно учебную, учебно-методическую, организационно-методическую и научно-исследовательскую работу. Жестко регулируется только объем учебной, которая, в свою очередь, делится на аудиторную и внеаудиторную (научное руководство, проверка работ и пр.). Инструктивные письма запрещают превышение учебной нагрузки сверх 900 часов в год. Остается, однако, неопределенность, связанная с тем, какой долей этой нагрузки будет «горловая» или аудиторная – единственная, выполнение которой вуз и министерство фактически могут контролировать. Повсеместно она существенно больше для ассистента, чем для профессора, но это «больше» может варьироваться от 850 часов (ассистент) против 650 (профессор) до 300 (ассистент) против 150 (профессор ВШЭ). Кажется, что средним было бы порядка 600 у ассистента, 500 у доцента и 400 у профессора, но это требуется доказать. 500 часов при нормальной продолжительности учебного года составляет порядка 7 пар в неделю. Сколько бы ни было часов, их вычитывание требует определенной самодисциплины. Декан крупного факультета жаловался автору на сложности с привлечением сотрудников Академии наук к преподаванию на факультете: *«Понимаете, это же все подразумевает дисциплину. А эти великие ученые – раз прочитал лекцию, два прочитал, а потом говорит: “Все, мне неинтересно, студенты – неинтересно, я пошел заниматься исследованиями дальше”*. А семестр только начался». Это прискорбная регулярность входит в острый конфликт с я-концепцией ученых как творческих людей, особенно важной для Вест-сайда.

¹⁴⁴ Интернет существенно увеличил контроль студентов над своими профессорами – ничего не стоило получить вещественное доказательство профессорской девиации, засвидетельствованное сотнями глаз. Впрочем, вузы, щепетильно относившиеся к своей репутации, уже и раньше беспощадно увольняли после единственной жалобы студенческой группы на появление преподавателя в нетрезвом виде – самое распространенное нарушение на рабочем месте в России.

¹⁴⁵ Такие истории редко, но случались, в том числе в петербургской социологии.

специальность, обучение означает, что им предстоит потерять сколько-то времени. Точный объем времени, потраченного на получение нежеланной квалификации, однако, зависит от энергии, с которой преподавательский состав следит за их успеваемостью. Та, в свою очередь, отчасти определяется педагогическим пылом преподавателей, отчасти – желанием и возможностью вышестоящих бюрократов добиться, чтобы преподаватели не делали поблажек. При преобладании немотивированного студенческого типажа, педагогический пыл преподавателей становится проблемой для вуза. Чтобы поддерживать студенческую популяцию на максимально высоком уровне, надо не повышать, а снижать образовательные стандарты и по возможности никого не отчислять – в той мере, в какой внешний контроль со стороны министерства это позволяет. Идеальным преподавателем для университета становится тот, кто участвует вместе с нерадивыми студентами в выстраивании общего фасада перед лицом контролирующих органов (Титаев, 2012).

Социология и ей подобные дисциплины являются естественным домом для немотивированных на профессиональные достижения студентов. Возможность контроля чиновников над учащими и учащимися по какой-то специальности определяется уровнем консенсуса в соответствующей дисциплине. Дисциплины с низким консенсусом вряд ли могут внедрить слишком обременительные общие стандарты, поскольку внедрение любого такого стандарта породит слишком сильную оппозицию внутри дисциплины. Сложно заставить всех студентов-социологов выучить теорию графов или прочитать Хайдеггера, если внутри самого истэблшмента всегда найдется оппозиция, ничего об этом не знающая и патетически настаивающая на бесполезности этого знания.¹⁴⁶ Соответственно, дисциплины с низким консенсусом существенно лучше подходят для того, чтобы превращать их в убежище для немотивированных студентов, и российская социология в полной мере испытала последствия этого.¹⁴⁷

В общем и целом, таким образом, качество преподавания по факту не имеет никакого значения. Если не происходит экстраординарных сбоев, то насколько хорошо или плохо была прочитана лекция, никак не отражается на послужном списке лектора. Популярный преподаватель получает, помимо социально-психологических, некоторые преимущества в виде возможности объявить спецкурс на интересную ему тему и быть уверенным, что на него запишутся, получать часы за руководство, но кроме этого ни он сам, ни кафедра ничего не приобретут от его популярности. Способ составления учебного плана в любом случае не позволяет студентам проголосовать ногами против профессора. Конечно, для большинства завкафедрой было бы приятно иметь у себя знаменитого ученого, но никаких специальных выгод это не принесет, а проблем этот ученый может создать много.¹⁴⁸

В этих условиях, идеальный преподаватель должен быть одновременно дисциплинированным, нетребовательным и нещепетильным. Если на кафедре распространены неформальные платежи, он должен включиться в их экономику, собирая положенные деньги и сдавая их в черную кассу, и уж ни в коем случае не обливаться

---

¹⁴⁶ Часть этого истэблшмента может не обладать никаким специализированным знанием вовсе, что, естественно, делает введение любых жестких стандартов еще менее реальным.

¹⁴⁷ Одним из интересных вопросов наших исследований был вопрос о том, может ли быть так, что социальные науки в целом, и социология – в особенности выбираются абитуриентами из-за представления, что там ничему не надо учиться. Ни в интервью, однако, ни при анализе статистики мы не нашли аргументов в эту пользу. Например, если бы нежеланные специальности, в которых не надо учиться, котировались бы выше, чем те, на которых надо, педагогика со специализацией «обществознание» стоила бы дороже, чем педагогика со специализацией «математика и физика». В действительности, это не так.

¹⁴⁸ Никто еще не стал великим ученым благодаря тому, что хорошо готовил учебно-методические комплексы и приходил на лекции вовремя (хотя некоторые, как Мид, и стали в основном известны благодаря записанным студенческим конспектам), зато многие не стали ими, потому что придавали всему этому слишком много значения. Учтя это все, мы можем заподозрить, что большинство великих ученых были так себе единицами профессорско-преподавательского состава.

презрением коллег, которые это делают. Если завтра требуется сдать программу несуществующего учебного курса, он должен скачать его из Интернета, не заикаясь про этический кодекс вуза.¹⁴⁹ Если послезавтра этот курс понадобится читать, он должен взяться за это, даже если курс находится за пределами его интересов и компетенций. В этих условиях, мы наблюдаем интересную инверсию того, что видели в британском и, отчасти, французском случаях. В них полученная специализация влияет на шансы на рынке труда. Квалификация в популярной у студентов области увеличивает вероятность найти работу, квалификация в непопулярной – уменьшает. Этот механизм требует, однако, от студентов хотя бы минимальной заинтересованности в предмете. Если студентам все равно, чему их учат, то никакая квалификация преподавателя не будет преимуществом, зато излишняя сконцентрированность на ней будет недостатком. Чем сильнее преподаватель хочет читать лекции только по предмету, в котором он разбирается, тем менее он удобен с точки зрения встраивания его в слоты в учебном плане. Доводя эту картину до логического конца, чем решительнее преподаватель намерен преподавать хорошо – тем больше проблем он доставляет завкафедрой и тем меньше денег может заработать. В этих условиях может показаться почти удивительным, что многие Ист-сайдеры, у которых мы брали интервью, искренне заботились о качестве преподавания, и, например, принимали решения о переходе или не переходе с работы на работу в связи с тем, насколько качественно они могут читать необходимые там курсы:

Колледж был хорош тем, что там ты читал то, что ты хочешь. Я читал “Общую социологию”, ну, с чего-то нужно было начинать. А потом, в вузе тебя никто не спрашивал. Что ты будешь читать? То, что мы тебе дадим, то и будешь читать... А перед людьми-то надо выходить и полтора часа им что-то рассказывать. Книжки, походы в библиотеки, бессонные ночи, набор и сбор материала, долгий сбор материала, попытка выстроить лекцию, сделать так, чтобы это было интересно, захватывающе, чтобы люди дослушали... Потому что были предметы, о которых я имел представление только о том, что они называются “социология религии”... Я не семи пядей во лбу. Я – не дом советов, моя голова. Мне хотелось бы более узкой специализации. Где я мог бы более четко раскрыть особенности предмета, и показать предмет в более богатом виде, чем я это делаю сейчас <...>. Одна из причин, почему в *N* не пошёл, потому что там давались такие курсы, о которых я знать не знаю. Где мне нужно было идти получать второе [высшее] образование – я не знаю, что такое антропология. Не знаю. Я не хочу её читать. Я не хочу быть мастером на все руки. (муж., 1970-х г.р., к.н., доцент, Ист-сайд)

Специализация ограничивает перемещения на рынке преподавательского труда в России, но скорее со стороны предложения рабочей силы, не спроса на нее.¹⁵⁰

¹⁴⁹ В вузе, наиболее известном своей яростной борьбой с плагиатом, в период набегов Рособнадзора циркулировали письма, в которых деканы призывали преподавателей «активнее пользоваться Интернетом», учась полезному у своих студентов.

¹⁵⁰ В Вест-сайдском фольклоре, Ист-сайд заселен беспринципными оппортунистами, совершенно безразличными и к науке, и к своим преподавательским обязанностям. При ближайшем рассмотрении, однако, мы найдем там фанатиков своего дела, чья увлеченность преподаванием вызывает глубокое почтение:

«О: Я полагаю, что это неправильно, если заведующим кафедрой становится человек с докторской степенью.

В: Это неправильно?

О: Это неправильно. Ему уже ничего не надо. А заведующий кафедрой организует учебный процесс...И здесь нужны новые идеи, здесь нужны какие-то интересные люди, которые энергичные, у которых ещё есть желание что-то сделать новое... Я вот провожу конференцию уже пятый год, меня ж никто не заставляет, я её провожу, потому что мне кажется, что это интересно и важно для курса. Олимпиады, вот студенческое научное общество, положим, там, я курирую. Допустим, я, когда пришёл в университет,

При любом раскладе, преподаватель не должен вступать в конфликты со студентами и не должен отчислять кого-либо. Отчисление плохо в любом случае. Если студент платный, это сокращает доходы всего факультета и каждого преподавателя – в частности. Если студент бюджетный – это портит статистику. Процедура отчисления долгая и муторная, и проникает в ней участие не только сам виновник, но и еще несколько человек. Более того, юридически грамотный студент (очень распространенный вид) может подать в суд, что также не сулит ничего хорошего. В общем и целом, преподаватель должен поставить удовлетворительные оценки всем, оттягивая этот момент лишь если за пересдачи студент что-то платит.

Кроме того, хороший, с точки зрения завкафедрой, преподаватель, должен соглашаться делать разную внеучебную работу, которую завкафедрой хотел бы на него возложить.¹⁵¹ Такой работы может быть много – сиденье в методической комиссии, организация студенческой конференции или секретарство в диссертационном совете, например – в котором кафедре выгодно иметь своего человека, но в котором никто не хочет оказываться сам. Более того, завкафедрой с административными амбициями по мере роста начинает перелаживать на младших сотрудников свою работу:

В: Вы занимаетесь преподаванием, административной деятельностью, а что занимает больше времени?

О: Больше времени – административная. Это просто у меня такая ситуация сложилась, поскольку заведующий кафедрой <...> проректор, поэтому фактически руководство кафедрой я осуществляю сейчас, поэтому мне нужно все контролировать, все процессы, организацию учебного процесса (жен., 1970-х г.р., к.н., доцент, Ист-сайд)

Эта работа совершенно неинтересна для большинства людей, и может принести какую-то отдачу лишь в одном случае – если занимающий позицию рассматривает для себя административную карьеру. Однако тут появляется другая проблема. С точки зрения завкафедрой, нет ничего хорошего в том, что хороший сотрудник растет слишком быстро. Когда он дорастет до профессора, то закономерно будет задумываться о получении собственной кафедры; если он не сможет возглавить свою нынешнюю, то может перед выборами договориться с кандидатом в деканы – и вместо подчиненного у завкафедрой появится конкурент. Если его рост будет блокирован на более ранней фазе – например, он защитит докторскую, но в течение двух лет после этого не будет произведен в профессора – он может перейти у другой университет, который ему даст искомую позицию. Завкафедрой – в большом городе с ощутимым образовательным рынком – не может надолго задержать рост сотрудников. Тем не менее, на всяком крупном факультете вам расскажут не одну историю о том, как:

мне тоже не понравилось, как все здесь организовано. Я сделал удобную систему, рейтинговую систему. Все-таки у нас не исследовательская деятельность основная, а у нас деятельность учебная, научить... Делал тесты, естественно. Выпросил вычислительный центр и их тестировал. <...> выбросил всё это дело на сайт, туда же на сайт сделал хрестоматию, даю задания на хрестоматию <...> [следует долгий рассказ о совместной работе со студентами над разными версиями сайта, сопровождаемый демонстрациями]. Но я могу сказать, что я чуть-чуть поработал в [крупном и более статусном университете] при [прошлом декане], мне не понравилась постановка дела, постановка учёбы. Студент очень плохо ориентируется в учебном плане. Студент плохо ориентируется, а зачем ему это надо... Там нет какой-то продуманности вот, последовательности изучения дисциплин, а здесь я всего этого добился» (муж., 1950-х г.р., д.н., профессор, Ист-сайд).

Вряд ли в Вест-сайте найдется человек, который занимался бы преподаванием хотя бы с третью этого энтузиазма.

¹⁵¹ Объем этой административной работы непрерывно возрастает в результате каждого нового цикла попыток Рособнадзора контролировать учебный процесс. Здесь, как и в других случаях, сам по себе факт регулирования поощряет завкафедрой искать людей, как ни странно, прямо противоположных тем, кого Министерство хотело бы видеть на преподавательских позициях (Бляхер, 2013).

Доктор может оставаться доцентом, если завкафедрой считает, что он не заработал продвижения. Не потянул ляжку достаточно. Имеется в виду выполнение какой-то сверхсрочной неоплачиваемой административной работы. Когда человек выслуживает в глазах завкафедрой – его продвигают. Как молодой доктор М, который уже 4 года доктор, но не профессор. Мое продвижение в доценты состоялось после переворота против [старого декана] когда я его поддержал на совете. Он тогда подал документы на преобразование преподавательской ставки в доцентскую¹⁵², возможно, из благодарности. Их потеряли где-то, и [новый декан] лично приходи извиняться, чтобы я не подумал, что это мне отомстил. А второй раз их потерял уже [старый декан], который решил, что меня неплохо бы придержать так как два года только прошло с прошлого продвижения по лестнице, и я еще не выслужил своего повышения. (муж., 1960-х г.р., д.н., профессор, Ист-сайд)

Для завкафедрой выгодно в этих условиях отбирать тех, о чьем послушании ему не надо будет постоянно заботиться, и кто не будет расти чересчур быстро. В целом, лояльность – важная характеристика, и завкафедрой нужны те, кто не будет пробовать его подсадить, станет голосовать, как он попросит, кто не будет конфликтовать с остальными сотрудниками, и кто согласится участвовать в иных его проектах.

Эти обстоятельства вместе объясняют распространение академического инбридинга в России. Во-первых, идеальный кандидат обладает рядом свойств, информацию о которых очень сложно передать по конвенциональным академическим каналам, служащим в основном для оповещения о научных достижениях. Эти свойства, однако, хорошо наблюдаются среди студентов за годы учебы, и как раз среди них выбрать преемника не представляет труда. Во-вторых, недавних выпускников уже связывает с их университетом, факультетом и научным руководителем лояльность, которой нет у посторонних. В-третьих, они начинают на нижней ступеньке лестницы, и им предстоит пройти еще долгий путь, прежде чем они могут стать источником осложнений. Разумеется, выбор в пользу своих выпускников не всегда делается рационально, на основе прямолинейного расчета на личную преданность. В *high-grid, high-group* культуре старшим свойственно испытывать родительские чувства по отношению к младшим, даже если они не возвращаются в виде каких-то выгод, и забота об ученике оставляет заботящегося с теплым чувством от собственного соответствия высоким моральным стандартам.

Разумеется, у своих выпускников есть недостатки, которые иногда решают дело не в их пользу. Они сильнее сокращают кафедральный пул нагрузки, чем профессора.¹⁵³ Иногда у завкафедрой есть очень сложный в кадровом отношении проект (англоязычная магистерская), и центральными характеристиками становятся релевантные компетенции. Кто-то настолько знаменит, что завкафедрой пытается заманить его к себе просто ради чести сидеть с ним рядом. В российской социологии вряд ли найдется дюжина человек, которые могли бы получить работу благодаря одной своей известности, но они есть. Это создает отдельный рынок «элитных живых товаров», на котором доктора перемещаются из университета в университет. Он почти не затрагивает, однако, низшие этажи ранговой системы.

Иным основанием для отказа от найма собственных выпускников является необходимость подтвердить союзнические отношения. Помимо должности, завкафедрой является узлом в какой-то социальной сети, и эта сеть рассматривает подконтрольные ему

¹⁵² Преобразование ставки – аналог *promotion* в российском вузе, в ходе которого ставка доцента, например, становится профессорской, как правило после защиты.

¹⁵³ То, что они получают меньшую зарплату, не компенсирует для завкафедрой того, что они поглощают больше часов, поскольку он отвечает за «раскасовку», но не он добывает деньги.

ресурсы как частично находящиеся в ее собственности. Главным выигрышем завкафедрой от найма может быть демонстрация собственной лояльности какому-то академическому семейству, пусть даже кандидат неудобен ему лично. Сеть, кроме того, приходит на помощь, когда по какой-то причине своего кандидата не оказывается, и завкафедрой нуждается хоть в ком-то и поскорее, так как заполнения ставки есть символ сетевой успешности заполняющего – очень важная характеристика, если у завкафедрой есть административные амбиции.

Перейдем теперь к следующим подразделениям, которые участвуют в утверждении отобранной кандидатуры. Декан и факультетский ученый совет знают кандидата опосредовано, а ректор и ученый совет университета не знают его вовсе. Кроме того, они находятся на большей культурной дистанции и им ничего не известно о репутациях индивидов в конкретной области. В своем взаимодействии с ними, они вынуждены опираться на какие-то более абстрактные символы пригодности. Как и в американском случае, на первый план тут выходят степени как самый общий вид академических сигналов. Информант объяснил, почему это происходит, так:

В: А правила, согласно которому профессор должен быть доктором? Как оно тогда обеспечивается?

О: Голосованием большого университетского совета. Там ничего не знают ни о личностях, ни об их успехах. Видят, что у человека нет степени – и отклоняют его. Никаких шансов пройти на доцентство или профессорство без соответствующей степени (муж., 1960-х г.р., д.н., профессор, Ист-сайд)

Помимо различий в культурной дистанции, разница в поведении вышестоящих инстанций определяется тем, что их интересы отличаются от интересов первичного подразделения. На самом очевидном уровне они скорее всего мало сочувствуют намерениям завкафедрой поддержать свою личную сеть, поскольку это соответствует его, но не их интересам. Во-вторых, они видят цели подразделения несколько иначе. Руководитель низшего уровня больше думает о работе, за которую непосредственный отвечает; руководитель или коллегиальный орган более высокого уровня думают о поверхности организации, обращенной к министерству, и о роли, которую подразделение может сыграть. Разные направления мысли определяются не столько характерами, сколько структурным положением единиц разного уровня, от имени которых они выступают. Один и тот же индивид будет по-разному рассуждать в качестве заведующего кафедрой и в качестве члена ученого совета университета. В качестве заведующего кафедрой, он может ощущать, что не имеющий степени и ничего не пишущий, но сговорчивый и трудолюбивый выпускник этой кафедры – лучшая кандидатура в преподаватели. В качестве члена ученого совета он может задуматься о том, что такая политика приведет к сильному осложнению отношений с Министерством – и проголосовать за правило, запрещающее найм претендентов без степени на доцентские позиции. То, что большинство университетов в итоге приняли какие-то требования к «остепененности», показывает, что, в конечном итоге, интересы организации пересиливали на уровне определения стратегии, хотя и не обязательно брали верх на уровне тактики.

Вообще говоря, согласно Трудовому кодексу, наличие высшего образования является единственным обязательным требованием к занимающим любые преподавательские должности, включая профессорскую. Министерство, однако, всеми способами давало понять, что рассматривает долю людей со степенями и званиями важным показателем силы вуза. В результате иногда по вузам прокатывались кампании вроде такой:

У меня... много на кафедре было кандидатов наук, у меня без степени вообще нет на кафедре людей, у меня много было

кандидатов наук, но не доцентов. В прошлом году, меня вызывает декан и говорит: “*NN*, команда по университету! Все кандидаты наук должны быть доцентами, значит, выгонять будем. Сейчас идёт сокращение, вот выгоним всех, кто не станет доцентом”. А в общем кандидаты наук все были заслуженными, в каком смысле, у них хватало публикаций, у них хватало методических пособий, у них хватало стажа работ, и мы, по-моему, по факультету, произвели, десятки доцентов за два месяца (муж., 1930-х г.р., д.н., профессор, Ист-сайт)

Со времен Покровского, в российском университете не существует пожизненных контрактов, а по истечении трех- или пятилетних объявляется повторный конкурс, который обставляется так же, как и исходный – дается объявление, обсуждаются кандидатуры и т.д.¹⁵⁴ Однако, хотя формальных отличий и нет, в реальности существует понимание, что повторный конкурс является полной условностью. Его прохождение уже занимавшим должность кандидатом могут затруднить только изменения формальных требований или сильный конфликт на кафедре. В стремлении стимулировать публикации профессоров и тем самым улучшить свой облик в глазах министерства, некоторые вузы ввели периодические аттестации, но это не стало общей практикой и, в основном, не имело фатальных последствий, даже если требования предъявлялись суровые:

В: Есть ли какие-то аттестационные требования внутри [вашего вуза]? Ну вот как в Академии наук: главный научный сотрудник должен публиковать не менее семи статей в рецензированных изданиях за сколько-то лет...?

О: Есть, конечно. Мы отчитываемся каждый год, естественно, конечно.

В: А это именно для кафедры, или для каждого человека?

О: Каждого преподавателя. ...Две статьи научные, две методические и две публикации в учебных всякого рода в учебно-методических делах.

В: А если человек не дорабатывает?..

О: Ну, у нас издаются сборники профессорско-преподавательского состава, как всегда конференция, тем более, что я издаю по этим всегда конференциям сборники, и всегда, конечно, заставляю своих преподавателей туда включать что-то. Тем более, что есть Ковалевские чтения на факультете социологии, то есть возможностей публикации – вот так!

В: А если все-таки кому-то не хватает?

О: А это неизбрание на ученом совете. Можно не пройти на голосовании на ученом совете. Очередной конкурс. Тогда тебе скажут, ну, чего-то, брат, у тебя маловато этих статей. У нас такое было два года назад. Действительно, один доцент, *NN* такой, он не прошел по конкурсу и работал полгода по контракту. То бишь, его не взяли на доцента, и полгода... но потом он опубликовал то, что нужно, и нормально (муж., 1950-х г.р., д.н., профессор, Ист-сайт)

Если избежать потери позиции, в общем, просто, то улучшить ее несколько сложнее. Основной рецепт, впрочем, остается тем же. Главным шагом на пути к повышению через преобразование ставки или к переходу в другой университет на лучшую позицию является защита следующей диссертации. Простая статистика показывает, что, хотя уставы университетов и РАН предусматривают «в порядке исключения» возможность присвоения позиций людям без соответствующей степени, в реальности это случается

¹⁵⁴ В последнее время, существуют также бессрочные контракты, однако их подписание предполагает регулярные аттестации, причем аттестация может содержать требования, превышающие нормальные требования к поступающим на работу.

крайне редко. Редко случается и обратное – степени без должности. Мы¹⁵⁵ проанализировали данные об авторах двух с половиной тысяч тезисов, поданных на Конгресс 2008 года, и получили данные о следующих соотношениях степени и должности (Таблица 8).

Таблица 8. Распределение степеней среди обладателей преподавательских рангов, данные об участниках Третьего всероссийского социологического конгресса в 2008 году

	Степень			сумма
	нет	кандидат	доктор	
ассистент	9 42,9 %	12 57,1%	0 0%	21 100,0%
преподаватель	11 30,6%	24 66,7%	1 2,8%	36 100,0%
ст.преподаватель	7 14,9%	38 80,9%	2 4,3%	47 100,0%
доцент	0 0%	482 95,6%	22 4,4%	504 100,0%
профессор	0 0%	32 13,5%	205 86,5%	237 100,0%
	27 3,2%	588 69,6%	230 27,2%	845 100,0%

Хорошо видно, что доцент без кандидатской степени был исключен, а профессор без докторской (так называемый «холодный профессор») – возможен, но маловероятен.¹⁵⁶ Напротив, у кандидата был шанс застрять в старших преподавателях, а у доктора – в доцентах¹⁵⁷, но 90% тех и других в момент регистрации занимали свою законную должность.

Спрос на «остепененных», и стремление факультетского руководства подтолкнуть каждого созревшего преподавателя к защите – и в особенности к защите докторской – являются прямым следствием стратегий контроля, изобретаемых Министерством. Во-первых, доктора могут быть использованы для открытия новых программ – магистерских, аспирантур – и для создания диссертационных советов, позволяющих производить еще больше докторов. Во-вторых, доктора могут включаться в различные программы за пределами факультета, например, быть экспертами РГНФ и обеспечивать поддержку для остального факультета. Наконец – это важно и для кафедры, и для факультета – доктор выгоден потому, что оставляет другим больше «горловой» нагрузки. Кроме того, на

¹⁵⁵ В этой части исследования принимал участия Алексей Кнорре, благодарность которому хотели бы засвидетельствовать все авторы. Данные были взяты из тезисов Третьего всероссийского социологического конгресса октября 2008 года – крупнейшего по численности сборища социологов, проходившего на базе ВШЭ, ИС РАН и МГУ, и представлявшего, таким образом, все политические крылья отечественной социологической популяции. Конгресс проходил в Москве, однако на нем регистрировались участники со всей России, привлеченные перспективой публикации тезисов (те самые научные публикации), и московские участники составляли в итоге не более трети зарегистрированных участников. По всей видимости, эти данные – самое близкое к полной переписи российской социологии, что кто-либо может рассчитывать получить.

¹⁵⁶ Большинство таких случаев приходилось на Вест-сайдские институции, которые с присущим им отрицанием ранговых различий и благодаря своей сравнительной независимости от государства игнорировали обычные формальные требования. В Петербурге ЦНСИ начал официально именовать «научными сотрудниками» всех работающих в нем, от кандидатов до студентов, а ЕУСПб и филиал Вышки назначили профессорами не менее пяти кандидатов наук.

¹⁵⁷ Двое докторов указали, что они являются старшими преподавателями, оба в военно-технических университетах, и один – что он преподает в РГСУ (но это, возможно, было технической ошибкой при регистрации).

уровне факультета становятся важны и другие характеристики кандидатов, в той или иной степени связанные с диссертационным комплексом. Пожалуй, наиболее важной из них будет способность издавать «ваковский» журнал – наличие достаточно широкой сети, чтобы привлечь нужное число авторов (если их не может поставить сам факультет), а также знакомства в соответствующих инстанциях в Москве. В целом, факультет уже является сущностью, до каких-то пределов видимой и распознаваемой извне, и он может быть больше заинтересован в том, что можно назвать научной репутацией, хотя степень, чем бы она ни была заслужена, значит для него больше.¹⁵⁸

Вообще говоря, инстанции, руководящие университетом в целом, наиболее чувствительны к давлению внешней среды. Как мы видели выше, с 2006 года в связи с сильным ассимиляционистским поворотом министерства, это давление воплощается в рейтингах, учитывающих публикационную активность, особенно зарубежную, «интернационализацию» (привлечение зарубежных студентов и преподавателей), внешнее финансирование, особенно исследовательское, и тому подобные вещи. Однако, хотя высшие органы университетов в наибольшей степени заинтересованы в том, чтобы поддерживать найм космополитических сотрудников, известных за пределами университета, их ресурсы в большинстве отношений крайне ограничены. Во-первых, их представители не могут не думать о своих избирателях. Во-вторых, поскольку они находятся на наибольшей культурной дистанции от кандидатов, то их прямое вмешательство в дела кафедр – например, прямое назначение профессоров – было бы абсолютно нелегитимно. В-третьих, при универсальной распространенности практики приглашения кандидатов низовым руководством, этому руководству ничего не стоило бы заблокировать любую инициативу руководства центрального, просто перестав использовать свои связи для кадрового пополнения.

В целом, поэтому в университетах господствовал достаточно попустительский подход:

В 90% случаев – кафедра голосует единогласно при обсуждении кандидатуры. При голосовании на ученом совете факультета голосов против бывает больше, но никогда не дотягивает до 50%, при голосовании в университете – опять 90%, если со степенью все в порядке. Считается, что это внутреннее дело кафедры, вы избрали, вы и работайте. (муж., 1960-х г.р., д.н., профессор, Ист-сайд)

Даже известный своей решительностью ректор СПбГУ Кропачев не решался устранять деканов или ограничивать права избрания преподавателей.¹⁵⁹

В своем роде, высшее руководство университетов находилось в том же положении, что и Министерство. Оно могло принять формальные требования к занимающим должности. Такие требования, однако, почти неизбежно ограничиваются требованиями к «остепенности» – до нынешнего времени, только степени функционируют как более-менее конвенциональный символ интеллектуального ранга. Уже внедрение требований к числу публикаций было значительно проблематичнее, и почти ничего нельзя было сделать с качеством этих публикаций. В той мере, в какой у руководства вуза были для этого резервы, в этой области широко применялся только пряник в виде всевозможных надбавок, не кнут.

¹⁵⁸ Если бы авторам предложили выработать рекомендации по превращению российских университетов в подобие американских, нашим первым предложением было бы спустить все процедуры национального рейтингования на уровень факультетов, не университетов в целом. Факультет – это звено, на котором еще ощущается положение дел в дисциплине, но уже нет поглощенности сетью – см. об этом в Заключении.

¹⁵⁹ Поссорившиеся с ним деканы получали повестки в суд по обвинениям в финансовых злоупотреблениях, однако речь никогда не шла о прямом смещении. Отобрав у Ученого совета СПбГУ практически все права, Кропачев оставил в неприкосновенности возможность избирать деканов.

Университеты, бывшие на хорошем счету у министерства – что значило демонстрацию соответствия текущим легитимационным мифам и, предпочтительно, личное доверие со стороны высших чиновников – могли рассчитывать на поступления по всевозможным программам типа поддержки национальных исследовательских университетов или «5/100». Деньги поступали, в первую очередь, в распоряжение ректората, что изменяло баланс сил внутри вуза. Кроме того, условием программы «5/100» было изменение политической структуры, отменявшей выборность ректоров и вводившей внешний совет попечителей – Министерство знало, кто является его основным препятствием на пути к эффективному стимулированию профессорской публикационной активности. Появления этих средств позволяло ректору инвестировать их в стратегические инициативы или пытаться поддержать активность преподавателей, которая непосредственно влияла на рейтинг. Обычно это влияние принимало форму простой скупки иноязычных публикаций с помощью надбавок. В университете, дальше всего зашедшем в этом направлении – Высшей школе экономики – общий объем надбавок и распределяемых на уровне ректората грантов и контрактов превышал долю регулярных зарплат. Мы вернемся к ее рассмотрению позже, когда дойдем до Вест-сайдских институций, пока скажем лишь, что, в нынешнем состоянии, карающая рука Рособнадзора ощущается на уровне отдельного преподавателя и отдельного завкафедрой гораздо отчетливее, чем награждающая в отделанной перспективе рука всевозможных грантовых программ.¹⁶⁰ Если не брать отдельных анклавов, взятые в целом, усилия государства по обеспечению качества образования за счет усиления контроля привели к возрастанию всех видов внеучебной нагрузки и сделали академическую профессию скорее менее привлекательной для людей с исследовательскими амбициями, чем наоборот.

Почему, если степень столь важна, не все обзаводятся ею? Здесь нам придется вновь вернуться к предпочтению служебного или предпринимательского в разных академических культурах, и взглянуть на карьеру глазами того, кто ее делает. Условием гражданства в Ист-сайте, или мире университетской науки, является выполнение служебных по своей сути преподавательских обязанностей. Выполнение этих обязанностей измеряется часами прочитанных лекций и числом поставленных оценок. Сверх аудиторных часов – которые являются основной твердой валютой в этом мире – преподаватель может участвовать в разнообразных предприятиях, число и характер которых определяются позицией организации, к которой он принадлежит, а также его ресурсами и силами, которые у него остаются после выполнения основных преподавательских обязанностей.¹⁶¹ Так, совместная магистерская с западным университетом требуют не только самостоятельного знания иностранных языков, но и наличия коллег, способных читать лекции и вести переписку на них, компетентной и дружелюбной университетской бюрократии, готовой взять на себя дополнительные тяготы по делопроизводству, репутации вуза, делающей сотрудничество привлекательной перспективой для западного партнера и дающей возможность протолкнуть необходимые документы через УМО и т.д., и т.п. Ресурсы, которые задействованы в этой системе, слишком многочисленны, чтобы подвергнуть их какой-то классификации. Нас будет

---

¹⁶⁰ Разные формы контингентных награждений и наказаний обладают разной формой отчетливости, несводимой к эмоциям, которые они способны вызвать, состоявшись. Перспектива быть лишенным надбавок за несвоевременное предоставление УМК в следующем месяце очень отчетлива, перспектива получения премии через несколько лет – гораздо менее.

¹⁶¹ Многократно отмечался регрессивный характер преподавательских повинностей: больше всего падает на голову тех, кому они труднее всего даются – молодым преподавателям. В части вузов эта дискриминация закреплена официально в виде убывающей со статусом нагрузки, в других нагрузка выровнена, но младшие не распоряжаются тематикой собственных лекций или их положением в расписании, что заставляет их тратить очень много дополнительного времени.

интересовать не их типология, а разновидности индивидуальных карьер. Индивиды в этой системе различаются, во-первых, по тому, в какой степени они заинтересованы своей преподавательской деятельностью как средством изыскания доходов, и, во-вторых, по тому, в какой степени они ориентированы на служебную или предпринимательскую компоненту этой деятельности. Низкая заинтересованность в доходах в сочетании со служебной ориентацией создают знакомый тип преподавателя-домохозяйки, ходящей на работу, чтобы как-то разнообразить свои бытовые заботы. Низкая заинтересованность в доходах в сочетании с преподавательским устремлением дают джентльмена-социолога, живущего за счет игры на бирже или наследства и занимающегося наукой для развлечения; естественным образом, этот тип тяготеет к самым революционным интеллектуальным и институциональным предприятиям. Такие люди вписали немало страниц в учебники социологии (Макс Вебер), но в Петербурге мы находим от силы полтора соответствующих примера. Высокая заинтересованность и предпринимательская ориентация производят классического институционального строителя, постоянно затевающего какие-то коллективные проекты. Наконец, высокая заинтересованность и служебная ориентация дают нам пролетария преподавательского труда, читающего лекции в нескольких вузах одновременно. В ситуации этого типажа мы видим очевидный разрыв с советским опытом: поскольку никто не запрещает совместительство, естественным барьером для желающего прочитать все лекции на свете является только продолжительность рабочей недели (и, фактически, случаи чтения 15-18 лекций в неделю известны).

В Ист-сайте экономически заинтересованный и служебно-ориентированный тип явно преобладает. Внутри этого типа, однако, есть собственные крайний и умеренный полюса, и разница между ними проявляется в ситуации стратегического выбора. Преподаватель может в большей или меньшей степени ориентироваться на приобретение квалификаций, которые способствуют переходу на следующую ступень в иерархии позиций. Сам процесс приобретения этой квалификации, однако, занимает ощутимое время, в ходе которого доходы снижаются; на самом деле, в краткосрочной перспективе это подразумевает значительные расходы.

В: А сами как публикуетесь?

О: Сложно публикуюсь, со скрипом. С «ваковскими» публикациями сложно, сами понимаете. А они нужны. Для докторской нужны. Мне говорят: тебе 33 года, нужна докторская. Кандидатов наук – пруд пруди, как собак нерезаных. Работодатель при найме на работу будет свободно выбирать между разными кандидатами наук. А докторов мало, и они всем нужны. Причем все хотят получить готового доктора наук, и никто не хочет вкладываться в его докторскую. Не поможет устроиться в докторантуру, не поможет с отзывом, не поможет с монографией. Потому что монография – это целая проблема. Вы знаете, что нельзя опубликоваться абы где? В каком-нибудь непонятном издательстве. Есть список. Неофициальный. Это должно быть издательство “Прогресс”, или “Знание”, или “Наука”. И в них можно опубликоваться. Только заплатить за это нужно 250 тысяч. А мы бегаем по разным местам, собираем крошки на жизнь. (муж., 1970-х г.р., к.н., доцент, Ист-сайт)

Кандидатская, разумеется, обходится дешевле. На минимальном уровне, сюда входит типографские и почтовые расходы, стенографирование и стоимость фуршета – в общей сложности порядка 15000 рублей по ценам Петербурга 2013 года. Если защита происходит, однако, не в той организации, в которой работает диссертант и написана работа, то с него взимается специальный взнос на организационные расходы, проведение дописываний и тому подобное, что увеличивает взнос в четыре-пять раз, а если защита

происходит в другом городе, то сумма возрастает еще больше. Кроме того, существуют значительные затраты времени, которые не поддаются точной оценке. На основании собственного опыта и опыта окружающих, авторы склонны оценить расходы на написание текста диссертации и защиту после того, как соответствующее исследование проведено, литература прочитана, а статьи написаны примерно в примерно 100-120 чистых 10-часовых рабочих дней –.

В этом контексте возникает эффект «порочного круга бедности» – те, кто больше всех нуждается в деньгах сегодня, не могут позволить себе выгодных долговременных инвестиций, и остаются бедными завтра:

О: Поэтому, конечно же, что-то пытаюсь писать, попытка все-таки есть выйти только вот за рамки этого преподавательского поля, если честно. Но это как спрут, наверное, сейчас, это тебя полностью цепляет и всё.

В: А это захватило сразу или постепенно вы втягивались?

О: Постепенно. Люди понимали, что ты можешь. К тебе присматривались. А потом – это можешь – возьмешь еще. Еще можешь – а вот ещё! А вот ещё возьми. А отказаться не можешь, вот и всё.

В: То есть получается. Вы пришли не на ставку. Было меньше, да?

О: Было меньше, да. А потом больше, больше и больше. Возможно, это была отчасти моя инициатива, потому что мне хотелось больше денег. И я ещё не в полной мере понимал, достаточно молод был, 25-27. А сейчас я понимаю, что надо остановиться, вообще-то. Ну, это нельзя так. Потому что ты на каком-то этапе начинаешь нести чушь, ты начинаешь халтурить, и совесть-то не дает (смеется) жить спокойно, если честно. С этим надо что-то делать.

В: А есть ли свет в туннеле, как-то можно эту ситуацию переломить?

О: (Пауза 5 сек). Чертов Маркс со своим экономическим детерминизмом! Чертов Маркс! Не знаю, боюсь, что нет. Потому что кушать хочется три раза в день. Хочу вам сказать, что те 12 тысяч, которые доцент получает, я их трачу на еду. А нужно ещё ездить на работу, оплачивать телефон, квартиру, и как-то одеваться. Вот. Пока нет, к сожалению.

В: А перспективы?

О: Не знаю. Одна возможность есть, когда работаешь в этой сфере – это докторская диссертация. И нужно, видимо, стиснуть зубы и двигаться в этом направлении как-то. (муж., 1970-х г.р., к.н., доцент, Ист-сайд)

Кроме того, защита диссертации несет в себе оттенок предприятия, и те, кто стоит ближе всего к служебному полюсу, соглашаются на него неохотно. По сравнению с организованным трудом университетского преподавателя, написание статей и защита диссертации всегда несет в себе элемент авантюры, предпринимаемой на свой страх и риск, в ущерб возможности поддерживать постоянный нынешний доход и приносящую спокойное удовлетворение рутинную деятельность.

Кроме того, защита подразумевает мобилизацию навыков и связей, которых нормальная преподавательская работа не требует. Вообще говоря, преподавателю не приходится особенно много писать, а обычное Ист-сайдское понимание своей миссии не настаивает на необходимости что-то исследовать – только компилировать, синтезировать и выносить оценку. Жанровые конвенции диссертации, однако, подразумевают проведение эмпирического количественного исследования,¹⁶² требующего обычно

¹⁶² Шаблон автореферата представляет собой максимально одиозный пример принудительного изоморфизма (DiMaggio and Powell, 1983). Чтобы обеспечивать свою общенаучную легитимность, социологам приходится

привлечения дополнительных финансовых средств. Более того, прохождение сквозь лабиринт диссертационного комплекса невозможно без приведения в действие огромного клубка связей, которых просто нет у младшего преподавателя, если он никогда не выходит за пределы своей кафедры. Наконец, русская защита, благодаря наслаивающимся друг на друга рудиментам разновековых техник контроля и систематизации, представляет собой апофеоз бюрократического безумия с собиранием многочисленных подписей, заполнением мертворожденных форм¹⁶³ и произведением совершенно бессмысленных текстов. Для Вест-сайда, привязанному к пониманию себя как богемы, это испытание особенно тяжело, но и для Ист-сайда моральные издержки надо признать значительными.

Следует добавить, что сама по себе защита не гарантирует немедленного перехода на следующую ступень. Штатное расписание кафедры может быть заполнено и не подлежать быстрому пересмотру, и тогда со степенью будет получена лишь незначительная надбавка. В худшем случае, индивиду придется менять работу, чтобы получить место, на которое он теперь может претендовать.

Роль диссертаций в развитии российской науки приходится оценить двойственно. С одной стороны, как и в других случаях, системы гипертрофированного бюрократического контроля безошибочно порождают то зло, которое призваны победить: они увеличивают издержки все вовлеченных сторон настолько, что никто не возражает против их снижения любыми средствами. Диссертационный совет должен назначать оппонентов и ведущие организации, но с удовольствием перекладывает эту работу на плечи диссертанта – не потому, что поощряет кумовство, а потому, что так проще. Сетевая координация, позволяющая эффективно решать такие проблемы, превращается в неизбежность. В неизбежность превращаются также все сопутствующие ей обстоятельства, такие как высшая ценность лояльности сети. С другой стороны, как ни странно это должно прозвучать после сказанного выше, все сказанное не отрицает, а подчеркивает адекватность нынешней процедуры защиты. Наоборот, именно в том виде, в котором она существует, она является лучшим тестом профессиональной пригодности к существованию в российском академическом мире, во всяком случае, в его восточной версии. Для тех, кто одолел ее, все прочее будет знакомо и, главное, легко; в этом плане, она является абсолютно правомерным пропуском в высший академический класс.

Заканчивая с обсуждением защит, надо добавить, что защита может сознательно сдерживаться внешним окружением:

Она написала докторскую, хорошую докторскую, и не пропустила завкафедрой, боялась, что та займет ее место. Я разговаривал с [деканом], [декан] был “за”, у нас с ним хорошие отношения, но я понимаю – ну, что, он пойдёт против завкафедрой, зачем ему это надо? И тайно от всех, Татьяна защитилась опять же у [другого декана]... Ну давно утверждена, давно уже работает. (муж., 1930-х г.р., д.н., профессор, Ист-сайд)

Поскольку завкафедрой в Ист-сайте с большой вероятностью является научным руководителем и, вообще, основным патроном диссертанта, у него есть некоторые рычаги для сдерживания роста. С другой стороны, у ист-сайдского руководителя есть сильные

воспроизводить жанровые конвенции работы по техническим наукам (чего стоит один пункт «апробация», подразумевающая опытные образцы). В принципе, для текста, посвященного одному количественному проекту, эти конвенции являются не слишком ограничивающими (не более, чем похожие на них конвенции написания Стандартной количественной статьи), но для качественного (пункт «Гипотезы») или теоретического (пункт «Методы») исследования они уже более проблематичны. Наконец, в них практически невозможно вписать типичный образовательный текст, которые наиболее органичны для профессионального педагога.

¹⁶³ Некоторые из них остались от ранних, уцелевших с доинтернетной эры, попыток обеспечить эффективность каталогизации и поиска научной информации (копии, отправляемые на микрофильмирование в ЦИТИС).

личные стимулы к тому, чтобы защищать всех, кто оказался под его руководством. Способность производить остепененных «специалистов» – одна из формальных характеристик («под его руководством было защищено более 100 диссертаций»), выше всего ценимых в традиционном университете; кроме того, научное руководство финансово вознаграждается и, как мы видели, создает сети обязательств, которые можно использовать, например, на выборах.

На нашей выборке в 622 случая, мы попробовали оценить факторы, влияющие на скорость подъема по академической лестнице в Петербурге. Медианный возраст защиты кандидатской в нашей выборке был равен 30 годам, докторской – 44,5. Он несколько повышается, однако, если мы учитываем, что те, кто поздно защитится в младших когортах, просто еще не успели испортить общую статистику. С учетом этого фактора, медианный возраст защиты кандидатской составляет порядка 33 лет. Вопреки распространенному мнению, кажется, что он не снизился после исчезновения СССР – доля защитивших кандидатские диссертации до 33 во всех наблюдаемых нами поколениях (кроме, естественно, младшей, по которой еще нет полных данных) оставалась примерно одинаковой. Во всех поколениях, первая ступень одолевается довольно быстро – или не одолевается вовсе: во всех поколениях шансы защититься после 35 резко снижаются.¹⁶⁴ Докторские защиты распределены более равномерно, хотя и тут есть пик в районе 42-44 лет.

Мы разбили затем нашу выборку на представителей трех укрупненных рангов – высшего, среднего и низшего, или *A*, *B* и *C*. К рангу *A* мы отнесли профессоров в университетах, ведущих и главных научных сотрудников в Академии, а также завсекторами, завкафедрами, деканов, директоров институтов и первых замдиректоров (или замдиректоров по науке). Основным аргумент для этой группировки состоял в том, что во многих случаях мы имели лишь указания на нынешнюю позицию фигуранта, а, следуя советской традиции, тот часто обращался с завкафедрой или завсектором, как если бы те были следующими должностями, поглощающими профессорскую. На более широкой российской выборке мы видели, однако, что случаи, когда эти должности доставались людям, не прошедшим через профессорскую ступень, были крайне редки (см. далее). В петербургском случае, за пределами Вест-сайда имелся лишь один завкафедрой, который перескочил должность профессора (и во время, уже следующее за временем опроса, появился и.о. декана). Лишь в Вест-сайте имела место некоторая девальвация всех этих должностей, тем не менее, мы применили к нему аналогичную группировку. Кроме того, мы объединили научных сотрудников, младших научных сотрудников, старших преподавателей, преподавателей и ассистентов кафедр в ранг *C*, зарезервировав ранг *B* для старших научных сотрудников и доцентов – двух самых распространенных должностей. Средний возраст представителей разных рангов составлял 61, 48, и 41 год. Самому молодому высшему на тот момент было 36 лет, хотя прежде отмечались случаи вхождения в соответствующие должности в возрасте около 30 (все, однако, имели место в Вест-сайте).

Как и в американских исследованиях, мы можем констатировать, что скорость прохождения первых ранговых ступеней имеет значение для предсказания последующих – члены будущего ранга *A* защищают кандидатские раньше, чем те, кто не окажется в нем. Существует также сильная связь между возрастом защиты кандидатской и временем, проходящим между защитой кандидатской и докторской диссертаций (корреляция Пирсона около 0.5, $p < 0.000$) – чем быстрее защищалась одна, тем быстрее приходила другая, даже среди тех, кто одолел оба рубежа. Влияние гендера в нашей выборке

---

¹⁶⁴ Соотношение сохранится практически на том же уровне, если мы возьмем только ученых старше 50 или 60 лет. Во всех когортах незащитившиеся старше 35, видимо, ощущали, что им поздно делать этот шаг, принадлежащий академической молодости.

оказалось ограничено – в поколениях до 1950-х годов женщины были значимо менее расположены получать степени, но потом разница стерлась. Это нельзя однозначно интерпретировать как то, что женщины и мужчины имеют равные шансы получить степень – поскольку мы не знаем, сколько тех и других было изначально, и сколько представителей каждой гендерной группы отсеялось, – но специальной ниши для «неостепененных» женщин, которая, возможно, была в ранних поколениях, определенно больше не существует. Места вечных лаборанток были заняты давно, и с тех пор новые не открывались. Интересно, что среди тех, кто вообще обзавелся степенью, не наблюдается никакой корреляции между возрастом ее получения и полом получателя – те женщины, которые вообще получают степень, делают это не позже, чем мужчины.

Несмотря на эти препятствия, наш анализ показал, что вероятность получить степень вообще и вероятность получить ее рано существенно выше для сотрудников образовательных учреждений, чем для сотрудников исследовательских учреждений, особенно негосударственных. Лучшие результаты показывает Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов (ФинЭк), который, видимо, вообще действует как образцовая диссертационная машина. Дело, видимо не столько в наличии совета (показатели для петербургской ВШЭ, в которой нет совета, оказались ненамного ниже) сколько в регулярности столкновения с важностью степени и с органичностью ее присутствия в личных карьерных перспективах. Преподаватели живут с постоянным ощущением зависимости их заработков от наличия степени, и испытывают давление руководства, для которого «неостепененный» сотрудник представляет собой проблему. В розовых снах юного обитателя Вест-сайда будущее выглядит как серия выдающих текстов, приносящих ему все более широкое признание. В розовых Ист-сайдских снах, оно выглядит скорее как серия преодолений институциональных рубежей – доцентство, профессорство, заведование кафедрой и, возможно, руководство факультетом.

Насколько уровень амбиций и ступень их реализации зависит от стартовой точки академической траектории? За единственным исключением, нет однозначной связи между выпуском из какого-либо учебного заведения или завершением какого-либо факультета и степенью. Этим исключением является ощутимо большая вероятность для выпускников философии ЛГУ защитить докторскую. Среди 65 докторов, чье *alma mater* известна, 33 закончили философию, а еще пятеро учились там в аспирантуре. Половина всех закончивших философский факультет защитила докторские на момент исследования. Более половины его выпускников (54%) оказались в нашем ранге А, и 29% этого ранга состоят из них (только 6% низшего ранга С). Они составляют также 8 из 26 человек высшего административного ранга. Это отчасти является эффектом возраста (выпускники философского факультета, как мы видели, старше), но, даже учтя его, мы получим самостоятельное влияние учебного заведения, значимое на уровне 0.05. Мы не можем на основании этих данных, разумеется, делать какие-то выводы о причинности – сыграть свою роль могло как то, что доминирующий вуз получал самых талантливых и амбициозных студентов, так и то, что его выпускники находятся в сетевой близости к статусным машинам. Так или иначе, в локальном высшем классе сегодня продолжают доминировать выпускники философского факультета ЛГУ.

Помимо роста внутри организации, академическая карьера подразумевает другую возможность – перемещение между организациями. Горизонтальное перемещение между организациями А и Б может сопровождаться уходом из организации А – тогда имеет место переход – и совмещением позиций в обеих организациях – тогда имеет место ветвление. В Советском Союзе ветвление сдерживалось как проявление «рвачества», но после его исчезновения все стало дозволено. Переход или ветвление часто сопровождаются вертикальным повышением – когда профессора переманивают на заведование кафедрой. Особенно частой является такая форма мобильности

применительно к вузам более высокого и более низкого статуса – как когда доцент из американского университета высшей лиги переходит на профессорство в университет первой лиги. Анализируя перемещения между организациями, можно понять, как примерно выглядит иерархия вузов. В нашей петербургской выборке, мы, например, обнаруживаем, что переход из СПбГУ на позицию того же ранга крайне маловероятен. Такое наблюдалось лишь однажды, и мы допускаем, в действительности является результатом какой-то ошибки в данных. Для сотрудников СПбГУ самой обычной стратегией является ветвление. Они совмещают работу в «главном вузе» с работой где-то еще на позиции того же уровня или выше.¹⁶⁵ Из интервью со студентами непрестижных вузов, становится понятно, почему те хотят их заполучить. Студенты часто спонтанно доказывают, что не все так плохо с их alma mater, аргументируя, что там «*есть преподы из ПГУ*»; некоторые университеты даже размещают такую информацию в качестве рекламы на сайте. Это, видимо, является аналогом системы обменов докторантами, описанным в американской главе – просто здесь наблюдается не перемещение, а совместительство. Отметим попутно, что факультеты в вузах, занимающих нижние строки в рейтинге, часто пытаются в той или иной форме обеспечить эксплицитный патронаж стоящих выше:

в плане учебных курсов, которые читаются [в СПбГУ] и читаются здесь социологам отличий нет, потому что я знаю, что эта кафедра молодая, и ориентировалась именно на факультет социологии СПбГУ, когда открывалась... Руководитель, который задумывал, когда открывал эту кафедру, когда составляли учебный план, руководитель, он сотрудничал с факультетом социологии. (жен., 1970-х г.р., к.н., доцент, Ист-сайд)

В целом, процессы, сопровождающие выстраивание иерархии российских университетов, не столь уж непохожи на процессы, сопровождающие выстраивание американской иерархии.

Лишь менее трети случаев в нашей выборке демонстрировало линейный паттерн с исключительно вертикальной мобильностью – сотрудник одной организации, растущий в ней вверх, и не глядящий на сторону.¹⁶⁶ Ветвление, однако, начинается не сразу. Высшие ранги работают в значительно большем числе мест, чем низшие. В нашем исследовании 2009 года была собрана информация о 576 текущих местах работы 428 индивидов.¹⁶⁷ В среднем, это давало 1,35 мест работы на человека. Таблица 9 показывает, как места работы распределяются среди представителей разных групп по «остепененности».

Таблица 9. Число мест работы, по интеллектуальным рангам, для выборки петербургских социологов

	всего текущих мест работы	всего
--	---------------------------	-------

¹⁶⁵ Причем позиция в другом вузе может использоваться как рычаг, обеспечивающий роста в СПбГУ – не в характерном для германского или американского случая смысле торговли «продвижение или уход», а в несколько ином, более бюрократическом. Старший преподаватель, которого не продвинули в СПбГУ, может получить должности и, со временем, звание доцента в другом вузе, а это, в соответствии с иерархическими традициями, заставляет повысить его и в СПбГУ. Тем не менее, «главным» нанимателем – тем, в котором у преподавателя лежит символически важная трудовая книжка – остается СПбГУ.

¹⁶⁶ И такие линейных биографии не встречаются за пределами трех больших факультетов – СПбГУ, ФинЭка и Герцена. Подъем по всем ступеням возможен только там, где есть ступени. По всей видимости, чрезвычайно сложно вырасти в отсутствие диссертационной машины и аспирантуры.

¹⁶⁷ Не во всех случаях информация относилась к 2009 году. Мы пользовались самыми поздними на тот момент данными, которые позволяли зафиксировать набор позиций, одновременно занимаемых индивидом, включая данные СиВи и персональные страниц. Кроме того, мы не считали внутренние совместительства – декан, завкафедрой и профессор, читающий лекции на другом факультете, в нашей кодировки был сотрудником одной организации. Исключением был НИИКСИ, который мы считали отдельно от остального СПбГУ.

		1	2	3	4	
степень	нет	102 83,6%	19 15,6%	0 0,0%	1 ,8%	122 100,0%
	кандидат	138 68,0%	52 25,6%	13 6,4%	0 ,0%	203 100,0%
	доктор	72 69,9%	19 18,4%	7 6,8%	5 4,9%	103 100,0%
		312 72,9%	90 21,0%	20 4,7%	6 1,4%	428 100,0%

Преподаватель-пролетарий без степени, читающий во множестве мест – скорее миф, чем реальность. Низший академический ранг сидит на месте или работает вне академического мира. Востребованы только люди, уже занявшие какое-то место под академическим солнцем – поскольку на них можно полагаться и поскольку они обладают формальными квалификациями, представляющими ценность. В этом смысле, похоже, что сокращение количества преподавательских часов в одном учреждении при получении профессорской должности обычно сопровождается увеличением числа учреждений, с которыми индивид сотрудничает. Косвенным следствием регулярного совмещения нескольких работ является то, что географическая мобильность ученых в России очень низка и ограничена, как правило, очень молодыми людьми, которые легче переносят житейские тяготы и могут опереться на поддержку семей. Получение новой работы в другом городе недостаточно, для того чтобы перебраться в него с учетом огромных цен на жилье, а получение сразу нескольких новых работ в высшей степени маловероятно. По иронии судьбы, этот эффект сильнее всего затрагивает как раз тех, кто обладает необходимыми атрибутами, чтобы получить приглашение еще куда-то – представителей высшего академического класса.

Как уже упоминалось, хотя только один из критериев включения в нашу выборку 2009 года был непосредственно географическим – работа в одной из петербургских социологических организаций – из наших 622 случаев подавляющее большинство постоянно жило в Петербурге. Более того, большинство также учились в нем – из 425 человек, место получения высшего образования которых было нам известно, 364 (86%) окончили университет в Петербурге.¹⁶⁸ Из 209, о чьем месте обучения в аспирантуре мы знали, 192 (92%) учились также в Петербурге.¹⁶⁹ Те три десятка случаев, которые, как мы знали, базируются вне Петербурга, с трудом поддавались систематизации. Пять или шесть человек из них были недавними докторантами СПбГУ или как-то иначе представляли региональные центры, окормлявшиеся одним из главных вузов страны. Семь или восемь эмигрировали в Европу или США (например, Александр Эткинд – в Кембридж, или Альфред Сарно – в Тампере, а также двое из пяти авторов этой книги); еще несколько находились на длительных стажировках с непонятной перспективой возвращения. Двое начали карьеру за пределами России, но затем нашли частичную занятость в ней (в последующие годы эта группа сильно выросла – см. далее). Четыре или пять переехали в Москву.¹⁷⁰ Мы зафиксировали только один случай переезда «взрослого» социолога, чья профессиональная карьера в основном прошла в Петербурге, в другой российский регион (Сергей Дамберг – в Псков). Эпизоды работы за пределами Москвы и Петербурга

¹⁶⁸ Надо отметить, однако, что среди 251 опрошенного нами, только 52% окончили среднюю школу в Петербурге. Поступление в вуз является единственным моментом в академической биографии, когда миграция не только возможна, но и вероятна.

¹⁶⁹ И 16 из этих 17 закончили аспирантуру в Москве.

¹⁷⁰ В Москву переехала значительно большая часть ленинградских социологов – Г.М. Андреева, А.Г. Здравомыслов, И.С. Кон, О.И. Шкаратан, В.А. Ядов – однако, за исключением Ядова, они практически никак не присутствовали в локальной социологической жизни прошлого десятилетия, и поэтому не попали в нашу выборку.

нашлись в биографиях 27 человек, однако в значительном большинстве это были или результаты еще советского распределения в провинциальные вузы, из которых сосланные стремились как можно скорее вернуться (советский вариант возвращения с целью «умереть в Париже»), или лекционные турне, поддержанные западными донорами, желавшими проникновения в регионы (например, поездки в рамках программы Карнеги). Наконец, примерно десяток человек из обнаруженных нами в 2009 году переехали в Петербург, начав социологическую карьеру за его пределами; самыми заметными среди них были члены «сыктывкарской бригады». Хотя наша информация могла быть неполной в каких-то случаях, тем не менее, не будет большой смелостью заключить, что профессиональная жизнь по меньшей мере 90% людей, отнесенных нам к «петербургской социологии», полностью прошла в Петербурге.¹⁷¹

Как встречаются спрос и предложение на рынке академического труда в России? В западных случаях отношения между покупателем и продавцом на нем похоже на отношения между сельскими жителями и коробейниками, в чьи двери эти коробейники стучатся – претенденты на должность, стучащиеся в двери всех факультетов подряд. В России мы имеем дело с чем-то похожим, с той разницей, что коробейники прогуливаются по улицам, стараясь ненавязчиво привлечь к себе внимание, а покупатели незаметно рассматривают их из-за занавесок, чтобы, остановив на ком-то выбор, шепотом позвать его к себе. Право инициировать взаимодействие и риск выслушать отказ принадлежат продавцу.¹⁷²

Любой институт, обеспечивающий контакты между учеными, скрыто является институтом саморекламы для одной стороны, и сбора информации – для другой. Вспомнив, о чем должен заботиться Ист-сайдский рекрутер, мы можем понять, какие институты служат его целям в первую очередь. Ему нужна информация о формальной проходимости кандидатуры – прежде всего, о степени. К счастью, добыть ее не составляет никакого труда. Кроме того, ему нужны сведения о педагогических способностях потенциального сотрудника и о его способности делать административную работу. Эта информация обычно спрятана гораздо лучше, и если сетей, по которым ее можно получить, нет, то приходится идти путем наблюдения. Оптимальной ситуацией для таких наблюдений являются, с одной стороны, конференции, с другой – работа во всевозможных аттестационных органах, от Государственных аттестационных комиссий (ГАК) до диссоветов. Конференция позволяет оценить способности к преподаванию. Так раздражающая Вест-сайдскую публику Ист-сайдская манера задиктовывать доклад в действительности может иметь глубокий смысл, прямо показывая потенциальному покупателю товар лицом, а заодно демонстрируя глубокую общность культурных ориентаций. Еще более важна, чем роль докладчика, однако, роль организатора конференции. Она позволяет оценить административные навыки, расторопность, способность к соблюдению декорума и все остальное, что Ист-сайд особенно ценит. Аналогично, аттестационные комиссии, в составе которых преподаватели разных вузов сидят вместе, позволяют им оценить способность к профессорскому суждению и навыки делопроизводителя. Достаточно часто истории о попадании на работу начнутся с «Х присмотрел меня на конференции» или «У был у нас в ГАК, мы разговорились, она пригласила потом меня к себе на семинар и в итоге позвала на работу».

В роли конференций как рынка рабочей силы нет ничего специфически российского. Если в случае с американской социологией, например, они еще имеют второстепенный

¹⁷¹ В этом смысле, петербургская социология вполне соответствовала определению «локального сообщества» из классических *community studies* – в ней можно было провести всю жизнь, ни разу не соприкоснувшись с посторонними.

¹⁷² Мы вернемся в Заключении к вопросу о том, почему это так. Кажется, что одной из дополнительных причин является гипертрофированная российская тревожность продавца по поводу возможности отвержения.

характер, то ежегодные конвенции Американской экономической ассоциации, неофициально известные как *cattle* или даже *slave market*, однозначно рассматриваются как основной способ отрекламировать себя на глазах возможного покупателя до того, как отправлять досье на соответствующий факультет. Некоторая специфика, пожалуй, состоит в том, что на российской конференции существенно менее важно, что именно говорится, по сравнению с тем, как, и точно существенно менее важны исследовательские результаты, претендующие на оригинальность. Характерным образом, статьи и прочие научные публикации никогда не функционируют как реклама на Ист-сайдском рынке. Мы задавали несколько раз вопрос о том, могут ли Ист-сайдские администраторы представить себе ситуацию, при которой они постараются привлечь нового сотрудника, основываясь на качестве его статей – и каждый раз встречались с некоторым непониманием.

Мы подходим здесь к вопросу, который зримо или незримо присутствует в любом исследовании научной коммуникации: в какой мере интеллектуальный успех является необходимым и достаточным условием карьерного успеха? Ученый параллельно живет в двух мирах – генерирующем доходы мире экономического поведения и генерирующем признание и известность мире профессиональной коммуникации. В некоторых точках эти миры пересекаются. Например, очень крупный исследовательский грант, выданный после рассмотрения проекта экспертным жюри, или приглашение прочитать лекции с гонораром генерируют и доход, и признание. Но только самым удачливым никогда не приходится выбирать между первым и вторым. Выбор отчасти диктуется личными склонностями, отчасти – внешними обстоятельствами. В целом, однако, в Ист-сайте для тех, кто, эпизодически или постоянно, смотрит на академический мир лишь как на источник дохода, масштабные инвестиции в известность за пределами своего факультета и нескольких других факультетов в своем городе не оправдывают себя. Разумеется, лишь очень немногие социологи вообще лишены почтения к дисциплинарным героям, но этих героев скорее обожают на расстоянии, чем заманивают на работу или пытаются вырастить в своей среде¹⁷³, а даже заманив – вряд ли могут предоставить им особенно существенные преимущества.

Не оправдывает себя и попытка обзавестись какими-то символами, которые будут считаны как знак профессионального признания, помимо присутствующих в формальных государственных требованиях. Разумеется, все осведомлены о том, что диссертационные советы в разной степени требовательны, что не все журналы печатают статьи одинакового среднего качества и что разные издательства предполагают разное число читателей монографии, однако эта информация вряд ли повлияет на шансы кандидата на рынке труда. В российском контексте, роль сигналов вроде степени состоит не в том, чтобы сообщить что-то непосредственно берущей на работу стороне. Она и так черпает кандидатов из личных наблюдений или в социальных сетях, которые поставляют всю релевантную информацию (тем более, что как раз наиболее релевантной информации символы интеллектуального успеха не дают). Задача сигналов состоит в том, чтобы рационализировать уже сделанный выбор, оправдав его в глазах вышестоящей инстанции. Чиновники, разумеется, также знают или могут догадаться о том, что предъявленная им поверхность является отчасти бутафорской. Однако они не могут оправдать эту догадку какими-то легитимными основаниями, которые не навлекут на них самих проблем. Соответственно, экономически рациональной стратегией является приобретение символов, позволяющих пройти проверку, с минимальными временными и экономическими затратами. Общее ощущение, что государство уже десятилетия не выполняет своего социального контракта, много способствует этому.

Являются ли самые плодовитые или самые цитируемые авторы одновременно самыми успешными в продвижении по лестнице академических рангов? Попытке

---

¹⁷³ Тем более, что большинство вузов знают, что эта задача безнадежна.

ответить на этот вопрос посвящено гораздо больше исследований, чем можно было бы ожидать, глядя на него в такой форме, поскольку под его поверхностью скрывается другой – справедлив ли академический мир (см. обзор соответствующей литературы в американской главе)? Традиционно в таких исследованиях, ранг и место работы являются лучшим индикатором успешности академической карьеры, публикации и цитирования – лучшими доступными эмпирическими индикаторами мотивации и влияния. Вопрос об их связи превращается в вопрос о том, получают ли наибольшее экономическое и церемониальное вознаграждение наиболее мотивированные и оригинальные.

Мы провели соответствующие замеры на петербургской выборке (цифры приводятся для всех частей сети, без выделения сегментов, однако надо помнить, что, количественно, Ист-сайд безусловно преобладает). Таблица 10 содержит непараметрические корреляции Спирмена между (а) академическим рангом, (б) числом выступлений, которые встречались в программах примерно 50 проанализированных нами публичных событий и (в) статей, опубликованных в 5 журналах, а также (г) цитирований в пяти избранных журналах и (д) количеством сделанных индивидом приглашений – мерой его сетевой центральности.

Таблица 10. Связь между рангом, сетевой центральностью и мерами интеллектуального успеха

	Ранг	Число сделанных докладов	Число статей в 5 журналах	Число цитирований	Всего предложений работы, опубликоваться и выступить
Ранг	1,000 . . 236	,208** ,002 223	,271** ,000 223	,356** ,000 126	,584** ,000 126
Число сделанных докладов	,208** ,002 223	1,000 . . 316	,395** ,000 316	,474** ,000 129	,502** ,000 129
Число статей в 5 журналах	,271** ,000 223	,395** ,000 316	1,000 . . 316	,377** ,000 129	,534** ,000 129
Цитирований	,356** ,000 126	,474** ,000 129	,377** ,000 129	1,000 . . 140	,514** ,000 140
Всего предложений работы, опубликоваться и выступить	,584** ,000 126	,502** ,000 129	,534** ,000 129	,514** ,000 140	1,000 . . 140

Мы видим существование связи между рангом и числом публичных появлений и цитирований, однако связь между сетевой центральностью, измеренной числом сделанных приглашений, и всеми видами публичных появлений, оказывается существенно сильнее. Наша группа сетевых лидеров одновременно концентрирует в себе и интеллектуальных лидеров. Они, кроме того, в основном – хотя не без исключений – принадлежат к высшему рангу. Значительное большинство поднявшихся в этот ранг, однако, не обладают никакой известностью.

Таблица 11 проясняет положение дальше: она показывает, какая доля статей, докладов и цитирований приходится на каждую группу внутри Ист-сайда.

Таблица 11. Распределение видов публичной активности среди представителей академических рангов

Ранговая принадлежность	число сделанных докладов	число статей в 5 журналах	цитирований
Ранг А (N=88, 37,3%)	209 52,0%	317 49,1%	73 76,8%
Ранг В (N=85, 36%)	148 36,8%	224 34,7%	12 12,6%
Ранг С (N=63, 26.7%)	45 11,1%	104 16,4%	10 10,5%
	402 100,0%	645 100,0%	95 100,0%

В общем и целом, кажется, что, хотя среди обладателей высшего ранга и встречаются люди, публикующиеся и цитируемые мало, он в целом оправдывает ожидания. В крайне незначительном массиве ссылок на петербургских социологов, который мы нашли – 231 штука – половина приходилась всего на 16 человек и 14 из них относились по нашим критериям к высшему рангу. Лишь двое из них принадлежали, однако, к Ист-сайдской сети. Но интерпретируя эти результаты, надо держать в уме общий малый объем цитирований, которые удалось извлечь из нашей выборки журналов. Уже после того, как эта часть исследования была завершена, РИНЦ пришел в состояние, в котором с ним стало возможно работать. В результате, мы получили оценки по общенациональным цитированиям с задержкой на четыре года. Тем не менее, несмотря на временной сдвиг и на свою малочисленность, в целом два списка дают нам много совпадений. Изменился лишь порядок авторов¹⁷⁴: Гишинский (1066), Елисеева (864 – но надо иметь в виду, что учитывалась только социология), Иванов (585), Волков (440), Темкина (423), Голод (403), Ильин (351¹⁷⁵), Здравомыслова (315), Хархордин (237), Бороноев (200), Тихонов (197), Русинова (180), Смирнов (157). Лучше, чем внутри города, были представлены Вест-сайдские звезды, не обращающиеся к локальным журналам, и, в целом, более известные во внешнем мире (см. далее).

Наличие связи еще ничего не говорит о каузальности. Одна из альтернативных гипотез может состоять в том, что боссы, принадлежащие к высшему классу, просто получают приглашения опубликоваться и цитирования от тех, кто от них зависим, и кто таким образом отдаривает их за оказанную благосклонность. Как было показано, однако, в одной из наших предыдущих работ (Сафонова, 2012), мы находим лишь очень небольшой уровень возврата цитирований – те, кто получает приглашения на работу от X, цитируют его лишь немногим чаще, чем можно было бы ожидать на уровне совершенно случайного распределения (коэффициент связи Жаккарда между сетями значим, но лишь на уровне 0.05). Это оставляет нас, однако, с большим числом других альтернативных гипотез. Публикации и цитирования могут быть результатом, не причиной, подъема в высший класс. Люди, ставшие докторами и профессорами, могут чувствовать, что их положение обязывает их публиковаться и выступать, а, кроме того, дополнительное освободившееся время позволяет им делать это. Что может быть не менее важно, редакции могут относиться к их статьям лояльнее, а читатели – с немного большим

¹⁷⁴ Подробно процедура описана в одной из публикаций (Кнорре и Соколов, 2013). Учитывались привязанные цитирования плюс все непривязанные цитирования, попадающие в категорию «социология».

¹⁷⁵ В случае с Ильиным и Здравомысловой, были вероятны большие ошибки. Оценить цитирования Виктора Воронкова не удалось.

интересом, чем к статьям всех прочих. За исключением лояльности журналов, ситуация здесь примерно аналогична той, которую мы видели на примере подъема в высший слой американских университетов.

Кажется, однако, что достижение определенного уровня национальной известности все же подразумевает почти автоматическую кооптацию в высший ранг. Те, кто умудряются прославиться, получают от остальных регулярные намеки на то, что они «созрели» для приобретения докторской степени (если они не успели еще ее приобрести) и мягкие, но решительные подталкивания в спину. В Ист-сайде мы не находим тех, кто долго и успешно сопротивлялся бы этому давлению, хотя зафиксированные там рекордные 19 журнальных статей принадлежат доценту, а не профессору. И тем не менее, профессорство – это, видимо, абсолютный потолок того, что можно получить за счет известности, и известность может быть не единственным и не самым лучшим способом получить все это. Дальнейший рост, который видит обитатель Ист-сайда, представляет собой рост в совершенно другом направлении.

В советской академической иерархии собственно академические и административные карьеры на определенном уровне срастались друг с другом. Низшие административные и низшие академические должности существовали отдельно, (например, секретари и ассистенты кафедр¹⁷⁶), но естественной перспективой академического роста для профессора считалось стать заведующим кафедрой – должность, принадлежащая уже одновременно обеим иерархиям. Должности профильного замдекана или ученого секретаря института допускали некоторые послабления в интеллектуальных требованиях к людям, исполняющим ключевые административные функции, однако в целом, послание было вполне однозначным.

Происхождение этой системы объяснимо. Она обеспечивает дополнительный контур политического контроля профессоров над университетами и институтами, и, в этом смысле, его автономию от поползновений государственных бюрократов. Возможность или невозможность избирания высшего академического руководства не из рядов ученого сословия – один из центральных вопросов в любой академической политике.

Следующая Таблица (Табл. 12) позволяют оценить на основании нашей выборки участников Конгресса, какими должностями обладают люди, занимающие основные вузовские административные должности. Ни на одной из должностей от замдекана и выше мы не находим людей без степени; академическое сословие вполне эффективно контролирует доступ к позициям, сопряженным с контролем над ним. Выше определенного уровня, однако, наступает развилка. Ожидаемо, функциональный аппарат деканов и ректоров в наибольшей степени был подвержен проникновению людей лишь с низшей кандидатской степенью, однако ректор или директор филиала также могут оказаться таковыми. Характерно, что наибольшую концентрацию докторов мы находим в рядах завкафедрами.

Таблица 12. Степени занимающих основные должности в вузовской системе

	степень		
	кандидат	доктор	
завкафедрой	51	143	194

¹⁷⁶ Хотя, фактически, эти должности часто совмещались. Кроме того, в ситуации кризиса, секретарем, методистом или инженером кафедры становились те, на кого не хватало преподавательских ставок, но кто рассчитывал получить их в будущем, так что, де факто, позиция методиста предшествовала позиции преподавателя. Апофеоз отчаяния декана гуманитарного факультета перед лицом сокращения бюджетных студенческих мест и, соответственно, ставок, передает фраза «*Да у меня кандидаты наук в инженерах второй год сидят!*» В отдельных случаях, мы находим людей, которые несколько лет проводили на низших административных позициях, активно ища в это время другую работу, затем смирились с невозможностью ее получить, и начинали делать академическую карьеру.

	26,3%	73,7%	100,0%
замдекана	4 80,0%	1 20,0%	5 100,0%
проректор	10 41,7%	14 58,3%	24 100,0%
декан, директор института вуза	10 37,0%	17 63,0%	27 100,0%
ректор, директор филиала	4 40,0%	6 60,0%	10 100,0%
всего	79 30,4%	181 69,6%	260 100,0%

У свободы избирать свое начальство из собственных рядов есть и темная сторона – риск столкнуться с дефицитом управленческих кадров минимальной компетентности или необходимость ослаблять интеллектуальные требования к способным управленцам, что неизбежно подразумевает угрозу де-легитимации. Развилка отчасти позволяла обойти эту сложность (администраторы получали кандидатскую и шли в замдеканы или проректоры, а настоящие ученые – докторскую, и шли в завкафедрой) но не позволяла, даже в теории, избавиться от нее целиком (кем должен быть ректор или декан?). Так или иначе, задача подыскивать и воспитывать себе руководство стояла перед каждым коллективом; в противном случае, он всегда рисковал оказаться лицом к лицу с варягом.

В этом свете административный потенциал начинающего преподавателя не мог не рассматриваться как один из факторов, говорящих в его пользу его продвижения. Подражая советам, которые даются в других главах, надо сказать, что академический карьерист в России не должен упускать ни одного случая показать свои организаторские навыки. Раньше для этих целей служили профком и комсомольская ячейка. С исчезновением комсомола и закатом профкома образовался вакуум, который лишь отчасти заполнили КВН, декоративные структуры студенческого самоуправления, студенческие научные общества и молодежные версии «Единой России».¹⁷⁷ В настоящее время, вероятно, наибольшую отдачу дают студенческие конференции, достоинством которых являлось то, что они, во-первых, позволяют продемонстрировать умение решать большинство возникающих перед руководством любого уровня задач, во-вторых, положительно отражаются на публичном «лице» факультета, чем заслуживают своим организаторам особую благодарность начальства.

Тем, кто в значительной мере ставит на административную составляющую своей карьеры, следует иметь в виду несколько вещей. Особенность системы состоит в том, что она возлагает на них тройные нагрузки: они должны справляться с обычными преподавательскими обязанностями, они должны быть защищены (предпочтительнее, дважды) и поддерживать видимость¹⁷⁸ научной работы, они должны пройти школу администратора и дойти до более-менее высоких ступеней в ней. Продвижение в заведующие кафедрой и деканы требует принятия на себя на более раннем этапе дополнительных обязанностей в виде вспомогательных позиций, вроде заместителя

¹⁷⁷ Последние, кроме всего прочего, сталкивались с тем, что «Единая Россия» никогда не была особенно популярна в академической среде. Лишь в вузах, ректорат которого занял ясную позицию в пользу «партии власти», участие в ее молодежных проектах могло иметь карьерный смысл.

¹⁷⁸ Под «поддерживать видимость научной работы» мы имеем в виду то, что эти слова буквально значат: должны быть зримые доказательства, в существующем контексте административной релевантности служащие доказательствами того, что они ей занимаются. У «поддерживать видимость» есть оттенок фальшивости, который здесь вовсе не подразумевается. Если имеющие свидетельства доказывают что-то наблюдателям на самом деле (в смысле, убеждают их до самой глубины их сердца, а не просто отнимают возможность придаться), это, несомненно, является дополнительным преимуществом, хотя и незначительным.

заведующего кафедрой и секретаря диссертационного совета, которые не оплачиваются ничем (или практически ничем), кроме навыков, делающих индивида пригодным для занятия следующей ступени.

Набор стандартных знаний и умений, вроде того, как составить служебную записку и кому ее отнести, а также отсутствие патологической фобии по отношению к бюрократической работе являются важным условием административного продвижения. На низших уровнях они, видимо, являются самым важным. На высших их значимость постепенно сокращается. Крупный администратор по характеру своей занятости решает задачи, являющиеся политическими, не административными. Он должен выстраивать на разных уровнях коалиции, которые могут обеспечить продвижение интересов его электората.

Рассмотрим как пример типичной задачи, которую приходится решать администратору от уровня завкафедрой и выше, открытие новой магистерской специальности и набора студентов на нее в условиях второй половины 2000-х годов. Прежде всего, задача оказывается более или менее сложной в зависимости от того, есть ли уже такие магистерские. Как показывает история советской социологии, задача институционализации новой дисциплины – дело всей жизни для сплоченной и сильной академической сети. Задача институционализации субдисциплинарной области (например, криминологии) проще, но также за пределами возможностей подавляющего большинства индивидов, поскольку требует большой подготовительной работы – издания учебников, разработки типовых программ курсов и т.д.¹⁷⁹

Представим себе, однако, что субдисциплинарный профиль уже где-то есть, и, кроме того, вуз уже имеет аккредитацию (что является основной ответственностью ректората). Далее задача состоит в том, чтобы (а) добиться согласия других игроков на открытие программы внутри вуза; (б) добиться согласия УМО на выдачу лицензии; (в) добиться выделения Минобрнауки бюджетных мест; (г) добиться сохранения этих мест на уровне вуза, а также получить от Ученого совета согласие на открытие в дополнение к ним мест «внебюджетных».

Каждый из этих шагов требует значительных политических усилий:

В: Возвращаясь к нашей прежней теме, как открываются новые магистерские?

О: Имеет значение факультет – его больший или меньший вес – и имеет значение активность декана. Иногда все решает индивидуальная энергия – кто кого поймал в коридоре – тот и решил вопрос. Но обычно магистерские открываются по принципу “мы вам, а вы нам”. Например, антропология появилась на факультете социологии к неудовольствию этнографов с истфака и философских антропологов с философского. За согласие с ее открытием социологи не возражали, когда философы открыли у себя политологию и конфликтологию, хотя могли бы на них тоже претендовать. Иногда договор не получается – факультет не смог открыть у себя социологию рынков, поскольку стала возражать

¹⁷⁹ Те, кто решает такие задачи, воспринимаются как законные хозяева всего направления. В сущности, в Ист-сайте есть два способа стать признанным вождем – возглавить факультет, который занимает важное место в национальной иерархии, или начать ассоциироваться с одним из направлений, которые закреплены в Госстандарте. Создание этого направления автоматически устанавливает подобную ассоциацию, однако после того, как отцы-основатели сходят со сцены, возможно подхватывание выпадающих из рук старшего поколения знамен. Самый очевидный пример – переход позиции «главного по экономической социологии» от новосибирцев к Вадиму Радаеву. Есть, разумеется, перенаселенные категории, такие, как теория, история или методы. Здесь есть тенденция, с одной стороны, к дальнейшему дроблению и созданию субкатегорий с одним лидером (качественные методы, теория Бурдьё), с другой – появление некоторого числа конкурирующих групп, стойко игнорирующих друг друга. Такие группы, однако, более характерны для Вест-, не для Ист-сайда.

школы менеджмента. Вопрос не достиг даже межфакультетской методической комиссии, а был решен на личной встрече деканов и ректора. В других случаях барьер ставится выше – сокурсники не смогли открыть магистерскую, поскольку ее заблокировало московское УМО, согласие которого было необходимо. В Москве в УМО большинство составляли психологи, которым не понравилось, что социологи вторгаются в их область. (муж., 1960-е г.р., д.н., профессор, Ист-сайт)

Исходным условием, разумеется, является наличие *hardware* для открытия программы – нужного числа остепененных специалистов, включая несколько докторов, а также потенциал привлечения достаточного числа студентов. Поскольку докторов нужно привлечь до того, как начнется основная игра, подразделения редко создаются на пустом месте. Чаще имеет место такая история:

О: Юридический факультет в X, он как бы не прочный, поскольку это не профильный факультет. Но с какой стати юридический факультет в педагогическом университете?

В: А как вот этот факультет возник?

О: Это заслуга декана факультета, профессора М. <...> Энное количество лет тому назад в рамках факультета социальных наук, она организовала направление и кафедру, поскольку учителя должны преподавать что-то вроде права, какой-то предмет, он менялся, название менялось. Когда-то ...школьникам читали предмет “Конституция”, потом основы советского государства и права... И вот она <...> создала вот такое небольшое направление, кафедру юридическую, “учителя школы”. И вот эта специальность “учителя права” как бы дает зацепочку юридическую существовать нашему юрфаку в рамках педагогического университета. Хотя 90% мы выпускаем полноценных юристов.

В: А как вот происходит рождение нового факультета в государственном вузе?

О: Ну, я думаю, что, я не знаю, я не создавал, но это, конечно, декан убедила ректорат в том, что этот факультет принесет пользу университету. Что она сумеет привлекать людей. На юрфак [«Большого университета»] тогда шло уйма, были потоки огромные, что университет захлебывался и отсеивал девять десятых. И она доказывала, что этот поток придет к нам, так же как наш истфак, принимает поток тех, кто не прошел в «Большой университет». Я не был на этом свидании М с ректором, но я предполагаю, что она говорила: “давайте! У нас такие возможности! У нас есть люди, у нас уже работает профессор такой-то, профессор такой-то, такой-то! Мы же”, и вот она организовала. (муж., 1930-х г.р., д.н., профессор, Олд-центр)

В целом, кажется, что чем сильнее, старше и консолидированнее дисциплина, и чем меньше соответствующие программы были распространены в предыдущие десятилетия, тем меньше вероятность проникновения новичков на рынок.¹⁸⁰ Даже в «слабых» социальных науках, впрочем, процедура получения согласия от УМО могла стать проблематичной:

---

¹⁸⁰ Кажется, что это объясняет, например, различия между юриспруденцией и экономикой. В юриспруденции мы находим сравнительно небольшое число больших факультетов с огромной долей платных студентов и высокой стоимостью обучения. В экономике факультетов гораздо больше, но сами они меньше, и плата за обучения ниже. Более слабая экономическая дисциплина не могла блокировать распространение учебных программ, тем более, что политэкономия в СССР преподавалась гораздо шире, чем право. Социология больше похожа на экономику, чем на право, в этом отношении.

А второй момент, который безусловно меня возмущал до глубины души, наверное, в этом что-то есть, конечно, какое-то рациональное зерно, но, мне кажется, это безобразие, это безумие. Процедура голосования за открытые специальности в УМО построена следующим образом: они принимают документы, если принимают, если прорвешься там, то есть там надо жить в Москве, ходить каждый день, стучать папкой, носить конфеты, естественно. В конце концов может быть документы берут, а дальше они эти документы рассылают, по-моему, сорока вузам по России... И значит каждый вуз по России, начиная от Дальнего Востока и заканчивая естественно Москвой или Калининградом, они должны проголосовать, либо “за”, либо “против”. И как правило находится кто-нибудь, кто голосует против. И чиновница, если видит против, пишет “отказать”. Вот так. А такая процедура, она вообще-то не для того, чтобы открыть, а для того, чтобы не дать открыть. (муж., 1950-х г.р., д.н., профессор, Ист-сайд)

Но, допустим, что лицензия получена. Теперь возникают новые задачи. Прежде всего, надо добиться выделения мест, финансируемых из федерального бюджета. Тут имеют значения собственные связи, но также участие ректора:

О: Вот у меня там сзади вас лежат эти толстые здоровые папки – это вот документы под лицензирование, письма там всякие, характеристики, практики, библиотеки, характеристики помещений. А вот получается – зря. Как мне кажется, наш ректор мог бы получить под это места, но он не хочет. Не прилагает достаточно, не считает нужным как бы.

В: А когда Вы говорите, что ректор не получит места, вы имеете в виду какие места?

О: Ну, насколько я понимаю, там процедура такая: Вузы подают заявки на места, исходя из лицензий и возможностей. А комитет говорит, у них есть, видимо, тоже какой-то ограниченный банк мест, опять-таки исторически сложившийся, связанный как-то с рынком, и этому вузу столько-то бюджетных мест, этому – столько-то. И по специальностям, естественно. [Наш университет], например, открыл в прошлом году специальность, у нас открыли специальность – «пиар», дали два бюджетных места. Но под эти два бюджетных места, понятно, набрали 25 человек. Двое бюджетных, все остальные платные. Насколько я понимаю, это такая нормальная практика. И в комитете в Москве мне тоже сказали, ну, возьми хоть одного, получи хоть два места, а дальше ты наберешь целую группу. Тайна распределения в московском комитете этих самых мест – это тайна великая. Ну, например, в прошлом году... у меня там одноклассница в комитете работает, она мне как-то так в апреле звонит и говорит: “Слушай, а почему ты не набираешь на свою специальность места?” Я говорю: “Мы подали заявку”. А она говорит: “Во-первых, заявки не было, а во-вторых, если вы сейчас подадите письмо, то по комитету болтается 300 свободных мест. Ну, попробуй, получи”. Ну, вот не получили, хотя я написал письмо за ректора, ректор его подписал, возил вроде как, но не получил <...>. С этим в первую очередь <...> связаны ректора (муж., 1950-х г.р., д.н., профессор, Ист-сайд)

Декан и ректор вместе должны выиграть во внутрибюрократической конкуренции между локальными вузами за поддержку Министерства, причем используемые ими средства могут быть самыми жестокими. Сильный игрок, например, представляющий

«главный университет», может полностью зачистить локальный рынок и остаться монополистом, используя связи на федеральном уровне:

В: А как ректор [нового вуза] добился выделения мест бюджетных мест на новый юрфак?

О: [Ректор большого университета] запоздал. Он не успел. Он не углядел. [Он] решил тогда сосредоточиться на уничтожении института прокуратуры что ему удалось отчасти сделать. У нас два года не было приема студентов. Мы держались только на ФПК – факультет повышения квалификации. И выпуская тех, кто уже был набран. Причем он говорит, в чем проблема? Мы возьмем всех, кто у вас учится. Потому что он старается ликвидировать все, что только можно юридическое <...>. [Ректор Большого университета] вел атаку на институт через X, тогдашнего генерального прокурора. Прокурор отдал телефонный приказ прекратить набор. И [директор] не выполнил. Был снят в 24 часа. А тут не углядел. (муж., 1930-х г.р., д.н., профессор, Олд-центр)

После того, как специальность «отлицензирована» и бюджетные места выделены, надо получить согласие Ученого совета вуза на прием на специальность на платной основе. Примерно до 2003 года эта стадия была одной из самых проблематичных, поскольку Министерство придерживалось политики «не более одного платного студента на двух бюджетных». Затем ограничение было снято, но общее число платных студентов в университете все равно ограничено лицензией. Одним из центральных измерений внутриуниверситетской политики является латентное противостояние между деканами факультетов, приносящих много денег, и ректоратом, который опирается на поддержку факультетов, приносящих мало. Последние соглашались на выделение большего числа платных мест богатым факультетам, но только при условии, что полученные от них средства поступят в центральный бюджет, где будут перераспределены в их пользу. В целом, на протяжении периода после 2000 года, доля обобществленных средств все время росла. Тем не менее, даже оставшейся разницы было достаточно, чтобы зарплаты преподавателей коммерциализированного и дорогого факультета были в 2-3 раза выше, чем непопулярного и дешевого.¹⁸¹

Наконец, даже выделение бюджетных мест по строго определенной специальности еще не гарантирует, что они не будут перераспределены на внутриуниверситетском уровне:

Теоретически, Министерство определяет и распределение по специализациям, но на самом деле в значительной мере теперь это предмет последующего закулисного соглашения. Но всегда соблюдается видимость того, что никакого торга не было, причем умение поддерживать такую видимость высоко ценится. (муж., 1960-х г.р., д.н., профессор, Ист-сайд)

Участь подразделения во многих отношениях зависит здесь от того, связало ли оно свою судьбу с руководителем, способным решать все эти задачи. Обязанности хорошего администратора на всех уровнях состоят в том, чтобы максимизировать число студентов, приписанных к данному подразделению, и не дать перераспределить доходы, поступающие от них, в чью-то еще пользу. От хорошего ректора ожидалось, что он выбьет максимум бюджетных мест для своего вуза в Министерстве, поставит рекламную

¹⁸¹ Так, в СПбГУ, судя по уже отчету 2010 года (Бойко, 2011) разброс в средней зарплате между факультетами достиг 4 с лишним раз с Высшей школой менеджмента на одном полюсе (119000 руб./мес.) и биологией (28000 руб./мес.). Также обращает на себя внимание внушительный децильный коэффициент внутри факультетов – в среднем 7,6. Социология в СПбГУ по отношению к остальным факультетам стояла ниже среднего по зарплатам (39204 рубля) и выше среднего по неравенству (8.4). 10% ассистентов преподавателей получали в среднем 10629 рублей в месяц, 10 профессоров и завкафедрами с административными нагрузками и внутренним совместительством – 89871 рубль.

кампанию среди абитуриентов и превратит предельно возможную часть бюджета в текущие зарплаты персонала. От хорошего декана – что он также будет лоббировать повышение контрольных цифр приема на бюджет, будет конкурировать с другими факультетами за «платников», и добиваться более выгодной пропорции в распределении доходов от них между центральным и факультетским бюджетом. От завкафедрой – что он не позволит другим кафедрам отнять аудиторную нагрузку. И так далее, и тому подобное.

Какие качества определяют успешность в этом? Некоторые из них, разумеется, относятся к характеристикам представляемого подразделения, но другие – к характеристикам самого администратора; и подразделение, и руководитель вносят что-то в успех их общей коалиции:

В: Что определяет силу декана в ходе переговоров с ректором?

О: Ну, во-первых, конкурсом, популярностью, тем, сколько факультет денег приносит. Во-вторых, авторитетом в аппарате ректора, который достигается, прежде всего, за счет стажа работы, круга личных знакомств и тому подобного. (муж., 1960-х г.р., д.н., профессор, Ист-сайд)

Что за человеком надо быть, чтобы успешно справляться с этой работой? Прежде всего, разумеется, надо знать много людей: докторов наук, которых можно позвать под свои знамена, иметь контакты в Министерстве, быть на хорошем счету у людей в ректорате и т.д. То, что отличает индивида с большим потенциалом академического предпринимателя – это, прежде всего, объем связей, не набор компетенций.¹⁸² Необходимо помнить счет в обмене услугами с каждым из контрагентов и никогда не пропускать своей очереди. Нужно виртуозно владеть академическим этикетом и точно определять количество почтительных жестов, причитающихся каждому. Нужно почти бесконечно осуществлять всевозможные светские функции – открывать конференции, принимать делегации, устраивать торжественные ужины. Это, безусловно, работа не для интровертов. Наконец, надо, видимо, быть неунывающим сангвиником или хотя бы флегматиком, стоически относящимся к переменам на административном небосклоне, при этом испытывая постоянное веберовское рациональное беспокойство.

Вообще говоря, не каждый, получивший административную должность, даже высшего ранга (декан, директор института), обязательно соответствует всему этому набору требований. Должности должен кто-то занимать, и при отсутствии подходящего кандидата, приходится удовлетворяться наличным. Такой кандидат обычно может возглавить подразделение и худо-бедно обеспечить его работоспособность, но не способен создать новое, и не может обеспечить ни его расширения, ни восполнения кадровой пробоины.

Мы обнаружили в Петербурге 27 социологов, которые в какой-либо период в своей жизни занимали должности высшего административного ранга (декан, директор института), и 68 тех, кто занимал должности низшего административного ранга (завкафедрой, завсектором, завлабораторией). Самому младшему занявшему должность высшего академического ранга было 30 в момент назначения деканом (Вадим Волков, декан-организатор факультет ПНиС ЕУСПб в 1995 году), на момент проведения исследования самым молодым деканом была Олеся Кольцова (факультет социологии

---

¹⁸² Мы включили в свой вопросник просьбу оценить свою компетентность в решении практических задач, типа оформления закупок для кофе-брейков или аренды помещений, и обладатели административного опыта стабильно демонстрировали более высокие показатели, чем те, у кого этого опыта не было. Интересно было то, что, когда к большому возмущению некоторых наших респондентов мы дополнили этот вопрос практическим тестом, попросив указать ЕСН, НДФЛ и НДС «для их организаций», администраторы не обнаружили при ответе больших знаний, чем все остальные. Их заявления о способности решать прочие задачи скорее отражают веру в то, что те в принципе решаемы, отсутствие страха запачкаться о бюрократическую рутину и знание, к кому можно обратиться за помощью.

Петербургского филиала ВШЭ – 36 лет). Здесь, однако, сказалось скорее пренебрежение к номенклатуре рангов, чем к их содержательной стороне. «Факультетами» в ЕУСПб назывались подразделения с 7-10 сотрудниками, которые, по меркам уважающего себя вуза, едва тянули на кафедры; если мы приравняем их к кафедрам, диспаритет выровняется – низший академический ранг – заведование кафедрой или сектором – повсеместно приобретает к 28-30 годам. Самым молодым не-Вест-сайдским деканом был Н.Г. Скворцов, ставший таковым в 45 лет.

Как связано присутствие в высшем академическом ранге и интеллектуальная производительность и признание? Возвращаясь к нашим цифрам, представители административного ранга демонстрировали несколько более высокую по сравнению с другими группами публичную активность (Таблица 13 приводит данные о выступлениях на городских площадках). Различие с другими группами статистически значимо, однако намечает не более, чем тенденцию. Надо иметь в виду, однако, что многие высшие администраторы в силу характера своей сетевой деятельности были полностью сконцентрированы на контактах за пределами петербургской социологии. Некоторые были заметнее там, чем здесь – или потому что они обращались преимущественно к федеральной аудитории и делали это из Москвы¹⁸³, или потому что они не были социологами по своей предыдущей занятости, как директор СИ РАН И.И. Елисева, занявшая свое кресло как испытанный администратор (см .далее).

Таблица 13. Число выступлений на семинарах и конференциях представителей разных рангов

	административные ранги			Total
	нет адм. ранга	низший адм. ранг	высший адм. ранг	
0 выступлений	184 84,0%	27 12,3%	8 3,7%	219 100,0%
1 выступление	70 79,5%	13 14,8%	5 5,7%	88 100,0%
2 выступления	40 87,0%	4 8,7%	2 4,3%	46 100,0%
3 выступления	18 72,0%	2 8,0%	5 20,0%	25 100,0%
4-5 выступлений	26 66,7%	11 28,2%	2 5,1%	39 100,0%
6 и более выступлений	31 66,0%	11 23,4%	5 10,6%	47 100,0%
	369 79,5%	68 14,7%	27 5,8%	464 100,0%

Тем не менее, высокая степень видимости в профессии явно не была обязательным условием вхождения в высший академический ранг. Обстоятельства предъявляют к его членам так много требований, что было бы невозможно требовать еще и интеллектуального блеска.

¹⁸³ Интересно, что локальные элиты разных частей нашей городской популяции были очень неравномерно представлены на федеральном уровне. Безусловно присутствовали на общенациональной сцене руководители «Большого факультета» (включая, по формальным критериям не имеющего высшего административного ранга, но явно принадлежащего к высшему слою администраторов В.В. Козловского), а также руководители Вест-сайдских организаций и СИ РАН; остальные образовательные организации, однако, не имели своего представительства вовсе; усилия сетевых лидеров, поддерживающих локальные издания или конференции, также сравнительно мало отразились в их федеральном рейтинге.

В чем администраторы доминировали безусловно, так это в том, что они были основными узлами сетевой координации всей социологической активности. Высшие администраторы должны быть сетевыми лидерами, как это понятие определялось выше. Они были теми людьми, которые заставляли петербургскую социологию вертеться. Так, на 27 человек – менее 6% нашей выборки, приходится 45% приглашений на работу и 42% случаев биографического влияния. Ни один из не-принадлежащих к какому-либо административному рангу не сделал более двух предложений работы. Кроме того, как показывает следующая таблица (Табл. 14), они же доминировали и во всех остальных видах сетевой активности:

Таблица 14. Концентрация основных видов сетевой активности в высшем академическом ранге

административные ранги	приглашал опубликовать статью	приглашал сделать доклад	предлагал работу	повлиял на карьеру	работал в исследовательском проекте
нет административного ранга	85,00 25,6%	90,00 26,7%	30,00 18,0%	87,00 28,0%	174,00 50,9%
низший адм. ранг	139,00 41,9%	128,00 38,0%	62,00 37,1%	94,00 30,2%	101,00 29,5%
высший адм. ранг	108,00 32,5%	119,00 35,3%	75,00 44,9%	130,00 41,8%	67,00 19,6%
Всего	332,00 100,0%	337,00 100,0%	167,00 100,0%	311,00 100,0%	342,00 100,0%

Все имеет, однако, свою цену. Администраторам приходилось заниматься организационной работой, которую многие из них сами признавали непривлекательной,¹⁸⁴ и им приходилось работать существенно больше других. Если различия в продолжительности рабочей недели между академическими рангами, судя по нашему опросу, было незначимо (47 часов – высший, 43 – средний и низший), то между администраторами и всеми остальными – значимо на самом высоком уровне. Высший административный ранг работал в среднем 53 часа в неделю, низший административный – 49, а не имеющие административной позиции – 43.

Забегая вперед и используя терминологию из Заключения, мы могли бы сказать, что успешные руководители образуют особый административный класс людей, де факто способных решать специфические задачи, стоящие перед организацией. Внутри него выделяются высший и низший слои, где низший может заставить взлететь базовую единицу организационной структуры – лабораторию, сектор или кафедру в составе нескольких человек, – а высший способен создать организацию более высокого порядка, состоящую из нескольких элементарных ячеек. Общее число боссов высшего класса в российской социологии невелико – фактически, оно не превышает примерно дюжины человек. Их биографии безошибочно идентифицируемы по тому, что они оставляли после

¹⁸⁴ Мы опросили 17 из 27 человек, определенных нами как высший административный класс. Из них 8 определили организационную работу как очень непривлекательную для себя. В целом, это была самая непопулярная разновидность деятельности, судя по опросу. Сложно сказать, в какой степени это было искреннее признание, основанное на глубоком самоанализе, а в какой – сознательное или бессознательное желание соответствовать навязываемому академической культурой образу интеллектуала, презирающего административную рутину. Если верно второе, то, отдавая дань стереотипу, администраторы сами в каком-то смысле рыли себе яму. Они подтверждали уверенность остальных, что на руководящие должности соглашаются лишь ради дополнительных доходов; те, кто брался за них, соответственно, попадали под подозрение, что они слишком жадны, чтобы быть настоящими учеными.

себя буквально шлейф институтов, часто – один за другим как Б.М. Фирсов в истории выше. Пожалуй, главное их свойство – и отличие от представителей низшего административного класса – заключается в том, что сеть их контактов покрывает не только социологический мир. Создание нового института или основание нового университета требует значительных внедисциплинарных связей. Вообще говоря, это обычно верно и для создания нового факультета в университете, хотя здесь предпринимательская инициатива может поступать сверху, а не снизу – от ректора – и тогда задача декана-основателя будет сводиться к тому, чтобы просто позвать на работу достаточное количество знакомых. В целом, если для любой академической карьеры важно поддерживать разветвленные контакты за пределами своей организации, то для высшего администратора является столь же важным поддерживать их за пределами академического мира. Многие хорошо начинающиеся административные карьеры стопорятся на определенном уровне, поскольку их обладатели слишком много инвестируют в связи внутри дисциплины.¹⁸⁵ Это объясняет, в частности, преобладание среди дисциплинарной элиты выпускников небольшого числа элитарных институтов: именно они обеспечивают своих выпускников багажом связей, которые те используют всю оставшуюся жизнь. Не будет большим преувеличением сказать, например, что, после падения грантовой экономики, существование петербургского Вест-сайда стало в основном производным от поддержания несколькими его боссами связей, приобретенных в незапамятные времена на факультете экономики ЛГУ.

Последнее важное замечание состоит в следующем. В то время, как интеллектуальные способности и достижения обозначаются легко считываемыми сигналами, индивидуальные административные квалификации и располагаемый капитал связей на протяжении ранних периодов административной карьеры известны только неформально тем, кто напрямую соприкасается с их носителем. Их активы принадлежат данной территориальной локальности. С этим могут быть связаны известные ограничения в мобильности университетских ученых, ориентированных на административную карьеру. Фактически, единственным способом продемонстрировать свой организационный потенциал городу и миру является организация масштабной конференции. Это предоставляет некоторое объяснение тому, что в России, кажется, проводится больше конференций, чем всего есть докладов, которые под слегка измененными названиями на них читаются.

При этом, интеллектуальные достижения руководителя продолжают по умолчанию оставаться важным, если не основным, условием поддержания легитимности локального политического режима. Декан, не являющийся выдающимся ученым, всегда уязвим для критиков, которые могут дискредитировать его решения как решения бюрократа, не понимающего людей науки. Тем не менее, приведенная выше статистика показывает, что под влиянием суровой необходимости высшие административные должности переходят в руки людей, не имеющих высшей степени, не говоря уже о репутации. Однако их право распоряжаться всегда остается под некоторым вопросом – и с точки зрения находящихся внутри академического мира, и с точки зрения находящихся вне.

Их несколько двойственный статус заставляет окружающих почти насильственно навязывать им различные символы интеллектуального признания, которые есть в

---

¹⁸⁵ Пример интервью Г.С. Батыгина показывает, в чем состоит риск дисциплинарного «закукливания»: *«Наши сектор социологии знания начал жить самостоятельной жизнью. Я же стал заложником институций, которые сформировались вокруг меня, отчасти, может быть, благодаря мне, отчасти — моим коллегам. У меня сложился определенный круг общения, выйти за который я уже не могу, — любой выход за его пределы означает просто расширение его границ и вместе с тем конституирование этих границ. У меня нет никаких интересов вне этого круга. Вообще нет. Даже жена работает здесь, и на кухне мы с ней говорим о том, как какую тему сделать»* (Батыгин, 2002: СС-СС).

распоряжении этих окружающих.¹⁸⁶ Отчасти это делается, чтобы заслужить благосклонность вышестоящего, отчасти – из более-менее искреннего желания его поддержать. Босс получает приглашения выступить на пленарном заседании наравне с заезжей звездой, и окружающие внимают его докладу с тем же вниманием, хотя и по несколько иным причинам.¹⁸⁷ Некоторые высшие Ист-сайдские администраторы, оказавшись перед лицом этой двусмысленности своего положения, развили в себе потрясающее чувство собственного интеллектуального места. Декан доминирующего факультета, получив предложение выступить с пленарным докладом, может делать все от него зависящее, чтобы дать понять, что вовсе не заблуждается по поводу того, чему обязан этим приглашением. Он всячески обыгрывает свою роль конферансье, сетует на свое положение скромного бюрократа, не имеющего времени заниматься наукой, и выражает преувеличенное почтение к настоящим ученым вокруг. Чуть менее чувствительный к подобным нюансам босс, однако, легко может потерять чувство реальности.

Институт РАН: курс выживания в мире бюрократической интриги

Советская Академия наук была, возможно, наиболее последовательной в истории попыткой построить академический сектор, следуя технократической логике. Она задумывалась как единое индустриальное предприятие, фабрика открытий, созданная в соответствии со всеми нормами эффективного менеджмента, такими, например, как жесткое разделение сфер ответственности. В идеале, Академия должна была иметь по одному сектору, ответственному за каждую область исследований или проблему.¹⁸⁸ Сектора задумывались как небольшие цеха, работающие под руководством заведующего и объединенные в большие по размеру производственные единицы, отделы-корпуса, в рамках завода-института. В момент своего высшего логического развития (1960-е – 1970-е годы), Академия даже не требовала от своих сотрудников индивидуальных публикаций, достаточно было коллективных отчетов. Более того, в советском понимании АН как армии интеллектуального труда, собственным исследовательским интересам ученого не придавалось решающего значения: мы найдем в истории социологии множество случаев, когда сотрудников одного сектора, несколько лет занимающихся одной тематикой, передают другим секторам, обязав их сменить специализацию. Самостоятельной единицей советской науки был не индивид, а сектор или проект, и только его глава обладал известной независимостью в определении направлений работы.¹⁸⁹

Планирование Академией своей деятельности, соответственно, имитировало планирование развития индустрии – общий фронт работ делился на участки, за каждый из которых назначался ответственный. Двумя основными врагами для архитекторов

---

¹⁸⁶ Интересно что, как мы видели, цитирования, видимо, до сих пор не использовались таким образом – возможно, потому что между моментом, когда они будут сделаны, и моментом, когда они попадутся (если вообще попадутся) на глаза надлежащей аудитории, обычно проходит слишком много времени. Политика Министерства, все более продвигающего РИНЦ как основную статусную машину, однако, с большой вероятностью вскоре изменит положение дел в этой области.

¹⁸⁷ Скажем, их выступление может носить отпечаток политической перформативности, поскольку, например, служит объявлением войны какой-то другой сети.

¹⁸⁸ Уникальность проекта состояла в полном устранении конкурентного начала. Многие постановления Совмина прямо настаивали на ликвидации дублирования сфер ответственности. Идеал никогда не был реализован, и разные институты в Академии яростно соперничали друг с другом, но в некоторых отношениях мы видим последствия.

¹⁸⁹ Разумеется, существовали значительные вариации в зависимости от профиля сектора и личности его руководителя. Так, сектор, занимающийся критикой буржуазной социологии, вполне мог состоять из одиночек, выбирающих себе тот или иной объект изучения – но, тем не менее, даже он представлял коллективный, а не индивидуальный отчет, как если бы эти исследования следовали одному генеральному плану.

советской науки были дублирование профилей подразделений в разных учреждениях и «мелкотемье», фрагментация работы одного института на зоны несвязанных друг с другом личных интересов.

Центральным для социологии вопросом был, разумеется, вопрос о том, что обозначалась как ее зона ответственности, и на какого рода меньшие единицы она делилась. В соответствии со сказанным выше, социологи смогли закрепиться в статусе «подпрофессии» (Abbott, 1988) философии, ответственной за социальные проблемы; соответственно секторам предписывалось отвечать за свою зону социального неблагополучия. Конструирование новой политической проблемы влекло за собой появление новых секторов, и наоборот, активный академический предприниматель искал поддержку у внешних агентов, пытаясь доказать, что удовлетворение его научных интересов может решить их затруднения. Общесоюзные кампании продвижения соцсоревнования или борьбы с алкоголизмом неизбежно оборачивались появлением соответствующих тематических групп, которые затем преобразовались в сектора.

С неизбежностью в дисциплинах с преимущественно индивидуальным характером труда (что, в целом, характерно и для социологии), секторальная структура регулярно конфликтовала с потребностями интеллектуального производства. И структура, и содержание в этих случаях вынуждены были как-то притираться друг к другу; предпочтение советскими социологами масштабных коллективных проектов, вроде «Таганрога», отчасти определялось тем, что они лучше соответствовали общей организационной логике.

Однако еще более существенными были последствия этого положения вещей для политических режимов, которые устанавливались в институтах, и, соответственно, карьер в них. До сих пор на примере Ист-сайда мы рассматривали, как экономическая база определяет, на каком основании и по какому сценарию будет проводиться селекция персонала. Возвращаясь к нашему образу организации как коалиционной игры, мы рассматривали лишь то, как индивид может увеличить выигрыш коалиции.

Политические механизмы попадали в зону нашего интереса в том отношении, что в процессе утверждения новый работник примыкает не к одной, а к серии иерархически упорядоченных коалиций (кафедра, факультет, университет), которые получают от его присутствия разные выигрыши. Кандидат, от чьего присутствия больше всего выигрывает кафедра, – это не обязательно тот же кандидат, от чьего присутствия больше всего выигрывает университет в целом, и поэтому результат первичного обсуждения потенциально может отличаться от результата итогового голосования сената.

Наши финальные сравнения в Заключении в основном будут опираться на те же соображения. Чтобы описать различия между университетами и Академией, однако, нам придется остановиться на еще одной стороне политической динамики коалиции. Коалиция получает общий выигрыш и делит его между своими участниками. В зависимости от условий, в которых существует организация, добавление к коалиции нового члена может приводить к росту среднего выигрыша уже входящих в нее, сохранению его на среднем уровне или сокращению. В первом случае, естественно, участники коалиции будут, при прочих равных, расположены к росту, во втором – безразличны к нему, в третьем – пытаться предотвратить его.

Университет, как мы описали его выше, был игрой, в которой средний выигрыш повышался с ростом коалиции.¹⁹⁰ В разной мере от роста числа студентов и преподавателей выигрывали все. Открытие новой специальности на факультете, например, означало, что появится больше студентов, и в связи с общими преимуществами роста от этого выиграют даже преподаватели, к данной специальности не причастные. Другие кафедры прочитают набранным на нее студентам дополнительные лекции или

---

¹⁹⁰ Это свойство в теории игры называется «суперддитивностью».

примут дополнительные зачеты, а также получают часть надбавок от взятых на новую специальность «платников». Если оставить за скобками маловероятную ситуацию, в которой все абитуриенты на новой специальности иначе поступали бы на тот же факультет, но на прежние специальности, факультет в целом выиграл от расширения.

В этом смысле, хотя факультеты и кафедры могли конфликтовать из-за распределения нагрузки, они не были антагонистами по самой своей сути – игра между ними имела ощутимую позитивную сумму. Это было не так для институтов РАН. Расширение института в общем случае (об исключениях ниже) ничего не добавляло к среднему выигрышу его сотрудников – ни их зарплата, ни иные бонусы не зависели от размера учреждения.

Это, однако, еще не все. Институциональный дизайн Академии в том виде, в каком он сложился к концу советского периода и в общих чертах воспроизводился дальше, заставляет нас отдельно рассматривать следующую фазу игры – дележ коалицией своего выигрыша. В классической теории кооперативных игр размер выигрыша известен уже в момент создания коалиции, и тогда же стороны принимают на себя обязательства распределить его определенным образом, от которых потом не могут отступить. В этой ситуации различий между «властью выхода» и «властью голоса» не существует. Они появляются, однако, когда мы пытаемся приблизить эту модель к реальной жизни. Ресурсы притекают в организацию более-менее постоянно, и распределение их также растянуто во времени, причем один цикл плохо синхронизирован с другим. Фактически, они могут быть синхронизированы столь плохо, что в момент принятия решения о распределении соображения генерации дохода вовсе отсутствуют в поле зрения участников. Если классическая коалиционная игра является игрой со смешанными мотивами – все сотрудничают в получении наибольшего дохода, но при этом каждый борется за увеличение своей доли, – то здесь первый элемент, по сути дела, выпадает из поля зрения, и перед участниками остается антагонистическая игра, в которой каждый получает ровно столько, сколько другой теряет. Когда мы имеем дело с реальными людьми, а не с персонажами из учебника микроэкономики, то неизбежность жесткого конфликта смягчается требованиями этикета, принадлежностью к одной сети или стремлением соответствовать культурным идеалам. Тем не менее, конфликт всегда рискует вырваться на поверхность.

Центральным свойством, которое определяет, насколько коалиция рискует скатиться к войне всех против всех, является перераспределимость ресурса внутри коалиции – свойство, которое можно назвать «отнимаемостью». Отнимаемость отчасти задается технологическими особенностями процесса производства, отчасти – институциональными рамками, это производство организующими.¹⁹¹ Иногда эти рамки даны извне, а иногда создаются внутри, чтобы быть в состоянии дать друг другу гарантии, что враждебных действий не последует. Такими гарантиями могут быть, например, сохранение отдельных юридических лиц или счетов подразделений, деньги с которых не поступают в общий котел, или закрепление тематического профиля, которые сильно сокращают полезность отнятого для потенциального захватчика. Мы видели, что в университете возможность разных подразделений отнимать друг у друга ресурсы всегда ограничена. Контрольные цифры набора бюджетных студентов утверждаются в Москве и внутри университета поддаются лишь слабым коррективам. Госстандарт также утверждается в Москве. Если бы это было не так, гипотетически, можно представить себе университет, в котором, скажем, доминирующий филологический факультет сделал филологию основным предметом на всех факультетах и поставил преподавателей физиков и химиков перед необходимостью читать лекции по стилистике или уволиться. В российском случае,

---

¹⁹¹ Это понятие не поддается однозначной математической формализации; скорее, оно имеет феноменологическое наполнение.

однако, ситуация была обратной: захвати филологи преподавательские ставки на физфаке, им пришлось бы читать лекции по термодинамике – а тут желающих находилось немного. Прием на «внебюджет», правда, утверждается внутри университета, но возможности факультетов принимать на него были всегда ограничены спросом со стороны абитуриентов, и, кроме того, в данном случае сохраняется возможность для взаимовыгодного компромисса, когда популярный факультет получает право увеличить прием в обмен на параллельное увеличение доли отчислений в общий бюджет.

В противоположность этому, в самом устройстве Академии заложена высокая отнимаемость ключевых ресурсов, и, соответственно, постоянно в потенциале присутствует игра с нулевой суммой. Если один сектор получает ставку, то другой теряет ее; если один сотрудник получает надбавку, то другой ее лишается. По согласованию с Президиумом, структура секторов могла быть переделана так, что любая группа сотрудников внезапно обнаружила бы себя занимающейся непрофильной для института деятельностью и получила бы настойчивые требования перепрофилироваться или увольняться. История вендетты, которая годами терзала Социологический институт в Петербурге, и которую мы разберем ниже, в этом смысле структурно обусловлена.¹⁹² В полной мере эти темные стороны дизайна, однако, проявились уже после того, как Академия миновала фазу экономического кризиса и вступила в фазу подъема, сопровождаемого усилением регулирования.

Пока, возвращаясь назад, надо сказать, что в сети, созданием которой были социологические институты Академии, в итоге восторжествовала культура, вполне интериоризировавшая понимание миссии «социологии-как». Несколько парадоксально, однако, ее виденье самой себя было ближе к Вест-сайдской божественно-экстатической концепции профессии. Советские социологи хотели быть нужными и востребованными, но на своих условиях, не на условиях заказчика. Идеал, который они изобрели для себя, был идеалом пророка, иногда нисходящего из своего уединения, чтобы определить судьбы мира, а остальное время посвящающего медитации.¹⁹³ Соответственно, они одобряли все виды демонстративного пренебрежения к карьерному росту. Именно в Академии до сих пор мы чаще всего встречаем людей, которые демонстрируют высшие уровни публикационной активности, но не защитили диссертаций.¹⁹⁴

Советская Академия в меру сил сдерживала распространение этого настроения, но мало что могла с ним поделать. После 1991 года, однако, оно на некоторое время стало определяющим для внутренних правил игры. В те голодные года, организация дала каждому то единственное, что она могла дать совершенно бесплатно, – творческую независимость:

Да, как-то так, но дело все в том, что тогда был период буршества такого и натиска такого, собственно вот Академия наук свою эту руководящую и направляющую силу практически не использовала,

---

¹⁹² Нам не известно ни одного случая в Петербурге, в котором однажды открытая кафедра была бы закрыта иначе, как с согласия ее руководителя, получавшего, как правило, вместо этого новую кафедру. Так на соцфаке СПбГУ за все время его существования исчезла одна кафедра (общей социологии), причем ее сотрудники имели выбор между устройством на две другие – массовых коммуникаций на журфаке и социологии культуры и коммуникации на соцфаке. Никто не пострадал в чинах, и, насколько известно, даже не высказывал публично недовольства. Можно сравнить это с историей СИ РАН ниже.

¹⁹³ Светским обоснованием этого идеала обычно выступает анекдот о японцах, финансирующих совершенно свободный поиск истины ста исследователей, чтобы открытие одного окупало расходы на всех. Несмотря на признаваемую мифологичность, защитники Академии рассказывают его с завидным постоянством (Лурье, 2002).

¹⁹⁴ В нашей выборке, например, редактор «Телескопа» и научный сотрудник СИ РАН М.Е. Илле, опубликовавший 24 статьи (23 из них в «Телескопе»), или другой научный сотрудник СИ РАН – В.В. Сафронов (14 статей), или автор множества вполне проходных по российским стандартам статей, вышедших, однако, в неакадемических изданиях Л.Е.Кесельман.

и требования к формулированию и утверждению [тематики] были совершенно размыты. Финансирование в общем-то было мизерное, поэтому, ну грубо говоря, делить было нечего, и особой попытки построения политики научной не ощущалось, поэтому что бурлило, то и набурлило. (муж., 1950-х г.р., к.н., ст.н.с., Олд-центр)

Хотя номинально прежнюю структуру никто не отменял, и коллективные отчеты продолжали по инерции производиться, теперь ответственность за то, чтобы они сходились, однозначно переместилась на высшие уровни. Темы поступали не сверху вниз, а снизу вверх – работой заведующего сектором было склепать из планов-отчетов сотрудников что-то напоминающее коллективный труд до уровня отделения РАН включительно:

В: Как вот образовывается структура секторов? Как получилось, что именно такие сектора, а не другие?

О: А это Академия наук. Я был некоторое время [в 1990-е годы] был замдиректора по науке, и ездил, представлял институт в Академии наук. Институт представляет в Академию свою структуру. И академия практически тут же её утверждает. Точно так же как тематику. Тематика идет снизу вверх, потом наверху утверждается и спускается вниз. Мне неизвестны случаи изменения, хотя, наверное, они были в истории. Но мне неизвестны. Вот институт формирует сектора и тематику секторов, подает это в качестве заявки в Академию наук, в Президиум академии наук, и те, если что-то не вызывает, ну, явно какого-то противодействия, там, по разным соображениям, это утверждают и в виде задания спускают вниз. (муж., 1930-х г.р., д.н., профессор, Олд-центр)

Помимо возможности заниматься какой угодно тематикой, сотрудники Академии, как и вузовские преподаватели, обрели права голоса при избрании своего руководства: в Академии коллектив института «обсуждал» кандидатуру директора, которая потом передавалась на утверждение Отделению. Хотя, теоретически, вышестоящий орган мог вовсе не учесть решения нижестоящего, в реальности это случалось так редко, что целые поколения научных сотрудников сменялись в уверенности, что именно им принадлежит суверенное решение. Когда в 2000 году результаты голосования коллектива Социологического института были проигнорированы, это было для них громом среди ясного неба.

Имея возможность выбирать свое руководство, и не испытывая давления сверху, сотрудники Академии могли жить в свое удовольствие, насколько им это позволяли стесненные средства. В сущности, их обязанности сводились к тому, чтобы посещать институт в присутственные дни (один или два в неделю для всех, не имеющих административной нагрузки) и производить требуемое для периодической аттестации число текстов. Сами сотрудники институтов Академии характеризовали ее как «синекуру». Некоторые использовали институты в этих условиях, для того чтобы разворачивать всевозможные предприятия по поиску грантового финансирования. Другие использовали его как базу для преподавательской активности. Третьи, наиболее бескорыстные, производили бесчисленные статьи. Наконец, четвертые просто раскладывали пасьянсы. Последние, впрочем, находились в меньшинстве – в нашей выборке 2009 года, из 32 людей, работавших в Социологическом институте, только 10 жило в основном (более 50% доходов) на институтскую зарплату. Один человек указал, что более половины его доходов составляют русские гранты, двое – госконтракты, трое – западные гранты или стипендии, двое – маркетинг, один – исследования для НКО, трое – образование, и еще четверо – неакадемические источники.

Технократическая ре-консолидация не могла не обернуться наступлением на то, что должно было казаться одиозным разбазариванием бюджетных средств на поддержку институтов, в которых, фактически, мало кто работает. Это наступление шло по четырем основным направлениям. Во-первых, Министерство попыталось вернуть себе инициативу в определении тематики работы подразделений институтов. Во-вторых, ужесточились правила аттестации, которые должны были подстегнуть научную инициативу сотрудников. В-третьих, часть финансирования с 2006 года должна была распределяться пропорционально набранным баллам оценки Показателя результативности научной деятельности (ПРНД). В-четвертых, сами институты подлежали комплексной оценке, проводившейся в 2010 и 2013 годах, которая должна была отнести их к одной из трех категорий – «научные организации-лидеры», «стабильные научные организации, демонстрирующие удовлетворительную результативность» и «научные организации, утратившие научный профиль и перспективы развития».

Ужесточение контроля над тематикой приняла знакомые советские формы борьбы с «мелкотемьем» и засильем исследований, удовлетворявших в основном личное любопытство исследователя.¹⁹⁵ В 2006 РАН пришлось выработать Программу фундаментальных исследований на 2007-2011 годы, в которой за Отделением общественных наук было закреплено фиксированных 14 тем, включая, правда, такие широкие, как «Цивилизационные перемены в современной России» или «Место России в мировом хозяйстве».¹⁹⁶ Сотрудникам было предложено представить индивидуальные или коллективные проекты, которые должны были вписываться с тематикой, закрепленную за институтом. Меры вызвали вполне предсказуемое недовольство. Крупный администратор в одном из институтов, при этом, вполне сочувственно относившийся к инициативам Министерства, описал мотивы реформы и реакции на нее следующим образом:

...эта проверка комплексная, которая была, показала, с точки зрения формально бюрократической, что не может быть в таком маленьком институте столь широкого тематического спектра. Потому что понятно, что ресурсное обеспечение <...> на каждую, пусть даже важную и существенную тему, оно оказывается мизерным, поэтому и выхлопа собственно никакого. Это называется мелкотемье <...> распыление ресурсов и так далее... Поэтому как бы вот сейчас пытаемся сделать так, чтобы к следующему циклу планирования, который заканчивается трехлетний в следующем году, чтобы на следующий цикл планирования выйти уже максимально с четырьмя такими связующими темами, в которые желательно максимально безболезненно вписать субъективный интерес каждого, чтобы не разрушить то, что наработано, и в то же время чтобы действительно сконцентрироваться отчасти, потому что у нас есть сложность, что довольно многие сотрудники, как бы это сказать, сроднились достаточно давно со своей тематикой, и очень неохотно вписываются в иные вещи, даже в близкие вещи. То есть каждый пытается отстоять свою вот автономию в рамках этой самости, и оказывает довольно сильное сопротивление при попытке как-то пусть даже не знаю, зонтичную какую-то тему сделать, что на самом деле, на мой взгляд, не влечёт и не повлечёт за собой какого-то сильного утеснения, но тем не менее вот все настаивают на том, что

¹⁹⁵ Характерно, что из пяти наших случаев вторым озабоченным мелкотемьем и предлагающим лабораториям писать коллективные отчеты оказывается сверхэтицированная Франция.

¹⁹⁶ Список тем никогда не обсуждался публично до его принятия Отделением, и вызвал многочисленные домыслы по поводу того, кто конкретно стоял за некоторыми пунктами в нем.

вот его тема самая хорошая. (муж., 1950-х г.р., к.н., ст.н.с., Олд-центр)

Идеология секторов, или сменивших их проектов, не давала, однако, ясного ответа на вопрос, что именно должно произойти с сотрудниками которые не вписались в тематику новых направлений. Последовательное применение индустриальной логики значило бы, что они должны или перепрофилироваться, или уволиться. Хотя напрямую увольнения не обсуждались, как мы видим дальше, внутриинститутская классификация вовсе не была безобидной вещью. Предвидя сложности, целые подразделения меняли профиль, чтобы попадать в новую систему приоритетов:

В: Вот иногда появляются какие-то новые темы, например, проект по цивилизационной идентичности?

О: В нашем институте, просто, как я понимаю, давно был сектор истории российской социологии, и [в какой-то момент] стало понятно, что идти старым путем, описывая нанесенную Сорокиным, Петровым, Сидоровым непоправимую пользу отечественной социологии – это уже тупиковый вариант. Ну сколько можно пережёвывать одно и то же? <...> И, как я понимаю вот этот вот коллектив, пришел к такому выводу, что так будет удобнее действительно подстроиться под цивилизационную проблематику, которую продвигал иноземцевский институт. Я представляю, что они правильно сделали. (муж., 1950-х г.р., к.н., ст.н.с., Олд-центр)

Тем не менее, до тех пор, пока институт не вступил в фазу острого внутреннего конфликта, одиночкам, которые не вписались в новую тематику, обычно подыскивали какой-то запасной вариант:

В: Может быть такое, что сотрудник не вписан в такой проект?

О: Нет, конечно, формально не может, а реально... реально – получается. (Смеётся) <...> Ну неправильно было бы, например, администрация была бы неправа по всем пунктам, если бы она сказала, что, ребята, вот вы не прошли тут [аттестацию] – гуляйте. Идите туда, не знаю куда, ищите это самое... Ну, постоянно находятся какие-то паллиативы, <...> не прошёл утверждение, но им говорят, что уважаемый или уважаемая, вы еще полгода отредактируйте, и посмотрим там. Усекновение головы не происходит. И так или иначе, в общем находится какой-то способ вписывания вот в утверждённую тематику (муж., 1950-х г.р., к.н., ст.н.с., Олд-центр)

Далеко не все институты, однако, были мягкими, и сама структура в какой-то момент располагала к тому, чтобы внутри вспыхнула вендетта.

Кроме того, индустриальная логика предполагала отсутствие пересечений между секторами, что обеспечивало смертельную конкуренцию между двумя группами с пересекающимися интересами:

В: А от института могло быть две группы, которые занимались бы одной темой, но параллельно друг другу?

О: Нет. Это принципиально в таких структурах невозможно, потому что если они занимаются одним и тем же, то они могут слиться в экстазе. Две одинаковые темы не могут иметь госрегистрацию, чтобы включилось финансирование государственное. Ну, кто в здравом уме будет две одинаковые темы финансировать? Так не бывает.

В: А в двух институтах?

О: В двух институтах тоже. Как бы я полагаю, что тоже нет. (муж., 1950-х г.р., к.н., ст.н.с., Олд-центр)

По сравнению с переговорами об утверждении тематики, переговоры о распределении бюджетных ставок, видимо, были относительно просты и лишены интриги. Академия до последних дней своего существования в старой форме предпочитала инкрементальное бюджетирование, добавляя (или, скорее, убавляя) ставки пропорционально нынешней численности сотрудников института. На уровне Отделения, однако, распределялись дополнительные средства на ремонт и оборудование, и, в отличие от зарплат, их объем, выделенный конкретному учреждению, прямо зависел от лоббистской силы директора.

Утверждение списка укрупненных тем, в который вписывались одни сотрудники, но не вписывались другие, всегда было игрой, в которой кто-то оказывался проигравшим, и обычно по-крупному. Она была лишь одной из многих таких игр, создававшихся дизайном Академии. Любое социальное устройство, в котором преобладает централизованная дистрибуция, повышает значимость политической борьбы. Большой вес, соответственно, придается атрибутам, которые позволяют быть успешным в ней. Два последствия для индивидуальных карьер вытекают из этого. Во-первых, устройства наподобие РАН порождают высший академический класс, общенациональный истеблишмент, постоянно вращающийся в Москве и лоббирующий интересы своего коллектива, все члены которого связаны друг с другом. Для института выбор кого-то, кто не принадлежит к этой группе, директором с большой вероятностью означает принятие на высшем уровне решений не в интересах коллектива. С другой стороны, истеблишмент ожидает от каждого своего члена того, что он будет сдерживать возможную оппозицию в собственном институте, и не допустит открытого восстания. Тем не менее, дальше мы увидим, что в конфликте директора и коллектива Отделение становилось скорее на сторону директора. Во-вторых, активная политическая жизнь внутри института обозначала важность сильных сетевых связей, которые позволяли мобилизовать поддержку при голосовании. Только те, кто опирался на голоса друзей, мог чувствовать себя застрахованным от того, например, что их проект не будет утвержден Ученым советом.

Следующим направлением контроля, который продвигало озабоченное Министерство, был контроль индивидуального продвижения. С некоторыми оговорками, карьера в Академическом институте похожа на карьеру в государственном образовательном учреждении. Служебная лестница в Академии не менялась с советских времен, за исключением нескольких незначительных инноваций. Во-первых, наравне с прежними младшими и старшими научными сотрудниками (м.н.с. и ст.н.с.) была введена промежуточная должность научного сотрудника (н.с.). Во-вторых, верхний уровень иерархии должностей был раздвоен, и выделены административные и собственно исследовательские позиции, обеспеченные повышенным уровнем заработной платы, но не контроля над работой других. В настоящее время, академическая иерархия выглядит так: лаборант – младший научный сотрудник – научный сотрудник – старший научный сотрудник – ведущий научный сотрудник – главный научный сотрудник. Административные позиции включают заведующих секторами, заведующих отделами (если таковые есть), заместителей директора, ученых секретарей и директора, причем иерархические отношения между ними не определены однозначно (являются ли заместители директора старшими по отношению к заведующим секторами и отделами?). До момента появления ведущих научных сотрудников, естественной перспективой старшего было заведование сектором и дальнейший подъем в директора и академики, поскольку в чисто научном учреждении самый выдающийся ученый был, одновременно, и самым легитимным кандидатом в директора научной фабрики. Сама позиция академика была двойственной – с одной стороны, она считалась званием, увенчивающим высшие научные достижения, с другой – академики распоряжались бюджетом фундаментальной

науки.¹⁹⁷ По аналогии с ректором, можно представить себе, насколько велики были проблемы, связанные с необходимостью поиска кандидата, который был бы одновременно эффективным и легитимным в этом качестве.

Словно чтобы еще сильнее усложнить свое положение, Академия наук в последние десятилетия добавила к двум источникам своего пополнения – немногочисленным выдающимся ученым с действительно мировыми именами и опытным академическим политикам, способным сколотить мощную поддержку в отделениях, – третий: внешних покровителей, таких, как Б.А. Березовский в 1990-е годы и В.И. Ишаев в 2000-е. Кооптация политических или экономических патронов, помимо преимуществ, заключала в себе неизбежные проблемы. Их способность обеспечивать дополнительное финансирование или политическое прикрытие простиралась лишь до момента, пока они сами не теряли влияние; после этого, как в случае с Березовским, связь начинала компрометировать Академию.¹⁹⁸ Кроме того, даже если они могли помочь отразить, например, прямое наступление профильного министерства, они ничего не могли поделать с тем, что на обращенную к широкой публике поверхность Академии все равно падала тень вследствие их присутствия.

Спускаясь ниже этих вершин, как показывает наша статистика Конгресса (Табл. 15), в Академии человек без степени не имел шансов перерасти научного сотрудника, а доктор более-менее автоматически становился ведущим.

Таблица 15. Остепененность рангов научных сотрудников в РАН

	Степень		
	нет	кандидат	доктор
м.н.с	10 66,7%	5 33,3%	0 ,0%
н.с.	3 15,0%	17 85,0%	0 ,0%
ст.н.с	0 ,0%	103 93,6%	7 6,4%
вед.н.с.	0 ,0%	36 46,2%	42 53,8%
гл.н.с.	0 ,0%	2 4,9%	39 95,1%
	13 4,9%	163 61,7%	88 33,3%

¹⁹⁷ В целом, объем административных обязанностей в Академии был меньше по сравнению с университетами. Тем не менее, даже в небольшом институте с несколькими десятками научных сотрудников, кроме директора, зама и ученого секретаря, имелся Ученый совет, диссертационный совет, профком, аттестационная комиссия и комиссия по надбавкам, должности в которых занимали научные сотрудники – и это не считая технического персонала в составе техника, бухгалтеров, начальника отдела кадров и библиотекаря.

¹⁹⁸ Парадокс, в случае с Березовским, заключался в том, что он делал образцовую академическую карьеру до Перестройки, и, не случись новые времена, с высокой вероятностью был бы избран в конце концов академиком, даже если бы не стал олигархом. Авторам ничего не известно о том, принесла ли его политическая карьера какие-то бонусы РАН. Заметим попутно, что ситуация с университетами была в целом похожей. Ректорская должность рассматривается как хороший запасной аэродром для отставного политика, или, наоборот, опорный пункт для развития политической федеральной карьеры. Во времена заполненного разной инноваторской активностью президентства Медведева, хорошо информированный в региональной политике коллега так прокомментировал переход мэра крупного города в ректоры федерального вуза: *«Это несомненное повышение. Как мэр, он видел Медведева от силы раз в год. Как ректор, видит каждый месяц. Это было бы повышением даже для президента [республики]»*. С другой стороны, университетские преподаватели могли надеяться на то, что федеральный политик принесет с собой некоторую степень политического патронажа – расчет, который чаще всего, видимо, не оправдывался, но был вполне объясним. Осмотрительный политик мог заранее обзавестись степенью, а осмотрительный университет – присвоить ему такую, предполагая различные варианты продолжения отношений.

Кроме того, руководство исследовательскими структурами в целом (учитывались не только РАН, но и различные исследовательские институты при вузах) теснее связывает вступление в административные полномочия и исследовательские функции, чем это имеет место в преподавании – большинство завсекторами не являются докторами, а большинство директоров – являются, причем люди без степени как правило вовсе не являются претендентами на руководство (Табл. 16).

Таблица 16. «Остепененность» администраторов в исследовательских институтах

	Степень		
	кандидат	доктор	
завсектором	12 63,2%	7 36,8%	19 100,0%
завотделом	6 40,0%	9 60,0%	15 100,0%
замдиректора	8 47,1%	9 52,9%	17 100,0%
директор	4 19,0%	17 81,0%	21 100,0%
всего	30 41,7%	42 58,3%	72 100,0%

Тем не менее, наличие степени явно казалось бюрократам недостаточной гарантией проводимых в Академии исследований. Степень в их глазах могла гарантировать наличие способностей, но не гарантировала фактическое использование этих способностей. Если за тем, чтобы преподаватель выполнял свои обязанности, было кому следить, то в бдительность сотрудников того же института вышестоящие инстанции не верили. Декан не мог бы бесконечно покрывать переставшего появляться на лекциях доцента, но директор института, в принципе, мог годами покрывать приходящего только за зарплатой научного сотрудника. В результате в Академии проводились регулярные аттестации каждые пять лет, которые в отдельных случаях дополнялись внеочередными аттестациями. Руководство Академии под нажимом Министерства постепенно детализировало требование к стоящим на каждой ступени, умножая количество надежных в бюрократических глазах признаков научной состоятельности. К степеням добавлялись количество публикаций, выступления и руководство диссертациями. При аттестации в РАН учитываются также гранты РГНФ и РФФИ, обязательные для всех, начиная со ступени старшего научного сотрудника. По состоянию на середину 2000-х годов, система представлена на Рисунке 1 выше. Те, кто не соответствовал ожиданиям предыдущей ступени, могут быть понижены на одну зараз, так что, при нормальном течении событий, переставший публиковаться старший научный сотрудник проделал бы путь до лаборанта за 20 лет.

В целом, продвижение внутри Академии ощутимо сильнее зависело от внешнего научного успеха, чем в университете. Защиты присутствовали и там, и там, но сотрудникам институтов надо было обеспечивать поток публикаций не только в связи с ними, но и для периодических аттестаций. Подъем до верхних этажей в Академии требовал не только поддержки внутри института, но и контактов снаружи, собственных или непосредственного патрона. Необходимы были связи с редакторами, предпочтительны – в образовательных учреждениях, чтобы вербовать аспирантов,¹⁹⁹ а

¹⁹⁹ Поскольку институты Академии не имели прямых выходов на студенческую аудиторию, а рекрутирование в аспирантуру, как и приглашение на работу, производилось по сетям, им нужны были

также все контакты (и некоторая степень удачи), необходимая для привлечения средств грантов РГНФ и РФФИ. Требование в отношении аспирантов и грантов приводилось в исполнение не слишком принудительно, если не было острого конфликта, но они все же задавали некоторую планку. Кроме того, тот, кто был в состоянии обеспечить всем этим других, становился патроном для части своих коллег, и мог, при необходимости, рассчитывать на их поддержку.

Появление руководства фондов в лице РГНФ и РФФИ в качестве дополнительной инстанции, обладающей властью распределять символы профессионального статуса, требует сказать что-то о логике их поведения. Распределение денег фондом происходило под воздействием нескольких императивов. С одной стороны, фонд опирался на сеть экспертов, представляющих ведущие научные центры, которые лоббировали интересы своих организаций – одновременно воспроизводя их лидерство. Этот принцип отбора придавал значительную легитимность собственной деятельности фонда. Университеты, получавшие больше всего грантов, поставляли экспертов, которые добывали еще гранты, что оправдывало привлечение экспертов из тех же университетов к следующему циклу распределения. Введение критериев оценки – в ситуации, когда легитимность любого критерия может быть поставлена под сомнение – зависит от того, насколько результаты, полученные с помощью этого критерия, вписываются в уже известное и ожидаемое. Чтобы быть принятым, критерий должен давать не слишком отличные от итогов предыдущих оценок результаты.²⁰⁰ С другой стороны, фонд предпочитал заявки от проверенных и статусных заявителей, не столько в силу желания дискриминировать молодых, сколько в силу того, что действовал под надзором финансовых органов, которым необходимо было представить адекватную документацию. Подача успешной заявки была лучшим доказательством того, что заявитель может справиться с документацией; наличие административного опыта – другим доказательством этого же. Словами осведомленного информанта:

Эксперты предпочитают “заряженные” заявки, поданные другими экспертами или связанными с ними людьми, <...> поскольку есть такая идеология, что “эксперты лучшие”. Еще они любят руководителей, причем чего угодно – завкафедрой или руководителя лаборатории. Это рассматривается как гарантия того, что уровень ответственности выше, отчет будет вовремя, а отчетность в порядке. Если человек справляется с этим в организации, то справится и по гранту. Потому что Фонд больше всего боится Счетной палаты, и по-всякому боится. (муж., 1970-х г.р., к.н., доцент, Ист-сайд)

С третьей стороны – и вопреки предыдущему – фонду необходимо было отчитываться по целевым показателям, таким, как «доля молодых ученых», и это создавало для новичков шансы, которых не было бы при другом раскладе. В целом, со своими умеренно-консервативными критериями, фонды, возможно, были лучшим из того, что возникло в государственной системе управления институтами в 1990-е годы.

Наконец, надо упомянуть еще две инновации. С 2006 года Министерство требовало, чтобы фиксированная часть зарплатного фонда распределялась пропорционально Показателям результативности научной деятельности – пропорционально набранному количеству

какие-то плацдармы в учебных заведениях, обеспечивающих личный контакт между сотрудниками и потенциальными абитуриентами. Уже упоминалось, что в изученном нами случае, для Социологического института в Петербурге основным таким плацдармом была дружественная кафедра в СПбГУКИ, и, в меньшей степени, кафедры в РГПУ им. Герцена. Тем не менее, аспирантура испытывала постоянную нехватку абитуриентов.

²⁰⁰ Международный рейтинг, в первую десятку которого не войдут Оксфорд и Кембридж, не будет воспринят всерьез. Однако если метод, выдав знакомую первую десятку, неожиданно изменит вторую, то к результатам отнесутся как к интересным и заставляющим задуматься.

баллов, начисляемых за публикации и тому подобное.²⁰¹ В 2006-2009 годах действовали единые системы расценок по Академии, а Ученый совет института мог лишь вводить небольшие поправочные коэффициенты. Затем, столкнувшись с очевидной неадекватностью способов подсчета для многих дисциплин, руководство сдало назад и предложило коллективам на местах самим решать, как они считают правильным распределять стимулирующий фонд. Это привело к возникновению еще одной игры с нулевой суммой, дополнительно насытившей и без того насыщенную политическую жизнь институтов.

Кроме того, в 2010 и 2012 годах, институты РАН пережили организационную аттестацию, которая должна была распределить их по трем категориям – высшей, средней, и «проявляющей признаки неэффективности», основываясь на разных формальных критериях, в основном, количестве публикаций. До самого падения Академии, аттестационные комиссии набирались внутри нее самой. Из чувства солидарности или предполагая, что они должны поддерживать общий фронт «уникального научного учреждения», комиссии обычно ставили наивысшие оценки.²⁰² Это, к несчастью, было не то, чем соглашалось удовлетвориться правительство.

Попытки оптимизировать расходы на счет увольнения непроизводительных и специального поощрения наиболее производительных, наложенная на институциональную конструкцию Академии, привела к непредвиденному и неприятному результату: она резко повысила отнимаемость всех ресурсов в системе. На фазе роста или стагнации, ставки не были однозначно отнимаемым ресурсом. Структура Академии запрещала совместительство внутри института, так что один сотрудник не мог таким образом занять места, отнятые у других – в противном случае, мог возникнуть экстравагантный случай института из одного человека, занимающего несколько десятков позиций. Вообще говоря, индивид мог устроить на них членов собственной сети, и таким образом присвоить их, однако из-за медленного поступления кадровых пополнений для постперестроечного института это не было реалистичной возможностью. Все же если институт вступал в фазу сокращения, то каждый должен был пожертвовать частью своей ставки – или сохранить ее, добившись увольнения кого-то другого. С формально-логической точки зрения, последняя ситуация была аналогична захвату ставки. Аналогично, с того момента, когда определение показателей для ПРНД было доверено конкретному институту, комиссия по надбавкам могла принять определение научного достижения, которое лишало любую часть сотрудников их доли стимулирующего фонда. Внутреннее устройство Академии обеспечивало значительную отнимаемость всех существующих в ней ресурсов.

Этот потенциал хищнического перераспределения мог быть нейтрализован фактом того, что каждый сотрудник вносит свой вклад в благополучие всего института; отняв его долю сегодня, остальные получают меньше, чем сохранив его и получая процент от принесенной им прибыли завтра. В двух ситуациях эти соображения могли взять верх. С одной стороны, приносимые отдельными индивидами и группами в общий котел материальные ресурсы (в виде «оверхедов», оборудования и т.д.) могли превосходить ресурсы, поступающие по линии Академии наук. Это было частой ситуацией с случае с естественнонаучными или техническими институтами, на базе которых создавались высокотехнологичные инновационные фирмы (Аблажей и Головки, 2012). В предельном

---

²⁰¹ Интересно, что критерии исчисления достижений в тот момент были еще изоляционистскими: «За публикацию статьи в рецензируемом российском или зарубежном журнале, имеющем [импакт-фактор] не менее 0.2, устанавливается балл, равный [импакт-фактору] журнала, умноженному на 45 или 30 соответственно», – говорила инструкция по вычислению ПРНД (Минобрнауки, 2006). Уже несколько лет спустя соотношения поменялись.

²⁰² В январе 2013 года были обнародованы результаты внеочередной проверки, согласно которым из 297 проверенных институтов 290 (97,6%) попали в высшую категорию, шесть – во вторую, один – в третью.

случае, институт превращался в конфедерацию коллективов, использующих общую техническую базу, за содержание которой отвечает дирекция, своего рода небольшой технопарк. Мы увидим дальше, что подобное случилось и в социологии, однако, уже скорее в рамках грантовой экономики.²⁰³

С другой стороны, сотрудник мог вносить вклад, принося не деньги, а создавая сегмент поверхности организации, обращенной к какому-то крупному донору, и, таким образом, обеспечивая поступления блоков финансирования прямо в центральный бюджет. В таком случае, ресурс заведомо был отнимаемым, но постольку, поскольку сохранялось понимание, что общее благоденствие появляется благодаря конкретным индивидам, никто не покушался на несущие золотые яйца курицу. Опять же, в определенном преломлении мы встречаем нечто подобное в российской социологии – но снова уже в Вест-сайте. В петербургском Социологическом институте, как и во многих социально-научных институтах, ни первое, ни второе не имело места. Институт брал стандартный «оверхед» с грантов, но его доля в бюджете была достаточно незначительна. На протяжении большей части периода, финансирование института в целом вовсе не зависело от того, чем занимаются его сотрудники, пока они соответствуют минимальным ожиданиям. В Академии с ее инкрементальным бюджетированием, расходуемым в основном на зарплаты, отдельный выдающийся ученый ничем не мог облагодетельствовать свое учреждение. Если он печатался много, то мог лишь уменьшить долю других сотрудников по ПРНД, что не добавляло ему популярности.

Ситуация отчасти изменилась вместе с проведением институциональных аттестаций, однако изменилась не вполне однозначно. Институт оценивается по набору показателей, таких, как доля молодых сотрудников, результативность аспирантуры (доля защитившихся в течение четырех лет после поступления), доля докторов или доля публикующихся. Все эти требования сравнительно демократичны по своему характеру – они поощряли массы вписанных в нормальную карьеру ученых, но не отдельных суперзвезд (что было бы, если бы учитывался, например, совокупный Хирш-индекс). Они не побуждали ни коллектив, ни директора особенно заботиться о сохранении сотрудников, составлявших лицо института в глазах дисциплины, и, как мы увидим дальше, в ходе чисток в СИ РАН были уволены две его наиболее заметные социологические «звезды».

Вендетта могла сдерживаться и иными соображениями, несвязанными прямо с извлечением непосредственных экономических прибылей. Существовали нормы академического декорума, которые до определенного предела стабилизировали ситуацию. Множество взаимодействий, которые чисто экономически представляются играми с нулевой суммой, в действительности не становятся таковыми, поскольку, кроме антагонистического распределения финансовых бонусов, их участники совместно работают над тем, чтобы каждый сохранил идентичность добродетельного представителя республики ученых. К несчастью, после того, как потенциал конфликта экономических интересов превышает предел прочности этикетной системы, эта система из ингибитора превращается в фасилитатор. Традиционный советский академический этикет не считал экономические соображения легитимными для человека науки, и не предоставлял ему достаточных коммуникативных ресурсов для защиты своих экономических интересов. Настоящему ученому полагалось работать в Академии не ради денег; признавая, что деньги имели значение, он тем самым терял статус настоящего ученого. Поскольку все были связаны одной и той же системой нормативных ожиданий, в нормальной обстановке господствовала система тактичной предупредительности, *misrecognition*, позволявшей сторонам никогда не озвучивать свои запросы и, тем не менее, получать причитающееся

---

²⁰³ Стороннему наблюдателю может, впрочем, показаться, что это описание подходит также к Институту социологии в Москве.

им. К несчастью, любой сбой в такой этикетной системе влечет за собой необратимые последствия; тот, кто ощущает себя ущемленным, неизбежно вдобавок ко всему теряет еще и лицо, озвучивая обиду, а упрекая других в том, что они ущемили его финансовые интересы в свою пользу, он неизбежно бросает им еще и тяжкое оскорбление. Хуже того, поскольку моральные свойства ученых всегда переплетаются с их интеллектуальными свойствами, а жесты взаимной экономической заинтересованности – с жестами интеллектуального признания, то сбой в поддержании декорума оказывается моментом, когда выясняется, что одни участники взаимодействия совсем не так высоко ставят научные достижения других, как они демонстрировали ранее. Одни обнаруживают, что пьедестал интеллектуального признания рушится под их ногами, а вторые показывают, что всегда были неискренними и ненадежными, участвуя в создании этого пьедестала. Катастрофические цунами прокатываются по всей системе академических связей.

Вторым стабилизирующим фактором обычно является то, что организация возникала как оболочка вокруг сети, и лояльность сети, а также долговременные личные отношения в ней, пересиливали текущие финансовые соображения. В нашем институте, однако, эта цельность исходной сети была нарушена. Институт, созданный Б.М. Фирсовым, был более-менее однороден в своем происхождении из ядовской семьи, и пока его возглавлял один из ее безусловных лидеров, мог считать себя застрахованным от потрясений. Директор, однако, покинул институт²⁰⁴, не оставив законного наследника, и с выбором в 1996 году директором С.И. Голода, не принадлежавшего к ядовскому семейству, начались его несчастья.

Голоду выпала задача подготовить трансформацию бывшего филиала в самостоятельный институт. Первым актом последовавшей драмы был подготовленный им в 1999 году проект структурной реорганизации, содержавший список из восьми направлений, за которые должен был отвечать институт в общем профиле РАН, и утвержденный в январе 2000 года Президиумом Академии. В списке отсутствовали названия четырех из пяти существовавших на тот момент секторов, руководимых бывшими коллегами Ядова (проблем общественного сознания – Б.М. Фирсов, городского образа жизни – И.И. Травин, социологии общественных движений – В.В. Костюшев, социально-культурных изменений – В.Б. Голофаст). Фирсов к тому времени уже практически не работал в Институте, но остальные, вместе с А.Н. Алексеевым, составили ядро оппозиции. Их действия особенно активизировались после того, как в руки оппозиционеров попал поданный в юридический отдел РАН проект приказа, предписывавший сотрудникам, обнаружившим себя непрофильными «в течение трех месяцев со дня опубликования данного приказа по согласованию с руководителями научных подразделений Социологического института РАН, перейти на работу в соответствующие подразделения».²⁰⁵ Решение удалось заблокировать на уровне Отделения РАН, которое отложило утверждение новой структуры до выборов директора института и ученого совета.

Выборы состоялись в Отделении в декабре 2002 года, и на них победил А.В. Тихонов, представлявший ядовскую сеть; им предшествовало, однако, обсуждение в самом институте, где уверенное большинство набрал Голод (71% голосов, 39 из 55) – ядовские уже не составляли большинства в институте. Это было вопиющим поприем

²⁰⁴ Что само по себе было некоторым нарушением обязательств академического патрона; спустя почти два десятилетия, рассуждая о последовавших катаклизмах, некоторые сотрудники продолжали возлагать на него вину за это.

²⁰⁵ Юридический отдел РАН поручил отделу кадров института озаботиться трудоустройством этих сотрудников, на которое они имели право согласно ТК; большая часть документов цитируется по (Алексеев, 2005; 2010, см. также – Саганенко, 2008). Читатель должен иметь в виду, однако, что документы представляют точку зрения только одной стороны. Мы, тем не менее, стремились сбалансировать их с помощью интервью.

традиционных прав коллективов и вызвало волну возмущения. К его озвучиванию были привлечены даже городские газеты – популярный в то время «Час Пик» напечатал статью скандалиста и литературоведа Виктора Топорова, транслировавшего мнение голодовской партии и обвинявшего Тихонова во всевозможных грехах, включая создание финансовой пирамиды (Топоров, 2003). Отделение, однако, осталось непреклонным, и Тихонов был директором до 2005 года, когда внезапно отбыл в Москву в связи с превратностями в ведении бизнеса. Отделение, видимо, утомленное ситуацией в институте, избрало его главой членкора И.И. Елисееву, экономиста и статистика, не связанную ни с одной из конфликтующих сторон; Елисеева, однако, постепенно склонялась к сотрудничеству с оппонентами ядовской партии. По крайней мере частично, это могло объясняться тем, что ядовские, рассматривая себя как свободных художников, пренебрегающих всевозможной формальной шелухой, не публиковались в изданиях, которые позволяли бы институту отчитаться их текстами как научными, и игнорировали попытки повысить их «продуктивность», которые директорат неизбежно предпринимал. Со значительно большим удовольствием, они печатались в неакадемических изданиях у своих знакомых, в не входящем в список ВАК «Телескопе» или вообще в Интернете.

Наступило временное затишье, которое продолжалось до 2008 года – момента, когда руководство Академии, под давлением правительства, начало волну сокращений с параллельным перераспределением зарплаты в пользу остающихся. Институту выпало сократить 5 ставок – примерно 8%. В учреждении, устроенном так, как был устроен институт, это значило внезапное возрастание «отнимаемости» основного ресурса – постоянных позиций, – что неизбежно создавало конфликтную ситуацию. Кроме того, Академия инициировала проведение внеочередной аттестации, по всей видимости, в надежде, что инвентаризация выявит человеческий балласт, подлежащий сбрасыванию за борт. Обычной стратегией поведения института, не раздраемого внутренним конфликтом, в этих условиях было избегать увольнений, деля ставки на доли.²⁰⁶ Администрация СИ РАН изначально также стремилась, видимо, выработать какой-то безличный принцип, привязав долю или к возрасту и статусу (пенсионеры без степени переводились на 0.5 ставки, пенсионеры-кандидаты – на 0.8, пенсионеры-доктора – на 0.9), или к показателям ПРНД. И то, и другое в перспективе должно было также улучшить формальные показатели института при организационной аттестации. В результате, выбор был сделан в пользу первой схемы. Администрация действовала соблюдая все нормы академического этикета, пойдя на контакт с каждым, намеченным к частичному сокращению, и предложив ему добровольно написать соответствующее заявление. План мог бы сработать, если бы не А.Н. Алексеев, известный своими вариациями на тему кризисных экспериментов. Фирменным стилем Алексеева было отказывать окружающим войти в их положение, когда те предполагали отклониться от формальной процедуры, чтобы чуть-чуть упростить себе жизнь, а затем описывать их мучения.²⁰⁷ Это был подходящий случай. Алексеев отказался написать заявление и выказав недвусмысленное намерение сделать из происходящего сюжет для новой книги, поставив администрацию в

---

²⁰⁶ Такое деление на практике подразумевало катастрофический провал задуманной реформы. В солидарных коллективах, общим решением было обычно сохранять ставки пропорционально потребности. На большую долю были сокращены, соответственно, позиции тех, кто не жил на них, потому что постоянно сидел за границей. То, что задумывалось как способ отсеять непродуктивных, ударило как раз по тем, кого Министерство готово было признать наиболее продуктивными.

²⁰⁷ В собственных глазах Алексеев неизменно выглядел борцом за правду; читатель может колебаться в своих оценках в зависимости от того, испытывает ли он эмпатию к тем, кому Алексеев таким образом отравлял жизнь. Тем не менее, его книги могли бы быть отличной социологией, если бы автор обладал большим теоретическим кругозором, и великолепным чтением, если бы он обладал хоть каким-то чувством юмора. В нынешнем виде, они в основном ценны как сборник редких документов, хотя и весьма произвольно отцензурированных.

неприятное положение людей, лучшие побуждения которых подверглись препарированию.

Все случившееся дальше напоминает витгенштейнианскую притчу о том, что ни одно правило не содержит условий собственного применения, и попытки задать эти условия другим правилом ведут систему лишь к большей неопределенности. Реакция последовала по итогам аттестации в мае 2008 года. Алексеев не прошел ее вместе с четырьмя другими, включая вечного начальника штаба Ядова О.Б. Божкова и примыкавшего к ядовский сети В.А. Бачинина. Все они были дисквалифицированы как не соответствующие формальным требованиям, отраженным на Рисунке 1 выше. Божков руководил сектором, не имея даже степени кандидата. Алексеев был ведущим сотрудником, не имея грантов РГНФ и РФФИ и не руководя аспирантами. Оба могли указать на то, что прежде в аналогичных ситуациях комиссия соглашалась проводить оценку по совокупности атрибутов, и компенсировать недостаток одного избытком другого, а в данном случае отсечение происходило по самому слабому звену. Случай Бачинина был еще интереснее. Он наглядно показывает, как попытка руководства Академии – лучше всего ощущавшего, чего хочет добиться министерство, – перераспределить часть доходов в пользу наиболее продуктивных в публикационном отношении сотрудников имела местами обратный эффект. Бачинин традиционно производил наибольший вал публикаций – 40 книг за 6 лет, что значило, что при разделении общего премиального фонда пропорционально числу баллов он просто обирал всех. В вину ему аттестационная комиссия поставила то, что его активность не соответствовала его плановой теме в институте – «Участие российских христиан в развитии гражданского общества», а большая часть его публикаций была забракована на том основании, что она не соответствовала составленному им плану работ по теме в рамках института – документу, на который никто уже давным-давно не обращал внимания, считая его чистой условностью. Эта нормативная рамка, внезапно выплывшая из советского прошлого, и заложенное в ней понимание научного сотрудника как подрядчика на исполнение заказанной институтом темы, была тяжелой артиллерией, поскольку позволяла уволить практически любого, и все это знали.²⁰⁸ Другим столь же разрушительным оружием было требование получать гранты на темы, отличные от плановых тем в институте; хотя в данном случае это оружие и не применялось, известны другие случаи его использования.

Спасти Бачинина и его товарищей по несчастью могла только широкая сеть поддержки в институте. Однако, будучи хорошо известными за его пределами, некоторые из них находились в полной изоляции внутри него. Такое часто случается с академическими космополитами, но в сложившихся условиях оказывалось смертным приговором. К счастью, на стороне Алексеева, по крайней мере, было, кому выступить. На следующей ученом совете (17 июня) в его поддержку выступили другие члены ядовской группы – Г.И. Саганенко, Н.Р. Корнев, И.И. Травин, Б.И. Максимов, Я.И. Гилинский и другие.

Это имело неожиданные последствия. Фамилии Алексеева и Бачинина не исчезли из списка уволенных по сокращению штатов, опубликованного через несколько дней (26

²⁰⁸ Содержание его многочисленных трудов не принималось при этом во внимание, хотя история с ними сама по себе поучительна. Бачинин развивал версию христианской социологии, которая интеллектуально ничем не отличалась от православной социологии архиконсерватора Добренькова, кроме своей политической направленности. Бачинин был лютеранским пастором и критиковал симбиоз путинского режима с РПЦ. О стиле его социологического мышления дает представления следующий фрагмент из его речи, произнесенной в свою защиту: *«Осмелюсь утверждать, что все, что происходит в обществе, имеет отношение к социологии. Я также считаю, что всё, происходящее в общественно-религиозной жизни, имеет отношение к социологии религии, а значит и к плановой работе института, где мне пока одному приходится заниматься этой тематикой... (Цит. по Алексеев, 2010: 90) Вообще, меня удивляет: на каком основании люди, максимально далекие от религии, не имеющие ни малейшего собственного религиозного опыта, учат меня, верующего, как мне изучать религиозную реальность!» (Алексеев, 2010:93)*

июня), зато к ним прибавилась фамилия Корнева и Т.З. Протасенко, также выступавшей в поддержку Алексеева. В результате, некоторые из не прошедших аттестацию избежали увольнения, будучи лишь пониженными на ступень, в то время как некоторые из прошедших ее все-таки были уволены. Аргументом вновь были недостаточное участие в разработке бюджетной НИР, заявленной в индивидуальном плане, и несоответствие тематики проблем, закрепленных за институтом: Корневу сообщили, в частности, что институт планирует свернуть городскую тематику. Еще одним аргументом была загадочная «гармонизация структуры с раздутым штатом старших должностей» (Алексеев, 2005: 312).

В следующие месяцы, собравшись с силами, ядовская семья нанесла ответный удар. Бачинин, возглавлявший как доктор наук диссертационный совет института, вышел из него 30 июня; за ним последовали другие. Ядов отказался оппонировать на защите докторской Г.В. Каныгина, который считался активным сторонником партии директора, и в итоге та отложила на несколько лет после этого события. Елисеева не была выдвинута в действительные члены АН, как утверждали злые языки, из-за противодействия лидеров той же сети. Корнев обратился к руководству института, указывая, что, согласно Трудовому кодексу, ему при сокращении его ставки должна была быть представлена преимущественная возможность занять аналогичную ставку в другом секторе, пусть даже и с другой тематикой. В итоге, он был взят по контракту на год. Тему исследований его никто не заставил менять. Протасенко, обеспечивавшая региональную администрацию результатами исследований общественного мнения и имевшая там обширные связи, обеспечила звонок губернатора, по итогам которого была немедленно принята назад на работу.

Бачинин пошел дальше и подал в суд, основное действие которого развернулось в феврале-марте 2009 года. Суд оказался интереснейшим мероприятием, поскольку продемонстрировал, насколько слабо академический институт был подготовлен к инспекции своей формально-юридической поверхности. Многие решения не имели вовсе никакого документального подкрепления: протоколы не велись, преобразования структуры производились в соответствии с планом, которого не существовало нигде, кроме головы директора и т.п. Экономия на транзакционных издержках в этих условиях внезапно оказалась фатальной; привычное для академического мира изготовление протокола задним числом, например, неожиданно для изготовителей вдруг приобрело статус фактуры для уголовного дела. Столь же неприятными оказались следствия долгого мирного сосуществования: судья регулярно интересовалась, как именно Бачинин, систематически, по версии директората, не выполнявший своих обязанностей, мог не получать замечаний с занесением, подниматься по служебной лестнице и возглавить диссовет. Представители ответчика оправдывались, но их оправдания говорили о них судье мало лестного, вроде того, что у других докторов не нашлось для руководства диссоветом времени. В том же духе, Бачинин сам обличал ранее своего заведующего сектором В.В. Козловского, написавшего на него при аттестации разгромный отзыв:

Мой начальник по теме, Козловский, никогда, ни разу, ни малейшего замечания мне за мою работу не высказывал, хотя никто ему не мешал это сделать. Я не ведал ничего ни сном, ни духом. И тут вдруг, внезапно, как черт из табакерки, выскочило некое обвинение. Открылся клапан, и на Бачинина, который ничего не знал, отсутствовал и постоять за себя не мог, вылился ушат грязных помоев (цит в Алексеев, 2010: 97).

Академический этикет и система обменов небольшими услугами, диктуемыми в основном государственной политикой контроля, незаметно опутывают всех и каждого узами, которые невозможно разорвать, не признаваясь в двуличии и хроническом недостатке принципиальности.

Бачинин выиграл суд, доказав, что институт обязан был предоставить ему преимущественное право занять другую ставку, если уже его сокращалась в связи с изменением плановой тематики, и получил 350.000 рублей компенсации за вынужденный прогул, пробив в бюджете института огромную брешь. Ядовские, тем не менее, не стали развивать успех, поскольку было ясно, что у них мало шансов задержаться в институте. В ноябре 2008 года имела место сдача проектов (к тому времени вступала в действие реформа, которая должна была заменить сектора и группы более гибкими проектами). Проект Саганенко был отвергнут, и ее передали в группу, занимавшуюся другим проектом; вскоре она покинула институт. Корнев также уволился год спустя, выйдя на пенсию, Бачинин переехал из Петербурга. На прощание в марте 2009 года Бачинин и Саганенко написали открытое письмо в Кремль президенту Д.А. Медведеву²⁰⁹, попытавшись привлечь внимание того к «изничтожению и разбазариванию» социологических кадров и к недостатку публикаций у Елисейевой и ее сторонников.

Едва ли не последним из защищавших на ученом совете Алексеева год спустя уволился Гишинский. Из работавших в институте после ухода Фирсова, Гишинский, наверное, был самой крупной фигурой в советской социологии; он был первым среди тех, кто засталбил за социологами всю тематику девиантного поведения. Поскольку он не был активно вовлечен во внутренние конфликты, волна могла бы его не затронуть, однако, кажется, что между ним и администрацией нарастало отчуждение: вначале его задели методики расчета ПРНД, направленные против Бачинина²¹⁰, из-за которых была отвергнута и часть его книг, затем к нарастающему раздражению прибавилось и то, что увольнение по истечению годового контракта, было произведено без соблюдения минимального церемониала:

сделано это было чрезвычайно по-хамски. Мне предложила подписать ознакомление с соответствующим приказом зав. отделом кадров. При этом находящиеся в это же время в институте директор, зам. директора не посчитали нужным хотя бы из вежливости переговорить со мной и поблагодарить за ДВАДЦАТЬ лет работы в институте – с первого дня его создания²¹¹ (Алексеев, 2010: 486).

По словам дирекции, за увольнением предполагалось восстановление на следующий год, и поэтому оно не требовало никакого специального ритуального оформления, но увольняемого забыли об этом предупредить. Он естественным образом почувствовал себя задетым, и высказал в общении с прессой несколько нелестных соображений об институте и его директоре, которые сделали продолжение отношений между ними совершенно невозможным.

---

²⁰⁹ Опубликовано на сайте *polit.ru*: http://www.polit.ru/science/2009/03/12/letter_soc.html (доступ осуществлен 1 сентября 2014). Ученый Совет СИ РАН счел необходимым собраться и обсудить его, опубликовав опровержение, в котором вернул оппонентам те же аргументы: «До недавнего времени Г. И. Саганенко считала И.И. Елисейеву крупным специалистом в области социологии, просила ее быть рецензентом собственной монографии и приглашала ее на заседание Диссертационного совета института, чтобы И.И. Елисейева поддержала при обсуждении докторскую диссертацию Г. И. Саганенко» (Ученый Совет СИ РАН, 2009).

²¹⁰ Способы подсчета весьма широко использовали данное комиссии института право определять баллы за научные достижения. Например, баллы начислялись только «[н]е более [чем за] 6 докладов на конференциях за последние два года» или только за «Монографии по тематике института (основным научным направлениям), и имеющие гриф, копирайт СИРАН и шифр ISBN» (цит. по Алексеев, 2005: 386). Помимо возможности сколь угодно узко трактовать «основные направления», отметим, что *Cambridge university press* было бы сложно уговорить поставить копирайт академического института; опубликуйся кто-то из сотрудников там, при аттестации это бы не помогло.

²¹¹ Комментарии опубликованы в сети под заголовком «Почему известного социолога Я.И. Гишинского уволили из Социологического института РАН?». Доступно по ссылке: <http://www.polit.ru/news/2009/07/02/gilinsky/> (доступ осуществлен 1 сентября 2014).

Возвращаясь к карьере в РАН, на фазе роста и фазе сжатия разные атрибуты и разные линии поведения обеспечивали ее наиболее успешное развитие. На фазе роста, стратегией, дающей наибольшую отдачу, является попытка застолбить за собой новую тему, еще не покрытую кем-либо прежде. В советской социологии, легитимация новой группы социальных проблем и соответствующей индустрии прикладных исследований увенчивалась созданием сектора в одном из академических институтов, который был головным подразделением для всей этой специализации. Влияние и известность классиков советской социологии в значительной мере определялись тем, насколько масштабной эта специализация была. В.А. Ядов стал главным советским социологом в значительной мере благодаря тому, что проблемы трудовой мотивации были основной для бесчисленных отделов НОТ по всей стране. Тем не менее, и меньшие темы превращали своего отца-основателя (реже – мать-основательницу) в живого классика. Подобный подвиг требовал значительных сетевых ресурсов, позволяющих мобилизовать широкую поддержку среди элиты, причем не только и не столько из дисциплинарной или академической элиты. Соответственно, герои этого поколения выходили из высшего социального слоя своего времени и заканчивали главные университеты страны. Кроме того, они обладали способностью быть интересными для широкой несоциологической аудитории, и даже вкусом к общению с масс-медиа. Те, кто соответствует этим высоким стандартам, формируют новый истеблишмент. Остальные более-менее добровольно превращаются в их адъютантов. Некоторые из адъютантов предпринимают соответствующие карьерные шаги, вроде защит, но другие за этим занятием забывают о собственной карьере, благо, потребность в подобном труде постоянно растет, и на первом, учредительном, этапе никто не придает формальным атрибутам большого значения. Адъютанты отбираются скорее по признаку культурной и политической близости и энергичной преданности патрону, причем по мере того, как проекты социально-политических реформ захлебывались, важность энергичности постепенно сходила на нет, а культурно-политической близости, напротив, росла. На одной фазе своего развития институты превратились в среду, где были рады практически любому, способному составить приятную компанию. РАН превратился в естественный дом для людей, которые не были ни в каком смысле карьерно ориентированы (период 1996-2005 годов были таким для нашего института). С некоторым трудом можно сказать, каким условиям требовалось соответствовать, чтобы сделать карьеру на этом этапе, поскольку ее практически никто не делал. Блокировалось ли продвижение каким-то образом *high-group*, *low-grid* культурой, или те, кто был ориентирован на активное продвижение, сами покидали организацию, видя больше возможностей за ее пределами – сложный вопрос. Возможно, имело место и то, и другое. На фазе стагнации, академический институт был подозрителен к тем, кто пытался вырваться вперед, но снисходителен к почему-то отстававшим от товарищей. Процедуры предзащиты в нем славилась своей мучительностью, далеко превосходящей имевшую место в большинстве вузов. Если в университете смотрели на желание младшего коллеги защитить диссертацию как на хорошо объяснимое, закономерное и похвальное, то в Академии оно воспринималось, видимо, как проявление нездоровых амбиций. Аналогично, новичок в Институте не мог претендовать на быстрый подъем, каким бы ни был его потенциал. Самые амбициозные и самонадеянные, соответственно, не находили карьеру в нем привлекательной. Рассуждая о факультетах, служивших для Института источниками кадрового пополнения, его сотрудник замечал:

[Тех], которые приходят с «[Большого] факультета» <...> их меньше, потому что [пауза] по разным причинам. От снобизма, с одной стороны, с другой стороны до, ну, так как они оценивают перспективы своей деятельности или жизнедеятельности здесь либо там... университетские как правило хотят сразу и всего, а [приходящие из неэлитарного Института культуры] в общем-то

готовы к плавному встраиванию. А у нас нет такой возможности, что вот взяли тебя, какой ты там ни хороший <...> на всю ставку. То есть это все идет постепенно через полставки, четверть ставки, через гранты, то есть постепенно. Просачивание, такая тактика просачивания (муж., 1950-х г.р., к.н., ст.н.с., Олд-центр)

В результате, Институт стабильно получал людей, лишенных каких-либо амбиций. За тринадцать лет существования в нем диссертационного совета (1998-2010 с перерывом в 2003) его сотрудниками были защищены лишь семь кандидатских диссертаций и ни одной докторской; при этом больше половины из 80 с лишним человек, занимавших ставки за этот период, не имели степени. Ту энергию, которую они сохраняли, они расходовали на предприятие вне института, а не в нем.

Следующий этап, фаза сжатия, совпала с нарастающими попытками стимулировать академическую продуктивность. Для Института эти попытки создавали особенно много проблем, поскольку господствовавшая в нем *high group, low grid* культура не одобряла внимания к академическим регалиями изданий, что входило в явный конфликт с побуждениями бюрократов. Связи вне академического мира, важные на первом этапе эволюции, на этом этапе становятся менее важны, чем связи внутри его, в том числе, с редакторами, ВАК, фондами и Президиумом. Аналогично, основным условием продвижения по административной лестнице становится наличие поддержки среди действующих академиков. Соответственно, блестящие выпускники элитарных заведений сменяются на первых ролях людьми более скромного происхождения и менее эксклюзивного образования. Дополнительно важность внутренних сетей была подстегнута изменением общей тональности взаимоотношений на фазе сжатия, которые постепенно приобретали характер войны всех против всех. Лишь сильные связи внутри института, позволяющие мобилизовать поддержку при судьбоносном голосовании, становились гарантией выживания. Кроме того, приобретали неожиданную важность посты во всевозможных комиссиях и комитетах, которые божественная субкультура недооценивала; ответственный член сети должен был принимать на себя их тягости, чтобы обеспечить ее выживание.

Трудовая дисциплина и способность производить формально распознаваемые результаты приобретают значение, как в свете правительственных усилий, так и под угрозой стать жертвой внутренних чисток. В Институте, это неожиданно отразилось на количестве защит: четыре кандидатских и одна докторская за 2011-2012 годы, в пять раз чаще, чем в среднем за предыдущую дюжину лет. Однако, хотя высокая формальная производительность была важна, она не должна быть слишком высокой, иначе возникал риск стать проблемой для своих коллег. В целом, на этом этапе было существенно скорее количество текстов при их минимальной респектабельности, чем их ошеломляющая популярность. Система не содержала никаких вознаграждений для суперзвезд и, как показал пример Института, правящая группа в нем могла последовательно избавиться от всех самых известных его сотрудников. Хотя индивиды, которые достигали впечатляющих коллег результатов, пользовались общим уважением, это уважение само по себе не давало им особых карьерных шансов.

Поскольку регулярное производство текстов все-таки требовало какой-то относительно глубокой исследовательской специализации, выбор темы в Академии был более ответственным решением, чем в вузовском Ист-сайте. Там для организации скорее желательно было, чтобы индивид не слишком срастался с темой и был готов легко ее поменять, если придется читать совершенно новый курс. Производство потока текстов и успешных заявок требует, однако, более основательного знакомства с текущей литературой и инвестиции времени в проведение собственных исследований; желательно, кроме того, чтобы об этих исследованиях было хотя бы минимально известно. Исследовательская репутация сама по себе не гарантирует ни подъема, ни выживания, но

она является некоторым конкурентным преимуществом при прочих равных. В условиях сжатия, открытие совершенно новых секторов и направлений было проблематично, поскольку означало исчезновение старых. Оно происходило, если руководство РАН пыталось вписаться в повестку, заданную правительством, однако, в целом, было скорее исключением из правил, по крайней мере, в социологии. Соответственно, у молодого инициативного индивида было не слишком много шансов создать направление под себя. То, что нельзя было создать, можно было, однако, унаследовать. Поскольку во главе направлений часто стояли те же самые люди, кто узаконил их много десятилетий назад в качестве социальных проблем советского общества, и окружали их ученики ненамного их младше, молодые и инициативные наследники легко забирали дело в свои руки. Старшие рады были передать дело кому-то, кто мог продолжить его, а московское руководство из сентиментальных соображений или просто по инерции обычно поддерживало развитие проблематики, традиционной для данного института и уже зафиксированной во всевозможных бюрократических классификациях. Наилучшие перспективы в Академии открывались перед теми, кто поднимал знамена из ослабевающих рук патриархов или матриархесс.

Рождение карго-университета и другие Вест-сайдские истории

Петеребургский Вест-сайд не похож на две другие части нашей популяции социологов в нескольких отношениях. Прежде всего, он отличается от них своих разнообразием: внутри группы в несколько десятков человек сосуществует две культуры, и в настоящее время они разбросаны по организациям, занимающим три кардинально разные экономические ниши. В политическом плане, эти организации напоминают пиратскую конфедерацию, феодальную республику и абсолютную монархию.

Вследствие преобладающих в нем ассимиляционистских и либеральных взглядов, любые репутации и институты в Вест-сайте черпают легитимность отсылкой на современные практики «мировой науки», не на российские или советские традиции. Его положение в российском академическом мире определяется тем, насколько внешние по отношению к этой сети группы – прежде всего, государственные чиновники, но также сегменты публики, особенно платежеспособные, – готовы согласиться с тотальным превосходством «западной» науки над российской. Хотя ассимиляционизм очевидным образом связан с либерализмом на уровне индивидуальных установок, распространение ассимиляционистских настроений в государственном ведомстве, отвечающем за науку, и общее господство либеральных настроений в политике не обязательно нарастают и убывают в такт друг с другом. Государственный ассимиляционизм превратился в официальную политику управления наукой в середине 2000-х годов, то есть в момент, когда политическое западничество было успешно маргинализировано.

Получение этой неожиданной новой поддержки позволило Вест-сайду сохранить ощущение своего превосходства над остальным российским академическим миром, в том числе чисто экономического. В 1990-е годы доступ к грантовой экономике и международным учебным программам, которые предоставляла карьера в нем, позволяли выплачивать студенческие стипендии, значительно превосходившие зарплаты профессоров. Образ жизни «международного ученого» с путешествиями в Европу, покупкой одежды в *H&M*, казавшимся тогда эталоном недостижимой роскоши, и использованием ноутбуком (даже в СПбГУ до начала 2000-х на кафедре приходился обычно один компьютер) создавали видимый классовый барьер между Вест-сайдом и всеми остальными. В 2000-е годы экономическая разница между частями сообщества начала стираться, но на ее место пришла политическая. Вест-сайд находился на дистанции протянутой руки от московских центров власти. Несмотря на (или благодаря?) его фрондерскому статусу, на его площадках выступали вице-премьеры и губернаторы, в нем

писались проекты реформ, его боссы входили во всевозможные президентские советы, а его известные своими оппозиционными политическими взглядами профессора удостаивались увещательных звонков от всевластного замглавы администрации президента РФ. Парадоксально, но, несмотря на то, что его обитатели вовсе не рассматривали себя как «государственных людей» и не видели свою основную миссию в участии в выработке политики, они были гораздо ближе к тому, чтобы фактически стать таковыми, чем Ист-сайдские профессора. В дополнение к этому – и отчасти в связи с этим – Вест-сайд был значительно более медийно успешным. И вновь – хотя многие его лидеры категорически отвергали это амплу – именно они обнаруживали себя в статусе, который Ист-сайдские профессора рады были бы примерить на себя – статусе политических проповедников. Это создавало между ними явные иерархические отношения, порождая на Востоке волны изобретательного ресентимента, на который Запад смотрел с презрительной отстраненностью. В тех ситуациях, когда Запад нуждался в поддержке мейнстримных институтов, те рады были воспользоваться случаем, чтобы отплатить ему за унижение.

Такие случаи, впрочем, возникали преимущественно в двух ситуациях – соприкосновении с государственной академической бюрократией и мобилизации политической поддержки. Соприкосновение с образовательной бюрократией многим Вест-сайдским институтам и большинству его обитателей успешно удавалось избегать на протяжении первого десятилетия существования. Экономическая история Вест-сайда распадается на два периода, условным водоразделом которых могут служить 2003-2004 годы – первая попытка ограничить деятельность зарубежных фондов в России и начало собственного экономического подъема. На протяжении первого из них, классического, потребность Вест-сайда в легитимации его деятельности со стороны государственных ведомств или репрезентирующих традиционный истеблишмент структур типа ВАК были минимальными. Живущие на гранты университеты не лицензировали свои программы и не получали аккредитации, а сотрудники становились профессорами, не защищая докторской. Единственной брешью в стене этой самодостаточности была защита кандидатской, однако и к ее отсутствию Запад относился весьма либерально.²¹²

Второй ситуацией была еще более редкая потребность в мобилизации широкой политической поддержки со стороны «академического сообщества». Едва ли не единственным таким случаем до сих пор было закрытие Европейского университета в 2008 году в связи с «пожарным кризисом».²¹³ Это событие вызвало всплеск сетевой активности, однако в ней приняли участие лишь считанные единицы не-Вест-сайдских профессоров. В основном этими единицами были те, кто принадлежал к собственному Вест-сайду «Большого факультета» – небольшой фрондерской группы, которая черпала статус внутри него из той же близости к «западной» науке.²¹⁴ Остальные с некоторой

---

²¹² Следы этого мы по-прежнему видим в изобилии Вест-сайдских профессоров, не имеющих докторской степени. Напомним, что традиционная карьерная лестница теоретически допускала занятие должности и даже получение профессорского звания особо отличившимся на педагогическом поприще кандидатом наук, но подобное считалось исключением и в реальности, как показывает статистика выше, допускалось крайне редко.

²¹³ В феврале 2008 года занятия были приостановлены пожарными, усмотревшими факты множественных нарушений техники безопасности. Хотя нарушения, безусловно, имели место (достаточно сказать, что до того в обветшалом здании курили практически везде и постоянно), мало кто из пострадавших сомневался, что внезапная забота со стороны соответствующих служб была политически мотивирована. Особенно многозначительно выглядел тот факт, что за несколько дней о деятельности профессоров политологии, анализировавших подготовку к предстоящим мартовским выборам, критически отозвался пресс-секретарь президента Путина.

²¹⁴ В целом, как это обычно бывает с полями, структура каждого из их сегментов повторяет структуру целого, и у Ист-сайда был свой Вест, а у Веста- Ист. Заметим попутно, что в России, в которой все мыслимые культурные и классовые оппозиции ложатся на географические оппозиции между центром и

отстраненностью или даже злорадством наблюдали за происходящим. Злорадство, впрочем, было вполне объяснимо, учитывая, что все остальное время Вест переманивал лучших студентов, всячески давая понять, что только на его территории они прикоснутся к настоящей мировой науке.

Институты, возникшие на этом огороженном участке, отличались значительной самобытностью не только по российским, но и по мировым меркам. Основной чертой этой самобытности – и основной чертой экономической культуры Вест-сайда – была минимизация служебных и ранговых компонент рыночной ситуации. Большая часть преподавателей университетов или институтов Академии живет на зарплаты, которые в них получает. Большая часть доходов обитателей Вест-энда происходит (во всяком случае, происходила до второй половине 2000-х годов) от временных предприятий – индивидуальных грантов и стипендий, сдельной оплаты за исследовательскую работу и администрирование коллективных проектов, гонораров, редактирования, транскрибирования интервью и переводов, премий и т.д. Это делает преобладающий в нем способ хозяйствования совершенно иным: охота и собирательство вместо земледелия, и, соответственно, кочевая культура вместо оседлой. Ирония ситуации, как может понять читатель остальных глав, состоит в том, что та «западная» наука, близость к которой культивировал Вест-сайд, особенно на ранних стадиях своего развития, была в чистом виде проекцией бессознательных мечтаний российских вольнодумно настроенных мэнэсов. Устав от статуса рядовых в армии Министерства открытий, они мечтали о жизни свободных художников. Я-концепция обитателей Вест-сайда (и, во многом, Олд-Центра) во многом строилась на том, что они не являются чиновниками или любой другой разновидностью офисных работников. Многих из них приводила в (слегка наигранный) ужас перспектива заполнения самых простых бюрократических форм. Экономически, ролевой моделью для них были фрилансеры в журналистике, программировании или дизайне, а в дальней перспективе – писатели, живущие на гонорары. Немецкий, французский или американский профессор, полжизни воюющий за постоянный контракт, увидели бы в карьерных планах сотрудников ЦНСИ или родственного учреждения (*«заниматься всю жизнь самыми разными проектами по грантам»*) очевидную аномалию. Тем не менее, в российской социологии '90-х жила твердая убежденность, что *«вся мировая социология существует на гранты»*. Печальная сторона этой истории состояла в том, что Вестсайдеры, верящие, что существуют в типичном режиме «настоящей западной науки», не подозревали, насколько неестественно и невыигрышно смотрятся их биографии для тех, кто смотрит на них сквозь призму нормативной «западной» академической карьеры.

Так или иначе, на протяжении постсоветского периода в Петербурге существовал единственный Вест-сайдский институт с зарплатами существенного размера: ЕУСПб, причем с момента его основания и до 2010-х годов их объем постоянно сокращался в относительном исчислении. ЦНСИ платил минимальные зарплаты, а в прибавившейся позже ВШЭ они составляют, как правило, небольшую долю того, что сотрудники получали из различных иррегулярных источников внутри той же «Вышки». В юридическом смысле, ЦНСИ представлял собой НКО, которое служило крышей для участвующих в проектах по самым разным направлениям сотрудников.²¹⁵ ЕУСПб номинально являлся образовательным учреждением, однако, при нем и рядом с ним

периферией, все столичные факультеты были сдвинуты на запад по сравнению с остальной страной. Региональные «западники» могли основывать свою причастность к «мировой науке» не на прямых контактах с ней, а на близости к столичным Вест-сайдским центрам. К этой мысли обращались многие участники дискуссии в 19-том «Антропологического форума» (2013 год).

²¹⁵ Так же были устроены ЦНСиО в Иркутске, и, отчасти, «Регион» в Ульяновске и Центр социальной политики и гендерных исследований (ЦСПГИ) в Саратове, хотя в последних случаях существовала более прочная связь с кафедрами в вузах, которыми заведовали директора центров.

возникали многочисленные центры, зарплаты в которых были связаны с текущими проектами его сотрудников, и, хотя преподаватели, благодаря заботе фондов, получали титанические по меркам тогдашнего российского академического мира зарплаты в 700 долларов²¹⁶, их главные доходы все же поступали из других источников – руководства коллективными грантами и, особенно на ранних этапах, чтения лекций на выезде. Затем объем выездного преподавания сократился с общей потерей интереса к России, однако за несколько семестров те, кто в нем участвовал, легко приобретали квартиры.

Политэкономическое устройство ЦНСИ или ЕУСПб было совершенно отлично от того, которое мы наблюдали в случае с государственными университетами и институтами Академии. По сути, в классическую эпоху они представляли собой конфедерации независимых исследователей, освоивших индивидуальные или небольшие коллективные гранты. Роль администрации сводилась к предоставлению организационного обрамления (бухгалтерия, формальная занятость). В терминах, используемых выше, доходы агентов, составляющих конфедерацию, не были отнимаемыми и не подлежали перераспределению за исключением определенных налоговых отчислений. Они вступали, по сути в сепаратные договоренности с администрацией, оказывавшей услуги по сопровождению на заранее фиксированных условиях, которые обе стороны заинтересованы были соблюдать. Внутренние конституции Вест-сайдских организаций классического периода предполагали, что жить в них может всякий, кто способен сам себя прокормить (особенно если ему попутно удастся прокормить кого-то еще) и каждый, кто не нарушает принятых здесь правил поведения в публичных академических местах, будет желанным гостем. Они были пиратской республикой наподобие Тортуги.

Помимо частных доходов, с которых выплачивались налоги, были также общие доходы коалиции, воплощенные в институциональных грантах. За их получение отвечала администрация, и при нормальном положении вещей она же имела все полномочия касательно распределения средств. В ЦНСИ картина несколько усложнялась тем, что директором был также один из крупнейших индивидуальных предпринимателей, и на раннем этапе его семейный бюджет, центральный бюджет Центра и бюджеты отдельных проектов под его руководством, в которых участвовало большинство сотрудников Центра, были неотделимы друг от друга. Возможности институционального фандрайзинга на нужды исследовательского института, однако, были на порядок ниже, чем возможности искать средства под образовательное учреждение. В силу того, что донорами университет понимался как «нормальное» учреждение, а Центр – как своего рода аномалия, фонды давали университету больше и охотнее. Величайшим завоеванием ЦНСИ было получение финансирования от фонда Форда на покупку офиса (переезд состоялся в 2002 году), а затем – финансирование от МакАртуров на покрытие оперативных расходов на трехлетье 2004-2006 годов (\$375000), которое затем было продлено на еще одно трехлетье (2007-2010 годы, \$600000) и дополнено отдельным финансированием на выпуск журнала и иные инициативы (2009 год, \$350000). Ежегодно доходы по институциональным грантам не превышали, однако, трехсот-четырехсот тысяч – примерно в семь-десять раз меньше, чем брал из этого источника ЕУСПб.

Важность отдельных профессоров или сотрудников для Вест-сайдской организации, с точки зрения получения институционального финансирования заключалась в их демонстрационной ценности – в том, насколько благоприятное впечатление создавалась от той части институциональной поверхности, которую они создавали. Профессор имел в этом отношении значительную «власть выхода», даже если ресурс был отнимаемым, а все

²¹⁶ Для анти-иерархического Вест-сайда характерно то, что все преподаватели назывались доцентами, получали одинаковую зарплату и несли одинаковую нагрузку. По прошествии 7 лет те из них, кто работал с самого начала, стали называться (в буквальном смысле – начали называть сами себя, фактически, не спросив ни у кого согласия) профессорами. Лишь в 2012 году зарплаты профессоров выросли по сравнению с зарплатами доцентов.

профессора в целом были доминирующей группой в университете. Администраторы избирались из их числа и их голосами. Университет отстаивал устав, который оставлял за преподавателями право избирать ректора, вопреки давлению попечителей, желавших внедрить американскую модель, и это было одним из немногих сознательных отступлений от «западного образца». Дорвавшиеся до абсолютной власти, профессора словно упражнялись в выдумывании унижений для администраторов – даже когда этими администраторами были они сами, и унижения обращались против них. Деканы вместо оклада получали надбавки в размере примерно 30% от зарплаты доцента, и этой должности избегали как огня. Секретари также получали лишь ничтожные зарплаты, и на эту работу удавалось найти кого-то, только эксплуатируя лояльность недавних выпускников, желающих любой ценой задержаться в университете. Кроме того, преподаватели застолбили за собой массу небольших приятных привилегий. Например, ректорат в этих условиях не мог слишком ограничивать свободу передвижения профессоров, и, главное, не желал этого делать, поскольку это противоречило его собственным представлениям об академической свободе. Преподаватели ЕУСПб в этом смысле обладали беспрецедентными правами – они могли переносить или отменять лекции, как им было удобно, выпадать на месяцы из жизни университета, или внезапно изменять программы курсов.²¹⁷ Американские или британские коллеги, вынужденные за полтора года согласовывать трехдневные поездки с деканом, должны были умирать от зависти, глядя на них. Только ВШЭ представляла собой некоторый контраст в том смысле, что она требовала регулярности и дисциплины, отсутствовавшей в других институтах. На первом этапе, однако, большинство оказавшихся там в 2003 году вслед за Вадимом Волковым воспринимали ее просто как очередную мелкую подработку. Лишь позднее в ней стало угадываться что-то более серьезное.

Власть профессоров не ограничивалась зависимостью от студентов, поскольку таковой не было. Студенты имели значение для университета лишь как средство поддержания номинального статуса учебного заведения в глазах доноров. Нельзя было не взять вообще никого, однако число принятых по конкурсу колебалось год от года в два и более раз в зависимости от того, нравились ли факультету те, кто явился на приемные экзамены – чего ни один государственный вуз, естественно, не мог себе позволить. Проходили в основном те, кого было приятно учить, что представляло собой безошибочный критерий отбора носителей той же культуры.²¹⁸ В той мере, в какой это не стесняло профессоров, слушатели также получали беспрецедентные по постсоветским меркам права – в программах магистратуры на ПНиС вообще не было обязательных курсов. В том, что касалось возможности требовать чего-то от профессоров или просто создавать им дискомфорт, однако, эти права отсутствовали – студента отчисляли за пропущенные дедлайны и профессор мог поставить *fail* за итоговую работу, оставив подопечного без объяснения, почему, и без права подачи апелляции.

Как можно догадаться из всего этого, Вест-сайдские организации классического периода управлялись из рук вон плохо. Их педагогические успехи также были, по меньшей мере, спорными. Масса закончивших ЕУСПб по социологии не обладала никакими систематическими знаниями по предмету, который они проходили, однако усваивали, как правило, словарь этикетных и жанровых форм, а также несколько

---

²¹⁷ Эти привилегии распространялись в том числе на преподавателей, занявших административный пост. В хрониках ЕУСПб есть легенда о декане, который то ли искренне не подозревал, что электронная почта служит основным каналом административной коммуникации, то ли просто уехал дописывать книгу, но в течение нескольких месяцев находился полностью вне контакта как с факультетом, так и с ректоратом. Есть основания считать, что легенда лишь отчасти вымыслена.

²¹⁸ Другие соображения, разумеется, также примешивались к оценке. Так, анализ результатов собеседований показывает, что экзаменаторы мужского пола ставили значимо более высокие баллы абитуриенткам, а экзаменаторы-женщины, даром, что представлявшие гендерный центр, – абитуриентам.

ключевых имен в каждой области, маркировавших их как «своих» на международной аспирантской конференции. Они развивали, кроме того, значительную лояльность по отношению к университету и аспирантскому стилю жизни, который в нем вели. К несчастью, этот стиль жизни не был самовоспроизводящимся²¹⁹: его можно было поддерживать только некоторое ограниченное время, за которым неизбежно наступала расплата.

Помимо индивидуальных и институциональных грантов, существуют коллективные, которые находятся примерно на полдороги между ними – с одной стороны, они не привязаны к формальной организации, с другой – реализуются группой, не индивидом, и сила заявки в значительной мере определялась репутацией и талантами лидера этой группы, который часто вначале ищет деньги, а затем исполнителей. Черта грантовой экономики, которая отчетливее всего проявляется именно на примере коллективных грантов – это ее зависимость от эффективно действующих сетей. Проект должен быть реализован в ограниченное время, которое не оставляет возможности для поиска на анонимном рынке. Кроме того, участникам обычно предстоит действовать в плотном контакте, и информация о специфических навыках и ситуации каждого, а также о личной совместимости, необходима для того, чтобы принять решение о включении в коалицию.²²⁰ Только сети позволяют решать эти задачи, и, раздавая коллективные гранты, фонды укрепляли и без того всеильные русские сети. Кроме того, они способствовали возникновению стратификации в них.

Как уже говорилось выше, статусная система Вест-сайда была несравненно аморфнее, чем аналогичные системы двух других наших миров. Она не была мягче, но была непредсказуемее – никто не знал в точности, какие именно атрибуты приобретут значение в какой ситуации. Единственное надежное правило состояло в том, что любые символы признания, выпущенные на Западе, стояли выше, чем аналогичные символы, приобретенные в России. Для тех, кто принес с собой эти символы – например, степень *PhD* из хорошего университета – были открыты все двери. Таких, однако, как и авторов международных публикаций было немного, и в качестве субститута фигурировали всевозможные другие символы близости – стажировки, личные знакомства, манера одеваться, интонации и хорошее английское произношение. Однако ни один из атрибутов – особенно в свете общего декларативного эгалитаризма – не мог считаться надежно задающим иерархию.

Тем не менее, самым универсальным индикатором границы между высшим и низшим классами в рамках классической грантовой экономики была способность привлекать финансирование. Некоторые могут обеспечить себя постоянным притоком проектов, за счет которых в состоянии прокормиться, а некоторые – нет и вынуждены предлагать первым свои услуги. Однако успех в привлечении грантов определялся не каким-то постоянным и предсказуемым набором атрибутов, а тем, что соответствует требованиям конкретного конкурса – специфическим набором компетенций, контактами с донорами или представителями фондов, публикациями в нужных областях, оперативностью реакции. Поэтому точное определение экономических позиций двух индивидов по отношению друг к другу в определенный момент было затруднительным – то, что один из них нанял другого, а не наоборот, могло быть лишь следствием временной удачи. Однако, по прошествии некоторого времени, расслоение приобретало постоянство и устойчивость, превращаясь в приобретаая контуры универсальной системы академических классов, к которой мы еще вернемся в Заключении: высший, нанимающий

---

²¹⁹ Это неуклюжий перевод термина *self-enforcing* (Greif and Laitin, 2004).

²²⁰ Американскому или британскому университету требуется, в общем, гораздо меньше информации о своем профессоре, но даже и там процедура поиска отнимает месяцы, если ни годы, и не всегда завершается успехом не только с первого, но и со второго раза.

других, средний, чередующий роли или могущий обеспечить сам себя за счет небольших проектов, и низший, вынужденный продавать свои услуги другим. Большинство новоприбывших в Вест-сайд в '90-х и ранних 2000-х оказывались в положении, сочетавшей позицию низшего и среднего – с одной стороны, они участвовали в чужих проектах, с другой – поскольку они были студентами, они имели собственные источники доходов в виде стажировок.²²¹ Постепенно, однако, по мере выростания из аспирантского возраста в карьерах большинства из них оставалось все меньше черт среднего, и все больше – низшего класса. В позициях этого низшего имелось две вариации – клиенты, обсуживавшие одного патрона, и пролетарии, обслуживающие многих. Клиент следовал за патроном, делал для него черную и вспомогательную работу – руководил сбором полевых данных, брал и транскрибировали интервью, выполнял секретарские обязанности, писал первые черновики и шлифовал наброски статей. Пролетарий реже попадал в столь выраженную личную зависимость, но его положение имело один недостаток: поскольку ему приходилось заниматься проектами разной направленности, он не мог задержаться ни в одной области достаточно долго, чтобы создать собственную репутацию в глазах какой-то аудитории. Амбициозный клиент заботливого патрона прodelывал некоторый собственный рост, защищая диссертацию, появляясь на публике и превращаясь в часть поверхности их совместного предприятия. Хотя, в соответствии с законом Матфея, ему всегда доставалась меньшая часть признания, его присутствие не оставалось незамеченным. Если предприятие – скажем, исследовательский центр – росло быстро, то боссу невольно приходилось делегировать все больше публичных появлений своим лейтенантам.²²² Как и в случае Олд-центра, при отходе патрона от дел, он мог надеяться унаследовать все предприятие. Пролетарий появлялся на вторых ролях во множестве разных проектов, и, с большой вероятностью, не успевал опубликовать важную работу ни по одному из них; кроме того, его собственная защита или ее отсутствие особенно никого не волновало. Он попадал в своего рода «порочный круг академической бедности», погружаясь все глубже и глубже в безвестность.

Что приводило к попаданию в тот или иной класс? И как можно было подняться из одного в другой? Первым и основным условием были, разумеется, амбиции сделать это, которых не хватало у многих людей, нашедших в Вест-сайте пристанище. Те, кто хотел продлить свое аспирантское существование, работая в компании приятных людей, под руководством почитаемого ими великим ученого, и ведя образ жизни российского среднего класса с его основным маркером – регулярным заграничным туризмом – просто не стремились двигаться дальше. Большинство Вест-сайдских клиентов не были амбициозными даже там, где их босс всячески их поддерживал в этом. Вся *low-grid, high-group* культура, окружавшая их, функционировала как «культура бедности», сдерживала рост и осуждала тех, кто слишком явно делал карьеру.²²³

Ни в чем эта ее сдерживающая сторона не проявлялась отчетливее, чем в отношении к защите диссертации. Как уже говорилось выше, процесс российской защиты вообще

---

²²¹ Обычной стратегией было сэкономить деньги во время иностранной стажировки, а затем жить на них в России. Самые экономные, как Григорий Перельман, могли протянуть на сбережениях пары семестров много лет.

²²² Большая часть боссов не были злокозненны и заботились о том, чтобы их люди «росли», даже когда это не было в их прямых карьерных интересах. Случались, впрочем, и неприятные истории, в которых патрон блокировал самостоятельные публикации или выступления клиентов, требуя включения себя первым автором. Особенно разрушительные последствия это имело, когда, под бременем собственной предпринимательской удачи и неспособности писать, босс не мог в течение долгих лет найти нескольких минут, чтобы прочесть черновик перед тем, как поставить на нем свою фамилию – и публикация в итоге не выходила вовсе, навски погрешая месяцы труда подчиненных.

²²³ Кажется, что, как и в случае с бывшей ленинградской школой, имело значение также слишком активное поклонение старшим героям. Мало кто из ее сторонников был готов отпихивать предшественников локтями, а без этого активная работа по созданию репутации вряд ли могла состояться.

представляет собой ощутимую проблему для тех академических культур, которые рассматривают свою профессию как, прежде всего, творческую, а себя как разновидность богемы или хотя бы вольных стрелков. Необходимость писать, сообразуясь с незнакомыми и малосимпатичными шаблонами, а также подчиняться регламенту государственных процедур становится для них существенным ударом по Я-концепции. Те, кто добровольно соглашается на все это, попадают под подозрение в том, что они «продались Системе».²²⁴ В целенаправленном приобретении символов академического статуса есть что-то, что отдает карьеризмом – абсолютным табу для идеалов «благой жизни» неиерархических академических культур.

Расцвет «грантовой экономики» позволял откладывать защиту надолго. Чем дольше неприятный момент откладывался, однако, тем тяжелее была расплата в итоге, причем не только для диссертанта. Вест-сайд поставил себя в ситуацию отсутствия кадров для образовательных программ, и критической массы «остепененных», которая позволила бы открыть собственный диссертационный совет. Когда укоренение сети в образовательных институтах, получивших государственную аккредитацию, стало необходимостью – поскольку все другие источники финансирования иссякли – выяснилось, что большинство людей по формальным признакам могут быть трудоустроены лишь на низшие ступени за его пределами, и не имеют правдоподобных шансов быстро подняться наверх.²²⁵

Два слова требуется сказать о *low-grid*, *low-group* культуре, которая идентифицирована здесь как классовая культура Вест-сайдской элиты. Как и предыдущая, она отвергает систему рангов, а также все прочие рудименты советского академического мира. В отличие от предыдущей, однако, она открыто конкурентна и приветствует амбиции, эксцентричность и демонстрацию своего превосходства. Она озабочена цитированиями и отзывами в *Facebook*, она подразумевает болезненное внимание к деталям академического местничества, а частым предметом обсуждений между ее представителями будет то, кто и куда был приглашен на пленар, и кому оплатили более дорогую гостиницу. Различие, разумеется, скорее не в том, каковы подлинные мотивы, а в том, какие мотивы считается возможным продемонстрировать публично. Представитель *low-grid*, *high-group* будет отрицать, что вообще рассматривает академический мир как арену конкуренции за статус, станет противиться любой формализации этого статуса, и

²²⁴ Вест-сайдский блоггер оставил вскоре после своей защиты следующую запись: *«Не подумайте, что я делаю из мухи слона, но у меня неприятное возмущение. После того, как я защитила диссер, пару раз слышала от людей странное высказывание в свой адрес: “ну у тебя же опыт бюрократической работы в вузе”, или “ты функционал”, или “ты уловила и идеально скопировала официальный язык, которым надо писать такие работы”. Простите мне такую мелочность, но люди, не защитившиеся пока сами, очевидно ищут оправдания своей несобранности или каким-то еще своим проблемам в том, что я бюрократическая закорючка или что-то там еще. Ну что это за бред! Защита диссера не требует каких-то титанических бюрократических усилий и навыков, равно как при всех даже бюрократических успехах ничем не заменить мало мальски качественно выполненную работу. При этом те, кто пренебрежительно отзываются о факте моей защиты, себя приписывают, очевидно, к категории “ученых-ученых”, которым весь этот земной тлен глубоко отвратителен, а так, если бы степени автоматически прикладывались к научным амбициям, они бы уже все увешанные регалиями ходили. Но, как известно, любое творчество – научное или искусство – это 10% таланта и 90% труда»* И далее в ответах на комментарии: *«Меня просто поразило, как это резко появилось после защиты, никому до этого в голову не приходило объявлять меня бюрократом и приспособленцем. Самое странное, что люди не стесняются это заявлять в лицо – это все фуфло, что ты защитилась, все равно, твоей научной состоятельности это никак не доказывает. Состояние нашей научной системы, видимо, дает море поводов для самооправданий – “эти советы для меня не авторитет”, “все это бюрократия и больше ничего”...»*

²²⁵ Это положение только усугублялось тем, что наиболее привлекательные для экстатической субкультуры вест-сайдские модели престижной интеллектуальной работы часто предписывали темы, которые не имели шансов быть утвержденными на Востоке. Пытаясь сформулировать предельно восточную тему, можно прийти к чему-то вроде «Питирим Сорокин как теоретик российской ментальности», предельно западную – как «Нарративный анализ визуальных репрезентаций лесбийского каминг-аута». Легко представить себе лица людей, привыкших иметь дело с Сорокиным, при которых случился лесбийский каминг-аут.

осуждать всякого, кто откажется отрицать, что стремится обзавестись какими-то символами своего превосходства над окружающими. Представитель *low-grid, low-group* культуры не станет отрицать ни того, что может помыслить науку как иерархическую систему, ни что он сам стремится занять в этой системе более высокое место. Он не будет маскировать, что в некоторых пределах занимается тем, что можно было бы назвать *visibility work* – прилагает активные усилия, направленные на привлечение внимания к своей работе. Он не будет притворяться, что не заботится о том, чтобы опубликовать статью в издании с максимальной аудиторией, или что не использует откровенно рекламные ходы, например, запуская всевозможные превью и тизеры в социальные сети или раздавая интервью СМИ.

Разумеется, различия обычно являются различиями в степени. Лишь очень немногие последовательно отрицают все формы самопродвижения или интереса к статусу. С другой стороны, некоторые его формы не признает легитимными практически никто. Самые общие правила, кажется, такие. Нельзя делать жесты признания предметом прямой торговли иначе как в самом шутовском тоне («сколько раз еще я должна тебя процитировать, чтобы ты начал читать мои статьи?») и, тем более, нельзя добиваться их угрозами. Нельзя использовать для продвижения контакты и связи, воспринимаемые как межличностные. Не стоит рекламировать свои статьи в блоге, если только этот блог заранее и эксплицитно не позиционирован как канал, созданный для этих целей. Нельзя рекламировать себя, приписывая своим работам ценность, которую ассимиляционистская культура не готова за ними признать. Любое заявление о том, что индивид создал теорию, особенно – «большую теорию» – ставит его на грань полной дисквалификации (мы тревожимся поэтому за свое Заключение). В Вест-сайте и его окрестностях было несколько персонажей, служивших общим посмешищем из-за неспособности осознать тонкую грань.²²⁶ В целом, предпочтительнее, чтобы максимум работы по продвижению делал не самый продвигаемый индивид, а кто-то другой. Отношения академической дружбы во многом строятся на не признаваемом обеими сторонами обмене услугами такого рода. Индивид, умеющий правильно дружить, мог вовсе не вступать на тонкий лед продвижения себя, поскольку всегда находилось много готовых сделать всю работу за него. Условием, разумеется, было то, что он в свое время оказывал аналогичные услуги этим многим. Такие картели, разумеется, также вызывают осуждение – «это междусобойчик, в котором все всех хвалят» – но оно гораздо слабее, чем было бы, если бы каждый заботился о себе сам. Тем не менее, возможно, лучше все же заботится о себе самому, чем остаться без заботы вовсе. Высший и низший классы в Вест-сайте обладали развитыми классовыми культурами, причем если следование нормам культуры высшего класса способствовало сохранению членства в нем, то следование нормам низшего приводило к выбыванию из игры.

Другим условием подъема в высший класс, помимо правильных установок, было правильное время рождения. Вест-сайд, как мы видели раньше, был в значительной мере созданием поколения '60-х, которые попали на период активности фондов и общего увлечения Россией. Курсы, на чтении которых они зарабатывали деньги в Штатах и Европе, с тех пор были по большей части отменены, а те, кто попробовал бы пойти по их стопам, обнаружили бы, что западные звезды больше не пытаются найти деньги, чтобы получить русского аспиранта. Вест-сайдский высший класс был в значительной мере поколенческим явлением.

²²⁶ «Западные», особенно американские, звезды, гораздо более прямолинейны в этом отношении, чем российские. За приглашение большому ученому выступить с лекцией часто будет следовать долгой торг относительно того, сколько дополнительных дней в Петербурге ему оплатят, может ли он приехать с супругой, и будет ли его выступление на конференции официально маркировано как пленарный доклад. Российские боссы надеются, что приглашающая сторона догадается обо всем сама, и, если что-то не так, отказываются под благовидным предлогом.

Наконец, в-третьих, имели значение дополнительные ресурсы, на которые можно было опереться. Квартира в Москве или Петербурге, об аренде которой можно было не заботиться, позволяла тратить меньше сил на текущие заработки, и больше – на создание собственного исследовательского лица; те, кто мог опереться на поддержку семьи, имели больше возможностей передвинуться в следующий класс, не говоря уже о том, что они могли мобилизовать неакадемические сетевые ресурсы для поддержки своего предприятия – нечто, что станет особенно важным на следующем этапе.

Все эти исходные данные были нужны, чтобы приобрести атрибуты, делающие индивида вероятным получателем грантов. Отметим немного запоздало, что слово «грант» в социологическом лексиконе того времени означало любые «западные» деньги: распределенные одним из фондов, работавших в России (Сорос, МакАртур, Форд, Карнеги), выданные в качестве стипендии для стажировки или учебы в Европе или США, или полученные тамошними коллегами, которые нуждались в российских исполнителях. Из-за их разнообразия, от получателей требовались самые разные свойства, в которых, тем не менее, просматриваются общие темы.

Прежде всего, взаимодействие с фондами требовало навыков писать, следуя специфическим конвенциям грантовой заявки (или, что в значительной мере одно и то же, журнальной статьи, поскольку хорошо написанная заявка должна содержать зачаток статьи, в которую превратится отчет об исследовании). Успешное написание заявок также предполагало владение словарем «современных западных теорий», что было совершенно за пределами кругозора большинства преподавателей (до конца 1990-х годов, когда переводов стало уже много, здесь требовалось знание иностранных языков, особенно английского).²²⁷ Жизнь в Вест-сайте предполагала также определенный уровень компьютерной грамотности. Они, как может догадаться читатель, также требовали подключенности к сети контактов, через которые распространялась информация. Фонды, действовавшие в России, в основном опирались на группы из одних и тех же российских экспертов. Хотя в зрелый период их деятельности прямое злоупотребление своим положением было, в основном, преодолено,²²⁸ знакомство эксперта с фамилией аппликанта, рекомендателя или просто учреждения, из которого поступила заявка, увеличивало шансы заявителя. В целом, включенность в сеть, по которой циркулировали навыки и неформальные рекомендации, была важным ресурсом.

Немало, однако, требовалось и от заявителя. Помимо знания иностранных языков и умения писать,²²⁹ от него ожидалось практические знания в области элементарного

---

²²⁷ Степень спонтанного узнавания «своего» текста можно оценить по такому анекдоту. В Петербурге с 2000 года проводится конкурс эссе молодых ученых по социальным наукам «Галатее». Непосредственный автор этих строк был секретарем, а затем членом жюри на протяжении десяти конкурсов; жюри в основном было Вест-сайдским по составу. За это время не было ни одного случая, чтобы подавший на конкурс сотрудник ЦНСИ или слушатель ЕУСПб не занял призового места, и в 7 случаях из 10 первым призером был один из них. Можно было бы предположить, что имело место явное подсуживание, однако автор может засвидетельствовать, что, фактически, узнавание членами жюри авторов работы случалось редко, зато часты были сюрпризы, когда призером, уже после подведения итогов и вскрытия конвертов, оказывался кто-то знакомый. Узнаваемость жанровых конвенций, транслируемых в данной среде, была очень высокой, узнаваемость индивидуального стиля – удивительно низкой.

²²⁸ Первые эксперименты западных фондов с укоренением в России были не особенно удачными: «некоторые друзья, которые возглавили, там, фонды или что-нибудь в Москве, они, когда я стал говорить, что хорошо бы денег дать на такие-то исследования, они говорили так: “Нет вопросов, давай так – мы дадим тебе технику, ксероксы, там, компьютеры, а деньги мы дадим кому-нибудь другому, но ты подпишешь”. Вот примерно так. Без всяких заявок даже. Потом эту команду из Сороса выгнали. Потом следующую выгнали. Потом пригласили западный менеджмент» (муж., 1940-х г.р., н.с., Вест-сайт).

²²⁹ Одно из бросающихся в глаза различий между любимым Ист-сайдским и Вест-сайдским событием – это то, что на восточном событии значительная часть присутствующих вскоре ныряет в планшет, а на западном – в ноутбук. Главное отличие любимого гаджета той и другой популяции, очевидно, состоит в том, что планшет не предполагает набора больших объемов текста.

делопроизводства,²³⁰ а также некоторая самодисциплина, позволяющая распределять силы и соблюдать дедлайны без постоянного вмешательства. Фактически, именно эта сторона – своего рода, сила академического Эго, заставляющая что-то делать в отсутствие непосредственных стимулов, – является одним из основных факторов, ответственных за привлекательность индивида как исполнителя проектов. Тех, кто регулярно срывает сроки, терпели, но редко приглашали в проект повторно, хотя многие из них находили возможность существовать за счет докторантских стипендий, подразумевающих гораздо менее строгую отчетность. Наконец, получение подработок в виде сбора интервью по чужому гранту требовало поддержания широкой сети международных контактов, что предъявляло свои требования к коммуникативным способностям. Как легко догадаться, для того чтобы перейти со стадии индивидуальных грантов на стадию коллективных и, таким образом, в высший класс грантовой экономики, нужна была широкая сеть, позволяющая быстро мобилизовать поддержку для осуществления проектов – группа людей, смотрящих на индивида как на источник заработка или поддержки при получении заработка из других источников.

Какое значение в продвижении в Вест-сайте имел выбор темы исследования или подхода? Этот вопрос отчасти упирается в другой – в какой мере Вест-сайские источники финансирования диктовали тематику и методы исследований? В официальной российской политической мифологии 2000-х годов деятельность фондов считается прямо направленной на свержение режима. В реальности, большинство фондов, с которыми взаимодействовали социологи, и правда были политическими проектами, однако их повестка, с одной стороны, была гораздо умереннее и сфокусирована на темах, которые авторитарные модернизаторы вполне были готовы принять (гендерное равенство или экологическое сознание, например²³¹), а с другой стороны – их практические действия, как и действия их российских коллег из РГНФ и РФФИ, в большей мере направлялись бюрократической рациональностью, чем какими-либо идеалистическими соображениями. Для фонда было важно выдать средства людям, способным вовремя представить отчет, и, по возможности, имеющим какие-то регалии и эпизоды в биографии, заведомо снимающие вопросы о том, заслужили ли они грант. Одним из главных аргументов тут было, разумеется, то, что они уже получали гранты, причем, возможно, от того же фонда.

Если грантовая экономика и влияла на выбор тематики, то скорее косвенно: множество раздаваемых аспирантских стипендий и небольших грантов поощряли небольшие индивидуальные проекты, что могло отчасти привести к расцвету качественной методологии в Вест-сайте классического периода.²³² Несколько десятков интервью, дискурс-анализ или поверхностное изучение исторических документов были самыми популярными стратегиями исследования.

Как выглядела оптимальная с экономической точки зрения стратегия выбора тематики работы в этих условиях? Здесь было сразу несколько развилок, связанных с уровнем притязаний индивида. Для того чтобы стабильно существовать за счет средств западных фондов, действующих в России следовало найти что-то такое, что подпадало под понимание западными донорами «наиболее острых проблем российского общества».

²³⁰ Доля людей, способных оформить документы, связанные с проведением кофе-брейка, и знающих НДФЛ на Западе значимо выше, чем на Востоке, даже при контроле по возрасту и академическому классу. Общее отвращение к «бюрократическим формам» на Западе не распространяется на те, которые связаны с академическим предпринимательством.

²³¹ Тематика, разумеется, задевала чувства политических консерваторов, которые стремились доказать, что продвижение западных ценностей – есть подкоп в том числе под действующий режим, но сам режим до самого последнего времени придерживался по большей части таких вопросов позиции строгого нейтралитета.

²³² Это, разумеется, не единственная причина – некоторая заикленность на собственной персоне, фигурирующая в качественной методологии как проявление «рефлексивности», хорошо вписывалась в богемную Я-концепцию Вест-сайда.

Их список, впрочем, был почти неограниченно широким – проблемы были едва ли не единственным из того, в чем в тот период российское общество не испытывало недостатка. Из классических социологических предметных областей этот критерий исключал, разве что, исследования повседневности, историю социологии, теорию и методологию. Тем не менее, изучение особенно проблемных областей - СПИДа, националистического экстремизма или гендерного неравенства давали все-таки какое-то преимущество. Впрочем, чтобы иметь возможность всегда рассчитывать на подработку в совместном проекте или на стипендию, стоило на всякий случай остановиться на чем-то таком, что могло создать проблемы и для соседних стран. Список оставался широким, хотя имелись и очевидные хиты, такие, как империалистические тенденции в российской внешней политике или здоровье работниц индустрии секс-услуг в регионах, граничащих с ЕС.

В принципе, любая такая тема гарантировала выживание во времена грантовой экономики. Для тех, однако, кто хотел большего – положения в высшем классе – требовалось что-то в дополнение к проблемной теме. Недостаточно было производить исследования по темам, которые опознавались бы как важные. Надо было самому опознаваться какой-то из релевантных аудиторий как значительный ученый.

Этих релевантных аудиторий было много, но наибольшую роль играли четыре. Одной была «международная наука», в роли которой, фактически, выступало несколько сотен историков, филологов, искусствоведов и политологов-славистов на нескольких десятках департаментов в Европе и Штатах. В той мере, в какой можно судить по цитированиям, до сих пор ни один российский социолог не вышел за пределы аудитории регионоведов, интересующихся инсайдерской информацией о «русском случае».²³³ Выигрышные темы, соответственно, определялись конъюнктурой на славистском интеллектуальном рынке, который переживал свои собственные циклы моды. Гражданское общество или ревизионистское прочтение истории сталинизма, бывшие хитами в ранние 1990-е годы, с тех пор сошли на нет. Кажется, что единственной константой на протяжении прошлых десятилетий тут был интерес к политическому режиму и предполагаемому реваншу авторитаризма. Те, кто занимался ими, всегда могли рассчитывать на свою долю приглашений опубликоваться и цитирований, которые позволяют им считаться «международно-признанными». Первую скрипку тут играют политологи, но социологам удается получить сколько-то внимания. Нет сомнений, что этот спрос никуда не денется и в ближайшие годы.

Второй релевантной аудиторией была широкая интеллектуальная и либеральная публика, группирующаяся вокруг таких площадок, как *Polit.Ru* или «Новое литературное обозрение». По самым разным причинам, она была экономически и политически гораздо важнее для Вест-сайда, чем для других социологических сетей, и, забегая немного вперед, ее значение возросло в последние годы. Достичь ее можно было по неакадемическим каналам. Доминирование Вест-сайда в масс-медиа или Интернете, констатированное выше, во многом имело под собой экономическую основу: так он поддерживал контакт со своей базой. Интересы этой аудитории были, пожалуй, шире, чем интересы славистов. Хотя они также тяготели к актуальным политическим проблемам, тут оставалось пространство для самых разных тем, включая весьма отвлеченные. Жесткое требование, однако, касалось не столько того, о чем будет говорить эксперт, сколько того, как. Медийное присутствие требует своих навыков, от внешних данных до способности к

²³³ За частичным исключением Вадима Волкова, работы которого вписали некоторое количество иллюстраций из русской жизни к глобальной неинституциональной политэкономии государства. Аналогичная ситуация служила у историков и экономистов (Савельева и Полетаев, 2012). Отметим, что авторами некоторых из наиболее цитируемых в западных источниках российских статей, помещаемых индексами в категорию *Sociology*, были медики или демографы, которые в России жестко отделены от социологов дисциплинарным барьером, и в нашей истории не фигурируют.

живому и интересному рассказу или остроумному экспромту – и со временем они стали важным условием для подъема в Вест-сайдский высший класс (ср. с французским случаем).

Третьей аудиторией были продвинутые студенты, рекрутированные или находящиеся на пороге того, чтобы быть рекрутированными в вест-сайдские заведения. Эта аудитория была чуть менее значимой, чем другие – она не приносила непосредственно денег, и сигналы, исходящие от нее, не считалась голосом «мировой науки». Однако, чтобы существовать, университеты все же нуждались в каком-то количестве абитуриентов. Кроме того, чтобы функционировать, грантовой экономике Вест-сайда требовались постоянные вливания пролетариата. Поскольку нормальная траектория пролетария была нисходящей (вначале он мог рассчитывать на аспирантские стипендии, однако к 35 годам доходы из этого источника сходили на нет, и оставались только малопривлекательная грантовая поденщина или секретарская работа) то требовалось постоянное пополнение, чтобы заместить отчаявшихся и тем или иным способом покинувших российский академический мир.²³⁴

Запросы этой третьей аудитории отличались от двух других. Вест-сайдские аспиранты стремились, прежде всего, приобщиться к теоретическому или методическому сегодняшнему дню «большого мира». Чтобы удовлетворить их потребности, требовалось занять собственную интеллектуальную нишу, наподобие «главного специалиста по сетевому анализу в России». Положение в этой нише необходимо подтверждать, публикуя на русском обзорные статьи и показывая на конференциях красивые картинки, относящиеся к какому-то масштабному исследованию, которое тянулось и тянулось, не находя завершения. Как и всякая глубоко провинциальная группа, Вест-сайт подозрительно отнесся бы к любым проявлениям подлинной оригинальности в своей среде; несмотря на культ «социологического воображения», он настороженно встречал все, что не имело более-менее прямого аналога в «западной» литературе. Тем не менее, в этих рамках Вест требовал от любого своего представителя обозначения собственного интеллектуального профиля. Какая-то перспектива или какие-то методы, разумеется, требовались и для обращения к славистской аудитории. Однако слависты в целом – как и широкая интеллектуальная публика – были весьма атеоретичной группой, они сильнее интересовались фактами, чем чистотой теоретических построений. Аспиранты, напротив, с настойчивостью неопитов требовали полной интеллектуальной выдержанности. Факты их мало увлекали; они гораздо живее были заинтересованы в технологиях самостоятельного производства этих фактов. Соответственно, наибольший успех у них имели максимально общие темы, обещавшие за наименьшее количество уроков научить их чему-то (теоретизировать, считать или писать). Требование отчасти шло в разрез с предыдущими, но и тут находилась возможность для компромисса: нужно было исследовать что-то интересное первым двум аудиториям, но так, чтобы методы или подход годились для привлечения внимания третьей. Аспиранты предъявляли те же ожидания к ораторам, что и широкая публика; чтобы заслужить их благосклонность, необходим был налет медийной звездности.

Наконец, четвертой аудиторией были массы вузовских преподавателей, которые, как и аспиранты, хотели прежде всего быть просвещенными. В классический период, они очень мало интересовали Вест-сайт. Лишь постепенно, с нарастающей важностью защит и подозрениями, что цитирования в РИНЦ, большую часть которых производили именно эти люди, приобретают значение, Вест-сайдские боссы стали уделять им хоть какое-то внимание. Тут, однако, возникла почти непреодолимая проблема. Разные аудитории использовали разные каналы коммуникации, и процессы, сопровождающие создание и

---

²³⁴ Самыми частыми способами покинуть его были отъезд на стажировку и/или замужество (вспомним, что Вест-сайт в основном имел женское лицо), однако находились и разные другие варианты.

разрушение интеллектуальных репутаций в каждом из них, были практически невидимы для другого; фактически, в этом «другом» могли и вовсе не подозревать, что такие репутации существуют. Аспиранты, как и широкая публика, пользовались Интернетом или изданиями с полными Интернет-версиями. Преподаватели предпочитали мейнстримную периодику, номера которой лишь сравнительно недавно начали выкладываться в Сети, и то с большим опозданием. Латентная конкуренция между Вест- и Ист-сайдом, была не в последнюю очередь, столкновением двух коммуникативных режимов (Bohlin, 2004) – традиционная дисциплинарная периодика против Интернета. Конечно, кто-то мог поддерживать свой профиль и там, и там, но это получалось далеко не у всех. Помимо банального дефицита времени, мешало то, что, привычные к Вест-сайдским жанровым конвенциям энергично отвергали Ист-сайдские как рудименты «совка», а те, кто привык к советским конвенциям, с некоторым подозрением относились к тому, что казалось им «журналистикой». Характерно, что Вест-сайт был не слишком успешен в замещении собственных восточных каналов импорта «западной» теории.²³⁵

Конец классического периода настал в середине 2000-х годов. С одной стороны, продолжение подъема Китая и 11 сентября 2001, а также последующие события в арабском мире, отодвинули Россию из фокуса интереса «Запада». С другой стороны, экономический рост и консолидация режима заставили руководство фондов усомниться, что они со своими средствами могут что-то изменить. Эти обстоятельства, возможно, сильнее, чем давление со стороны властей, способствовали их уходу. Программы индивидуальных грантов были закрыты. Оставшееся финансирование было почти исключительно институциональным и направленным на поддержку организаций – в основном, университетов и журналов – которые фонды считали историями успеха. Заказы на подработки вроде сбора интервью и стипендии, разумеется, остались, но средства, которые они приносили, превратились почти в ничто под воздействием экономического роста.

Вместо этих источников появились новые – с одной стороны, Министерство попробовало воспользоваться своими новоприобретенными средствами, для того чтобы создать глобально заметные университеты, и принялось вливать эти средства в несколько избранных вузов, менеджменту которых оно доверяло. Для социальных наук единственным значимым в этом отношении центром была Высшая школа экономики, хотя соперничавшая с ней империя Академии народного хозяйства в последующие годы и попробовала нанести ответный удар, создав несколько фасадных подразделений с Вест-сайдским персоналом, прикрывающих основной массив сотрудников, сохраняющийся со времен Высшей партийной школы. С другой стороны, институты, отлученные от государственного финансирования, такие, как ЕУСПб и РЭШ, вынуждены были опробовать новые схемы фандрайзинга. Основными такими схемами был сбор целевого капитала и создание корпоративных профессур.

Эти новые условия оказали разное воздействие на разные институты и предъявили новые требования к индивидуальным карьерам. ЦНСИ, наиболее последовательно придерживавшийся модели анархической конфедерации, столкнулся с глубоким кризисом. Открытые для изучения протоколы Совета Центра позволяют нам проследить его политическую динамику в этот период. Внутренняя политика вращалась вокруг нескольких основных тем. Первой темой были правила, предоставляющие доступ к статусу сотрудников разных категорий. Второй темой были схемы налогообложения, относившиеся к каждой из этих категорий, а также их обязательства по отношению к Центру и права доступа к его ресурсам, в первую очередь – к проектам других

---

²³⁵ Из этого правила было много исключений, например, Вадим Радаев. Тем не менее, в целом, Ист-сайт больше узнавал о событиях в «большом» мире благодаря своим съездившим на Всемирные социологические конгрессы эмиссарам, чем благодаря Вест-сайду.

сотрудников. Наконец, третьей темой было расходование средств центральной администрацией на зарплаты и на то, чтобы стимулировать или научную, или административную деятельность.

На первом этапе, когда институт преимущественно существовал за счет личных проектов директора (и в первое время – у него дома), распределение следовало модели классического сетевого патримониализма, в которой директор в индивидуальном порядке договаривался с каждым из подчиненных об условиях работы и вознаграждал его на основании представлений о стоимости его услуг. Постепенный рост большинства сотрудников, у которых появились собственные проекты, способствовали изменению формата отношений между ними. Центр превратился в самостоятельную организацию с офисом, который, правда, в основном по-прежнему финансировался из средств проектов директора. Сотрудники также по-прежнему участвовали в них, но все больше переходили на самофинансирование из индивидуальных проектов и проектов друг друга. В появившейся тем временем электронной почте появилась масса писем с заголовком вроде «Непыльная срочная работенка», содержавших, например, такие предложения:

Дорогие коллеги, есть работенка, не пыльная, но довольно срочная, в меру денежная, по специальности... Задачи: в течение апреля-мая (можно слегка залезть в июнь) сделать несколько десятков интервью <...>. Немцы оценивают продолжительность каждой “встречи” в 1-1,5 часа. Платят сдельно – за интервью+анкету 15 евро.

Сотрудник не получал никакой регулярной зарплаты и отчислял 10% от проектов, которые ему случилось получить самостоятельно, за исключением студенческих стипендий или преподавания, имея за это возможность пользоваться офисом. Поскольку Центр мыслил себя как пространство всеобщей приязни, решения о членстве принимались большинством голосов в пользу тех, кого все хотели бы видеть рядом с собой и особенно в своих проектах, или от кого ожидали приглашения в проекты сами.²³⁶ Это была, по сути, единственная область, в которой происходило что-то вроде демократического обсуждения и в которой тогда, как и позже, коллектив мог сказать «нет» директору.²³⁷ В остальном сотрудники практически не участвовали в решении судьбы Центра; даже заместители директора, не говоря уже обо всех прочих, не представляли себе параметров бюджета организации, который все равно существовал только в директорских записных книжках.

Ситуация изменилась с получением большого институционального гранта, позволившего переехать в новый офис (2002 год) и давшего деньги, которые можно было

---

²³⁶ Можно и не говорить, что рекрутирование в сотрудники Центра было преимущественно сетевым. Процедура, описанная во внутреннем регламенте, выглядела так: *«Инициатива по принятию в состав сотрудников Центра принадлежит Совету. Как правило, член Совета предлагает кандидатуру на обсуждение Совету. Если Совет не возражает, то соискателю предлагается подать заявление в свободной форме (к заявлению должны быть приложены CV и две рекомендации членов Совета), а также назначается дата открытого заседания Совета, на котором соискатель выступит с научным докладом. После доклада и обсуждения Совет принимает решение»*. Сознательно или нет, но она практически точно повторяла процедуру рекрутирования нового профессора в Императорские университеты двухсотлетней давности. Допуск в сотрудники, впрочем, еще не был концом драмы, поскольку среди них были более и менее популярные, и менее популярные могли в какой-то момент покинуть институт, оставив такое пояснение к заявлению об уходе: *«Я не отношусь к “золотому ядру” ЦНСИ и родная организация не баловала меня покровительством... Когда-то в сложный момент жизни, который затянулся на год, я обращалась за помощью, просила включить хоть в какой-то проект, дать возможность заработать. Но никакой поддержки от Центра я тогда не получила... С тех пор я хорошо усвоила ... имеющиеся ресурсы Центр распределяет между “фаворитами”, в круг которых я как-то никогда не попадала»* (из прощального письма бывшего научного сотрудника центра, жен., 1970-х г.р.).

²³⁷ Единственный раз, когда, судя по протоколам, Совет ЦНСИ заблокировал решение, продвигаемое директором, было связано как раз с непопулярной кандидатурой в научные сотрудники; в целом, однако, директор чувствовал себя вполне свободным в том, чтобы давать другим разрешение именоваться таковыми, и не спросив согласия Совета.

использовать, чтобы платить зарплаты. Первым импульсом директора было использовать ресурс для того, чтобы воспроизвести успех Центра в глазах фондов, поддержав рост молодых сотрудников. По итогам 2003 года им был выстроен его личный рейтинг научных достижений, на основании которого была распределена часть средств. Первым импульсом сотрудников было ограничить произвол директора (до того распределявшего, как руководитель проектов, зарплаты по своему усмотрению «за ум и красоту»), и, в частности, выплатить всем минимальную зарплату, а также эксплицировать способ построения рейтинга, который в результате приобрел характер сложной арифметической процедуры.²³⁸

В дальнейшем директор и представители администрации пытались, во-первых, увеличить объем взимаемых налогов, сократив при этом число не облагаемых ими статей доходов сотрудников, а, во-вторых, увеличить объем средств центрального бюджета, которые направлялись на решения насущных задач Центра. Показатели индивидуальной публикационной активности в этом качестве постепенно сменились всевозможными видами общественных работ – вкладом в проведение конференций или регулярных семинаров, подготовкой коллективных монографий, заведованием практикой студентов и т.п. – необходимыми для поддержания обращенной к фондам поверхности, за которую не отвечал никто в отдельности. Сотрудники, со своей стороны, стремились увеличить свои доходы, что привело их к делению на две части. Более успешная в получении индивидуальных грантов часть хотела сократить налоги и сохранить статусы ассоциированных, которые позволяли ничего не платить, не получая зарплаты. Более бедная поддерживала администрацию в увеличении налогообложения и упразднении статуса ассоциированных, при условии передачи средств в кассу социальной помощи. Кроме того, начиная с какого-то момента, те, кому не хватало проектов, стали продвигать требование большей прозрачности в процессе распространения информации о вакансиях, и предоставления приоритетного права на участие в них другим сотрудникам института, а не посторонним. Более успешные в привлечении средств извне возражали, ссылаясь на священное право руководителя самому решать, с кем ему работать. С этим аргументом было трудно поспорить – право сети и тут было выше права организации – но более бедные и социально-ориентированные пришли к неизбежной мысли о том, что, если затруднить присоединение новых сотрудников, то это увеличит долю социальной помощи и приглашений в проекты сотрудников уже действующих. Вероятно, отчасти по этой причине, а также из-за общего подрыва грантовой экономики, число присоединявшихся к Центру сильно сократилось, от трех-пяти человек в 2000 году до одного-двух к 2010 году. Сам институт сжался с более чем тридцати человек до менее чем двадцати.

В своей исходной форме, Центр реализовал идеальный тип организации как коалиции, в которой единственным инструментом влияния является право выхода, а права голоса не существует из-за отсутствия ресурсов, подлежащих централизованному распределению. Появление ресурса в виде институционального гранта привело к возникновению отнимаемости, которая оживила политическую жизнь и активизировала Совет. В дальнейшем этот Совет ограничил число претендентов на отнимаемый ресурс, затруднив присоединение новых сотрудников. К несчастью, хотя принятые меры увеличили долю правящей коалиции в текущем финансировании, они не могли увеличить его объем.

Несмотря на новые налоги и меры по экономии, кризис наступил к 2009-2010 году. «Налоговые декларации» сотрудников 2010 года дают представление о характере их

²³⁸ Эта процедура была скорее демократическим, чем меритократическим актом. Она утверждала право коллектива решать, кто соответствует его представлениям о научных достижениях, и в целом ролевому идеалу. Статистически, распределения оценок не имели практически никакого отношения к конкретным достижениям в предыдущем году. В результате, первые строчки постоянно занимали одни и те же сотрудники, причем иногда несмотря на полное отсутствие публикаций за прошедший год.

кормовой базы в этот период, и о налоговых возможностях центра. Все 22 сдавших их сотрудника указали на 52 проекта, в которых они участвовали. 27 из них включали в себя зарплату в текущем году и были обложены 15% сборов, принеся Центру в среднем 10-12 тысяч рублей каждый. Ни из одного источника не поступило более, чем двух проектов. Доля старых фондов (Институт «Открытое общество», Белль, DAAD, МакАртур, USAID) сократилась до незначительной – по одному от каждого перечисленного. По одному также дали основные европейские источники (Седьмая рамочная программа Еврокомиссии, ТАСИС и прочие). Около трети в общей сложности приходились на частные гранты западных партнеров, которые искали сборщиков интервью в России; около четверти были получены через городские НКО, которым нужен был социолог. В этой области наблюдался существенный крен в сторону интересных для европейского Севера прикладных тем, связанных с эпидемиологией или демографией. Три четверти проектов имели в конечном счете западные источники, одна четверть – российские (ИНОП, который тогда поддерживался правительством как средство вытеснить западные фонды, РГНФ). Несмотря на сократившиеся поступления, сотрудники сохраняли значительную лояльность выбранной однажды нише. Всего центр собрал около 600000 рублей «налогами» (половину дало агентство прикладных исследований «Экспертиза») и, по сути, на эти же деньги, заключил 7 контрактов со своими сотрудниками, возложив на них организационную работу и развитие «направлений».

«Направления» были ответом Центра на кризис. Он отчасти пытался вернуться к исходной идее конфедерации, однако не для индивидуальных исследователей, а для узнаваемых групп, которые покрывали тематические области – примерный аналог проектов, которые в то же время внедрял СИ РАН. Складывается впечатление, что и мотивы были отчасти похожи – хотя их создатели утверждали, что думают прежде всего о способности направления концентрировать усилия на точках роста, кажется, что большее значение имела компромиссная функция направлений. Она, в идеале, должна была позволить дирекции, с одной стороны, не увольнять старых сотрудников прямо, с другой – перераспределить лидерство в пользу тех, кто легче находил деньги на стороне (направления получали деньги из бюджета ЦНСИ на основании внешнего софинансирования) и могли в перспективе перейти на самокупаемость.²³⁹ Результат оказался вполне предсказуемым – большая часть направлений перешла под руководство тех, кто и в старой команде ЦНСИ обеспечивал других работой. К несчастью, они делали это все менее и менее успешно, и весь корабль постепенно погружался на дно, тем более, что более успешные организации были готовы предоставить им рабочие места.

При этом, эгалитарно-богемная культура Центра успешно блокировала любые попытки проведения более радикальных реформ в нем. Поддержание образа группы джентльменов и леди, занимающихся наукой ряды собственного развлечения и не опускающихся до регулярной занятости, сдерживало любые радикальные порывы администрации по перераспределению средств. Как и многих аристократов, сотрудников Центра подводило стремление поддерживать образ жизни любой ценой. Когда администрация высказала осторожное предположение о том, что огромный пустующий офис, содержание которого поглощало значительную часть средств, мог бы быть превращен из обузы в ресурс, если его сдать в аренду, она встретила на Совете решительный отпор: «*N: То, что офис пустует – это хорошо, я вообще люблю приходить в офис по воскресеньям, когда тут никого – мне так лучше думается. M: Тут есть гендерный аспект – каждой женщине нужен офис*» (записи из дневника наблюдения,

---

²³⁹ Интересно, что появление фиксированных направлений вызывала опасения у сотрудников, привыкших браться за любую работу. На Совете ЦНСИ один из них спрашивал: «*Никто не знает, на что получит грант. Если я занимаюсь социологией города, а на меня свалится предложение сделать фотовыставку, должна ли я его кому-то отдать?*» (жен, 1970-е г.р., н.с., Вест-сайд)

2010 год). Это решило дело, и Центр продолжал содержать огромное пустое пространство, которым никто не пользовался.

ЕУСПб был лучше подготовлен к существованию в новые времена по нескольким причинам. Во-первых, институциональное западное финансирование пострадало в 2005-2010 годах меньше, чем индивидуальное, а его привлекать университету было легче, чем институту с размытым профилем. Во-вторых, его структура позволяла значительно легче извлекать средства из новых доноров, прежде всего, российских и зарубежных компаний, которым можно было предложить длинное меню опций для финансирования: от стипендий до библиотек. В-третьих, благодаря значительным зарплатам, он еще в прошлое десятилетие сконцентрировал в себе Вест-сайдский высший класс, который эффективнее всего привлекал средства на самый распространенный пункт этого меню – корпоративные профессуры.

На этапе расцвета грантовой экономики, негосударственные аспирантские университеты вроде ЕУСПб представляли собой конфедерацию факультетов и центров, больших и малых, со своими практически неотнимаемыми ресурсами. Центры жили на гранты. Профессора и администраторы факультетов получали зарплаты из институциональных грантов, добытых центральной администрацией, но количество ставок практически не менялось целое десятилетие, в результате чего строка каждого факультета в общем бюджете превратилась в незыблемую традицию. Состав преподавателей также изменялся очень медленно по сравнению с другими постсоветскими организациями. Когда вакансии открывались, факультеты имели полную независимость в том, что касалось их заполнения.

Какими критериями они при этом руководствовались? Поскольку преподавание носило крайне нерегулярный характер, трудовая дисциплина и исследовательский профиль кандидата никого не волновали. Новый сотрудник мог увеличить общий выигрыш коалиции по сути дела только одним путем: он мог стать украшением для парадного фасада университета в глазах грантодающей организации, что означало известность в российском Вест-сайте и, желательно, в «мировой науке». Вероятно, кому-то и приходила в голову идея укрепить свою персональную сеть за счет возможности распоряжаться вакансией. Но на большинстве факультетов она была заблокирована тем, что, хотя наполнявшие их индивиды были членами одной сети, они не были близкими друзьями, а вакансии открывались слишком редко, чтобы возникли стабильные отношения реципрокности при селекции кандидатов.²⁴⁰

Кроме того, факультет, который имеет самое прямое отношение к нашей истории, первым опробовал превращение в элемент обращенной к грантодателю поверхности не только результат выбора нового преподавателя, но и процедуру, объявив и широко рекламируя открытый конкурс, который действительно был открытым с неизвестным заранее победителем (в 2005 году). Хотя кандидатов усиленно приглашали уже работавшие на факультетах, в целом, решение не было predetermined, поскольку не было «главного» голоса. До этого момента, найм в Вест-сайте, как и во всем остальном российском академическом мире, представлял собой преимущественно сетевую активность. За счет того, что фонды с удовольствием поддерживали проведение школ и конференций, большинство его обитателей имели гораздо более развернутые сети, чем это было обычно в других частях социологического мира, однако, на этом отличия и заканчивались.²⁴¹

---

²⁴⁰ Словами крупного администратора, «[с]амая большая удача факультета состояла в том, что мы все не были друзьями. Я дружу с X, а Y дружит с Z, но все мы никогда не собирались друг у друга на днях рождения. Пары друзей факультет выдержит, больше – нет».

²⁴¹ Кроме того, за счет относительной молодости составляющих их, эти сети сами собой выходили прочнее, часто превращаясь в семейные. ЦНСИ фактически превратился со временем в одну большую семью с небольшой примесью особенно старых друзей членов этой семьи.

Хотя открытые конкурсы прекрасно укладывались в шаблон «лучших мировых практик», даже в Вест-сайте они еще на протяжении некоторого времени оставались скорее исключением, чем правилом. Идея встретила сопротивление как со стороны сетевых боссов, отстаивавших свои традиционные права решать, кому работать под их началом, так и со стороны масс рядовых членов сети. Главный аргумент этой широкой оппозиции был направлен, во-первых, против моральных издержек открытого конкурса, заставляющих кого-то проигрывать, и, во-вторых, против того, что открытый рынок начинал работать лишь при объявлении зарплат, существенно превышающих средние, чтобы можно было пригласить иностранцев или, хотя бы, приезжающих из других регионов. Утверждение институциональной экономики о том, что сети снижают трение, верно и в том смысле, что они снижают моральное трение. Традиционная практика ликвидировала риск отказа и неприятное ощущение того, что кто-то потерпел поражение.²⁴² Равенство зарплат – или, хотя бы, отсутствие информации об их неравенстве, позволяло поддерживать иллюзию одинаковой интеллектуальной стоимости всех участников игры.²⁴³ В 2010 году завкафедрой в одном из прогрессивных университетов, принужденная начальством к проведению открытого конкурса с большой по российским меркам зарплатой, возмущалась поведением сотрудников, пригласивших кандидатов помимо ее протеза, и просила убедить их забрать назад заявления: *Кафедры должны быть коллективом единомышленников. Я хорошо знаю N, она делает важный жизненный шаг, она собирается влиться в кафедру. M – состоявшийся исследователь, который будет проводить исследования сама по себе, за пределами кафедры. N уже пригласили, как мы сможем ей теперь отказать? Если мы будем сидеть и обсуждать здесь ее, и M, и O, то обсуждение будет переходом на личности. Так никто не делает – почему мы должны быть первыми?*

Тем не менее, со временем низкопоклонство перед «мировыми практиками», прямое влияние доноров²⁴⁴ и в некоторых сегментах сети высококонкурентная культура сделали свое дело. Университеты, которые первыми научились преодолевать вызываемые конкурсами сложности, получили значительные преимущества в новых условиях, в которых найм постепенно стал превращаться в одну из основных машин статуса. Новые алгоритмы поиска и отбора оказались соответствующими требованиям наставшей эпохи. Падение грантовой экономики не застало их совершенно неподготовленным, поскольку они уже ранее опробовали две антикризисные стратегии – сбор средств в фонд целевого капитала (*endowment*) и корпоративные профессуры – и начал переориентацию с фондов на бизнес как на основной источник финансирования. Целевой капитал во многом остается за рамками нашей истории. Корпоративные профессуры, однако, прямо относятся к ней. Типичная корпоративная профессура в настоящее время подразумевает финансирование одной профессорской позиции, к которой прилагается ассистент, на три-пять лет. Обычный бюджет профессуры составляет порядка 80000-100000 долларов в год, хотя отдельные щедрые доноры дают значительно больше; часть этих денег выплачивается в качестве зарплаты, а остальные тратятся на поддержку того, что в ЦНСИ

²⁴² В некотором роде, вся стратификация в науке создается системой выборов (кого пригласить на работу, включить в проект или позвать сделать доклад), но, поскольку большинство этих выборов делается за спиной индивида, он не знает, в какой момент они произошли и почему были не в его пользу, а чаще всего не знает, что какие-то выборы имели место вовсе. Его разочарование и осознание своего погружения на дно профессионального мира происходит постепенно, и ему не на кого излить свой гнев. Открытые конкурсы лишают происходящее подобного налета благообразности.

²⁴³ В академическом мире деньги вообще играют основную роль не как средства к существованию, а как выражение личной ценности. Появление на факультете профессора, получающего значительно больше других, может восприниматься как личное оскорбление всеми остальными – во всяком случае, администрациям приходится как-то предотвращать последствия этого.

²⁴⁴ Европейский университет, например, столкнулся с энергичным вмешательством международного консультативного совета, который всячески недоумевал по поводу закрытого характера конкурсов.

назвали бы «направлением», а в СИ РАН – проектом, т.е. конференции, поездки, исследования, иногда – стипендии студентам профессора.

Поступление профессур зависит от усилий отдела развития, который в условиях новой финансовой стратегии превратился в одно из ключевых подразделений университета. Хотя ожидалось, что отдел развития приложит усилия к тому, чтобы найти профессуры под уже работающих в университете преподавателей, подобная удача была довольно редким событием. Как правило, донор изъявлял желание поддержать что-то, что соответствовало его профилю или задевало какие-то струны в душе менеджмента – фармацевтическая корпорация могла пожелать профинансировать ученого, который будет заниматься проблемами здравоохранения, а расположенная в исламском регионе нефтяная компания – дать деньги на историка российского ислама.²⁴⁵ Первым побуждением большинства факультетов при появлении профессур было поступить с ними так же, как поступали с новыми деньгами большинство государственных вузов – поделить между всеми сотрудниками поровну. Однако доноры хотели видеть конкретного человека, занимающегося конкретной темой, и поэтому говорившие от их имени в университете Отдел развития и администрация категорически не соглашались на такой вариант.²⁴⁶ Кроме того, донор мог настаивать на проведении конкурса, и даже если он не настаивал, это делал ректор, озабоченный соответствием университета *best practices*, «лучшим практикам». Конкурс в этих условиях превращался из способа дополнительно легитимировать свой статус в насущную необходимость. Во многих случаях, вакансия была столь неожиданной, что в университетской сети просто не находилось человека, способного ее заполнить, и его приходилось искать на открытом рынке.

Постепенно конкурсы стали привычным делом, хотя, сравнивая их с американскими, надо отметить, что они так и не превратились в любимый вид академического спорта. Вест-сайдские профессора занимались определением судеб своих коллег со значительно меньшим энтузиазмом, чем их американские коллеги; в результате принятие решения часто откладывалось на неопределенный срок, поскольку кто-то из вошедших в отборочный комитет не удосуживался посмотреть досье или видео с пробной лекции кандидата.

Пожалуй, их основной темной стороной была дальнейшая деградация учебного процесса. Поскольку профессор по определению должен был читать какие-то курсы, учебный план составлялся, чтобы пристроить тех, кого принесли сети Отдела развития. Это оказывалось особенно тяжело в свете того, что университет в 2010-2011 годах все же вынужден был пройти лицензирование своих программ. В условиях перехода страны на систему «бакалавриат-магистратура», отсутствие лицензии на преподавание магистерских

---

²⁴⁵ Два опасения были связаны, во-первых, с тем, что донор может привести собственного кандидата (с неизбежностью всплывали проverbsальные «любвицы шефа»), во-вторых, с тем, что он станет рассматривать «своего» профессора как разновидность штатного консультанта, или, хуже того, рекламного агента. Первая угроза оказалась преувеличенной. За исключением случаев, когда сам университет предлагал кандидатуры действующих профессоров, конкретные имена во время переговоров почти никогда не озвучивались. Второе, однако, иногда становилось проблемой. Обычно дело ограничивалось тем, что профессору приходилось прочитать лекцию-другую для менеджмента спонсирующей компании, однако иногда та проявила значительную настойчивость в отношении исследовательской повестки. Производящая велосипеды фирма могла захотеть дать деньги урбанисту при условии, что он будет заниматься проблемами создания сети велосипедных дорожек в мегаполисе (пример вымышленный). К чести университета надо сказать, что предложения, которые сопровождались слишком конкретными указаниями на то, что именно должен исследовать профессор и особенно с какими результатами, неизменно отвергались.

²⁴⁶ Помимо всего прочего, при создании первых профессур высказывались опасения, что появление отдельных высокооплачиваемых преподавателей вызовет resentment со стороны остальных и, тем самым, внутренние конфликты. Это опасение, однако, также оказалось преувеличенным. С одной стороны, их появление воспринималась скорее как удача, irrelevantная для внутренней церемониальной иерархии (да, в действительности, и была таковой). С другой стороны, *low-grid, low-group* культура в целом проявляла большую толерантность ко внутреннему расслоению.

программ означало бы, что его выпускники не смогут защитить диссертацию. Последовавшие за этим проверки Рособнадзора заставили факультеты выстраивать на скорую руку какую-то поверхность, придавая учебной программе видимость соответствия Госстандарту и при этом минимально меняя уже имеющееся расписание. По мере увеличения числа курсов и предметов, это становилось все более затруднительной задачей, а неожиданное появление нового профессора с новым предметом каждый раз заставляло лихорадочно перестраивать декорации. Учебная часть, координировавшая эту работу, становилась все более влиятельным подразделением в университете с разрастающимся штатом и бюджетом.

Общую логику протекающего в этих условиях трансформации можно было описать как переход от американской или советской модели департаментов к германской кафедральной модели, или от конфедерации к олигархической городской республике. Университет превратился из конфедерации факультетов и центров в конфедерацию кафедр, занимаемых выдающимся учеными с собственным бюджетом, собственными семинарами и собственными студентами, в значительной мере изолированными от прочих студентов с того же факультета. За факультетами остались только учебные функции, декан превратился в донимающего всех завуча, и та ограниченная преподавательская коллективная жизнь, которая теплилась на них прежде, в основном замерла. Политически, роль ректората, или точнее даже существующего при ректорате отдела развития, выросла.²⁴⁷ Большинство преподавателей жило больше не на частные гранты, которые они могли унести, но на деньги, полученные для них университетом. Тем не менее, звездные профессора, под которых эти деньги были получены, сохранили свою власть выхода – они всегда могли шантажировать ректорат тем, что уйдут в Высшую школу экономики на такую же или большую зарплату, и энергично пользовались этой возможностью. В идеале, университет видел себя как укомплектованный целиком представителями высшего академического класса, каждый с именной профессурой и временными ассистентами. Кажется, однако, что ценой такой трансформации будет, с одной стороны, численное увеличение бюрократии, производящей бумажную отчетность, и умножение числа звеньев между ними и профессорами, а с другой стороны – передача преподавания в руки ассистентов. Поскольку оцениваются профессора только по их академическим результатам, то заниматься студентами особого смысла не имеет. Постоянное олигархическое ядро неизбежно подразумевало поддержание переменного и зависимого младшего состава, в основном набранного из недавних выпускников, не перешедших в высшую категорию.

Что требуется, чтобы получить постоянную профессуру? Здесь действовали все те же критерии принадлежности к Вест-сайдскому высшему классу – широкая публичная известность и «международное признание». Компания, дающая деньги знаменитому ученому, была недвусмысленно заинтересована в том, чтобы этот ученый присутствовал там, где его могла бы видеть широкая общественность. Кроме того, в конечном счете, эта общественность была основной референтной группой для дающих деньги доноров – той их части, которая вообще могла раскататься и что-то дать западническому университету.

Фонды также хотели видеть *public impact* как результат финансируемых ими исследований среди многих других вещей, но в большинстве случаев это не было главным параметром, и многие получатели грантов благополучно не предпринимали никаких действий в этом направлении, помимо декларации соответствующего намерения в заявке. В новых условиях, однако, университет в целом в большей степени, чем прежде, оказался зависим от своего медийного присутствия.²⁴⁸

²⁴⁷ Символическим образом, ректором в 2009 году стал глава отдела развития.

²⁴⁸ Кроме того, сказался печальный опыт «пожарного кризиса», который научил университет думать об актуальности мобилизации общественной поддержки.

Однако, хотя университет приютил несколько профессоров, которые были ценными в первую очередь как медийные персоны, он не мог переориентироваться на прием на работу публицистов. Причин было две: с одной стороны, необходимость следовать «лучшим практикам» мирового академического найма, с другой – из-за того, что, в связи с победоносным шествием рейтингов, возникли новые формы интеллектуальных квази-рангов. Их подлинным царством была Высшая школа экономики, но ее конкуренты также не могли их игнорировать. «Лучшие практики» подразумевали принятие решения цепочкой агентов – вначале кандидатов, подавших документы, оценивала факультетская комиссия, в которую, по возможности, включались иностранные члены факультетского же консультационного совета, затем сам факультет, затем комитет по персоналу, затем ректор при участии уже университетского консультационного совета, также состоявшего из иностранцев. Читатель американской главы видел, почему эта система безошибочно превращает степени и – в значительно меньшей мере – публикации в «хороших» изданиях в основной атрибут. С печальным реализмом оценивая свое положение в системе мировых академических каст, университет развил идеологию привлечения «твердых середнячков» с международного рынка – людей с западной степенью и с публикациями, но такой степенью и такими публикациями, которые вряд ли оставляли им шансы найти работу в университетах, возглавлявших мировые рейтинги.²⁴⁹ Идеалом был бы, разумеется, кандидат с хорошей англо-американской степенью, с постоянным потоком иноязычных публикаций и постоянным присутствием в российских масс-медиа. Однако ни один из профессоров ЕУСПб не удовлетворял этим требованиям полностью, и лишь четверо удовлетворяли им хотя бы в общих чертах. Все остальные обладали какой-то, но небольшой частью необходимого, и в результате медийные бароны обменивались презрительными взглядами с глобальным середнячками.

В отличие от олигархических негосударственных университетов, Высшая школа экономики развивалась в сторону, напоминающую абсолютистскую монархию. Поскольку существенные ресурсы поступали в университет благодаря доверительным отношениям, существовавшим между высшими администраторами и правительством²⁵⁰, ректор являлся в нем значительно более важной фигурой, чем он был в олигархическом университете. Потеряв веру в голос «академического сообщества», бюрократы предпочитали давать деньги тем, чьей эффективности они доверяли лично.²⁵¹ По сравнению с другими университетами, «Вышка» купалась в деньгах, и ни для ее преподавателей, ни для администрации не имело никакого прямого экономического смысла искать финансирование за ее пределами. Это не значит, что ректор был независим от профессоров – средства поступали лишь до тех пор, пока правительство сохраняло веру в его способность создать университет мирового уровня. Поэтому, не справляясь с освоением уже имеющихся средств, университет, тем не менее, всячески стимулировал

---

²⁴⁹ Для рассуждений о перспективах найма на международном рынке наиболее типичен такой пассаж, подслушанный где-то в кулуарах: «Кто поедет в Россию? Два типа людей – или они знают, что не будут первым сортом там, а вторым им быть гордость не позволяет, или безбашенные фрики, которым хочется приключений». Кроме этих двух категорий, остаются еще немногочисленные специалисты по России.

²⁵⁰ Скажем, в 2011 году, судя по опубликованному «Вышкой» отчету, ее бюджет составил примерно 8.5 млрд рублей. Из них через механизм бюджетного финансирования студенческих мест поступало около 45% (менее половины средств), платники принесли еще примерно 20%, а 30% составляли бюджеты фундаментальных исследований, НИР и правительственных целевых программ (одна «Стратегия 2020» дала порядка 220 млн. рублей – сумму, большую, чем весь бюджет ЕУСПб в том году), причем деньги, привлеченные извне государственного аппарата, составляли пренебрежимо малую величину.

²⁵¹ Это привело к развитию чего-то наподобие французской институциональной модели с ее шунтами, такими, как система Школ (см. французскую главу), с той разницей, что в России шунты носили сетевой, а не структурный характер. Разочаровавшись в Сорбонне, российский чиновник не создавал Эколь нормаль, но строил рядом другую Сорбонну, и ставил во главе своего близкого друга.

преподавателей получать крошечные гранты РГНФ и РФФИ. В ситуации ВШЭ, принесенные извне средства имели демонстрационную ценность как символ соответствия ожиданиям в отношении исследовательского университета (вспомним «Дорожные карты...»), не функциональную ценность как средство обеспечения потребностей организации. В этом смысле, профессора сохраняли «власть выхода» в той мере, в какой они могли ухудшить видимые правительством параметры организации. С другой стороны, ректор также, теоретически, мог выбыть из коалиции, и это означало бы скорую потерю как минимум трети финансирования. Неудивительно, что, по сравнению с главой олигархического университета, он обладал значительно большей свободой в распоряжении полученными средствами. Политическая конструкция «Вышки» отражала этот факт: она имела сеть филиалов и всевозможных исследовательских структур, руководители которых напрямую назначались ректором; подразделения, сохраняющие традиционные выборные свободы были скорее исключением, чем правилом в этой системе.

Имея мало ограниченную власть внутри организации, ректор не мог, однако, ничего поделать с тем, как его аудитория оценивала успехи в создании университета мирового уровня. Поставив себя на его место, мы можем предположить, что он думал о трех вещах. Его силы были разделены между тем, чтобы обеспечить (1) рост показателей, входящих в мировые рейтинги; (2) медийное присутствие, которое было желательно для сохранения легитимности в глазах правительства до тех пор, пока меры по накачиванию рейтинга еще не стали сказываться, и (3) выполнение правительственных контрактов, которые нужны были, чтобы укрепить связи с правительством и не дать средствам уйти в конкурирующие университеты.

Первого предполагалось достичь за счет энергичного использования системы надбавок, представлявших собой штучную скупку публикаций, в особенности иноязычных, и постепенного пересмотра условий контрактов. Кроме того, благодаря системе ординарных профессур, представляющих собой самый близкий из возможных в российских условиях аналог *tenure-track*, и лабораторий, «Вышка» могла проводить агрессивную политику найма. В дополнение к ним, в университете широко распространялись гранты, на самые крупные из которых не объявлялись конкурсы и которые являлись личным выражением веры высшей администрации в того или иного профессора. Существовало несколько способов заслужить эту веру. В некоторых случаях она основывалась на личном знакомстве, мастерстве академического рассказа и способности произвести общее впечатление «западности». В других случаях, которые чаще всего были случаями математиков и экономистов, она завоевывалась международными публикациями. В-третьих – имели место уважение к организационному таланту. Как в любой патримониальной системе, в этой значительное распространение получила интрига. Слишком большая, чтобы быть охваченной сетью одного человека, Вышка была пронизана множеством конкурирующих сетей, сила которых определялась тем, насколько прямой выход к престолу они имели. Котировки персональных акций того или иного придворного на этой бирже были постоянным предметом обсуждения; визит старшего администратора в одну из региональных колоний, например, всегда оставлял за собой шлейф разговоров вроде: *«когда N хотел с ним вместе выйти, M буркнул: “В общем порядке”, и – представляешь! - даже не глянул в его сторону!»* Тем не менее, к чести Школы надо сказать, что она явно избежала худших эксцессов диктаторских режимов и, в целом, продвигала вверх людей, обладающих какими-то устремлениями помимо этого продвижения как такового.

К несчастью для «Вышки», способ, которым она зарабатывала деньги для финансирования надбавок и иных бонусов, необходимых, чтобы укрепить ее статус университета мирового уровня, подрывал ее усилия в этом же направлении. Деньги

поступали от правительственных контрактов, в основном прикладного свойства. Чтобы сохранить позицию основного источника правительственной экспертизы, требовалось постоянно участвовать в цикле выполнения исследований. Стоило выпасть из него, как деньги ушли бы к более постоянному исполнителю. Инициативные сотрудники обнаруживали поэтому, что их буквально затягивает в выполнение госконтрактных исследований, суливших, кроме того, более быстрые и большие деньги, чем давали публикации.

Один из ее сотрудников, позднее ставший критиком, утверждал, что довольно скромные результаты «Вышки» в международных индексах цитирования объясняются непропорционально высокими зарплатами административного персонала (Олейник, 2011). Однако, хотя это могло быть частью объяснения, это явно еще не все объяснение. Даже если самые талантливые были полностью поглощены администрированием, оставалось непонятно, почему ученые второго эшелона не могут создать должного потока публикаций. Гранты забирали практически все силы почти каждого, кто хоть как-то поднимал голову, особенно в Москве. Способность оставить след в интеллектуальной истории в Вест-сайде, как, впрочем, и везде, в значительной мере является производной от способности откладывать финансовое удовлетворение. Эта способность, возможно, является самым дефицитным карьерным ресурсом (Соколов, 2009).

Как частную иллюстрацию этого можно рассматривать таблицу ниже (Табл. 18), в которой отражен рост публикаций, подписанных «Вышкой», в базах данных *Web of Science*.²⁵²

Таблица 18. Динамика числа статей ВШЭ на фоне динамики численности преподавательского состава Московского кампуса

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Статей в WS	7	13	14	23	35	80	84
Преподавателей в московском кампусе	1246	1319	1358	1398	1448	1615	1615
Статей на одного преподавателя	0,006	0,010	0,010	0,016	0,024	0,050	0,052

Очевиден некоторый рост; вместе с тем, он гораздо скромнее, чем можно было бы ожидать, исходя из размера надбавок, доходивших до 90000 рублей в месяц на протяжении двух лет (что значило, что «Вышка» согласна была покупать статьи в *Web of Science* по цене до 3 млн. рублей за штуку с учетом налогов).²⁵³ Стоит отметить, кроме того, что этот рост во многом обязан активности легионеров. В разделе «Социология», например, за ВШЭ числится 10 статей, из которых 7 вышло в 2013 году, по одной в 2011,

²⁵² Поиск производился 1 февраля 2014 года. Фиксировались англоязычные статьи с адресами, содержащими *Higher Sch Econ* и *Russia*. Данные о численности преподавателей ВШЭ взяты со страницы университета (доступно по ссылке: <http://www.hse.ru/figures/57652677.html> (доступ осуществлен 1 февраля 2014)). Поскольку большинство научных сотрудников также являются преподавателями, данные о них не добавлялись, что ведет к некоторому завышению публикационных показателей на душу сотрудника. Кроме того, не брались преподаватели филиалов, поскольку о динамике их численности найти сведения оказалось сложнее. На 2013 год их стало 685 человек – примерно 40% от московской популяции.

²⁵³ Увеличение размера надбавок до запредельного совпало с подъемом государственного ассимиляционизма. В 2007 году повышающий коэффициент внутри «Вышки» для иноязычной статьи был 1.25, за статью в русскоязычном журнале начинали 4 балла, в иностранном – 5, т.е. повышающий коэффициент составлял 1.25. В 2011 году иностранная статья стоила уже примерно в 25 раз дороже. Всего в 2013 году надбавки за иностранные статьи, вышедшие в предыдущие два года, получал 101 человек из 2299 преподавателей (и некоторого числа неучтенных научных сотрудников) – немногим более 4%. Общее число получавших какие-либо надбавки составляло около четверти сотрудников.

2009 и 2008 годах. Две самые ранние – сравнительные демографические проекты, три дала созданная по «мегагранту» лаборатория Инглхарта, две – недавно нанятые легионеры (Линд и Берри, указавший два адреса), одна – сравнительный образовательный проект, и только две написали российские сотрудники (Радаев и Болдырев), результат которых можно приписать успехам массивного индивидуального стимулирования (один из них, правда, был также автором самой концепции стимулирования, и мог поддаться ему скорее из идейных, чем из материальных, соображений).

В конкуренции за время сотрудников гранты выигрывали у премий за публикации и еще по одной причине. Цикл выхода статьи в англоязычном реферируемом журнале в среднем занимает полтора-два года, а горизонт планирования в российском академическом мире значительно короче. Никто из сотрудников просто не был уверен, что «Вышка» все еще будет платить надбавки к тому моменту, когда статья выйдет, и какой именно она будет; эту возможность приходилось дисконтировать в свете возможной смены политики организации или всей страны, а также вероятности собственного ухода из нее. Руководство «Вышки» еще больше усложняло ситуацию, регулярно меняя правила игры. Это делалось для того, чтобы избежать манипуляции правилами, которую сотрудники быстро осваивали, но одновременно не оставляло возможности гарантировать, что руководство будет придерживаться нынешней политики для тех, кто хотел сыграть добросовестно.²⁵⁴

«Вышка» также вынуждена была обратить свой взор на международный рынок. В отличие от ЕУ, за которым пристально наблюдали попечительский и консультационные советы, никто не интересовался процедурными деталями происходящего в ней, пока формальности были соблюдены. Однако ни у кого просто не было сетей достаточного охвата, чтобы рекрутировать необходимое для реализации амбиций университета промышленное количество иностранцев по традиционным каналам. Университет начал целенаправленный найм *PhD* со степенями (им, кроме возмущавших многих обещаний *tenure-track*, *low teaching load* и *minimal service requirements*, полагалась еще надбавка) в 2011 году, и на начало 2014 года²⁵⁵ таковых было уже 43 человека. Среди них оказалось 23 экономиста, два философа, один психолог, один историк, два *media studies*, пять менеджеров, семь социологов, два политолога. Тринадцать из них происходили из университетов, входящих в *top-100* Шанхайского рейтинга, и четверо – из входящих в *top-20*. Сравнивая это с американской главой, мы можем задаться вопросом о том, как это соотносится с уровнем университета штата Айдахо.

Так же, как факультет «Большого университета» был самой культурно разнородной организацией, ВШЭ, вероятно, была самой пестрой в смысле сосуществующих в ней логик поведения. Великолепный фасад с лабораториями, возглавляемыми Нобелевскими лауреатами, сосуществовал с задними дворами, мало чем отличающимися от подобных им в нормальном постсоветском университете. В этих закоулках хозяйствовал Рособрнадзор и методисты, перешедшие из второразрядных вузов со своими представлениями о преподавательских обязанностях.²⁵⁶ Хотя треть доходов Школы происходила из всевозможных контрактов, две трети все равно были связаны с нормальным

²⁵⁴ При всем этом, Вышка все же выгодно отличалась от значительной части продвинутых государственных вузов, которые попробовали внедрить ту же тактику, но, по каким-то внутренним соображениям, вообще не оглашали размеров надбавок за каждый вид публикаций, так что преподаватели сами безуспешно пытались их вычислять в конце года, глядя на финансовые ведомости.

²⁵⁵ Данные доступны на сайте: <http://cas.hse.ru/faculty> (доступ осуществлен 1 февраля 2014).

²⁵⁶ Методист в методкабинете одной из региональных колоний могла назидательно произнести такой монолог: «в государственном вузе государство нанимает преподавателя учить тому, что оно считает нужным, а до того оно дает заказ тем, кого выберет составить программу для этого преподавателя. Должны быть охвачены ключевые темы и ключевые понятия. Оставшееся время в часах, 10% – авторский компонент. За иными правилами – идите в НОУ». По иронии судьбы, дело происходило в момент, когда Вышка уже схватилась насмерть с автором этого Госстандарта профессором Добреньковым.

финансированием, поступающим от студентов. Правительство выделило ВШЭ места, в особенности в магистратуре, с такой скоростью, что та не успевала их заполнять. Это давало очевидные преимущества, но, к сожалению, заключало в себе и очевидные недостатки – задача никого не отчислять становилась тут актуальной, как нигде. Директор филиала являлся на заседания кафедры, которая проявила слишком много рвения при приеме экзаменов, и грозил преподавателям страшными расправами. Заведующий той же кафедрой звонил за границу потенциальному абитуриенту из постсоветской республики, единственному на факультете, пропустившему приемные экзамены но выразившему желание учиться платно, чтобы сообщить, что факультет решил пойти ему на встречу и разрешить сдать их позже. Люди, в которых в реальности университет больше всего нуждался, чтобы функционировать без повседневных катаклизмов, были традиционные Ист-сайдские преподаватели, дисциплинированные и неамбициозные; он, однако, не мог дать им никаких преимуществ, не поставив под сомнение собственную легитимность.

В довершение всего, Школа в основном рекрутировала носителей общей Вест-сайдской *low-grid* культуры, которая вступала в постоянные конфликты как с образом жизни нормального постсоветского вуза, кормящегося от студентов, так и абсолютистски-бюрократического университета, использующего методы напоминающие приучение к лотку, чтобы заставить своих сотрудников включиться в мировую науку. Вместо того, чтобы минимизировать затраты времени на контакт со студентами, эти сотрудники начинали пытаться сделать из Госстандарта «что-то осмысленное», что обычно требовало гораздо больше времени – и в итоге учебный процесс стопорился. Вместо того, чтобы смириться с существованием командной вертикали, они начинали бороться за создание коллегиальных представительных органов и в итоге могли устроить скандал, по уродливости сравнимый с имевшими место в СИ РАН, но лишенный экономического подтекста. Поверхности, которые университет создавал для Рособнадзора, персонально для министра науки и образования, и для самого себя постоянно создавали коллизии. В российском академическом мире была масса уголков куда более неблагоприятных, но вряд ли имелся еще хотя бы один с такой же концентрацией попыток сочетать несочетаемое.

Вместо заключения

Итак, перед нашим карьеристом открывается множество путей. Он может выбрать одну из трех сетевых территорий и разные организации, которые существуют на этих территориях. Он может сосредоточиться на постепенном подъеме по преподавательской лестнице, карьере администратора или траектории медийной звезды. Если бы он, еще будучи студентом университета, явился на профориентацию, то карьерный консультант, перед тем, как дать хоть какой-то совет, должен был бы задаться тремя вопросами. Во-первых, к чему внутренне тяготеет пришедший, каковы его интересы и склонности? Во-вторых, какими ресурсами он обладает и какие его характеристики могут затруднить выбор одной из карьерных траекторий? В-третьих, что ему надо делать, чтобы удержаться на каждой из них?

Чтобы сформировать свое мнение по первому пункту, консультанту, пожалуй, надо было бы узнать в первую очередь, кем пришедший видит себя, если не социальным ученым. Государственный чиновник или военный дают нам однозначную ориентацию на Ист-сайд; любая профессия, несущая в себе значительную долю частной инициативы, свободного торчества, и допускающая фрилансерскую работу по контракту (журналист, дизайнер, программист) – на Вест-сайд. Те, кто сказал бы, что видит себя в политике или дипломатии, могли бы попробовать начать карьеру администратора в каждом из миров, и имели бы в этом качестве значительное преимущество, поскольку вообще-то люди с такими наклонностями редко забредают в науку. В особенности, однако, они были бы ко

двору в мире, политэкономия которого предполагает распределение многих ресурсов через какую-то форму политических процедур, и, соответственно, преобладание голоса над выходом, как в Академии наук. Тем не менее, им стоило бы иметь в виду, что, помимо общих требований к вступившим на этот путь (умение общаться с людьми и готовность поддерживать гигантскую сеть контактов, терпимость к бюрократическому абсурду (чуть менее важная требование, если дело происходит в негосударственном институте, но все равно ключевое), умение не унывать и приниматься за дело, потерпев неудачу, способность к произнесению тостов и отправлению иного публичного церемониала), надо быть готовыми к еще одному испытанию. Академический мир ценит людей, позволяющих ему вертеться, гораздо меньше, чем они того заслуживают. Им регулярно придется сталкиваться с окружением, рассматривающим умение подстроиться под бюрократический формат, что в письме, что в речи, что во внешнем виде, как признак неспособности к творческому труду, и даже в известной мере, подыгрывать им, скромно называя себя «администратором на службе у людей науки». Ист-сайд более почтителен к своему высшему административному слою, но и в нем успешный руководитель не пожнет всего того почета, на который мог бы претендовать в другом месте. Экономически, однако, этот путь сулит большее вознаграждение: среди людей, считающих ниже своего достоинства всякое соприкосновение с организационно-административной прозой, всякий, кто не бежит от них, может рассчитывать на постоянную занятость и повышенную зарплату.

Те, кто считает такие занятия абсолютно неприемлемыми для себя, не должны ориентироваться на Вест-сайд, в котором каждому волей-неволей приходится организовывать хоть что-то. До недавнего времени, нижние этажи ранговой лестницы в академических институтах были их естественным домом (преподаватель все-таки заполнял слишком много форм и поневоле руководил хотя бы студентами). Однако сейчас с обострением политической борьбы, в которую оказывается втянут каждый, и с общими смутными перспективами, неясно, можно ли их рекомендовать хоть кому-то, поэтому нормальная преподавательская лестница в Ист-сайте может быть лучшим выбором. Напротив, выбор журналистики или любой другой профессии, связанной с публичностью (актерское ремесло, например) уверенно располагает кандидата в пользу *visibility work* и карьеры звезды. Так же, как для администратора необходима некоторая экстраверсия, для звезды жизненно важна изрядная доля истероидности, стремления выставлять себя на показ и болезненный страх остаться незамеченным. Этот набор свойств позволяет развить нужную степень чувствительности к запросам аудитории и неутомимость в поисках того, что привлечет ее интерес.²⁵⁷ Нужные характерологические черты сегодня можно, наверное, диагностировать в подростке по навязчивой склонности подсчитывать лайки и перепосты в социальной сети. В Вест-сайте, особенно в организациях с преобладающей *low-grid, low-group* культурой, такие кандидаты могут найти себя, особенно если они вовсе не умеют ладить с людьми (как это часто бывает с истероидами), и склонны на любое возражение хлопать дверью. Организации, в которых «выход» является лучшей стратегией достижения цели, чем «голос», дают им массу таких возможностей. Опять же, Олд-центр и контролируемые им институты до настоящего времени остаются естественным убежищем для тех, кто напрочь лишен этой черты, или страдает от болезненной застенчивости, мешающей ей проявиться.

В более общем карьерно-классовом отношении, Ист-сайд можно порекомендовать тем, кто видит себя служащим, человеком организации, чье плавное, постепенное и

---

²⁵⁷ Многие из оставивших глубокий след в науке были замечательны скорее своей полной нечувствительностью к текущим запросам и предубеждениям аудитории, которая, собственно, и позволила им сделать что-то совершенно новое. Но ведь эта книга – о том, как сделать карьеру в науке, не о том, как оставить в ней след.

предсказуемое повышение в ней совместимо с личной жизнью и досугом. Олд-центр (опять же, на своих нижних ступенях) был местом для тех, кто хотел бы вести расслабленный и медитативный образ жизни и согласился бы ограничиться минимальным потреблением (или не имели проблем с доходами). Вест-сайду принадлежат те, кто склонен к игре по высоким ставкам и к возможности быстро обрести ресурсы для демонстративного потребления (путешествия, знакомства в элите, образ жизни «креативного класса») в ограниченной временной перспективе, пусть даже без всяких гарантий продолжения поступления этих ресурсов.

Другие интересы и предпочтения также должны сыграть свою роль при первичной сортировке. Простейший из них касался того, насколько сильна привязанность к каким-то конкретным темам в социологии. В Ист-сайте легче приходилось скорее генералистам и людям с широкими интересами, легко менявшими тему; остальные части давали больше возможностей для концентрации. Имело, разумеется, значение и то, что это была за тема. Хотя в целом области или проблемы были достаточно неспецифичны, некоторые из них – ЛГБТ-исследования, например – могли найти понимание только в Вест-сайте, а другие – например, государственное управление – в Ист-сайте, где процветала «социология-как». Более важными, однако, были не тематические предпочтения, а стилистические вкусы. Тем, кому нравилось читать больше, чем писать, естественным образом подходила преподавательская карьера, а тем, кто хотел писать сам, стоило заняться исследовательской. Если читать нравилось больше, чем писать, важно было узнать, что. Энциклопедии, учебники и обзорные труды любого рода дали бы нам прирожденного преподавателя, а журнальные статьи, с которыми можно было спорить, или образчики академической прозы, из которых можно было что-то почерпнуть в плане стиля, – исследователя. С другой стороны, если пришедшему нравилось писать, что писать также имело значение. Вест-сайт требовал креативности, но тщательно дозированной креативности, уважающей «западные» конвенции и не порождающей ничего, что могло бы задеть чувства потенциального рецензента. Людям с увлечениями, которые окружающие находят несколько эксцентричными, лучше может быть обратить взор все-таки к востоку.²⁵⁸

Прочие интеллектуальные склонности также имели значение. Английский язык постепенно становился желателен везде, но в Вест-сайте он был жизненно необходим с самого начала. Аналогично, умение и пристрастие к тому, чтобы возиться с цифрами, везде могли дать какие-то преимущества, но Ист сулил наименьшее вознаграждение, а Вест – наибольшее, поскольку широкая аудитория лучше воспринимала социологов как поставщиков цифр, и поскольку опубликовать количественную статью в западном журнале потенциально было легче. Разумеется, имели значение политические пристрастия. Чем западнее по нашей шкале, тем уютнее будут чувствовать себя те, кто выбрал бы назвать случившееся с Крымом весной 2014 года «аннексией», а не

---

²⁵⁸ Эпоха до насильственного внедрения Госстандартов и до *YouTube*, в которую ничто не мешало преподавателю во время лекций делиться с учениками практически любыми своими озарениями, была особенно благодатна для интеллектуальной самобытности. Сейчас многие изобретенные тогда концепции, скрываются под напластованиями Стандартной Социологии. Ее влияния, впрочем, не стоит преувеличивать. В 2005 году УМО под руководством Добренкова рекомендовало в качестве учебного пособия по курсу «История социологии» одноименную книгу В.Г. Немировского (2005). Более-менее конвенциональная (т.е. вписывающаяся в разработанный тем же УМО Госстандарт) история социологии занимает в ней первые 50 страниц. Начиная со страницы 52 (Глава 2, «Новейшие тенденции в развитии социологической теории») и до конца, книга представляет собой изложение «универсальной постнеклассической парадигмы» автора, синтезирующей конспирологию (с. 78-89), психоисторию (с. 90-97) и синергетику (с. 98-102), кроме того, в тексте встречаются большие пассажи, посвященные астральным телам (с. 143-146), психоделическим опытам Станислава Грофа (напр. с. 187-189) и семи смертным грехам как социальному феномену (с. 204-206). В.Г. Немировский возглавил несколько лет назад кафедру социологии Сибирского федерального университета.

«воссоединением». Кроме того, имела значение общая склонность к культурной неконвенциональности: тем, кто хоть раз после окончания университета испытал соблазн покрасить волосы в салатный цвет и ни разу не испытал искушения выехать на шашлычки, можно было однозначно рекомендовать Вест. Наконец, наши разные зоны на карьерной карте предъявляли разные требования к физическому состоянию кандидатов. Преподаватели должны были справляться с регулярными физическими нагрузками, особенно на ноги и голосовые связки, но грантовая экономика и особенно административная работа подразумевала большую устойчивость к постоянному стрессу и цейтноту.

Что можно было бы посоветовать тем, кто выбрал каждую из дорог? Как мог понять читатель, карьера в государственных академических учреждениях во многом определялась своевременной защитой. Всякому, кто хотел бы жить в свое удовольствие на ограниченные зарплаты, которые они предлагают, надо было бы лишь как можно раньше мобилизоваться, чтобы приобрести интеллектуальный ранг. Перед теми, кто прошел достаточно далеко – до кандидатской и, желательно, докторской – всегда открывались возможности подработки в другой организации, нуждавшейся в «остепененных» кадрах.

Тем, кто хотел бы перейти за горизонт, намечаемый званием профессора, по административной линии, требовалось прилагать больше усилий в разных направлениях. Во-первых, необходимо с самого начала заниматься всевозможной организационной работой: КВН, студенческие конференции, студенческое научное общество и т.д. Руководство любого факультета нуждается в своих людях из студенческой массы, которые могут репрезентировать активность младшего поколения на какой-то церемонии или послужить неформальным каналом связи. Важно стать таким человеком (для этого, к слову сказать, было полезно записаться под научное руководство декана или другого факультетского босса). На многих факультетах это означает, кроме того, посещение всех кафедральных празднеств, хотя более пуританские учреждения и отвергают такие формы контактов студентов с преподавателями. Затем эту линию следует продолжить на секретарских должностях и сидении в комитетах. Через это пришлось бы пройти и преподавателю без административных амбиций, чтобы заслужить гладкое повышение, человеку с амбициями это жизненно необходимо. Кроме того, нужно участвовать во всевозможных аттестационных и иных комиссиях в других вузах – это позволит создать широкую сеть, которую можно было использовать для получения работы в другом вузе или организации каких-то общих предприятий. Позиция в оргкомитетах также позволяла познакомиться с нужными людьми по всей стране, включая членов московского истеблишмента.

Тем, кто хотел бы создать себе интеллектуальное имя в Ист-сайте, надо было бы, в первую очередь, опубликовать учебник и добиться его широкой циркуляции, что означает договор с московским издательством с большими тиражами и гриф УМО. Учебник является важным активом в любом случае, но особенно – если удастся угадать и предложить первую в своем роде книгу по теме, которая находилась на пороге включения в Госстандарт. Обзорные статьи в журналах с большой циркуляцией – например, «Социс» – играют такую же роль. Вторым источником успеха – не вполне независимым от первого – могло бы стать угадывание будущих тем массовой преподавательской работы. Преподавателям надо было что-то исследовать для защиты диссертаций, и, поскольку ресурсы крайне ограничены, опций открывается не так много. Любые темы, связанные с молодежью (ценности, субкультуры, экстремизм, потребление, Интернет) получают тут значительное преимущество – и потому, что студенты всегда находятся под рукой и являются самым доступным объектом для изучения преподавателем, и потому, что диссертации защищают сравнительно молодые люди, которым интересно читать и писать о себе.

Эти советы в части защиты диссертаций и административной работы были, в общем, применимы и к Академии. В ее достаточно апатичной атмосфере даже небольшой порыв к самопродвижению мог бы принести значительный успех. Из-за требования относительно много (но не слишком много) публиковаться и получать гранты, здесь необходима большая погруженность в тему; при этом, из-за рисков, связанных с перепрофилированием секторов, подходить к выбору этой темы следует осторожнее. Как говорилось выше, предпочтительнее было бы или заниматься чем-то, что считается традиционной областью для данного института и чем уже занимается много людей, особенно если лидер собирается уходить на покой, а заменить его было нечем, или пытаться уловить политическую волну, вызванную стремлением Академии подстроиться под повестку правительства. В любом случае, для Академии лучше подходила спокойная, респектабельная тема, которая точно не поможет нажить дополнительных врагов – в особенности интересная кому-то из московского истеблишмента.

Давать советы по построению карьеры в Вест-сайте сложнее всего, во-первых, из-за разнообразия институциональной базы, и, во-вторых, из-за того, что она фактически подразумевает больше всего требований к каждому индивиду. Сегодня самой надежной гарантией занятости в нем, которую можно себе вообразить, является западная степень, по возможности – из университета, входящего в *top-100* Шанхайского или любого другого недоморощенного рейтинга. За пределами этого, однако, все становится менее определенным; тем не менее, как первые шаги, желательно сосредоточиться на достижении большей видимости. Вест гораздо более требователен к академической легитимации, и в нем крайне затруднительно удержаться в качестве босса, не будучи звездой. Желательно поддерживать вал публикаций в западной периодике, что подразумевает или ориентацию на небольшую аудиторию славистов, или на российские проблемы, почему-то волнующие практиков в сопредельных государствах, или на сравнительные исследования – карта, которую, впрочем, еще никто из социологов не разыграл удачно. С другой стороны, необходимо поддерживать присутствие в российском пространстве – регулярно общаться с масс-медиа, вести блог, путешествовать по летним школам и пытаться обаять аспирантов. С третьей стороны, чтобы обаять аспирантов, помимо предметной области необходимо выбрать международную теоретическую группу, репрезентантом которой в России получится стать (для этого важны личные контакты, которыми можно похвастаться). Для полного успеха, необходимо, чтобы послание этой группы позволяло осуществлять кустарное производство маленьких студенческих исследований, с которыми можно путешествовать по конференциям. До недавнего времени, исследования повседневности были безусловным хитом. Складывается впечатление, что на их место сейчас отчасти приходит вторичный анализ статистики. Если бы идеальная Вест-сайдская тема выбиралась три года назад, это должно было бы быть что-то вроде «сетевой композиции российского политического истеблишмента» – интересное и для российской, и для славистской аудитории, а заодно высокотехнологичное и позволяющее сыграть ретрансляторскую роль.

Какой из наших трех миров имеет наиболее прочную экономическую и культурную базу, и, соответственно, наибольшие шансы продолжить свое существование, постепенно занимая места двух других? И какой из них, по большому счету, предоставляет условия, наиболее благоприятные для воспроизводства интеллектуальных добродетелей? Что могут сказать нам об этом сравнения с предыдущими случаями, описанными выше? В Заключении, целью которого будет взглянуть на наши пять случаев с высоты птичьего полета, мы обратимся к этим вопросам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Abbott A (1988). *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago and London: The University of Chicago Press
- Arnové RA (1980) Comparative Education and World-System Analysis. *Comparative Education Analysis* 24(1): 48–62.
- Axelrod R (1984) *The Evolution of Cooperation*. New York: Basic Books.
- Bates R, Grief A, Levy M, Rosenthal JL and Weingast BR (1998) *Analytic Narratives*. Princeton: Princeton University Press.
- Becker H (1986) *Writing for Social Scientists. How to Start and Finish You Thesis, Book, or Article*. Chicago: University of Chicago Press.
- Benedict R (1989 [1946]) *The Chrysanthemum and the Sword. Patterns of Japanese Culture*. Boston: Houghton Mifflin Company.
- Bohlin I (2004) Communication Regimes in Competition: The Current Transition in Scholarly Communication Seen Through the Lens of Sociology of Technology. *Social Studies of Science* 34(3): 365–391.
- Brown R (1977) *A Poetic for Sociology: Toward a Logic of Discovery for the Human Sciences*. Cambridge MA: Cambridge University Press.
- Callon M (1986) Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay. In: Law J (ed) *Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge*. London: Routledge, 196–233.
- Collins R (1975) *Conflict Sociology: Toward and Explanatory Science*. New York: Academic Press.
- Douglas M (1986) *How Institutions Think*. New York: Syracuse University Press.
- Douglas M (1996) *Thought styles: Critical essays on good taste*. London: Sage.
- Eisenstadt S (1956) Political Struggles in Bureaucratic Societies. *World Politics* 9(1): 15–36.
- Geertz C, ed (1963) *Old Societies and New States*. London: Macmillan.
- Gellner E (1983) *Nations and Nationalism*. Oxford: Blackwell.
- Goffman E (1951) Symbols of Class Status. *British Journal of Sociology* 11: 294–304.
- Goffman E (1956) The Nature of Deference and Demeanor. *American Anthropologist* 58(3): 473–502.
- Goffman E (1959) *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Anchor.
- Graham L (1967) *The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927-1932*. Princeton: Princeton University Press.
- Greenfeld L (1990) The Formation of Russian National Identity: The Role of Status Insecurity and Ressentiment. *Comparative Studies in Society and History* 32(3): 549–591.
- Greif A and Laitin D (2004) A Theory of Endogenous Institutional Change. *The American Political Science Review* 98(4): 633–652.
- Hirschman A (1970) *Exit, Voice, and Loyalty. Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge MA: Harvard University Press.
- Kotkin S (2006) *Innovation: individuals, networks, patronage (an Evaluation of Higher Education Support in Russia prepared for the Ford Foundation Moscow Office)*. Manuscript.
- Laitin D (2006) Ethnography and/or rational choice: A response from David Laitin. *Qualitative Methods* 4(1): 26–34.
- Meyer J and Schofer E (2005) The Worldwide Expansion of Higher Education in the Twentieth Century. *American Sociological Review* 70(6): 898–920.
- Podolny JM (2005) *Status Signals. A Sociological Study of Market Competition*. Princeton: Princeton University Press.

- Powell WW (1990) Neither Market nor Hierarchy: Network Forms of Organization. *Research in Organizational Behavior* 12: 295–336.
- Ryle G (1971 [1946]) Knowing How and Knowing That. In: *Collected Papers. Vol. 2*. New York: Barnes and Nobles, 212–225.
- Schrank A and Whitford J (2011) The Anatomy of Network Failure. *Sociological Theory* 29(3): 151–177.
- Schutz A (1946) The well-informed citizen. An Essay on the Social Distribution of Knowledge. *Social Research* 13(4): 463–478.
- Shapin S (1995) *A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-Century England*. Chicago: University of Chicago Press.
- Trow M (1960) The Campus Viewed as a Culture. In: Sprague HT (ed) *Research on College Students*. Boulder: WICHE, 106–123.
- Warner WL (1963) *Yankee-City*. New Haven: Yale University Press.
- Wallerstein I (1984) *The Politics of the World Economy*. Cambridge MA: Cambridge University Press.
- Williamson OE (1981) The Economics of Organization: The Transaction Cost Approach. *The American Journal of Sociology* 87(3): 548–577.
- Winston G (1999) Subsidies, Hierarchy and Peers: Awkward Economy of Higher Education. *The Journal of Economic Perspectives* 13(1): 13–36.
- Аблажей АМ и Головкин НВ (2012) *Академическая наука в современном обществе*. Новосибирск: Издательство НГУ.
- Аврус АИ (2001) *История российских университетов. Очерки*. Москва: МОНФ.
- Алексеев А, Божков О, Дмитриевский В, Докторов Б и Кесельман Л (1981) *Зритель в театре: Социологические исследования театральной жизни*. Москва: ВНИИИ
- Алексеев АН (2005) *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т.4*. Санкт-Петербург: Норма.
- Алексеев АН (2010) *Профессия-социолог. Из опыта драматической социологии: События в СИ РАН 2008/2009 и не только*. Т1. Санкт-Петербург: Норма.
- Альтбах Ф, Райсберг Л, Юдкевич М, Андрущак Г и Пачеко И (2012) *Как платят профессорам. Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов*. Москва: Издательский дом ВШЭ.
- Анопоченко АИ, Гохберг ЛМ, Кузьминов ЯИ и Лайкам КЭ (2012) *Индикаторы науки: 2012. Статистический сборник*. Москва: Издательский дом ВШЭ.
- Батыгин ГС (2002) «Никакого другого пути я даже помыслить не мог». *Интервью Мазлумяновой, Н.Я.* Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9JBk4> (доступ осуществлен 1 сентября 2014).
- Батыгин ГС (1999) *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах*. Санкт-Петербург: РХГИ.
- Белановский С (1993) *Управление наукой в СССР*. Доступно по ссылке: www.sbelan.ru/content/ (доступ осуществлен 1 сентября 2014).
- Бляхер М (2013) Гиперрегулирование в системе высшего образования. *Отечественные записки* 55(4): 49–59.
- Бойко ИП (2010) *Данные о заработной плате (доходах из всех источников в СПбГУ) за 2010 год в разрезе факультетов*. Доступно по ссылке: <http://goo.gl/qDMre5> (доступ осуществлен 2 сентября 2014).
- Вишленкова ЕА, Галлиулина РХ и Ильина КА (2012) *Русские профессора. Университетская корпоративность или профессиональная солидарность*. Москва: Новое литературное обозрение.

Галай ЮГ (2010) Коррупция и кумовство при получении ученых степеней в университетах Российской империи. *Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской Академии МВД* 13(2): 19–24.

Гвишиани ДМ (1975) СССР. Наука. В: *Большая Советская Энциклопедия*, Т. 24. Москва: Советская энциклопедия, **СС–СС**.

Голосенко ИА и Козловский ВВ (1995) *История русской социологии XIX–XX вв.* Москва: Онега.

Глотов МБ (2001) *Преподаватели социологии вузов Санкт-Петербурга*. Санкт-Петербург: Общество им. М.М. Ковалевского.

Грэхэм Л и Кантор ЖМ (2011) *Имена бесконечности. Правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве*. Санкт-Петербург: Издательство ЕУСПб.

Губа К и Семенов А (2010) В центре внимания или в центрах внимания? Анализ системы авторитетов локального академического сообщества. *Журнал социологии и социальной антропологии* 3: 133–155.

Губа К (2013) Как устроены журнальные редакции: отбор рукописей в американской социологии. *Laboratorium: Журнал социальных исследований*: 5(3): 66–90

Лахтин ГА, Миндели ЛЭ (2001) Наука в обновленной стране. *Вестник Российской академии наук*, 71(11): 980–987

Ельмеев ВЯ, Долгов ВГ и Галактионов ГГ (2003) Социология в Ленинградском-Санкт-Петербургском университете: История становления. *Журнал социологии и социальной антропологии* 6(3): 25–30.

Журавлев О (2012) Критика и протест на физфаке МГУ 1950-х гг.: политические вопросы. *Варианты* 3. Доступно по ссылке: <http://warianty.blogspot.fi/2010/02/1950.html> (доступ осуществлен 1 сентября 2014).

Иванов АЕ (1994) *Учёные степени в Российской империи. XVIII в. - 1917 г.* Москва: ИРИ РАН.

Иванов АЕ (1991) *Высшая школа России в конце XIX - начале XX в.* Москва: Институт истории СССР АН.

Ильина М, Кравец Н и Соколов М (2003) *Социологи Санкт-Петербурга и Северо-Запада: Кто есть кто*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Калачева О и Федорова К (2006). *Европейский университет от А до Я*. СПб: Европейский университет в Санкт-Петербурге

Капица ПЛ (1998 [1935]) О науке и ее организации в СССР. *Научные труды. Наука и современное общество*. Москва: Наука, 24–48.

Келдыш МВ (1969) Академия наук СССР. В: *Большая Советская Энциклопедия*, Т. 1. Москва: Советская энциклопедия, 316–322.

Климов АЮ (2008) История создания «Положения о производстве в ученые степени» в России (1814–1817). В: *Материалы международной научно-практической конференции «Инновации и подготовка научных кадров высшей квалификации в Республике Беларусь и за рубежом»*. Минск: ГУ БелИСА.

Кнорре А и Соколов М (2013) ‘Тяжеловесы’ российской социологии: Опыт измерения статуса и ресурсов ученых. *Социологические исследования* 10: 77–87.

Козлова ЛА (2001) «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935 годы. *Социологический журнал* 2: 145–158.

Костомаров НИ (1990 [1890]) *Исторические произведения. Автобиография*. Киев: Наука.

Костюшев В (1999) *Социологи Петербурга: Кто есть кто. Индивидуальные члены Санкт-Петербургской ассоциации социологов*. Санкт-Петербург: Специальная литература.

Ладюри Э (2001 [1976]) *Монтайю, окситанская деревня (1294 – 1324)*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.

Лесков С (2004) Вертикаль власти в Академии наук. *Известия*. Доступно по ссылке: <http://izvestia.ru/news/295433> (доступ осуществлен 30 августа 2014).

Лурье С (2002) О кошке, гуляющей самой по себе, и когнитивной функции государства. *Отечественные записки* 7(8): 150–167.

Максимов БИ (2010) «Звездные часы» ленинградской социологии. *Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований* 6(84): 17–19.

Минобрнауки (2006) Порядок и условия применения стимулирующих выплат, обеспечивающих повышение результативности деятельности научных работников и руководителей научных учреждений и научных работников научных центров Российской академии наук. Приложение № 2 к Приказу Минобрнауки РФ N 273 «Об утверждении видов, порядка и условий применения стимулирующих выплат, обеспечивающих повышение результативности деятельности научных работников и руководителей научных учреждений и научных работников научных центров Российской академии наук» от 3 ноября 2006 года.

Москвичев ЛН (1997) *Социология и власть. Сборник. Документы: 1953-1968*. Москва: Academia.

Немировский ВГ (2005) *История социологии*. Москва: Владос.

Олейник А (2011) Underperformance в теории и университетской практике. *Социология науки и технологий* 2: 68–79.

Пономарева ВВ (1999) Академия наук и становление научного знания в России. *Общественные науки и современность* 5: 5–16.

Савельева И и Полетаев А (2009) Зарубежные публикации российских гуманитариев: социометрический анализ. *Вопросы образования* № 4: 199–217.

Саганенко ГИ (2008) О положении в Социологическом институте РАН. Доступно по ссылке: <http://goo.gl/hgsRQ6> (доступ осуществлен 2 сентября 2014)

Сафонова М (2010) Сетевая история петербургской социологии. *Журнал социологии и социальной антропологии* 3: 83–110.

Сафонова М (2012) Сетевая структура и идентичности в локальном сообществе социологов. *Социологические исследования* 6: 107–112.

Соколов М (2013) Что измерил рейтинг Минобрнауки? Статистический анализ. Доступно по ссылке: http://polit.ru/article/2013/05/24/rossiyskie_reitingy/ (доступ осуществлен 1 сентября 2014).

Соколов М (2011) Рынки труда, стратификация и карьеры в советской социологии. *Экономическая социология* 12(4): 37–72.

Соколов М (2010a) Как управляют научной продуктивностью? Опыт Великобритании, Германии, России, США и Франции. Доступно по ссылке: <http://polit.ru/article/2011/03/05/sokolov/> (доступ осуществлен 1 сентября 2014).

Соколов М (2010b) Индивидуальные траектории и происхождение «естественных зон» в петербургской социологии. *Журнал социологии и социальной антропологии* 3: 111–132.

Соколов М (2009) Несколько замечаний о девальвации ученых степеней: Экономико-социологический анализ динамики символов академического статуса. *Экономическая социология* 10(4): 14–30.

Соколов М (2007) Реформируем ли соцфак МГУ: некоторые препятствия на пути студенческой революции. Доступно по ссылке: <http://www.polit.ru/article/2007/05/25/socfak/> (доступ осуществлен 1 сентября 2014).

Соколов М и Волохонский В (2013) Политическая экономия постсоветского вуза. *Отечественные записки* 55(4): 31–48.

Соколов М, Кнорре А и Сафонова М (2014) Теории высшего образования и процесс выбора специальности абитуриентами. *Университетское управление* 90(2): 6–26.

Соколов М и Титаев К (2013) Провинциальная и туземная наука. *Антропологический форум* 19: 239–275.

Титаев К (2012) Академический сговор. *Отечественные записки* 47(2): 184–194.

Топоров В (2003) Мне голос был. *Тайный советник*. Доступно по ссылке: <http://789.ru/news/8171-1174.html> (доступ осуществлен 2 сентября 2014).

Ученый Совет СИ РАН (2009) Открытое письмо Президенту РФ *Медведеву Д. А.* – это подтасовка фактов. Доступно по ссылке: www.si.ras.ru/doc/us.doc (доступ осуществлен 2 сентября 2014).

Фирсов БМ (2012) *История советской социологии 1950-1980-х годов. Очерки. 2-е изд., испр. и доп.* Санкт-Петербург: Издательство ЕУСПб.

Чернова ЖВ и Шпаковская ЛЛ (2011) Стратегии создания учебных планов по социологии в региональных университетах. *Вопросы образования* 2: 236–252.

Шевелев, Л.Е. 1991. *Титулы, мундиры, ордена в Российской империи*. Москва: Наука

Элиас Н (2002 [1969]) *Придворное общество. Исследование по социологии короля и придворной аристократии*. Москва: Языки славянской культуры.

Ядов ВА (1998) *Социология в России*. Москва: ИС РАН.